

От автора абсолютного
супербестселлера «ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»,
переведенного более чем на 30 языков!

Вилла „Аркадия“

ДЖОДЖО МОЙЕС

Пропитан романтикой, интригой
и предательством.

Woman & Home

ИЛ

821.11-31

М 74 | 2020/48-41

Монис Дре.

~~Висеки~~

„Аркад“

М.: 2015-5440

JOJO
MOYES

КНИГИ
ДЖОДЖО МОЙЕС

До встречи с тобой
Девушка, которую ты покинул
Последнее письмо от твоего любимого
Корабль невест
Один плюс один
Серебристая бухта
Вилла «Аркадия»

ДЖОДЖО МОЙЕС

Вилла
„Аркадия“

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М74

Jojo Moyes
FOREIGN FRUIT
Copyright © 2003 by Jojo Moyes
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Коротнян

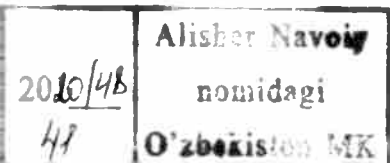
Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ЦСТМБ.

- © Е. Коротнян, перевод, 2014
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-07776-8

V-268438

*Посвящается
Чарльзу Артуру и Кэти Рансиман*

Прошлое каждого закрыто в нем, как книга,
которую он знает наизусть, а его друзья могут
прочитать только название.

Вирджиния Вульф

Пролог

Однажды мама сказала, что можно узнать, за кого выйдешь замуж, если очистить яблоко и швырнуть неразорванную кожуру через плечо. Она образует букву, знаешь ли. Хотя и не всегда. Мамочке так отчаянно хотелось, чтобы все получилось, что она просто отказывалась признать очевидное — кожура скорее походила на семерку или двойку, но мама отыскивала всевозможные «Б» и «Д» непонятно где. Даже если я не знала никакого Б. или Д.

Но с Гаем я обошлась без яблок. Я узнала его в первую же секунду, как увидела; это лицо я знала не хуже собственного имени. Это тот, кто заберет меня от родителей, это тот, кто будет любить меня, обожать меня и растить вместе со мной прекрасных малышей. Это тот, на кого я буду молча смотреть, пока он повторяет за священником свадебную клятву. Его лицо будет первое, что я увижу, проснувшись утром, и последнее с наступлением ночи.

Интересно, а он это понял? Конечно понял. Он ведь спас меня, знаешь ли. Как рыцарь, но не в сияющих доспехах, а в заляпанной грязью одежде. Рыцарь, который явился из темноты и вывел меня на свет. Пусть даже в привокзальном зале ожидания. Когда я ждала последний поезд, ко мне пристали какие-то солдаты. Я ходила на танцы с боссом и его женой и пропустила свой обычный поезд. Солдаты были

здорово пьяны и все время цеплялись ко мне, хотя я прекрасно знала, что нельзя разговаривать с солдатней, отвернулась от них и забилась подальше, в самый угол скамейки, но они не воспринимали «нет» как ответ. Подбирались все ближе и ближе, пока один не начал меня хватать, делая вид, что это шутка, и я ужасно испугалась, потому что было поздно, а вокруг ни души — ни носильщика, ни кого-то еще. Я все время твердила, чтобы они оставили меня в покое, но они не слушали. Не хотели слушать. А потом самый здоровый из них — зверского такого вида — придвинулся ко мне, жуткая, заросшая щетиной рожа, и, обдав меня вонючим дыханием, заявил, что поимеет меня, хочу я того или нет. Конечно, я должна была закричать, но, знаешь ли, не смогла — совершенно застыла от страха.

И тут появился Гай. Он ворвался в зал ожидания и решительно обратился к громиле, поинтересовавшись, понимает ли тот, что делает, а затем пообещал задать ему хорошую трепку. Потом он принял боевую стойку, готовясь сразиться со всеми тремя, а они начали ругаться, один тоже поднял кулаки, но спустя минуту или две эти трусы, продолжая ругаться, сбежали.

Меня трясло, слезы лились в два ручья, а он усадил меня на стул и предложил принести воды, чтобы я успокоилась. Он был так добр. Так мил. А потом он сказал, что подождет рядом, пока не придет поезд. Так он и сделал.

Именно там, под желтыми вокзальными фонарями, я впервые посмотрела ему в лицо. По-настоящему посмотрела. И я поняла, что это он. Точно он.

После того как я рассказала маме, она на всякий случай очистила яблоко, бросила кожуру через мое плечо. Лично мне показалось, что кожура упала в виде буквы «Д». Мама же по сей день клянется, что это определенно была буква «Г». Но к тому времени мы с Гаем давно миновали этап, когда нужны яблоки.

Часть
ПЕРВАЯ

Фредди снова стошнило. На этот раз, судя по всему, травой. В углу рядом с комодом появилась пеннистая зеленая лужица, в которой виднелись целые травинки.

— Сколько раз тебе повторять, болван?! — завизжала Селия, ступившая в эту лужу. — Ты не лошадь!

— И не корова, — услужливо поддакнула Сильвия от кухонного стола, за которым старательно наклеивала картинки бытовых приборов в альбом для вырезок.

— И никакое другое дурацкое животное. Ешь хлеб, а не траву. Кекс. Нормальную еду. — Селия сняла босоножку и, зажав ее двумя пальцами, понесла к кухонной раковине. — Фу! Ты отвратителен! Почему ты это делаешь? Мама, скажи ему. Пусть хотя бы за собой приберет.

— Действительно, Фредерик, дорогой, вытри там все. — Миссис Холден, сидя на стуле с высокой спинкой у огня, искала в газете время начала следующей серии «Диксона из Док-Грин». С тех пор как мистер Черчилль ушел в отставку, сериал служил ей одним из немногих утешений. Равно как и в их с мужем последнем деле. Хотя, разумеется, она упоминала только мистера Черчилля.

Они с миссис Антробус, как она рассказывала Лотти, не пропустили пока ни одной серии и считали передачу просто чудесной. Впрочем, они с миссис Антробус были единственными обладателями телевизоров на Вудбридж-авеню и испытывали некоторое удовольствие, рассказывая соседям, насколько чудесны почти все программы.

— Наведи порядок, Фредди. Фу! И почему только мне достался брат, который питается кормом для животных?

Фредди сидел на полу возле незажженного камина и водил маленьким синим грузовичком по ковру, приподнимая его углы.

— Это не корм для животных, — удовлетворенно пробубнил он. — Господь сказал, вам сие будет в пищу.

— Мама, а теперь он поминает Господа всеу.

— Ты не должен говорить о Господе, — заявила Сильвия, приклеивая фотографию миксера на розовато-лиловый лист сахарной бумаги. — А то Он тебя накажет.

— Я уверена, Господь на самом деле не имел в виду траву, Фредди, дорогой, — рассеянно пробормотала миссис Холден. — Селия, милая, не подашь ли мне очки, прежде чем уйдешь? Шрифт в газетах становится все мельче.

Лотти терпеливо стояла в дверях. День выдался утомительный, и ей не терпелось уйти. Миссис Холден стояла, чтобы они с Селией помогли ей приготовить меренги для церковного базара, хотя обе ненавидели печь. Впрочем, спустя десять минут Селии все-таки удалось отвертеться, сославшись на головную боль. Вот и пришлось одной Лотти выслушивать сетования миссис Холден по поводу яичных белков и сахара и делать вид, что не замечает ее нервных всплескиваний руками и слез на глазах. И вот теперь наконец, когда жуткие меренги испеклись и

благополучно расфасованы по жестянкам, предварительно обернутые пергаментом, — какая неожиданность! — головная боль у Селии чудесным образом прошла. Селия снова обулась и махнула рукой Лотти: мол, пора уходить. Стоя перед зеркалом, она набросила на плечи кардиган и наспех поправила прическу.

— Куда собрались, девочки?

— В кофейню.

— В парк.

Селия и Лотти ответили одновременно и уставились друг на друга в немом укор.

— Мы идем и туда, и туда, — не смущаясь, заявила Селия. — Сначала в парк, затем выпить кофе.

— Они идут целоваться с мальчиками, — сообщила Сильвия, по-прежнему корпевшая над своим занятием. Она держала во рту кончик косы и периодически вынимала его, шелковисто-влажный.

— Чмок-чмок. Целоваться.

— Тогда не пейте слишком много. Сами знаете, кофе вас излишне бодрит. Лотти, дорогая, проследи, чтобы Селия не выпила слишком много. Максимум две чашки. И чтобы к половине седьмого были дома.

— На уроке Библии Бог сказал: да произрастит земля зелень, — подал голос Фредди, подняв глаза.

— И вспомни, как тебе было плохо, когда ты ее наелся, — парировала Селия. — Неужели, мама, ты не заставишь его убрать за собой? Прямо не верится. Ему все сходит с рук.

Миссис Холден взяла принесенные Селией очки и медленно надела их на нос. У нее был вид человека, которому все-таки удастся остаться на плаву во время шторма благодаря убеждению, что он, вопреки очевидным фактам, на самом деле находится на суше.

— Фредди, ступай и попроси Вирджинию принести тряпку. Вот хороший мальчик. А ты, Селия, дорогая, не будь такой ужасной. Лотти, поправь блузку, дорогая. У тебя странный вид. И еще одно, девочки: вы же не собираетесь пялиться на приезжую? Нельзя, чтобы она подумала, будто в Мерхеме живут одни деревенщины, которые стоят и глазуют с открытыми ртами.

Наступила короткая пауза, во время которой Лотти успела заметить, что у Селии слегка порозовели уши. Ее собственные уши даже не потептели: за многие годы она научилась стойко держаться даже в присутствии более суровых дознавателей.

— Из кофейни мы пойдем сразу домой, миссис Холден, — не дрогнув ответила Лотти. И это могло, разумеется, означать все, что угодно.

Это был день большого переезда, когда менялись местами те, кто прибыл субботними поездами с Ливерпуль-стрит, и те, кто неохотно возвращался в город, лишь слегка загорев. В такие дни по тротуарам сновали взад-вперед мальчишки с наспех сколоченными деревянными тележками, доверху нагруженными пухлыми чемоданами. За ними вышагивали изможденные мужчины в своих лучших летних костюмах, под руку с женами, радуясь возможности ценою нескольких мелких монет начать ежегодный отпуск по-королевски. Или хотя бы не тащить самим свой багаж до номера.

Поэтому прибытие в основном осталось незамеченным и необсужденным. Если, конечно, не считать Селию Холден и Лотти Свифт. Они сидели на скамейке в городском парке, протянувшемся на две с половиной мили вдоль Мерхемского побережья, и заворуженно смотрели

во все глаза на мебельный фургон, чей темно-зеленый капот, едва видный под соснами, поблескивал на солнце.

Внизу протянулись влево волнорезы, похожие на темные зубцы расчески, и отлив отступал по мокрому песку, усеянному крошечными фигурками, бросающими вызов яростному не по сезону ветру. Прибытие Аделины Арманд, как позже решили девушки, могло сравниться разве что с прибытием царицы Савской. Точнее, сравнилось бы, соберись царица Савская переехать сюда в субботу, в разгар летнего сезона. Это означало, что все те люди — Колкухоуны, Эллиотты, хозяйки местных пансионов на Променаде и им подобные, которые при обычных обстоятельствах не преминули бы отметить экстравагантность незнакомцев, прибывших с целой горой сундуков, с большими картинами, изображавшими вовсе не членов семьи или мчащихся галопом лошадей, а огромные, беспорядочно нанесенные пятна краски, с бесчисленными стопками книг и явно заморскими предметами искусства, — все те люди не стояли молча у ворот, наблюдая за размеренной процессией, тянувшейся в давно пустовавшую виллу в стиле ар-деко, выстроенную на побережье. Они толпились в очереди у мясной лавки на Марчант-стрит или торопились на собрание Ассоциации владельцев гостиниц.

— Миссис Ходжез говорит, что она дальняя родственница королевской семьи. Венгерской или какой-то там еще.

— Чушь.

Селия посмотрела на подругу, округлив глаза:

— Точно. Миссис Ходжез разговаривала с миссис Ансти, а та знакома со стряпчим или кем-то там еще, кто отвечает за дом, так что она действительно венгерская принцесса.

Тем временем семьи на пляже распределили между собой узкие полоски суши и спрятались за надутыми ветром полосатыми тентами или нашли укрытие в пляжных домиках, не выдержав резкого морского бриза.

— Фамилия Арманд не похожа на венгерскую. — Лотти убрала волосы, лезшие в рот.

— Разве? А ты откуда знаешь?

— Иначе просто ерунда получается. Что венгерской принцессе делать в Мерхеме? Она, безусловно, поехала бы в Лондон. Или в Виндзорский замок. Но только не в эту сонную, обветшалую дыру.

— В Лондон, но не в твой район, — с едва ощутимым пренебрежением произнесла Селия.

— Да, — согласилась Лотти. — Не в мой район.

Тот район Лондона, где когда-то жила Лотти, — восточный пригород, щедро усеянный наспех воздвигнутыми фабриками, за которыми в одну сторону выстроились газовые станции, а в другую на многие акры протянулись неказистые болота, — не мог похвастать ни одной выдающейся личностью. Попав впервые в Мерхем, куда ее эвакуировали в начале войны, Лотти с трудом скрывала смущение, когда местные жители сочувственно интересовались, скучает ли она по Лондону. В такое же замешательство ее приводили расспросы о семье. В конце концов люди перестали спрашивать.

Лотти все-таки вернулась домой на два года, до конца войны. Потом, поскольку между ней и Селией завязалась интенсивная переписка, а миссис Холден любила повторять, что Селии будет полезно иметь подругу-ровесницу и, кроме того, «каждый человек должен внести и свою лепту в общее дело», Лотти пригласили вернуться в Мерхем. Сначала речь шла о каникулах, но каникулы затянулись до начала занятий, и в результате ей предложили

остаться навсегда. Теперь Лотти просто воспринималась как член семьи Холденов. Не родственница, конечно, не совсем им ровня по социальному положению (всем известно, что от акцента Ист-Энда не избавиться за всю жизнь), но ее постоянное присутствие в деревне больше не обсуждалось. Кроме того, Мерхем давно привык, что люди сюда приезжают и больше домой не возвращаются. Море способно забирать людей в плен.

— Отнесем что-нибудь? Цветы, например. Будет предлог, чтобы зайти.

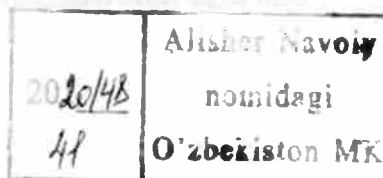
Селии было явно неловко за свое недавнее замечание: не зря она одаривала Лотти своей особой улыбкой в стиле Мойры Ширер¹, выставляя напоказ нижние зубы.

— У меня нет денег.

— Да не в лавке же их покупать. Ты знаешь место, где можно набрать красивых диких цветов. Ты ведь всегда приносишь их маме, — заметила Селия, и в ее последней фразе Лотти уловила явственные нотки обиды.

Девушки соскользнули со скамейки и направились в конец парка, где кованые перила обозначали начало горной тропы. Лотти часто сюда навевывалась летними вечерами, когда шум и подавленная истерия в доме Холденов становились невыносимыми. Ей нравилось слушать крики чаек и коростелей, носившихся над головой, и напоминать себе, кто она такая. Миссис Холден сочла бы подобное самокопание неестественным или, по крайней мере, проявлением излишней снисходительности к собственной персоне, поэтому небольшие букетики цветов, собранные Лотти, служили полезной страховкой.

¹ *Мойра Ширер*, леди Кеннеди (1926–2006) — балерина и актриса кино шотландского происхождения. Стала знаменитой благодаря исполнению главной роли в фильме «Красные башмачки» (1948). — *Здесь и далее прим. перев.*

Почти десять лет жизни в чужом доме также привили ей некую житейскую мудрость, способность адекватно реагировать на возможные домашние неурядицы, что никак не вязалось с ее юным возрастом. Важную роль играло и то, что Селия никогда не видела в ней конкурентку.

— Заметила, сколько шляпных коробок внесли в дом? Семь, никак не меньше, — сказала Селия и наклонилась к цветку. — Как тебе этот?

— Нет, эти сразу завянут. Набери фиолетовых. Там, у большого валуна.

— У нее, должно быть, куча денег. Мама говорит, нужно целое состояние на ремонт. Она разговаривала с малярами, и те признались, что это настоящий свинюшник. Там ведь никто не жил с тех пор, как Макферсоны переехали в Гэмпшир. Сколько прошло?.. Девять лет?

— Не знаю. Никогда не была знакома с Макферсонами.

— Скучная пара. Дальше некуда. Она носила обувь девятого размера. Если верить миссис Ансти, в доме не осталось ни одного приличного камина. Все разворовали.

— И сад совершенно зарос.

Селия остановилась:

— Откуда ты знаешь?

— Бывала там несколько раз во время прогулок.

— Ах ты хитрюга! Почему меня не взяла с собой?

— Тебя никогда не тянуло прогуляться. — Лотти посмотрела мимо нее на грузовой фургон, испытывая прилив волнения. Они давно привыкли к появлению новых людей: как-никак Мерхем — сезонный городок. Сезоны здесь определяют приезжие, которые прибывают и уходят, словно морские приливы и отливы. Но перспектива заселения большого дома наполнила последние две недели радостным ожиданием.

Селия вновь занялась цветами. Пока перебирала их в руке, ветер приподнял ее волосы золотистой волной.

— Думаю, я ненавижу отца, — вслух произнесла она, неожиданно устремив немигающий взгляд куда-то вдаль.

Лотти оцепенела. Она не считала себя вправе обсуждать ужины Генри Холдена с его секретаршей.

— Мама так глупа. Просто делает вид, что ничего не происходит. — Короткую паузу прервал резкий крик чак, кружащих над их головами. — Господи, жду не дождусь, чтобы отсюда уехать, — наконец сказала она.

— А мне здесь нравится.

— Да, но тебе не приходится смотреть, как твой отец ведет себя как полный идиот. — Селия повернулась к Лотти, вытянув руку с букетом. — Ну вот. Как ты думаешь, этого хватит?

Лотти взглянула на цветы:

— Ты действительно хочешь туда пойти? Чтобы поглазеть на ее вещи?

— О, а ты как будто не хочешь, мать настоятельница?

Девочки улыбнулись друг другу и помчались обратно к городскому парку. Их юбки и кардиганы развевались на ветру.

Подъездная аллея к вилле «Аркадия» когда-то была круговой. Оставшиеся соседи еще помнили процессии из длинных автомобилей, которые замирали, скрипнув гравием, перед парадным входом, а затем продолжали двигаться по изящному кругу и выезжали на дорогу. Раньше это был приметный дом, расположенный между железнодорожными путями (эта особенность была столь важной, что все дома в Мерхеме рекламировались как «внутренний» или «внешний»). Построил его Энтони Грешем, старший сын уолтонских Грешемов, когда вер-

нулся из Америки, где заработал себе состояние, создав какую-то деталь к двигателю, которую приобрела компания «Дженерал моторс». Вилла, как он напыщенно заявил, должна напоминать жилище кинозвезды. Он видел особняк в Санта-Монике, владелицей которого была известная актриса немого кино: длинный, низкий, белый, с огромными окнами и маленькими окошками в виде иллюминаторов. Такой дом внушал мысль о блестящем обществе, новых мирах и смелом, ярком будущем (будущее, по иронии судьбы, ему не принадлежало: он погиб в возрасте сорока двух лет под колесами «лендровера»). Когда строительство дома было наконец завершено, некоторые жители Мерхема пришли в ужас от его авангардности и в кулуарах сетовали, что он как-то не совсем «вписывается». Поэтому, когда несколько лет спустя его следующие владельцы, Макферсоны, выехали и дом остался пустовать, некоторые старожилы испытали странное облегчение, хотя и не признавались в этом. Северная сторона подъездной аллеи успела полностью зарости: колючие кусты ежевики и бузины преждевременно обрывали ее у ворот, за которыми когда-то начиналась пляжная тропинка. И вот теперь водители фургонов скрипели коробками передач и ругались, пытаясь после разгрузки разъехаться со стоявшей позади машиной и выбраться обратно на аллею.

Лотти и Селия постояли немного, наблюдая, как краснолицые потные грузчики заносят мебель. Неожиданно из дома выбежала высокая женщина с длинными каштановыми волосами, собранными сзади в строгий узел.

— Стойте! Погодите секунду! — крикнула она, помахав связкой ключей. — Я передвину машину к черному ходу!

— Думаешь, это она? — прошептала Селия, которая почему-то сразу нырнула за ближайшее дерево.

— Откуда мне знать? — Лотти даже перестала дышать. Внезапное замешательство Селии заставило ее почувствовать неловкость.

Они крепче прижались друг к другу и выглядывали из-за ствола, обеими руками придерживая пышные юбки, чтобы те не раздувались.

Женщина села за руль и огляделась, словно раздумывая, что именно следует сделать дальше. Затем, страдальчески закусив губу, повернула ключ зажигания, поборолась с рычагом скорости, сделала глубокий вдох и резко подала назад, с оглушительным грохотом въехав в решетку радиатора стоящего фургона.

Последовала короткая тишина, потом кто-то из мужчин громко выругался и зазвучал продолжительный гудок. Женщина подняла голову, и девушки поняли, что она, похоже, сломала нос. Кровь была повсюду: на светло-зеленой блузе, на руках, даже на руле. Женщина посидела немного, видимо оглушенная, но быстро пришла в себя и посмотрела вниз в поисках чего-нибудь способного остановить кровотечение.

В следующую секунду Лотти осознала, что бежит по заросшей лужайке, зажав в руке носовой платок.

— Вот, — сказала она, добежав до женщины одновременно с орущими людьми, которые начали собираться вокруг машины. — Возьмите. Откиньте голову назад.

Селия, поспешившая за Лотти, глянула в забрызганное лицо женщины.

— Вы очень сильно ударились, — сказала она.

Женщина взяла платок и повернулась к водителю грузовика:

— Простите. Я просто никак не могу освоить переключение скоростей.

— Вам вообще не следует садиться за руль, — заявил мужчина. Его мощное тело со всех сторон выпирало из-под темно-зеленого фартука. В руках он держал то, что осталось от передней фары. — Вы даже не глянули в зеркало заднего вида.

— Я думала, что включила первую. Она очень близко расположена к задней передаче.

— У вас отлетел бампер, — взволнованно сообщила Селия.

— Это даже не мой автомобиль. О боже!

— Взгляните на эту фару! Теперь придется менять весь блок. Потрачу время и деньги.

— Понимаю. — Женщина скорбно кивнула.

— Послушайте, оставьте даму в покое. Она пережила сильный шок. — У дверцы машины появился темно-волосый мужчина в светлом льняном костюме. — Просто скажите мне, каков ущерб, и я все улажу. Френсис, ты сильно пострадала? Врача вызвать?

— Ей не следовало садиться за руль, — качая головой, повторил шофер.

— А вам не следовало останавливаться так близко! — выпалила Лотти, возмущенная отсутствием сочувствия с его стороны.

Шофер даже не взглянул в ее сторону.

— Мне так жаль, — пробормотала женщина. — О боже! Что стало с моей юбкой!

— Так сколько? Пятнадцать шиллингов? Фунт? — Молодой человек начал отсчитывать банкноты из пачки, достав ее из внутреннего кармана. — Вот, забирайте. И пятерка сверху за беспокойство.

Шофер сразу успокоился. Скорее всего, он даже не владелец фургона, подумала Лотти.

— Что ж, ладно, — кивнул он. — Думаю, теперь все в порядке. — Он быстро убрал деньги, дальновидно прикинув, что лучше не искушать судьбу. — Раз так, мы продолжим. Пошли, ребята.

— Погляди на ее юбку, — прошептала Селия, подтолкнув подругу локтем.

Юбка Френсис с ярким принтом ивовых деревьев доходила почти до щиколоток и выглядела на удивление старомодно.

Лотти невольно занялась изучением остального наряда женщины: туфли чуть ли не Эдвардианской эпохи, длинная нитка круглых янтарных бус...

— Богема! — прошипела она.

— Давай, Френсис. Нужно зайти в дом, пока ты не залила весь салон кровью. — Молодой человек сунул в рот сигарету и, осторожно поддерживая женщину за локоть, помог ей вылезти из машины.

Она направилась к дому, потом резко обернулась:

— Ой, ваш прелестный платочек. Я запачкала его кровью. — Она взглянула на него. — Вы из местных? Прошу вас, зайдите в дом, выпейте чая. А мы тем временем попросим Марни замочить его. Это самое меньшее, что я могу сделать. Джордж, позови Марни, а то я могу тебя забрызгать.

Лотти и Селия переглянулись.

— Это было бы чудесно, — сказала Селия.

И только когда за ними закрылась дверь, Лотти вспомнила, что цветы они оставили на дорожке.

В главном холле Селия уже не казалась такой уверенной. Более того, она так резко затормозила, что Лотти, отвлекшись на минуту, больно ткнулась носом в ее затылок. Это произошло не столько из-за врожденной нере-

шительности Селии (которую малыши в семье прозвали Острые Локотки), сколько из-за того, что она оказалась перед огромной картиной, прислоненной к изогнутым перилам лестницы прямо напротив входа. На этой картине, написанной маслом в пастозной технике, была изображена лежащая обнаженная женщина. Судя по позе, не из скромных, решила Лотти.

— Марни! Марни, ты там?! — крикнул Джордж, шедший впереди по плиточному полу мимо громоздившихся ящиков. — Марни, не могла бы ты принести нам теплой воды? Френсис больно ударилась. И нельзя ли между делом приготовить чай? У нас гости.

Из соседней комнаты послышался приглушенный ответ, хлопнула дверь. При отсутствии ковров и мебели звук усиливался, отражаясь от каменного пола в почти пустом помещении. Селия вцепилась в руку Лотти.

— Как ты думаешь, нам остаться? — прошептала она. — Какие-то они... несерьезные.

Лотти озиралась по сторонам: множество огромных картин, свернутые ковры у стены, похожие на согбленных старцев, африканские деревянные фигурки женщин с раздутым животом. Совсем не похоже на те дома, что она знала: дом ее родной матери — тесный, темный, забитый дубовой мебелью и дешевыми фарфоровыми побрякушками, насквозь пропахший угольной пылью и вареными овощами, не знающий покоя от игр соседской ребятни и шумного движения на улице; жилище Холденов — приземистый, удобный, семейный дом в псевдотюдоровском стиле, ценный не только тем, что в нем размещено, но и своей историей. Мебель в доме была унаследована, и к ней полагалось проявлять почтение — даже большее, чем к его обитателям. Запрещалось ставить на нее чашки, а детям — спотыкаться об нее. Все это, как го-

ворила миссис Холден, полагалось «передать дальше», словно они сами были просто охранниками этих деревняшек. Дом постоянно готовили для кого-то: прибирали к приходу «дам», наводили порядок для доктора Холдена «к его возвращению с работы», а миссис Холден была этаким хрупким маленьким королем Кнудом¹, отчаянно старавшимся избавиться от неистребимой грязи и вечного беспорядка.

И вот этот дом — белый, яркий, чужой; необычной угловатой формы, с широкими, низкими матовыми окнами или иллюминаторами, сквозь которые можно увидеть море, наполненный экзотическими сокровищами, во всей его экзотической красе. Дом, где каждый предмет имел свою историю, начавшуюся в заморских землях. Лотти вдохнула запах соли, пропитавший стены за много лет, с примесью свежей краски. Почему-то он ее пьянил.

— Чай — это ведь так безобидно, правда?

Селия помолчала, взглядываясь в ее лицо.

— Только не говори маме. Она будет ругаться.

Они последовали за скорбной Френсис в главную гостиную, заполненную светом из четырех окон, выходящих на залив, два средних окна образовывали полукруглый эркер. У дальнего окна справа двое мужчин боролись с карнизом и тяжелыми портьерами, а слева молодая женщина, стоя на коленях в углу, расставляла книги в книжном шкафу со стеклянными дверцами.

— Это новая машина Джулиана. Он придет в ярость. Лучше бы я позволила тебе ее переставить. — Френсис

¹ *Кнуд Великий* — король Дании, Англии и Норвегии (ум. 1035). По легенде «Король Кнуд и море», рассказанной для детей Джеймсом Болдуином, король осознал, что не всесилен.

опустилась на стул, проверяя, нет ли на платке свежей крови.

Джордж наливал ей большую порцию коньяка.

— Я разберусь с Джулианом. Лучше скажи, как твой нос, а то ты выглядишь словно с картины Пикассо, дорогая. Как думаешь, нам нужен врач? Аделина! Ты знаешь какого-нибудь врача?

— Мой отец врач, — подала голос Селия. — Я могла бы позвонить ему, если хотите.

Прошло несколько секунд, прежде чем Лотти заметила еще одну женщину. Та сидела абсолютно прямо на маленькой софе, скрестив ноги и сцепив руки перед собой, как будто суэта вокруг совершенно ее не касалась. Волосы женщины, иссиня-черные, как вороново крыло, прилегали к голове блестящими волнами, платье из красного восточного шелка было не по моде длинным и узким, поверх него она надела жакет, расшитый павлинами с радужным оперением. У нее были огромные темные глаза, подведенные сурьмой, и маленькие, как у ребенка, ручки. Она сидела так неподвижно, что, когда кивнула в приветствии, Лотти чуть не подпрыгнула.

— Какая прелесть! Послушай, Джордж, не успели мы приехать, как ты уже нашел нам скаутов. — Женщина улыбнулась медленно и ласково, словно зачарованная.

Говорила она с каким-то явно иностранным акцентом, возможно с французским. Слова звучали тихо, загадочно, будто произносившая их слегка забавлялась. Что касается ее наряда и косметики, это было что-то невероятное, далеко выходящее за рамки возможного, даже для тех, чей жизненный опыт не ограничивался двумя полюсами — Мерхемом и Уолтоном. Лотти остолбенела. Взглянув на Селию, она убедилась, что подруга тоже ничего не понимает.

— Аделина, познакомься... О боже, я ведь даже не спросила, как вас зовут. — Френсис прижала руку ко рту.

— Селия Холден. И Лотти Свифт, — сообщила Селия, выделывая что-то непонятное ногами. — Мы живем за парком. На Вудбридж-авеню.

— Девочки были так любезны, что одолжили мне свой носовой платок, — пояснила Френсис. — Я его сильно испачкала.

— Бедняжка. — Аделина взяла Френсис за руку.

Лотти наблюдала за ними, ожидая ласкового пожатия или похлопывания. Вместо этого, нежно поглаживая руку, Аделина поднесла ее к рубиновым губам и на глазах у всех без намека на смущение медленно наклонилась и поцеловала.

— Как это ужасно для тебя.

Наступила короткая тишина.

— О, Аделина, — печально сказала Френсис и убрала руку.

Лотти, у которой перехватило дыхание от такой эксцентричной демонстрации, не предназначенной для чужих глаз, даже не смела взглянуть на Селию.

Но затем Аделина, после секундной паузы, вновь повернулась к присутствующим, и теперь ее улыбка была ослепительно-яркой.

— Джордж, я не успела тебе сказать. Себастьян прислал нам из Суффолка артишоки и яйца вальдшнепов. Разве это не мило? Мы сможем приготовить их на ужин.

— Хвала Господу. — Джордж к тому времени успел присоединиться к работникам у окна и теперь помогал им навешивать карниз. — А то у меня душа не лежала к жареной рыбе с картошкой.

— Не будь таким снобом, дорогой. Нет ничего чудеснее жареной рыбы с картошкой. Правда, девочки?

— Мы, право, не знаем, — поспешила ответить Селия. — Мы ходим только в приличные рестораны.

Лотти прикусила язык, вспомнив, что всего лишь на прошлой неделе они сидели на волнорезе с братьями Уэстерхаус и уплетали жареного ската с промасленной газеты.

— Разумеется, — тихо и томно произнесла Аделина с легким акцентом. — Вы молодцы. А теперь, девушки, назовите мне самое лучшее, что есть в Мерхеме.

Селия и Лотти недоуменно переглянулись.

— Да нет тут ничего особенного, — начала Селия. — Жить здесь довольно скучно. Есть теннисный клуб, но зимой он закрыт. А еще кинотеатр, но киномеханик часто болеет, а заменить его некому. Если хочется провести время в каком-нибудь шикарном месте, приходится ехать в Лондон. Большинство так и делают. Если вы хотите провести по-настоящему хороший вечер — пойти в театр или первоклассный ресторан... — Она трещала, напустив на себя беспечный вид, но все равно спотыкалась о собственную ложь.

Лотти посмотрела на Аделину и увидела, что ее улыбка слегка померкла.

— Море, — выпалила она, испугавшись, что эта женщина потеряет к ним интерес.

Аделина повернулась к ней, слегка приподняв брови.

— Море, — повторила Лотти, стараясь не обращать внимания на разъяренную Селию. — То есть жизнь у моря. Это самое лучшее — слышать его шум день и ночь, вдыхать его запах, гулять вдоль берега и смотреть за горизонт, где скругляется земля... Сознать, что там, в глубине, происходит столько всего такого, что нам никогда не увидеть и не узнать. Словно за твоим порогом сразу начинается какая-то великая тайна... А еще штормы. Когда

волны перехлестывают через волнорез, ветер гнет деревья как траву, а ты наблюдаешь за всем этим, сидя в доме, где тепло, сухо и уютно... — Она запнулась, поймав возмущенный взгляд Селии. — Во всяком случае, именно это мне нравится.

В наступившей тишине казалось, что она дышит неестественно громко.

— Прекрасно, — произнесла Аделина и так пристально посмотрела на Лотти, что девушка разругнулась. — Я уже рада, что мы сюда переехали.

— Так насколько сильно она повредила фургон? Думаешь, они привезут его в мастерскую отца? — Джо отодвинул пустую кофейную чашку на край пластиковой стойки, вид у него был серьезный. Впрочем, у Джо всегда был такой вид. На людей он смотрел с какой-то почтительной озабоченностью, что совершенно не вязалось с его веснушчатым румяным лицом.

— Не знаю, Джо. Разбита была всего лишь фара или еще что-то.

— Да, но ремонтировать все равно нужно.

За его спиной, иногда заглушаемая звоном дешевой посуды и скрипом передвигаемых стульев, звучала песня Альмы Коган «Dreamboat». Лотти разглядывала некрасивые черты своего спутника, жалея, что вообще упомянула о визите к Аделине Арманд. Джо всегда задавал не те вопросы и обычно сводил всякий разговор к отцовскому гаражу. Джо, как единственный сын, однажды унаследует разваливающийся бизнес, это тяжелое наследство уже давило на него, словно бремя, которое суждено взвалить на свои плечи принцу-регенту. Она-то надеялась своим доверительным рассказом мысленно перенести его к странным, экзотическим людям, в тот огромный дом, похо-

жий на океанский лайнер, чтобы он тоже вырвался, быть может, из тесноты маленького мирка курортного Мерхе-ма. Но Джо интересовался только земными делами, его воображение ограничивалось домашними заботами: как же их горничная приготовила чай, если они еще не успели распаковать сундуки? Какую именно фару разбила та женщина? Не разболелась ли у них всех голова от запаха свежей краски? И Лотти вдруг разозлилась на себя за то, что рассказала ему о необычном визите, и почувствовала неодолимое желание описать картину с голой женщиной, просто чтобы заставить его покраснеть. Джо имел обыкновение краснеть по любому поводу.

Она бы обсудила все это с Селией, но Селия с ней не разговаривала. С тех самых пор, как они вернулись домой. Правда, по дороге Селия не умолкала:

— Ты что, нарочно сконфузила меня перед теми людьми? Лотти! Поверить не могу, что ты наболтала столько ерунды насчет моря. Можно подумать, тебе не все равно, какая там обитает рыба, — ты ведь даже плавать не умеешь!

Лотти хотелось поговорить с ней об истории венгерских принцесс и о том, что Аделина поцеловала руку Френсис, словно ее почитательница, а также о том, кем им приходится Джордж (не похоже, чтобы он был мужем одной из них: слишком большое внимание он оказывал обеим женщинам). Ей хотелось поговорить об Аделине, которая сидела сложа руки на софе и ничего не делала, когда вокруг столько работы и в доме царит полный хаос.

Но Селия в эту минуту увлеченно беседовала с Бетти Крофт, обсуждая возможность поездки в Лондон до конца лета. Поэтому Лотти ничего не оставалось, как только сидеть и ждать, когда утихнет эта летняя буря.

Только беда в том, что Селия рассердилась на Лотти не на шутку. Время шло, облака на небе становились темнее, наливаясь дождем, кафе заполнили непослушные дети с раздраженными родителями, которые несли в руках мокрые, грязные пляжные полотенца, а она по-прежнему не обращала внимания на Лотти — ни на ее попытки вступить в разговор, ни на ее предложение отведать кусочек пудинга. Даже Бетти, которой обычно нравилось наблюдать яростные перепалки между подругами, начала испытывать неловкость.

«О боже, — подумала Лотти, безропотно смиряясь, — мне еще аукнется тот визит».

— Пожалуй, пойду домой, — вслух произнесла она, глядя на кофейную гущу на дне чашки. — Погода портится.

Джо поднялся с места:

— Тебя проводить? У меня есть зонтик.

— Как хочешь.

В одной из комнат, должно быть кабинете, у стены стоял портрет Аделины Арманд. Не обычный портрет, а какой-то неряшливый, небрежный, словно художник не видел как следует, куда класть краски, и делал мазки наугад. Но все равно в портрете угадывалась хозяйка дома. Ее иссиня-черные волосы. Ее полуулыбка.

— В субботу над Клактоном прошла буря. Снег в апреле, можешь поверить?

Ей было наплевать на машину. Она даже не захотела взглянуть, каков ущерб. А тот мужчина — Джордж — отсчитал несколько банкнот так, словно это были простые бумажки.

— В теплый солнечный день вдруг посыпал град — и все за какие-то пару часов. А ведь на пляже отдыхали

люди. Полагаю, некоторые из них даже плавали. Ты промокнешь, Лотти. Держись за меня.

Лотти просунула руку под локоть Джо и обернулась, чтобы разглядеть фасад виллы «Аркадия». Единственный дом из всех, что она когда-либо видела, который одинаково величественно смотрелся со всех сторон. Видимо, архитектор не мог допустить, чтобы вид сзади или сбоку уступал фасаду.

— Джо, ты бы хотел жить в таком доме? — Лотти остановилась, не обращая внимания на дождь. У нее слегка кружилась голова, словно события дня выбили ее из равновесия.

Джо посмотрел на нее, затем бросил взгляд на дом и слегка нагнулся, проверяя, хорошо ли она укрыта зонтом.

— Слишком уж он похож на корабль.

— Но это и хорошо. Ведь рядом море.

Джо выглядел озабоченным, словно не мог ухватить суть ее слов.

— Представь. Можно помечтать, что ты на лайнере. Плынешь в океане. — Лотти закрыла глаза, на секунду забыв о ссоре с Селией и воображая себя на верхних этажах дома. Как повезло той женщине, что вокруг нее столько простора, столько места, чтобы посидеть и помечтать. — Если бы у меня был такой дом, я бы, наверное, стала самой счастливой девушкой в мире.

— Я бы хотел дом с видом на бухту.

Лотти удивленно взглянула на Джо. Никогда раньше он не говорил о своих желаниях. Именно это качество делало его таким легким, хотя и не очень интересным собеседником.

— Правда? Ну а я хотела бы дом с видом на бухту, с окнами-иллюминаторами и огромным садом.

Джо слегка улыбнулся, уловив какие-то нотки в ее тоне.

— И с огромным прудом, в котором плавали бы лебеди, — добавила она, поощряя его продолжить.

— И с араукарией, — сказал он.

— О да! — воскликнула она. — Непременно с араукарией! И с шестью спальнями, а еще с отдельной гардеробной. — Теперь они шли медленнее, лица их порозовели от мелкого дождя, принесенного с моря.

Джо задумчиво нахмурил лоб:

— И с пристройкой на три машины.

— Вечно ты со своими машинами! Я хотела бы большой балкон, чтобы выйти туда из спальни и оказаться над морем.

— Под балконом — бассейн. Чтобы можно было просто прыгнуть с него, если захочешь окунуться.

Лотти расхохоталась:

— С утра пораньше! Прямо в ночнушке! Точно! А на первом этаже — кухня, чтобы горничная подала мне завтрак, когда я наплаваюсь вдоволь.

— И стол, прямо у бассейна, чтобы я мог сидеть там и наблюдать за тобой.

— А еще один из тех больших зонтов... Что ты ска... — Лотти замедлила шаг. Улыбка исчезла с ее лица, и она краем глаза настороженно посмотрела на Джо. Ей даже показалось, что он уже не так крепко держит ее руку, как будто ожидает, что она вот-вот отстранится. — Ох, Джо... — Лотти вздохнула.

Они начали молча карабкаться вверх по крутой тропе. Одинокая чайка полетела впереди них, временами опускаясь на перила, убежденная, вопреки очевидному, что сейчас обязательно появится угощение.

Внезапно рассердившись, Лотти махнула рукой, прогоняя птицу.

— Я уже говорила тебе, Джо, что в этом смысле ты меня не интересуешь.

Джо смотрел прямо перед собой, щеки его слегка побавровели.

— Ты действительно мне нравишься. Даже очень. Но не так, как тебе хотелось бы. И очень тебя прошу больше об этом не говорить.

— Я просто решил... Я подумал... когда ты заговорила о доме...

— Это была игра, Джо. Глупая игра. Ни у тебя, ни у меня никогда не будет дома даже в два раза меньше «Аркадии». Идем. Не дуйся, пожалуйста. Или я буду вынуждена пойти дальше одна.

Джо остановился, отпустил руку Лотти и повернулся к ней лицом. Он помрачнел и казался совсем юным.

— В таком случае обещаю, что больше никогда не заговорю об этом. Но если бы ты вышла за меня, Лотти, тебе не пришлось бы возвращаться в Лондон.

Она взглянула на зонт, затем отодвинула его от себя, позволив морским брызгам и дождю покрыть ее голову тонким туманом.

— Я не собираюсь замуж. И, как я уже говорила, не собираюсь возвращаться, Джо. Никогда.

Миссис Колкухоун сделала глубокий вдох, разгладила спереди юбку и кивнула пианистке. Ее гнусавое сопрано взмыло вверх, словно юный скворец, совершающий первый робкий полет, и полетело в дальний конец переполненной комнаты, после чего рухнуло вниз, как подстреленный жирный фазан, заставив Сильвию и Фредди, нашедших убежище за кухонной дверью, сползти на пол, зажимая рты и хватаясь друг за дружку, чтобы не дать вырваться наружу безудержному хохоту.

Лотти пыталась удержать улыбку, покусывая губы.

— Я бы не слишком веселилась, — прошептала она не без удовольствия. — Ты записана выступить с ней в дуэте на собрании «Вдов и сирот».

За шесть коротких месяцев, прошедших с момента возникновения «салонов» миссис Холден, они приобрели некую славу (или сомнительную известность — никто точно не знал) в культурных сферах мерхемского общества. Почти все, кто считал себя уважаемым в городе человеком, посещали раз в две недели субботние собрания, заведенные миссис Холден в надежде скрасить, как она

выразилась, «легкой ноткой культуры» жизнь приморского городка. Дам приглашали прочесть отрывок из какой-нибудь хорошей книги (выбор этого месяца пал на избранные произведения Джорджа Герберта¹), или сыграть на пианино, или, если кто-то наберется храбрости, спеть песенку. В конце концов, разве есть у их друзей в этом городе хоть какие-то причины полагать, что они живут в вакууме?

И если в голосе миссис Холден звучал намек на печаль, когда она задавала этот вопрос (что делала часто), в том виновата кузина Анджела, которая жила в Кенсингтоне и однажды со смехом заметила, что культурную жизнь Мерхема в большой степени обогатило бы строительство пирса. От этих слов улыбка миссис Холден, не сходявшая с ее лица, заметно дрогнула, и прошло несколько месяцев, прежде чем она сумела заставить себя вновь пригласить Анджелу.

Посещаемость, однако, не гарантировала качества, что доказывали вокальные потуги миссис Колкухоун. Несколько дам быстро заморгали и принялись чаще, чем было необходимо, прикладываться к своим чашкам чая. Когда миссис Колкухоун подобралась к мучительному финалу, многие начали украдкой переглядываться. Очень трудно решить, какую степень честности от тебя ожидают.

— Не стану утверждать, будто лично с ней знакома, но она сама называет себя актрисой, — сообщила миссис Ансти, когда утихли робкие аплодисменты. — Она вчера разговаривала с моим Артуром, когда заглянула купить крем для рук. Очень оказалась... разговорчивой. — В по-

¹ *Джордж Герберт* (1593–1633) — поэт «метафизической школы». Обогастил английскую поэзию новыми стихотворными формами.

следнее слово она сумела вложить некую долю неодобрения.

Вот за этим и пришли дамы. Посторонняя болтовня закончилась, несколько женщин даже наклонились вперед над своими чашками.

— Она венгерка?

— Неизвестно. — Миссис Ансти явно наслаждалась своей ролью просветителя. — Мой Артур даже отметил, что для женщины, которая так много говорит, она почти ничего о себе не рассказала.

Дамы переглянулись, приподняв брови, словно это обстоятельство само по себе являлось подозрительным.

— Предполагается, что имеется муж. Но я не видела даже его тени, — сказала миссис Чилтон.

— А я часто вижу там какого-то мужчину, — заявила миссис Колкухоун, все еще разгоряченная после своих певческих экзерсисов. Впрочем, она часто пребывала в состоянии разгоряченности: с тех пор как из Кореи вернулся муж, она была сама не своя. — Моя Джуди спросила их горничную, кто это, а та просто ответила: «О, это мистер Джордж» — как будто что-то объяснила.

— Он ходит в льняных костюмах. Причем все время. — По мнению миссис Чилтон, это была настоящая экстравагантность. Миссис Чилтон была вдовой, владелицей «Аплендса» — одного из самых больших пансионатов на Променаде. При обычных обстоятельствах ее не допустили бы на это собрание, но, как миссис Холден объяснила Лотти, все знали, что Сара Чилтон выбрала в мужа неровню, а после смерти мужа приложила огромные усилия, чтобы вернуть себе былое положение. К тому же она управляла очень уважаемым заведением.

— Дамы, могу ли я предложить еще чая? — Миссис Холден наклонилась к кухонной двери, стараясь не пере-

гибаться слишком сильно из-за тесного корсета, который она купила на размер меньше, о чем Селия с насмешкой сообщила Лотти. Он оставлял огромные красные рубцы вокруг бедер. — Куда подевалась эта девушка? Все утро бегают неизвестно где.

— Она сказала моей Джуди, что не хотела переезжать. Они, видите ли, жили в Лондоне. Кажется, уехали оттуда в большой спешке.

— Что ж, меня не удивляет, что она из театрального мира. Одевается она очень вызывающе.

— Это еще мягко сказано, — фыркнула миссис Чилтон. — Такое впечатление, что она выбирает вещи из коробки с детскими нарядами.

По комнате пробежал легкий смешок.

— Нет, вы ее видели? Вся в шелках и украшениях — и это в одиннадцать часов утра! На прошлой неделе она зашла в пекарню в мужской шляпе. Фетровой! Миссис Хаттон с Променада настолько опешила, что ушла с полдюжиной кремовых трубочек, которые не заказывала.

— Ладно, дамы, — сказала миссис Холден, не одобрявшая сплетен. Лотти всегда подозревала, что это объяснялось ее небезосновательным опасением самой стать предметом обсуждения. — Кто следующий? Сара, дорогая, вы разве не собирались прочесть нам что-то прелестное из Вордсворта? Или это был снова мистер Герберт? Стихотворение про метлу?

Миссис Ансти осторожно вернула чашку на блюдце.

— Могу сказать только, что, по-моему, она немного странная. Назовите меня старомодной, но я во всем люблю порядок. Один муж. Дети. И никаких поспешных переездов.

Со всех сторон последовали многочисленные кивки.

— Давайте почитаем из Джорджа Герберта. «Я громко стукнул кулаком: но, всё! Испил до дна!»¹ Так, кажется? — Миссис Холден поискала взглядом книгу на низком столике. — Никогда не могу запомнить точные слова. Дейрдре, у вас есть экземпляр?

— Она до сих пор никого не пригласила посмотреть дом. Хотя, насколько я слышала, вместе с ней там поселились самые разные люди.

— Следовало бы ожидать небольшого приема. Даже Макферсоны устроили небольшой прием. Это всего лишь знак вежливости, если на то пошло.

— Может быть, что-то из Байрона? — едва ли не взмолилась миссис Холден. — Как насчет Шелли? Никак не вспомню, кого вы называли. Да где же эта девушка? Вирджиния! Вирджиния!

Лотти бесшумно скользнула за дверь. Она старалась не попадаться миссис Холден на глаза, не раз получая выговоры за свою «пристальность». Недавно миссис Холден сказала, что Лотти как-то странно смотрит на людей и они чувствуют себя неловко. Лотти тогда ответила, что ничего не может поделать: с тем же успехом ее можно обвинить в том, что у нее волосы прямые или руки не той формы. А про себя подумала, что, наверное, только миссис Холден испытывает неудобство. Впрочем, в последнее время миссис Холден, кажется, от всего испытывала неудобство.

Лотти знала, что хозяйка дома пыталась прервать обсуждение актрисы еще и потому, что Аделина Арманд тоже заставляла ее испытывать неудобство. Когда она услышала, что доктор Холден побывал на вилле, чтобы

¹ Стихотворение Дж. Герберта «Ярмо» в переводе Дмитрия Щедровицкого.

осмотреть нос Френсис, у нее начал подергиваться подбородок — точно так же, как когда доктор говорил, что «сегодня немного опоздает на ужин».

Тем временем в соседней комнате появилась наконец Вирджиния и забрала поднос. Ее приход вынудил всех ненадолго притихнуть. Миссис Холден, выдохнув с облегчением, начала хлопотать, гоняя девушку то к одной, то к другой гостье.

— Завтра состоится собрание Ассоциации владельцев гостиниц, — смахивая с уголков рта несуществующие крошки, объявила миссис Чилтон, когда горничная ушла. — Есть мнение, что нам всем следует поднять цену.

Об Аделине Арманд на время забыли. Хотя дамы, собравшиеся в салоне, не принадлежали к тем семьям, которые зависели от сезонного бизнеса (миссис Чилтон была единственной, кто действительно работал), мало у кого в Мерхеме доходы не возрастали благодаря летним отдыхающим. Почти у всех летом дела шли в гору, а потому мистер Ансти, владелец аптеки, мистер Бертон, хозяин ателье сразу за Променадом, даже мистер Колкухоун, сдававший в аренду туристам свое нижнее поле с передвижными домиками, и многие другие обращали особое внимание на мнения и решения целиком женской всеильной Ассоциации владельцев гостиниц.

— Некоторые подумывают о десяти фунтах в неделю. Столько берут во Фринтоне.

— Десять фунтов! — пронесся по гостиной шепот.

— В таком случае они предпочтут Уолтон, даже не сомневайтесь. — Миссис Колкухоун неожиданно побледнела. — Как-никак в Уолтоне есть развлечения.

— Что ж, должна сказать, Дейрдре, тут я с тобой согласна, — заявила Сара Чилтон. — Лично мне не кажется, что они такое потерпят. К тому же весна нынче не-

настная, так что нам лучше не перегибать палку. Но что касается ассоциации, то я оказалась в меньшинстве.

— Но десять фунтов!

— Те, кто сюда приезжает, делают это не ради развлечений. Им нужен более... спокойный отдых.

— И они могут себе его позволить.

— Сейчас никто не может себе его позволить, Элис. Ты знаешь хоть кого-нибудь, кто готов швырять деньги направо и налево?

— Давайте не будем говорить о деньгах, — попросила миссис Холден, когда Вирджиния вернулась со свежим чаем. — Это как-то... вульгарно. Пусть денежными вопросами занимаются дамы из ассоциации. Я уверена, они лучше знают, как поступить. Скажите-ка нам, Дейрдре, что вы сделали со своими талонными книжками? Сара, для вас, должно быть, большое облегчение, что гостям больше не приходится их привозить. Я хотела выбросить наши в помойное ведро, но дочь заявила, что нам следует поместить их в рамочку. Только представьте! В рамочку!

У Лотти Свифт были темные, почти черные глаза и прямые каштановые волосы, какие обычно встречаются у представителей азиатских субконтинентов. Летом ее кожа сразу покрывалась загаром, а зимой приобретала желтоватый оттенок. Нежелательность такой смуглости, хотя и неяркой, была одной из тех немногих вещей, по поводу которых мама Лотти и Сьюзен Холден, будь они знакомы, пришли бы к согласию. Там, где Селия по доброте душевной видела смуглую Вивьен Ли или Джин Симмонс, мама Лотти всегда видела лишь «мазок дегтярной кисти» или вечное напоминание о португальском матросе, с которым познакомилась, когда праздновала свое восемнадцатилетие возле доков в Тилбери. Знаком-

ство оказалось коротким, но с далеко идущими последствиями.

— В тебе течет отцовская кровь, — с упреком бормотала она, пока Лотти росла. — Уж лучше б ты исчезла вместе с ним. — После этого она обычно яростно притягивала к себе девочку в удушающем объятии и тут же резко отстраняла, словно подобное проявление чувств допускалось только в определенных пределах.

Миссис Холден была не столь безапелляционна и лишь советовала Лотти чуть больше выщипывать брови. А еще она не считала разумным так много времени проводить на солнце: «Помни, какой темной ты становишься от загара. Ты же не хочешь, чтобы люди принимали тебя за... хм, цыганку или еще кого». В ее голосе проскальзывала жалость. Отпустив подобное замечание, миссис Холден замолкала, словно опасалась, что сказала слишком много. Однако Лотти не обижалась. Трудно обижаться на того, кого ты сам жалеешь.

Аделина Арманд придерживалась другого мнения. Она считала, что смуглость Лотти вовсе не свидетельство ее низкого статуса или недостатка породы, а, скорее, доказательство экзотичности, которую Лотти еще предстоит почувствовать, проявление необычной красоты.

— Френсис обязательно должна тебя нарисовать. Френсис, слышишь? Только не в этом ужасном наряде. Саржа и хлопок! Нет, возьмем что-нибудь яркое. Что-нибудь шелковое. Иначе, Лотти, дорогая, ты затмеваешь те вещи, что носишь. Ты... тлеешь. Разве нет?

Ее акцент был настолько сильным, что зачастую Лотти стоило большого труда правильно уловить смысл сказанного и быть уверенной, что ее не оскорбляют.

— Скорее, плесневеешь, — фыркнула Селия, очень недовольная комментариями Аделины.

Она привыкла быть центром внимания, но Аделина насчет ее внешнего вида только и сказала: «Очаровательна, типичная англичанка». Слово «типичная» ужалило особенно больно.

— Она похожа на Фриду Кало¹. Тебе так не кажется, Френсис? Глаза, например. Ты кому-нибудь позировала?

Лотти непонимающе взглянула на Аделину. «Что делала?» — хотелось спросить ей.

Аделина ждала.

— Нет, — вмешалась Селия. — А вот я позировала. Несколько лет назад мы сделали семейный портрет для нашей гостиной.

— А-а... Семейный портрет. Очень... достойная живопись, не сомневаюсь. Ну а ты что скажешь, Лотти? Твоя семья тоже позировала для портрета?

Лотти взглянула на Селию, представляя, каким мог бы быть этот портрет. Вместо того чтобы принять элегантную позу, сложив руки на коленях, как на портрете Сьюзен Холден, висевшем над каминной полкой в гостиной, мать сидела бы, нахмурившись и недовольно поджав губы: загрубевшие, испещренные пятнами от шитья обуви на фабрике руки, жиденькие крашеные волосенки, залитанные назад после безуспешной попытки накрутить их на бигуди и закрепленные двумя некрасивыми заколками. А рядом стояла бы Лотти с бесстрастным, как всегда, лицом и внимательным взглядом. И там, где позади своей семьи стоял доктор Холден, на их портрете осталась бы большая зияющая дыра.

— Лотти какое-то время не видела свою семью, правда, Лот? — вступилась за нее Селия. — Наверное, ты даже не помнишь, есть ли у вас портрет или нет.

¹ *Фрида Кало* (1907–1954) — мексиканская художница и график, жена Диего Риверы, наиболее известная своими автопортретами.

Селия прекрасно знала, что самое большее, на что оказалась способна мать Лотти в плане портрета, — это позировать для общей фотографии работниц на открытии фабрики «Кожаный эмпориум» сразу после войны. Мать Лотти тогда вырезала фотографию, и Лотти хранила ее, даже когда та пожелтела и начала рассыпаться, хотя лицо матери получилось таким маленьким и нечетким, что невозможно было определить, она это или нет.

— По правде говоря, я больше не езжу в Лондон, — медленно произнесла девушка.

Аделина наклонилась к ней:

— В таком случае мы обязательно должны написать твой портрет, чтобы ты подарила его своим родным, когда увидишься с ними. — Она дотронулась до руки Лотти, и та, замороженная сложным макияжем ее глаз, подпрыгнула. Наверное, испугалась, как бы Аделина не поцеловала ей руку.

Только с пятым визитом девушек на виллу «Аркадия» их первоначальная сдержанность по поводу странной и, вероятно, легкомысленной толпы, которая там проживала, постепенно начала исчезать. Ее место заняли любопытство и растущая с каждым днем уверенность, что, несмотря на картину с обнаженной натурщицей и неустроенность быта, все, там происходящее, гораздо интереснее, чем их обычные прогулки в город, возня с детьми или походы в кафе, чтобы побаловать себя мороженым или кофе.

Нет, в этом доме всегда что-то происходило, подобно бесконечному театральному представлению. Вокруг дверных проемов или по всему периметру появлялись странные нарисованные бордюры. К стенам в беспорядке лепились наспех написанные статьи — обычно о художниках или актерах. На стол подавали экзотическую еду,

присланную из различных поместий по всей стране. То и дело появлялись и исчезали новые гости, но редко кто из них задерживался достаточно долго, чтобы успеть представиться, — неизменной оставалась только основная группа.

Девушек всегда встречали радушно. Однажды они пришли и увидели, что Аделина наряжает Френсис индийской принцессой, драпирует ее тонкими шелками, расшитыми золотыми нитями, рисует сложные узоры на кистях рук и на лице. Сама она нарядилась принцем. Ее необычный головной убор из затейливо сплетенных тканей, украшенный павлиньими перьями, похоже, был настоящим. Марни, горничная, стояла поодаль и с недовольным видом наблюдала, как Аделина раскрашивает кожу Френсис холодным чаем, а когда ей велели принести муку, чтобы припудрить волосы Аделины, удалилась в глубоком возмущении. Девушки молча наблюдали, как обе женщины принимают разные позы, а худой юноша, который представился довольно помпезно: «Школа Модотти», их фотографирует.

— Нужно куда-нибудь отправиться в таком виде. Например, в Лондон, — веселилась после Аделина, рассматривая свое изображение в зеркале. — Будет очень весело.

— Как розыгрыш «Дредноута».

— Что-что? — Селия забыла о своих манерах, как с ней частенько случалось в «Аркадии».

— Это очень хорошая шутка, которую много лет назад сыграла Вирджиния Вульф, — вмешался Джордж, давно наблюдавший за всем происходящим. Он только и делал, что наблюдал. — Они с друзьями вымазались черной краской и отправились в Уэймут под видом императора Абиссинии и его императорской свиты. В результате

флаг-адъютант или еще кто устроил в их честь королевский салют и провел экскурсию по всему кораблю его величества — линкору «Дредноут». Это наделало много шума.

— Зато как было весело! — Аделина захлопала в ладоши. — Да! Можно назваться раджей из Раджастана. И посетить Уолтон-он-те-Нейз. — Она закружилась, смеясь, и полы ее расшитого кафтана развевались в такт. Она могла быть такой: ребячливой и восторженной, словно вовсе не взрослая женщина, отягощенная привычными делами и заботами, а юное создание, как Фредди или Сильвия.

— Полно, Аделина. Давай без театральных эффектов. — Устало взмолилась Френсис. — Вспомни Колторп-стрит.

Вечно она так. Позже Селия призналась, что в половине случаев не понимает почти ни слова из того, что говорится. И виной тому был не только акцент. Обитательницы «Аркадии» не говорили об обычных вещах: о событиях в деревне, ценах или погоде. Во время беседы они могли неожиданно отклониться от темы и заговорить о писателях и людях, о которых ни Лотти, ни она никогда не слышали, и при этом обнимали друг друга так, что миссис Холден сочла бы их поведение скандальным. А еще они спорили. Боже, как они спорили! О Бертроне Расселе, сказавшем, что следует запретить бомбу. О поэзии. Обо всем на свете. В первый раз, когда Лотти услышала, как Френсис и Джордж «обсуждают» кого-то по имени Джакометти¹, разговор шел так страстно и яростно, что она испугалась, как бы Френсис не получила оплеуху. У них в доме, когда мать спорила со своими приятелями на таких высоких нотах, оплеуха была бы неизбежна.

¹ *Альберто Джакометти* (1901–1966) — швейцарский скульптор, живописец и график, сын художника, один из крупнейших мастеров XX в.

В доме Холденов вообще никогда не спорили. Но Френсис, обычно сдержанная, меланхоличная Френсис, решительно отметала каждое критическое слово в адрес Джакометти, произнесенное Джорджем, а под конец заявила, что его проблема в одном: нужно научиться «воспринимать сердцем, а не умом», и вышла из комнаты. Но прошло лишь полчаса, и она вернулась как ни в чем не бывало и спросила, не отвезет ли он ее в город на своей машине.

Казалось, они не подчиняются никаким общепринятым правилам. Однажды Лотти пришла одна, и Аделина провела ее по дому, демонстрируя размеры и неповторимую форму каждой комнаты, не обращая внимания на горы книг и пыльные ковры, до сих пор распаханные по разным углам. Миссис Холден ни за что не позволила бы кому-то осматривать ее дом в таком незаконченном, неприбранном состоянии. Но Аделина, похоже, этого даже не замечала. Когда Лотти несмело указала на отсутствие одной балясины на лестнице, Аделина слегка удивилась и со своим неопределимым акцентом пояснила, что они скажут Марни и та обо всем позаботится. «А как же ваш муж?» — хотелось спросить Лотти, но Аделина уже уплыла в другую комнату.

А еще очень странными казались отношения Аделины с Френсис: женщины походили не столько на сестер (во всяком случае, они не спорили как сестры), сколько на пожилых супругов: договаривали фразы друг друга, смеялись только им известным шуткам, вспоминали забавные случаи о тех местах, где бывали вместе, никогда не рассказывая историю до конца. Аделина говорила много и обо всем, но при этом не рассказывала ничего. Когда Лотти вспоминала свои посещения, а она это делала, поскольку каждое из них было наполнено яркими

красками и впечатлениями, требовавшими последующего неторопливого осмысления, она понимала, что знает об актрисе не больше, чем в день их знакомства. Ее муж, имя которого она так до сих пор и не назвала, «работал за границей». «Дорогой Джордж» — «такой блестящий ум» — имел отношение к экономике. («Бьюсь об заклад, такой блестящий поклонник», — сказала Селия, все больше влюблявшаяся в предпочитавшего льняные костюмы молодого человека.) На каких правах Френсис жила в доме, так и не было объяснено, хотя девушки заметили, что, в отличие от Аделины, она не носила обручального кольца. Но Аделина не только не рассказывала сама, но и не спрашивала Лотти. Узнав лишь мелкие частности, которые ее занимали: рисовали ли портрет Лотти, интересуется ли она теми или иными вещами, Аделина не удосужилась спросить, кто ее родители, какое место она занимает в мире, какова ее история.

Все это казалось Лотти невероятно странным. Она выросла в двух домах, где, несмотря на их огромную разницу, жизненная история человека предопределяла то, что случится с ним в дальнейшем. В Мерхеме ее жизнь в доме Холденов означала, что ей предоставлялись все блага, которые Селия получала по праву: образование, воспитание, одежда и еда. Хотя в глубине души обе стороны сознавали, что эти дары не совсем безусловны, особенно теперь, когда Лотти приближалась к своему совершеннолетию. Миссис Ансти, Чилтоны, Колкухоуны и другие обитатели Мерхема моментально оценивали человека по его происхождению и своим воспоминаниям, давая ему характеристики, просто основываясь на известных им фактах: «Он один из Томпсонов. Они все склонны к лени» или «Конечно, она ушла, иного и быть не могло. Ее тетка сбежала из дома спустя два дня после родов». Их не интере-

совало, что любит человек, во что он верит. Селию они всегда готовы были прижать к своей общей груди только за то, что она докторская дочка и принадлежит к одному из лучших семейств Мерхема. И ничего страшного, что официально ее признавали «сущим наказанием». Но стоило бы Лотти обратиться к миссис Чилтон с вопросом, который однажды задала Аделина Арманд: «Если бы вам довелось на один день оказаться в чужом теле, кто бы это был?», — миссис Чилтон сразу предложила бы поместить Лотти в хорошее заведение в Брейнтри, где есть доктора, которые умеют обращаться с такими людьми... Вот, например, бедная миссис Макграт проживает там с тех пор, как она спятила, когда у нее появились месячные. Обитательницы «Аркадии» определенно принадлежат к богеме, решила Лотти, недавно открывшая для себя это слово. Богема по-другому себя и не ведет.

— Мне все равно, кто они, — заявила Селия. — Зато они гораздо интереснее, чем старые зануды, что живут здесь.

Не часто Джо Бернارد оказывался в центре внимания не одной, а сразу двух самых привлекательных местных девушек. Чем дольше Аделина Арманд жила в Мерхеме, тем больше беспокойства вызывал ее странный образ жизни, поэтому Лотти и Селии приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы скрыть свои визиты, а в субботу, в день приема на свежем воздухе, им ничего не оставалось, кроме как обратиться к Джо. Присутствие матерей почти всех подруг в их доме означало, что они не могли сослаться на визит к ним. К тому же Сильвия, очень недовольная тем, что Селия не выполнила обещания и близко не подпустила ее к своему новому проигрывателю, пригрозила выследить девушек и донести, если они на

шаг свернут в сторону от дозволенного маршрута. В общем, Джо, взяв выходной в гараже, согласился приехать за ними на машине и сделать вид, что повезет их на пикник в Барднесс-Пойнт. Особого энтузиазма он не проявил (Джо не любил лгать — он тогда краснел больше обычного), но Лотти применила то, что Селия теперь саркастически называла «тлеющий взгляд», и это решило дело.

За пределами полумрака гостиной миссис Холден стоял прекрасный день, тот майский выходной, который предвещает приход жаркого летнего времени, когда улицы Мерхема наполняются разморенными семействами, а витрины мелких лавочек выплескивают на тротуар яркие пляжные мячи и открытки. Повсюду слышались крики перевозбужденных детей, летали смешанные ароматы карамели и масла для загара. Пронизывающий ветер, измучивший восточное побережье, в последние несколько дней затих, температура и настроение поднялись, поэтому казалось, пусть и преждевременно, что наступило лето. Лотти высунулась из окошка и подставила лицо солнцу. Даже спустя столько лет она не переставала испытывать радостное волнение от того, что живет у моря.

— Чем ты займешься, Джо, пока мы будем там? — Селия на заднем сиденье красила губы.

Джо проехал железнодорожный переезд, разделявший городок на две части. Хотя вилла «Аркадия» находилась (если брать по прямой) на расстоянии меньше мили от Вудбридж-авеню, чтобы добраться туда по дороге, нужно было заехать в город, миновать муниципальный парк и вернуться на извилистую прибрежную дорогу.

— Съезжу в Барднесс-Пойнт.

— Что, один? — Селия защелкнула пудреницу. На ней были белые перчатки и ярко-красное платье с широкой юбкой, до предела ушитой в талии. Она не нуждалась

в корсетном поясе, хотя мать не оставляла попыток натянуть его на дочь, утверждая, что он «мобилизует».

— Это на тот случай, если твоя мать спросит меня насчет погоды, когда я вас привезу домой. Мне нужно знать, как там на самом деле, чтобы я мог прямо ответить, не сбиваясь.

Лотти внезапно почувствовала укор совести за то, что они используют Джо подобным образом.

— Тебе вовсе не нужно это делать, Джо, — сказала она. — Просто подвези нас к дому. У нее не будет возможности спросить тебя о чем-нибудь.

Джо стиснул зубы и включил поворотник, чтобы выехать на шоссе.

— Да, но, если я так поступлю, моя мать захочет узнать, почему я не передал от нее привет, и сразу разволнуется.

— Правильно мыслишь, Джо, — кивнула Селия. — Мамочка наверняка захочет передать привет твоей матери.

Лотти была вполне уверена, что ничего подобного мисс Холден и в голову не придет.

— Так что там в этом доме будет? Когда вас забрать?

— Если это прием в саду, то, полагаю, они подадут чай. Как ты думаешь, Лот?

Лотти с трудом представляла, чтобы на вилле «Аркадия» подавали бисквиты и лепешки. Но она не знала, какие еще бывают приемы в саду.

— Наверное... Да, — ответила она.

— Так что, в половине шестого? В шесть?

— Пусть будет половина шестого, — ответила Селия, помахав кому-то в окошко, но потом вспомнила, что это машина Джо, и поспешно откинулась на сиденье. — Тогда мы успеем вернуться домой, прежде чем мамочка заведет шарманку.

— Мы очень благодарны тебе, Джо.

Когда они прибыли на место, на подъездной аллее стояло всего две машины, ничего из себя не представляющие, как заметил Джо. В ответ на его реплику Селия, уже раззадоренная из-за перевозбуждения, заметила:

— Тогда хорошо, что тебя не пригласили.

Джо не стал огрызаться в ответ: он никогда этого не делал. Но и не улыбнулся, даже когда Лотти, выходя из машины, пожала ему руку, как бы извиняясь. И уехал, не помахав.

— Ненавижу, когда мужчина дуется, — весело прошептала Селия, нажимая на кнопку звонка. — Надеюсь, там не будет кокосовых кексов. Терпеть не могу кокос.

Лотти слегка подташнивало. В отличие от Селии, она не стремилась вращаться в обществе, — в основном, потому, что до сих пор испытывала неловкость, объясняя свои жизненные обстоятельства тем, кто ее не знал. Людям всегда было мало, если она просто говорила, что живет у Холденов. Они хотели знать, почему, как долго и скучает ли она по матери. На последнем приеме в саду у миссис Холден (в пользу бедных детей Африки) она совершила ошибку, признавшись, что больше года не виделась с матерью, а в результате оказалась объектом жалости, что было ей неприятно.

— Все снаружи, — открыв дверь, сообщила еще более мрачная (если вообще такое возможно), чем обычно, Марни. — Перчатки не понадобятся, — буркнула она, проводив девушек по коридору и показав рукой на черный ход.

— Тогда оставить или снять? — прошептала Селия.

Лотти прислушивалась к голосам снаружи и не ответила.

То, что это не привычный прием в саду, стало ясно в первую же секунду. Ни тебе шатра (миссис Холден не-

изменно расставляла шатер на случай дождя), ни раскладных столов. Как же они подадут еду? — рассеянно подумала Лотти и тут же мысленно выругала себя за то, что рассуждает, как Джо.

Они прошли внутренний двор, и Марни указала на ступеньки, которые вели на маленький отрезок частного пляжа. Именно там расположились гости. Они сидели или полулежали на разноцветных одеялах, вытянув босые ноги, и о чем-то беседовали.

Аделина Арманд, в бледно-розовом летнем платье из крепдешина, в белой мягкой шляпе с широкими полями, восседала на светло-зеленой шали с атласным отливом. Менее экстравагантной Лотти ее до сих пор не видела. Хозяйку окружали трое мужчин, включая Джорджа, который под сенью большого зонта срезал листья с какого-то необычного растения (артишока, как позже объяснила Аделина) и по одному передавал ей. На Френсис был купальник, открывавший на удивление худое загорелое тело. Она чувствовала себя явно комфортнее без одежды и сейчас, расправив плечи, от души смеялась над шуткой собеседника. По крайней мере четыре бутылки красного вина стояли открытыми. Никого из гостей Лотти не узнала. Она замерла, понимая, что в своем наряде и белых перчатках выглядит глупо. Селия уже пыталась снять перчатки, спрятав руки за спиной.

Джордж оторвался от своего занятия и увидел девушек.

— Добро пожаловать на наш маленький *déjeuner sur l'herbe!*¹ — воскликнул он. — Идите сюда, присаживайтесь.

Селия, успевшая скинуть туфли, шла по песку, слегка покачивая бедрами, туда, где сидел Джордж. Лотти од-

¹ Завтрак на траве (*фр.*).

нажды застала ее дома за отработкой этой походки, когда Селия думала, что никто не видит.

— Проголодались? — поинтересовалась Френсис, которая выглядела непривычно веселой. — У нас сегодня форель и восхитительный травяной салат. Или, если хотите, холодная утка. Кажется, там еще осталось немного.

— Мы сыты, спасибо, — ответила Селия, опускаясь на песок.

Лотти присела за ее спиной, жалея, что мало кто из гостей остался стоять и нельзя среди них затеряться.

— Как насчет фруктов? Нам прислали роскошную клубнику. Кстати, Марни уже подала ее?

— Им нужно не поесть, а выпить, — заявил Джордж и тут же принялся хлопотать, наливая красное вино в два больших бокала. — Вот, — сказал он, поднимая один из них к свету. — Это для Красной Шапочки.

Селия бросила взгляд на свою юбку, а затем снова на Джорджа, довольная его вниманием.

— Выпьем за нежный цветок юности.

— О, Джордж. — Какая-то блондинка в огромных солнцезащитных очках перегнулась и фамильярно похлопала его по руке. Этот жест разозлил Селию.

— Пусть наслаются ею, пока она есть. — Блеск глаз и манера растягивать слова свидетельствовали о том, что он пил с самого утра. — Бог знает, сколько они будут так выглядеть, но, скорее всего, недолго.

Лотти уставилась на него в недоумении.

— Френсис знает. Пройдет лет пять, и они превратятся в тяжеловесных матрон, поборниц моральных устоев Мерхема, а за их юбки будет цепляться парочка отпрысков.

— Ничего подобного я не знаю. — Френсис с улыбкой скрестила длинные ноги на одеяле.

Что-то в тоне Джорджа заставило Лотти почувствовать неловкость, в то время как Селия взяла бокал и, словно принимая вызов, одним глотком осушила его наполовину.

— Только не я, — заявила она, усмехаясь. — Через пять лет вы меня здесь не найдете.

— *Non?* А где же ты будешь? — Шляпа не позволяла разглядеть лицо Аделины. Виднелся лишь аккуратный маленький ротик, сложенный в вежливую, пытливую улыбку.

— Не знаю. В Лондоне, наверное. В Кембридже. Возможно, даже в Париже.

— Только не в том случае, если твоя мама настаит на своем. — Что-то в нарочитой расслабленности Селии возмутило Лотти. — Она хочет, чтобы ты осталась здесь.

— Ничего. В конце концов она смирится.

— Это ты так думаешь.

— В чем дело? — спросил Джордж, склоняя красивую голову к Селии. — Родительница беспокоится за твое моральное благополучие?

Селия и Джордж обменялись такими взглядами, что у Лотти сжалось в груди.

— Ну-у... — лукаво протянула Селия. В ее глазах внезапно вспыхнул многообещающий огонек. — Как-никак вокруг бродит множество серых волков.

В конце концов Лотти пристроилась на шали Аделины и с трудом поборолла желание смахнуть песок со складок. Она мучилась сознанием, что чересчур нарядна и провинциальна, с трудом следила за разговорами вокруг и чувствовала себя не в своей тарелке. Аделина, которая обычно старалась сделать так, чтобы девушка не испытывала неловкости, увлеклась беседой с каким-то мужчиной, которого Лотти раньше не видела. Она потягивала вино, стараясь не морщить нос, и время от времени брала вишни из вазы.

— Сказочный дом, Аделина, дорогая. Скорее модерн, чем деко. Как тебе кажется?

— Конечно, Рассел — идиот. А если он думает, что Иден обратит хотя бы малейшее внимание на него и всю эту ученую братию, то он безмозглый идиот.

— Я тебе говорил, что Арчи наконец представляет свою работу на Летней выставке? Картину повесили так, что она смотрится как почтовая марка, но нужно довольствоваться тем, что имеешь...

День тянулся долго. Кокосовых кексов не подавали. Лотти накинула на плечи кардиган, чтобы не загореть, и наблюдала, как медленно отступает море, расширяя береговую полосу и превращая затейливый замок из песка, который, должно быть, соорудили рано утром, в бесформенный холмик. За ее спиной как безумная хихикала Селия — видимо, порядком выпила. Девушкам позволялось пить вино только на Рождество, и от наперстка хереса, который они попробовали перед обедом в прошлом году, Селия покраснела и возбужденно разговаривала тонким голосом. Лотти выпила полбокала, а остальное украдкой вылила в песок. Но даже от этих нескольких глотков в голове стоял туман, мысли путались.

Когда Марни убрала последние тарелки, Лотти немного передвинулась, чтобы видеть Селию. Та как раз рассказывала Джорджу о своей «последней поездке в Париж». Тот факт, что она никогда не бывала в Париже, не повлиял на красочное описание, но Лотти, заметив, что между Селией и блондинкой накаляется атмосфера соперничества, подумала, что было бы непорядочно разоблачить ее сейчас. Блондинка продолжала улыбаться из-под солнцезащитных очков, но улыбка все больше походила на оскал, и Селия, почуяв победу, совсем отпустила тормоза.

— Разумеется, в следующий раз я обязательно пообедаю в «Ла Куполе». Вам случалось бывать в «Ла Куполе»? Мне говорили, что там подают восхитительных лобстеров.

Она вытянула ноги перед собой, позволив юбке задраться выше колен.

— Мне ужасно жарко, Джордж, — внезапно объявила блондинка. — Пойдем в дом.

«Ну, Селия, — подумала Лотти, — тебе попалась достойная соперница».

Селия взглянула на Джорджа, который курил сигару, откинув голову и подставив лицо солнцу. На ее лице промелькнуло грозное выражение.

— Да, пожалуй, довольно тепло, — откликнулся Джордж и принялся стряхивать песок с рукавов.

Тогда и Френсис встала:

— Я тоже перегрелась. Думаю, самое время искупаться. Ты пойдешь, Аделина? Кто-нибудь еще?

Аделина отказалась:

— Меня совсем разморило, дорогая. Я лучше посмотрю.

Но Джордж, тряхнув головой, как большой мохнатый пес, начал расстегивать рубашку и даже как будто оживился.

— Именно это нам сейчас нужно, — сказал он, гася сигару. — Хорошенько освежиться, окунувшись. Ирен?

Блондинка сморщила носик:

— Я ничего с собой не взяла.

— Тебе не нужен купальник, женщина. Довольно и комбинации.

— Нет, Джордж, право. Я посмотрю отсюда.

Остальные мужчины тоже раздевались, до трусов или брюк. Лотти, опасавшаяся, как бы не задремать, встрепе-

нулась и наблюдала за всеобщим раздеванием с легкой тревогой.

— Пошли, девчонки. Лотти! Уверен, ты умеешь плавать.

— Она даже не заходит в воду.

Теперь Лотти убедилась, что Селия пьяна. Иначе она ни за что бы не отозвалась так беспечно о неумении Лотти плавать (повод глубоко устыдиться для жителя морского побережья). Она бросила на подругу бешеный взгляд, но Селия не обратила на него никакого внимания. Она была занята своей молнией.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь плавать. — Селия широко улыбнулась. — И не смотри на меня так, Лотс. Я в комбинашке. По сути, то же самое, что купальник.

В следующую секунду она с визгом и криками побежала к воде вслед за Джорджем и горсткой других купальщиков. Френсис медленно пошла по воде и, только когда волны начали достигать ее талии, нырнула, словно дельфин, сверкнув мокрым блестящим купальником, похожим на шкурку тюленя.

Селия зашла в море по колени и остановилась в нерешительности. Тогда Джордж схватил ее за руку и со смехом крутанул так, что она плюхнулась в воду. Остальные с веселым смехом прыгали по волнам, толкали и обрызгивали друг друга — мужчины с обнаженными торсами и женщины в белье из тонкого многослойного кружева. Ни на одной из них, заметила Лотти, не было корсета.

Однако, когда Селия повернулась к ней, чтобы помахать, Лотти пожалела, что миссис Холден так и не удалось заставить дочь носить корсет: комбинация и белье насквозь промокли и уже мало что скрывали. Вниз, под воду, — пыталась она жестом показать подруге, но бе-

зуспешно: Селия хохотала, откинув голову, и ничего не замечала.

— Не волнуйся, дорогая, — тихо прозвучал голос Аделины, неслышно подошедшей сзади. — Никто не обратит внимания. Во Франции мы привыкли оставаться обнаженными выше талии.

Лотти, стараясь не задумываться о том, что еще происходит во время таких поездок во Францию, слабо улыбнулась в ответ и потянулась к бутылке с вином. Ей вдруг срочно понадобилось подкрепиться.

— Просто миссис Холден, думаю, была бы ужасно недовольна, — пояснила она.

— Тогда держи, — Аделина протянула ей нечто вроде большой шали с ярким узором, — отнеси ей. Скажешь, что это саронг и его носят самые известные люди. Сошлись на меня.

Лотти готова была расцеловать ее. Она взяла кусок ткани и зашлепала по пляжу, на ходу обвязывая кардиган вокруг талии. Дело шло к вечеру: риск загореть был минимальным.

— Держи! — крикнула она. Отступающие волны ласкали ее голые ступни. — Селия, примерь это!

Селия не слышала. Или не хотела слышать. Как раз в этот момент Джордж, схватив ее поперек туловища, поднял в воздух и снова уронил в волны, и она визжала от восторга.

— Селия!

Безнадежно. Лотти ощутила себя чьей-то престарелой дотошной тетушкой.

В конце концов ее увидел Джордж и пошел навстречу, разрезая волны. Волосы облепили его голову, а закатанные брюки — ноги.

Лотти старалась не опускать взгляд ниже его пояса.

— Вы не могли бы передать это Селии? Аделина сказала, что это саронг или что-то в этом роде.

— Саронг? Надо же! — Джордж взял шаль и оглянулся на Селию, которая запрыгивала спиной на волну. — Считаешь, ей нужно прикрыться?

Лотти взглянула на него с непроницаемым выражением лица:

— Думаю, она не сознает, что практически раздета.

— Ох, Лотти, Лотти, маленькая серьезная поборница морали... Посмотри на себя. Ты измучена жарой, а беспокоишься о подруге. — Джордж покосился на шаль, и губы его растянулись в улыбке. — У меня есть лучшее решение. Думаю, это тебе нужно охладиться. — Он быстрым движением обхватил ее за талию и перекинул через мокрое плечо.

Джордж вприпрыжку побежал на глубину, и Лотти подбрасывало при каждом его шаге. Она в панике пыталась завести руку за спину, чтобы проверить, не задралась ли юбка, и вдруг полетела вниз. Огромная волна соленой воды с силой ударила ей в лицо, и она с трудом нащупала дно. Где-то там, над головой, звучал сдавленный смех, но уже через секунду, кашляя и отфыркиваясь, она вынырнула.

Лотти поднялась во весь рост и немного постояла, ничего не видя. Глаза щипало, в горле першило от соли. Сплюнув пару раз, она слепо двинулась к берегу и там согнулась пополам, задыхаясь. Платье облепило ноги, его верх из светлого хлопка стал почти прозрачным, ясно очертив бюстгальтер, многослойные нижние юбки склеились в одну. Лотти поднесла руку к волосам и обнаружила, что черепаховый гребень, под который они были собраны, исчез.

Джордж стоял подбоченившись и ухмылялся. Селия за его спиной изумленно смотрела на подругу.

— Ах ты, грязная свинья! — непроизвольно вырвалось у Лотти. — Ты грязная, грязная свинья! Это было отвратительно!

Джордж на секунду опешил. На одеялах за ее спиной стихли все разговоры.

— О, для вас всех это чертовски смешно! — вопила Лотти, чувствуя застрявший в горле огромный ком и понимая, что вот-вот брызнут слезы. — У вас денег куры не клюют, вы все одеты в эти чертовы льняные костюмы, и вам плевать, если они испортятся! Только посмотрите на мое летнее платье! Оно ведь у меня лучшее! Миссис Холден теперь меня убьет! И чертов гребень потерялся!.. — Слезы все-таки хлынули — горячие слезы досады и унижения.

— Полегче, Лотс. — Селия сникла.

Лотти понимала, что ставит ее в неловкое положение, но ей было все равно.

— Ладно тебе, Лотти. Это была всего лишь шутка. — Джордж шагнул к ней с виноватым и в то же время раздраженным видом.

— В таком случае, очень глупая шутка. — Аделина подошла к Лотти, собираясь набросить ей на плечи свою шаль. В глазах Аделины стоял легкий укор. Когда шаль оказалась у Лотти на плечах, она уловила пряный жасминовый аромат. — Джордж, ты должен извиниться. Лотти — наша гостья, и ты не имел никакого права так шутить. Лотти, мне очень жаль. Я уверена, мы уговорим Марни постирать твоё прелестное платье и сделать так, что оно будет как новое.

«Но как я теперь доберусь домой?» — в отчаянии подумала Лотти, в ужасе представив, как она поплетется по

дороге в Аделинином боа из перьев и в китайских туфлях. Ее размышления прервал голос, донесшийся с горной тропы:

— Селия Джейн Холден! Что, скажи на милость, ты там делаешь?

Лотти обернулась и увидела потрясенные физиономии миссис Чилтон и миссис Колкухоун, которые шли домой с Вудбридж-авеню живописным маршрутом. Маршрут оказался более живописен, чем они рассчитывали.

— Немедленно вылезите из воды и оденься! — приказала миссис Чилтон. — Как можно так себя вести?

Селия побелела и прижала руки к груди, словно внезапно осознала, что почти раздета. Джордж поднял руки в умиротворяющем жесте, но миссис Чилтон вытянулась во весь свой рост в пять футов и четыре дюйма, так что ее бюст, казалось, реял где-то в области подбородка, и умиротворяться не собиралась.

— Я вас не знаю, молодой человек, но вы явно в том возрасте, когда должны что-то понимать, — продолжала возмущаться она. — Заставить уважаемых девушек скинуть одежду среди бела дня! Вы позорите род человеческий! — Тут она заметила винные бутылки на песке. — Селия Холден, неужели ты пила? Боже милостивый! Тебя совсем не волнует твое доброе имя? Не сомневаюсь ни секунды, что твоя мать будет недовольна.

— Тем временем миссис Колкухоун потрясенно прижала обе руки ко рту и стояла, не произнося ни звука, словно только что оказалась свидетельницей человеческого жертвоприношения.

— Миссис Чилтон... я, право...

— Лотти?! Это ты?! — Подбородок миссис Чилтон так глубоко погрузился в шею, что вместе они образовали один монолитный розовый столб неодобрения. Тот

факт, что Лотти была одета, видимо, ее не успокоил. — Немедленно поднимайся сюда. Шевелитесь, девочки, обе, пока вас еще кто-нибудь не увидел. — Она прижала сумочку к груди, крепко вцепившись в замок. — Не смотри на меня так, Селия. Я ни за что не оставлю тебя здесь с этим сомнительным сбродом. Лично доведу вас обеих до дома и сдам с рук на руки. Боже праведный, даже не представляю, что будет с вашей бедной матерью!

Ровно три недели спустя Селия уехала в Лондон учиться на секретаря. Предполагалось, что это наказание, и миссис Холден слегка расстроилась, что дочь не только не раскаялась, а, наоборот, проявляла неприличную радость по поводу своего отъезда. Жить ей предстояло у двоюродной сестры миссис Холден в Кенсингтоне, а если она преуспеет на курсах, то получит шанс работать в офисе ее мужа на Бейсуотер.

— Лондон! Только подумай, Лотс! Ни тебе благотворительных завтраков, ни одного жуткого отпрыска в пределах видимости. — Готовясь к отъезду, Селия пребывала в необычайно хорошем настроении.

Лотти тем временем слушала, как Селию отчитывает отец, и, не покидая безопасных пределов их комнаты, гадала, каковы будут последствия для нее. Ни слова не было сказано о том, что она тоже поедет в Лондон. Да она и не хотела уезжать. Однако, когда до нее донеслось тихое бормотание насчет «плохого влияния», Лотти знала, что они имеют в виду не Селию.

Нужно признать, она не была из тех, к кому проникаются теплыми чувствами, даже если очень старалась. Все с ней вроде бы было в порядке: всегда услужлива, опрятна и, как правило, вежлива (в отличие от Селии, она не имела склонности, по выражению ее мужа, к «истерике»), но с людьми она могла быть ужасно резка. Прямолинейна настолько, что порой это граничило с грубостью.

Когда миссис Чилтон привела обеих в тот ужасный субботний вечер (ей до сих пор снились кошмары), Селии, по крайней мере, хватило приличия выглядеть пристыженной. Она бросилась обнимать мать, умоляя:

— Мамочка, я знаю, что вела себя ужасно, но мне правда, правда очень жаль! Честное-пречестное!

Гнев матери мгновенно улетучился. Даже гранитное выражение лица миссис Чилтон смягчилось. Сопротивиться Селии было чрезвычайно трудно.

Но Лотти не захотела просить прощения. Она сердито посмотрела, когда ей велели извиниться за свое поведение, и возразила, что не только была полностью одета, но и вообще, как всем хорошо известно, не зашла бы

в воду по доброй воле. Только она сказала «чертовски хорошо» и этим мгновенно вывела из себя миссис Холден: несмотря на все ее усилия, в этой девочке все-таки было что-то от торговки рыбой.

Нет, заявила Лотти, она не станет извиняться за свое поведение. Да, ей жаль, что они скрыли, куда идут. Да, она была там и не помешала Селии, когда та разделась до белья. Но ее грех не так велик, как грех тех, кто с ней плохо обошелся.

Упрямство Лотти окончательно разозлило миссис Холден, и она велела негоднице идти в свою комнату. Миссис Холден очень не любила терять самообладание, а потому поведение девушки особенно ее возмутило. А тут еще пришла Сильвия и сказала — и это, заметьте, в присутствии миссис Чилтон! — что застала Селию, когда та целовала собственную руку, и, мол, Селия призналась ей, что перецеловала «целую ораву» красивых мужчин и что ей известен способ, как это делать и не забеременеть. Миссис Холден отлично понимала, что Сильвия увлеклась фантазиями и плела невесть что, но была абсолютно уверена, что Сара Чилтон не станет держать язык за зубами, и потому еще больше рассердилась на Лотти. На кого же еще ей было сердиться?

— Отныне я запрещаю тебе даже близко подходить к тому дому! — заявила она, поднимаясь по лестнице после ухода Сары. — Ты слышишь меня, Лотти? Я не на шутку сердита на вас обеих. Очень сердита. И не позволю вам впредь позорить семью подобным образом. Бог знает, что скажет доктор Холден, когда вернется домой.

— Так вы ему не рассказывайте. — Лотти вышла из их общей с Селией комнаты с невозмутимым выражением лица. — Все равно он не интересуется женскими сплетнями.

— Женскими сплетнями? Ты так это называешь? — Сьюзен Холден стояла на лестнице, вцепившись в перила. — Вы обе унизили меня в глазах всего общества и думаете, что это просто женские сплетни?

Из комнаты донеслось бормотание Селии.

— Что такое? Что ты там сказала?

Через секунду Селия высунула голову за дверь:

— Я сказала, что нам ужасно жаль, мамочка, и, конечно, мы будем держаться подальше от «сомнительного сброда», как красноречиво выразилась миссис Чилтон.

Миссис Холден смерила обеих очень долгим и суровым взглядом. Она была готова поклясться, что на губах Лотти промелькнула едва заметная улыбка. Затем, осознав, что ей больше ничего не добиться от этой парочки, она собрала последние остатки достоинства и спустилась вниз, где Фредди сооружал из старых ящиков кроличью норку. Прямо посреди парадной гостиной. Чтобы жить в ней.

И вот теперь Селия уехала. А Лотти, хотя и выполняла все свои домашние обязанности, была неизменно вежлива и помогала Сильвии с уроками, неделями слонялась по комнатам, как больной щенок, когда думала, что никто не видит. Все это было довольно утомительно. К тому же присутствие в доме Лотти начало создавать для Сьюзен Холден определенные неудобства. Впрочем, она ни за что бы в этом не призналась. Все же видели, сколько сил она положила на воспитание девочки. Просто, когда их было двое и она кормила их вместе, покупала им одежду вместе, брала их вместе, было легче считать Лотти частью семьи. Теперь же, в отсутствие Селии, она не могла относиться к Лотти как прежде. Она не признавалась себе в том, но Лотти необъяснимым образом вызывала в ней раздражение. Девушка, видимо, чувствовала это и вела

себя совершенно безукоризненно, что особенно раздражало.

Хуже того, Сьюзен подозревала, что, несмотря на запрет, Лотти продолжала посещать дом актрисы. Не зря же она, например, ни с того ни с сего предложила помогать Вирджинии с закупками, хотя никогда прежде этого не делала, и, отправившись за макрелью, пропадала на несколько часов. Или под предлогом покупки газеты для доктора Холдена исчезала на полдня. Дважды по возвращении от нее пахло духами, которые точно не продавались в лавке мистера Ансти. А в ответ на вполне резонные вопросы отвечала тоном, который миссис Холден находила агрессивным: нет, она не была в доме актрисы, потому что миссис Холден не велела ей туда ходить. Разве не так? Взгляд ее при этом был вызывающе-дерзким. Иногда Лотти была просто невыносима.

На самом деле, это следовало предвидеть. Очень многие предостерегали миссис Холден не брать эвакуированную. А она не приняла во внимание слова тех, кто говорил, что у всех лондонских детей вши и гниды (хотя к волосам юной Лотти, когда та впервые приехала, присматривалась весьма пристально), и тех, кто говорил, что она будет красть или что за дочкой последуют родители, поселятся в ее доме и она от них никогда не избавится.

Ведь у девочки была только мать, но и та ни разу не приехала, а лишь написала Сьюзен Холден два письма ужасным почерком. Одно — благодарственное — сразу после первого долгого периода пребывания девочки в доме Холденов, второе — год спустя, когда Сьюзен пригласила девочку вернуться. Видимо, мамаша рада была сбить ребенка с рук.

Кстати, Лотти ничего не крада, не убегала и не интересовалась мальчиками. Нет, если на то пошло, Сьюзен

была вынуждена признать, что как раз Селия оказалась более «развитой» в этом отношении. Лотти выполняла все, что ей велели, помогала с малышами, была чистоплотна и вела себя вполне прилично.

Сьюзен Холден внезапно испытала чувство вины, вспомнив, как восьмилетняя Лотти стояла на вокзале Мерхема, обхватив ручонками коричневый бумажный сверток с одеждой. Среди всеобщего хаоса она молча смотрела на миссис Холден своими огромными темными глазами и, когда Сьюзен сбивчиво заговорила с ней (даже тогда ребенок приводил ее в смятение), медленно подняла правую ручку и вложила пальчики в ладонь Сьюзен. Это был на удивление трогательный жест. И в то же время внушающий тревогу, предвещавший все грядущие трудности в общении с этой девочкой — вежливой, замкнутой, пристально внимательной, скупой на любовь и ласку. Возможно, было несправедливо так сурово относиться к девушке. На самом деле она не сделала ничего плохого. Нужно было просто привыкнуть к отсутствию Селии. А Лотти все равно скоро уедет: как только подыщет хорошую работу. Сьюзен Холден гордилась своим христианским милосердием. Однако она не могла забыть, как Генри взглянул на Лотти тогда, несколько недель тому назад, когда она, подпернув юбку, вошла в лягушатник вместе с Фредериком. И Сьюзен снова одолели противоречивые чувства насчет своей гостьи.

У Селии появился кавалер. Недолго она куковала, подумала Лотти с усмешкой. Какое-то время Селия не писала писем, а потом от нее пришел захватывающий рассказ о каком-то ужасном случае на железнодорожном вокзале, где ее «спас» теперешний ее молодой человек. Лотти поначалу не обратила внимания: Селию всегда отличала лю-

бовь к преувеличению. К тому же это был не первый мужчина, которого Селия назвала тем самым, единственным. Даже за короткое время, что она прожила в Лондоне. С одним она познакомилась в поезде между станциями Бишопс-Стортфорд и Броксбурн. Другой обслуживал ее в кафе на Бейкер-стрит и всегда подливал кофе, если поблизости не было начальства. Еще был мистер Гришем, преподаватель стенографии, определенно проявлявший к ее петелькам и сокращениям нечто большее, чем обычный учительский интерес. Но затем, постепенно, в письмах все меньше уделялось места этим мужчинам, якобы бесконечным вечерам с тетушкой Анджелой и ее жутким выводком, а также девушкам с секретарских курсов и все больше говорилось об обедах в модных ресторанах, совместных прогулках в Хэмпстед-Хит и превосходстве Гая во всем — от искусства вести беседу до техники поцелуя («ради бога, сожги это письмо, прежде чем его прочтет мама»).

Лотти читала, пытаясь понять, где там действительно правда. Вместо «состоятельная семья» следовало, по ее мнению, читать «собственный дом с туалетом». Эпитет «совершеннейший красавец» означал, что лицо не напоминает морду ворчливого бульдога; а под словами «безумно, страстно меня любит» Селия, скорее всего, подразумевала, что Гай встречал ее в указанном месте и в указанный час. Трудно было удержаться от небольшой толики цинизма: как-никак Лотти много лет провела бок о бок с Селией и на собственном горьком опыте усвоила, что Селия и достоверность не всегда совместимы. Лотти, например, слышала, как подруга то рассказывала, будто ее спасли из горящего дома во время бомбежки, то превращала ее в таинственную эмигрантку из Центральной Европы или в сироту, чьи родители погибли, отравившись

во время празднования свадебного юбилея, на котором подавали копченого лосося и водку с черного рынка. Она не стала разоблачать Селию и постепенно начала понимать, откуда берутся эти фантазии. Никто никогда не разоблачал Селию: это был один из тех уроков, что Лотти усвоила в доме Холденов. Вывести ее на чистую воду означало бы открыть ящик Пандоры. Более того, никто даже не упоминал, что Селия сочиняет небылицы. Однажды Лотти заговорила об одной из таких «неправд» с миссис Холден, но та сразу рассердилась и заявила, что наверняка произошло недоразумение, что Лотти не стоит делать из мухи слона и неприлично с ее стороны об этом рассказывать. «Скорее всего, у Селии нет никакого кавалера, — подумала Лотти. — Наверняка все эти мужчины — плод ее воображения, а на самом деле она сидит вечерами с детьми тети Анджелы, учит их вышиванию и гаммам на пианино». Эта мысль заставила Лотти улыбнуться. Просто, чтобы раззадорить Селию, она не упомянула о Гае в своем следующем письме, зато засыпала ее вопросами о детишках тети Анджелы.

Странные это были два месяца. Только сейчас Лотти начала привыкать к жизни без Селии. Но с чувством покоя пришло сознание того, что атмосфера в доме постепенно накаляется, словно отсутствие Селии убрало стержень, который, как невидимый клей, удерживал всю конструкцию. Доктор Холден все чаще отлучался из дому, до предела натягивая тонкую нить, связывающую миссис Холден с привычной жизнью. А тут еще Фредди и Сильвия, как по команде, именно в это время стали совсем неуправляемыми: их крики и топот окончательно вывели ее из себя, предоставляя доктору Холдену лишний повод не возвращаться домой. «Возможно ли в этом доме добиться хотя бы секунды покоя?» — спрашивал он тихим, якобы

спокойным тоном, и миссис Холден каждый раз вздрагивала, словно собака, которую сейчас выдворят пинками за дверь, в темноту и холод.

Когда доктор Холден удалялся в свой кабинет или уходил неожиданно по ночному вызову, с неизменной вежливостью произнося: «Доброй ночи, Лотти», она молча за ним наблюдала. Он никогда не был с ней груб, никогда не давал ей повода чувствовать себя лишней в доме. Впрочем, по большей части он, казалось, вообще ее не замечал.

Когда она впервые появилась в доме, доктор проявлял меньше сдержанности. Держался дружелюбно, часто улыбался. Возможно, ей просто так запомнилось. В первую ночь в чужом доме, когда она молча плакала, сама не понимая почему, но, как ни странно, опасаясь, что хозяева услышат и отошлют ее обратно, он тихо вошел к ней в комнату и присел на край кровати.

— Ты не должна бояться, Лотти, — сказал он, коснувшись ее головы теплой сухой ладонью. — Могу представить, как трудно тебе жилось в Лондоне. Теперь ты в безопасности.

Лотти огорошенно молчала. Ни один взрослый до сих пор так с ней не говорил. С серьезностью. И заботой. И без малейшей угрозы или пренебрежения. Большинство из них даже не помнили, как ее зовут.

— И сколько бы ты здесь ни пробыла, Лотти, — продолжал доктор Холден, — мы сделаем все возможное, чтобы ты была счастлива. А когда ты захочешь уехать, нам останется надеяться, что ты будешь с удовольствием вспоминать свое пребывание в нашем доме, поскольку мы все уверены, что полюбим тебя.

Он погладил ее по голове и ушел, унося с собой ее вечную благодарность и то, что в сердце восьмилетнего ре-

бенка можно считать преданностью. Знай он, что в ее жизни никогда не было отца, не говоря уже о том, чтобы услышать от него хоть несколько добрых слов, он мог бы, наверное, удержаться от проявления нежности. Но нет. Доктор Холден улыбнулся, погладил ее, успокаивая, и маленькая Лотти перестала плакать, улеглась поудобнее в мягкой постельке и принялась размышлять о диковинных и невиданных доселе мужчинах, которые не ругались, не гоняли ее в лавку на углу и не пахли табаком.

Становясь старше, она смотрела на доктора Холдена уже не через такие розовые очки. Трудно было не переменить своего отношения, когда изо дня в день видишь жестокость мужчины, который напрочь отказывался общаться с собственной женой. По утрам он прятался за газетой, выныривая из-за своей чернильной завесы только для того, чтобы отчитать слегка Фредди или Сильвию за какой-нибудь проступок или взять чашку кофе. По вечерам он возвращался поздно, погруженный в собственные мысли, заявлял, что не в силах разговаривать, пока не выпьет и не проведет «несколько минут в тишине», но те обычно растягивались на весь вечер. А тем временем миссис Холден, которой интуиция, судя по всему, ничего не подсказывала, суетилась, порхая по дому, пытаясь предугадать любое его желание, занять мужа разговором или заставить обратить внимание на ее новую прическу (маникюр, кардиган), не удосуживаясь при этом прибегнуть к намекам.

В такие минуты он вызывал у Лотти что-то вроде негодования. Она понимала, что быть женатым на такой женщине, как миссис Холден, — задача не из легких. Но совсем не обязательно так жестоко ее игнорировать, особенно когда она изо всех сил старалась сделать его жизнь лучше. Он же, насколько видела Лотти, не прилагал ни-

каких усилий, чтобы облегчить жизнь супруги. Шли годы. Миссис Холден все больше волновалась, все больше суетилась, а доктор Холден все реже пытался скрыть свое раздражение, а его отлучки становились все продолжительнее. Размышляя о жизни матери, а также доктора и миссис Холден, Лотти решила, что брак определенно нужно считать плохой долей и его следует избегать, как канализационных люков или ветрянки.

— Я думаю, здесь. Как тебе кажется? А то сейчас она слишком белая. Слишком пустая. Слишком... строгая.

Лотти прищурилась, стараясь разглядеть то, что увидела Аделина. Но стена и есть стена. Как она может быть строгой? Пришлось, однако, кивнуть и напустить на себя умный вид, приподняв брови, как будто она поняла, что имела в виду Аделина, объявив, что у Френсис появились планы создать «нечто образное».

— У меня есть идея, — заявила Аделина. — Для фрески. Мне не нужны картины лесов или озер...

— Или пейзажи в древнегреческом стиле, — добавила подошедшая сзади Френсис. — Не выношу храмы и колонны. А еще оленей. Просто терпеть не могу этих ужасных оленей.

— Нет-нет. У меня другая идея. — Аделина помолчала, проведя пальцем по стене. — Это будет пейзаж с людьми. Мы все там появимся. Все, кто живет в «Аркадии».

— По типу «Тайной вечери». Только без религиозного налета.

— И без символизма.

— О нет! Немножко символизма должно быть, а иначе что это за картина?

Они совершенно забыли о Лотти. Она стояла, устремив взгляд на белую стену, слепящую отраженным сол-

нечным светом. Внизу, за волнорезом, протянулся пляж, заполненный отдыхающими, несмотря на близкую осень. На месте хозяев она поставила бы перед стеной несколько горшков с растениями. Или соорудила бы небольшую шпалеру.

— ...и ты, Лотти. Мы же обещали нарисовать твой портрет, правда? Ты обязательно здесь появишься. И Селия, хоть она и отсутствует.

Лотти попыталась представить, в каком виде она появится на стене. Но на ум приходил только нелепый нарисованный человечек, повсюду появившийся в годы войны, и надпись: «Что, нет...»¹

— Мне придется позировать? — спросила Лотти.

— Нет, — ответила, улыбаясь, Френсис. В последнее время она часто улыбалась. Улыбка нелепо смотрелась на ее лице, вздергивая длинный овал, словно старые панталоны на тонкой резинке. — Мы теперь тебя знаем. Я предпочитаю нечто более... импрессионистское.

— Ты обязательно должна изобразить ее волосы. Ты когда-нибудь их распускаешь, Лотти? — Аделина протянула тонкую руку и провела по волосам девушки.

Лотти дернулась, не сумев с собой совладать.

— Они путаются, слишком тонкие. — Она пригласила их, бессознательно отодвигаясь от Аделины.

— Перестань принижать себя, Лотти. Мужчины находят это таким скучным...

Мужчины? Лотти попыталась представить себя другой — той, кем могут интересоваться мужчины. До сих

¹ В годы Второй мировой войны в Лондоне получило распространение граффити, высмеивающее дефицит всего: на стенах рисовали круглую голову с длинным носом, которая высовывалась из-за забора со словами: «Что, нет хлеба?», «Что, нет сахара?». После отмены карточной системы Чэт, как его прозвали, потерял свою популярность.

пор это были только мальчики. Вернее, один Джо, который едва соответствовал этой категории.

— Всегда следует подчеркивать свои выгодные стороны. Если привлечь внимание к хорошему, люди редко замечают плохое.

Это было самое большое откровение, которое прозвучало из уст Аделины. Но Лотти не обратила внимания на ее слова.

— А что, если нам заставить Лотти рисовать?

— О да! Чудесная мысль, Френсис. Ты хочешь рисовать, Лотти? Френсис совершенно потрясающий педагог.

Лотти переступила с ноги на ногу:

— Мне не очень удается живопись. Мои вазы с фруктами обычно выглядят так, будто вот-вот перевернутся.

— Вазы с фруктами... — Френсис покачала головой. — Как можно вызвать страсть к искусству вазами с фруктами? Давай, Лотти. Нарисуй, что у тебя в мыслях, что в твоём сердце.

Лотти смущенно отпрянула, не желая даже пробовать. Аделина мягко подтолкнула ее в спину:

— Тебе нужно научиться мечтать, Лотти. Выражать свою суть.

— Но я совсем не рисовала с тех пор, как мы окончили школу. Миссис Холден говорит, мне следует вести расходные книги, чтобы получить хорошую работу в лавке.

— Забудь про лавки, Лотти. Совсем не обязательно рисовать какой-то предмет. Просто наслались ощущением пастели. С этими красками так приятно работать. Смотри... — Френсис начала рисовать линии на стене, уверенными движениями размазывая краску пальцем.

Лотти, забыв обо всем, наблюдала за каждым ее движением.

— Не забудь нарисовать себя, Френсис, дорогая. — Аделина опустила руку ей на плечо. — Ты никогда не рисуешь себя.

Френсис не отрывала взгляда от стены:

— Мне плохо даются автопортреты.

В дверях черного хода появилась Марни. В левой руке она держала за шею полуощипанную тушку гуся, а фар-тук ее был вымазан кровью и перьями.

— Прошу прощения, мэм, прибыл мистер Арманд.

Лотти перевела взгляд с пастельных линий на Аделину, которая кротко улыбнулась и отпустила Марни кивком. Лотти ожидала, что Аделина сейчас бросится к двери — привести себя в порядок, подкраситься, как неизменно делала миссис Холден, и раскраснелась от волнения, что наконец-то познакомится с неуловимым мужем Аделины.

Но Аделина вновь повернулась к белой стене.

— В таком случае мы пригласим кого-нибудь, кто рисует тебя, Френсис, — невозмутимо сказала она. — Как-никак ты важная часть нашей картины. Non?

В дверях снова возникло лицо Марни.

— Он в гостиной.

Френсис отошла от стены и взглянула на Аделину так, что Лотти почувствовала себя лишней.

— Мне кажется, я произвожу большее впечатление своим невидимым присутствием, — медленно произнесла Френсис.

Аделина пожала плечами, словно в очередной раз уступая в давнем споре, чуть приподняла руку и, повернувшись, направилась к дому.

Лотти сама точно не знала, чего ожидать, но Джулиан Арманд настолько оказался далек от ее представлений, что она дважды посмотрела мимо него, прежде чем по-

няла, что Аделина знакомит ее именно с этим женщиной.

— Очарован, — произнес он, целуя ей руку. — Аделина так много о вас рассказывала.

Лотти молчала, уставившись совершенно недопустимым образом, как сказала бы миссис Холден, на щеголеватого мужчину с прилизанными волосами и невероятно закрученными, словно отлитыми из металла, усами.

— Лотти, — прошептала она, а он кивнул, будто оказал ей любезность.

Нетрудно было догадаться, откуда у Аделины такие экстравагантные вкусы. Джулиан был одет по моде, которая, наверное, была в чести несколько десятилетий назад, да и то лишь в определенных изотерических кругах: твидовые бриджи с такими же жилетом и пиджаком, изумрудно-зеленый галстук и очки в черепаховой оправе с абсолютно круглыми стеклами. Из кармашка жилета свисали чрезвычайно затейливые часы, а в левой руке он держал трость с серебряным набалдашником. Единственной обычной деталью его туалета были начищенные ботинки, но и они мало походили на те, что она видела на главной улице — десять шиллингов за пару.

— Итак, это Мерхем, — сказал он, рассматривая вид из окна. — И ты решила нас здесь поселить.

— Право, Джулиан, не делай никаких выводов, пока не поживешь в доме недельку. — Аделина с улыбкой протянула к нему руку.

— А что такое? У тебя есть планы на мой счет?

— У меня всегда есть планы на твой счет, дорогой. Но я не хочу, чтобы ты о чем-то судил, пока не проснешься под шум моря и не выпьешь хорошего вина, любуясь закатом. Наш новый дом — маленький рай, и его скрытое очарование лучше воспринимать не спеша.

— Я специалист по неспешному восприятию, как тебе известно.

— Но, мой дорогой Джулиан, я также знаю, что тебя привлекает все яркое и новое. А мы с этим домом ни то ни другое. Поэтому мы должны убедиться, что ты будешь рассматривать нас под правильным углом. Разве не так, Лотти?

Лотти тупо кивнула. Она никак не могла сосредоточиться. До сих пор ей не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь обращался с собственным мужем, как Аделина: с такой чрезмерной церемонностью.

— Тогда обещаю, что не скажу ни слова. Итак... Кто мне здесь все покажет? Френсис? Ты хорошо себя чувствуешь? По-моему, морской воздух действует на тебя благоприятно.

— Со мной все в порядке, благодарю, Джулиан.

— А кто еще здесь?

— Джордж. Ирен. Нинетт только что уехала. Она снова пишет. В конце недели приедет Стивен. Я сказала ему, что ты возвращаешься.

— Превосходно. — Джулиан похлопал жену по руке. — Уже настоящий дом. Все, что мне теперь остается, — расположиться в центре и сделать вид, что я всегда был здесь. — Он медленно повернулся, опираясь на трость и рассматривая комнату. — А что ты скажешь об этом доме? Какова его история?

— Мы кое-что знаем благодаря Лотти и ее подружке. Его построил член одного местного семейства, а после его смерти владельцами стали... Кто?

— Макферсоны, — подсказала Лотти.

На мизинце Джулиана красовалось огромное толстое кольцо. Абсолютно женское.

— Да, Макферсоны. Но дом в стиле модерн, как видишь. Очень необычный, по-моему. И здесь чудесный свет. *Non?* Френсис утверждает, что здесь чудесный свет.

Джулиан повернулся к Френсис:

— Ты, безусловно, права, дорогая Френсис. Твои вкусы и суждения, как всегда, безукоризненны.

Френсис послала ему слабую, почти болезненную улыбку.

— Ты, наверное, скоро вернешься на Кадоган-Гарденс? — спросила она.

— Нет, — вздохнул Джулиан. — Боюсь, в том, что касается Кадоган-Гарденс, мы слегка подпалили мосты. Небольшое финансовое недоразумение. Но мы прекрасно проведем время здесь, пока вопрос полностью не утрясется. Я пробуду до биеннале. Если это не доставит вам слишком большого неудобства, — добавил он с улыбкой, явно уверенный, что его присутствие никогда и никому не может доставить неудобство.

— В таком случае чувствуй себя как дома, — сказала Аделина. — Я тебе все покажу.

Лотти вздрогнула, вспомнив о хороших манерах, и попятилась к двери:

— Я, пожалуй, пойду. Уже поздно, а я сказала, что только сбегая за молоком... Приятно было познакомиться.

Она помахала рукой и направилась к выходу. Аделина подняла руку в прощальном жесте и пошла на террасу, обняв Джулиана за твидовую талию. Обернувшись, чтобы закрыть за собою дверь, Лотти увидела Френсис. Забыв о присутствии Лотти и замерев, как одна из ее композиций, Френсис немигающим взглядом провожала уходящую пару.

Лотти готовилась посочувствовать Френсис, которая показалась ей одинокой. Нелегко, должно быть, ей придется теперь, когда вернулся Джулиан. Лотти, как никто, знала, каково это — чувствовать себя лишним винтиком. А Джорджу, видимо, было на нее наплевать, иначе он не флиртовал бы так много с Селией и ужасной Ирен. Но потом, два дня спустя, Лотти вновь ее увидела.

Вечером, в половине девятого, Лотти предложила прогуляться с Мистером Бинсом, престарелым ворчливым терьером Холденов. Собакой всегда занимался доктор Холден, но его в очередной раз задержали на работе, а расстроенная этим миссис Холден никак не могла уложить Фредди и Сильвию. Фредди заявил, что съел всю бегонию в доме, и без конца бегал в туалет, делая вид, что его тошнит, а Сильвия, в очередной раз появившись на лестничной площадке, теперь в тапочках и старом противогазе, потребовала одиннадцатый стакан воды. В гостиной Джо играл в скребл. Поэтому, когда Лотти предложила отвести пса на вечерний моцион, миссис Холден даже обрадовалась, сказав, что это было бы неплохо, если она пойдет в сопровождении Джо. Но не слишком долго. И только рядом с дорогой. Лотти и Джо срезали путь через городской парк, наблюдая, как последние лучи солнца исчезают за отелем «Ривьера», а уличные фонари начинают мигать, постепенно разгораясь. Мистер Бинс, отойдя на несколько футов, ворчал и сопел, преследуя по извилистой тропе вдоль края травы неизвестные ароматы. Лотти шла рядом с Джо, чувствуя, как он слегка подталкивает ее локоть, словно молча подсказывает взять его под руку.

— От матери давно не было вестей?

— Давно. Думаю, она напишет ближе к Рождеству.

— Тебе не кажется странным, что вы не общаетесь? Я бы скучал по своей матери.

— Твоя мать и моя — совершенно разные особи, Джо.

— Я бы не стал называть свою маму особью. — Он изобразил смех, на тот случай, если она хотела пошутить.

Они шли молча, глядя на редкие темные фигуры, которые двигались вдоль побережья, направляясь к своим домам.

— Когда возвращается Селия? Ты говорила, в субботу?

В том-то и беда. Миссис Холден хотела лично сообщить об этом мужу. Она любила приносить хорошие новости и была готова свернуть горы ради его улыбки.

— Она приедет дневным поездом. Утром мне нужно будет отвести Фредди к парикмахеру.

— Как быстро пролетели два месяца, даже не верится. Я отведу Фредди, если хочешь. Мне тоже пора подстричься, а то отец говорит, что я стал похож на пижона.

— Послушай... — Лотти остановилась.

Джо задрал голову, словно нюхая воздух. Где-то там, внизу, мерный шум волн говорил о наступившем приливе. Залаяла собака, прервав ароматную задумчивость Мистера Бинса. А затем Лотти снова это услышала. Играл джаз: странная, аритмичная, почти лишенная гармонии музыка. Труба на фоне какого-то другого инструмента. И смех.

— Слышишь? — Она схватила Джо за руку, забывшись.

Музыка доносилась с виллы «Аркадия».

— Что это? Кто-то душит кота?

— Только послушай, Джо. — Лотти замерла, пытаясь уловить меланхолические звуки. Но они донеслись на миг и тут же пропали. — Подойдем ближе.

— Уилл Буфорд раздобыл три новые американские пластинки с рок-н-роллом. Я пойду к нему через неделю послушать. Хочешь со мной?

Но Лотти, натянув кардиган на плечи, уже бежала, спотыкаясь, по ступенькам, чтобы занять самую выгодную точку. Мистер Бинс радостно поскакал за ней, цокая коготками по бетону.

— Миссис Холден велела нам держаться дороги, — прокричал вслед удалявшейся фигурке Джо, а затем, помедлив секунду, отправился следом.

Лотти перегнулась через перила в сторону «Аркадии». В сгущающихся сумерках полосы стеклянных окон ярко мерцали, отбрасывая лучи света на террасу. Там собралась небольшая компания. Прищурившись, Лотти разглядела Джулиана Арманда: он сидел на старой железной скамье, положив ноги на стол. В другом конце террасы стоял какой-то высокий человек и курил. Наверное, это Джордж. С ним разговаривал другой мужчина, которого Лотти не узнала.

А в луче света танцевали Френсис и Аделина, положив руки друг другу на плечи. Аделина откинула назад голову и лениво смеялась над тем, что говорила Френсис. Они раскачивались в такт музыке, расходясь ненадолго, чтобы взять бокал вина или перекинуться парой слов с кем-нибудь из мужчин.

Лотти не понимала, почему эта сцена окатила ее волной сладкого волнения. Френсис больше не казалась печальной. Даже на таком расстоянии она выглядела уверенной, сияющей. Словно стала хозяйкой положения. Только Лотти не понимала, как это произошло. Что заставляет людей так преобразаться? Как такое могло случиться с Френсис? Когда она была на вилле в последний раз, Френсис будто сливалась со стеной, превращаясь в непримечательный бежевый тон, на фоне которого сиял яркий луч света — Аделина. А вот теперь она превзошла Аделину, став как будто выше, сильнее, и совершенно не походила на себя прежнюю.

Лотти, как замороженная, едва дышала. «Аркадия» всегда оказывала на нее такое воздействие. Ее тянуло туда, откуда доносились минорные аккорды, приносимые морским бризом. Они нашептывали свои секреты, рассказывая о других местах, о другой жизни. «Тебе нужно научиться мечтать», — сказала ей Аделина.

— По-моему, Мистер Бинс уже сделал все свои дела, — донесся из темноты голос Джо. — Нам действительно пора возвращаться.

Дорогая Лотс [гласило последнее письмо]!

Какая же ты противная, что не закидала меня вопросами о Гае. Но я понимаю, ты безумно ревнуешь, поэтому прощаю тебя. Все-таки мужчины Мерхема в подметки не годятся лондонцам!!! Нет, серьезно, Лотс, я очень по тебе соскучилась. Девушки на курсах — злобная стая. Они успели распределиться по группировкам еще до моего приезда и теперь во время перерывов перешептываются, прикрывшись ладошками. Сначала меня это расстраивало, но сейчас, когда у меня появился Гай, я думаю, что они просто глупы и жизнь у них очень скучная и пустая, если они до сих пор играют в детские игры. (Это сказал Гай.) Он поведет меня на ужин в «Мирабель», чтобы отметить окончание моих экзаменов по машинописи и стенографии. Не говори мамочке, но это будет чудо, если я сдам стенографию. Мои записи похожи на китайскую грамоту. Гай тоже так говорит. Он объездил весь мир и видел, как эти вещи выглядят на самом деле. Я хотела послать тебе фотографию нас обоих во время скачек в Кемптон-Парке, но она у меня одна, и я боюсь ее потерять. Поэтому тебе придется прибегнуть к фантазии. Представь Монтгомери Клифта, только со светлыми волосами и загаром, — примерно так и выглядит...

Это было уже третье письмо, с которым у Селии «как-то» не получилось отправить фото Гая. Лотти «как-то» не особенно удивилась.

Лотти молча терпела, пока миссис Холден атаковала ее одежной щеткой, счищая резкими короткими движениями несуществующие пушинки с жакета.

— Надень ободок. Где он?

— Наверху. Хотите, чтобы я сбегала?

Миссис Холден хмуро оглядела Лотти.

— Видимо, придется. А то у тебя волосы разлетаются во все стороны. А ты, Фредерик? Что, скажи на милость, ты сделал со своими ботинками?

— Он почистил их черной ваксой вместо коричневой, — не без удовольствия пояснила Сильвия. — Говорит, так они кажутся более настоящими.

— Чем что?

— Чем ноги. Это копыта, — сказал Фредди, горделиво вращая носками ботинок. — Коровьи копыта.

— Право, Фредерик, неужели тебя нельзя оставить одного ни на минуту?

— У коров нет копыт. У них ноги.

— Нет, есть.

— А вот и нет. У коров раздвоенные ноги.

— Значит, у тебя коровьи ноги. Толстые коровьи ноги. Ой!

— Сильвия, Фредерик, перестаньте пинать друг друга. Это нехорошо. Лотти, пойди и приведи Вирджинию. Посмотрим, удастся ли спасти ботинки за пять минут, что остались до выхода. Сильвия, где твоё пальто? Еще десять минут назад я просила тебя надеть пальто. Сегодня холодно. И что у тебя с ногтями? Грязи под ними столько, что хоть огород разводи.

— Это оттого, что она ковыряет в носу. Ой! У тебя коровьи ноги! Огромные, толстые коровьи ножищи!

— Сильвия, я уже тебе говорила, не пинай брата. Мы сейчас найдем тебе щетку для ногтей. Где же эта щетка? Что скажет ваша сестра, когда увидит, какой у вас вид?

— Ради бога, женщина, перестань суетиться. Это всего лишь Селия. Ей все равно, даже если мы придем встречать ее в купальных костюмах.

Миссис Холден поморщилась, не глядя на мужа, который, сидя на лестнице, чистил свои ботинки. Только Лотти, прежде чем она побежала по коридору на поиски Вирджинии, заметила, что глаза ее наполнились слезами и она попыталась украдкой смахнуть их рукавом.

Лотти хоть и сочувствовала, но ее занимали другие проблемы. Они с Джо не разговаривали. Возвращаясь после прогулки с Мистером Бинсом, он сказал, что ей не следует столько времени проводить на вилле «Аркадия». Об этих людях идет дурная слава. И если Лотти будет бывать там слишком часто, то и о ней будут говорить плохо. Разве не так? А ведь он ей друг, и ему не все равно. Вот он и подумал, что будет правильно ее предупредить. Лотти, взбешенная его вмешательством, поинтересовалась насмешливым тоном, удивившим даже ее саму, какое ему дело, с кем она проводит время. Да хоть с Дики Валентайном!¹ Его это не касается.

Джо покраснел. Она разглядела его румянец даже в темноте и от этого еще больше рассердилась, хотя и почувствовала укор совести. А затем, помолчав немного, Джо произнес довольно торжественно, что если она до сих пор не поняла, то уже никогда не поймет, но никто не будет ее любить так, как он, и пусть его любовь безответна, но он все рано считает необходимым опекать ее.

¹ *Дики Валентайн* (1929–1971) — популярный в Англии исполнитель эстрадных песен 1950-х годов.

— Я говорила тебе, что не желаю это слышать! — вне себя накинулась на него Лотти. — А ты взял и все разрушил! Мы не сможем быть друзьями. Держи свои чертовы чувства при себе. Не можешь, значит больше мы не друзья. А теперь ступай домой к своей мамочке и не докучай мне заботами о моей репутации.

С этими словами она дернула поводок бедного старого Мистера Бинса и в бешенстве ушла домой, оставив Джо молча стоять у парковых ворот.

Если бы все шло как обычно, Джо давно бы зашел за ней к этому времени. Появился бы в дверях и спросил, чего она хочет — чашку кофе или сыграть в настольную игру, а затем пошутил бы насчет их ссоры. А Лотти, втайне довольная его приходом, была бы только рада сгладить шероховатости и вновь принять его в друзья. Теперь, когда Селия уехала, он стал для нее важен. Хотя порою Джо и раздражал ее, он все-таки был ей еще одним настоящим другом. Лотти всегда сознавала, что для таких, как Бетти Крофт и ей подобные, она была слишком смуглой, слишком неловкой, что ее терпели в компании только из-за Селии.

Но на этот раз Джо, видимо, не на шутку разобиделся. Прошло четыре дня, а он так и не появился. И Лотти, вспоминая, как резко говорила с ним, начала задумываться, стоит ли ей перед ним извиниться, а если стоит, то не решит ли Джо, что это очередное приглашение снова ее полюбить.

Из коридора донесся голос миссис Холден:

— Лотти, поживее! Поезд приходит в четыре пятнадцать. Мы же не хотим опоздать, правда?

Мимо быстро прошел доктор Холден.

— Ступай и успокой ее, Лотти, будь умницей, — оглянувшись, попросил он. — Иначе Селия только взгля-

нет на наш маленький оркестр на платформе и сразу отправится обратно в Лондон. — Он улыбался, и в этой улыбке скрывалось раздражение и молчаливое понимание.

Лотти, слегка смутившись, ответила ему такой же улыбкой.

До вокзала ехали десять минут, и все это время миссис Холден помалкивала, видимо опасалась очередного выговора. Доктор Холден тоже не произнес ни слова, но в этом не было ничего необычного. Сильвия и Фредди, однако, перевозбужденные от одного только сознания, что едут в машине, дрались, как дикари, впечатывали носы в стекла и криками задирали прохожих. Лотти, которой было велено сесть между ними, время от времени дергала одного или отчитывала другую, а сама все время думала, как уладить проблему с Джо. Наконец она решила, что отправится к нему этим же вечером. Она извинится. Она сумеет сделать это так, что будет ясно: романтическая ерунда ей не нужна. Джо успокоится. Как всегда.

Поезд прибыл в четыре часа шестнадцать минут и тридцать восемь секунд. Фредди, не сводивший глаз с вокзальных часов, громко возвестил им об опоздании. Впервые миссис Холден не стала его отчитывать — ей было не до того: вытягивая шею, она пыталась поверх голов других прибывших пассажиров разглядеть дочь. За грохотом вагонных дверей ее голос был едва слышен.

— Вон она! В третьем вагоне отсюда! — Сильвия вырвалась от матери и побежала по платформе.

А Лотти посмотрела ей вслед и тоже пошла в ту сторону, незаметно для себя перейдя на бег. Холдены временно забыли о своей сдержанности и не отставали от девочек.

— Сели! Сели! — Сильвия бросилась к старшей сестре, чуть не сбив ее с ног, едва та спустилась со ступенек вагона. — У меня новые туфли! Смотри!

— У меня тоже новые ботинки! — приврал Фредди, дергая Селию за руку. — А поезд быстро ехал? В Лондоне были шпионы? Ты каталась на двухэтажном автобусе?

Лотти отступила назад, чувствуя неловкость, когда миссис Холден порывисто обняла дочь, светясь от материнской гордости.

— О, как я по тебе скучала! Мы все по тебе скучали! — приговаривала она.

— Это точно, — сказал доктор Холден, ожидая, когда его супруга отпустит Селию, чтобы заключить ее в свои медвежьи объятия. — Как хорошо, что ты снова дома, дорогая.

Лотти смущенно молчала. Но не только оттого, что почувствовала себя лишней. Дело было в Селии. Прошло каких-то несколько месяцев, а Селия преобразилась. Подстриженные волосы уложены в блестящие волны, губы подчеркнуты смелой, почти вызывающей красной помадой. На ней было зеленое шерстяное пальто с поясом, которого Лотти прежде не видела, лакированные туфли на клиновидных каблучках не меньше трех дюймов высоты, а в руках лакированная сумочка. Она выглядела как с картинки. Настоящая красавица.

Лотти пригладила волосы под ободком и взглянула на свои прогулочные туфли с пряжкой и на крепкой подошве. Ногам в хлопковых носках, а не в капроне, как у Селии, уже сейчас было слишком жарко.

— Боже, как здорово всех вас видеть! — воскликнула Селия, оглядывая семейство, и миссис Холден, обрадованная встречей, даже не сделала ей замечания. — Лотс! Лотти. Не топчись там сзади, а то тебя не разглядеть.

Лотти вышла вперед и позволила себя поцеловать. Селия отстранилась, оставив после себя прилипчивый запах сладких духов. Лотти с трудом подавила желание стереть со щеки след губной помады.

— Я столько всего привезла вам из Лондона. Не терпится показать. Мне немного вскружило голову от денег, что дала тетя Анджела. О, Лотс, если бы ты знала, что я для тебя приготовила! Мне так это понравилось, что я чуть не решила оставить себе.

— Давайте не будем стоять здесь весь день, — подал голос доктор Холден, уже начавший поглядывать на часы. — Сели, дорогая, отойди от поезда.

— Да, ты, наверное, устала. Должна признаться, мне не нравилось, что ты проделаешь весь этот путь одна. Я говорила твоему отцу, что ему следовало бы за тобой съездить.

— Но я была не одна, мамочка.

Доктор Холден, который успел подхватить чемодан и направиться к выходу, остановился и обернулся.

За спиной Селии из поезда, слегка сутулясь, вышел какой-то мужчина. Когда он распрямился, все увидели, что одной рукой он прижимает к боку два огромных ананаса.

Селия ослепительно улыбнулась:

— Мамочка, папочка, познакомьтесь, это Гай. Ни за что не догадаетесь... Мы помолвлены!

Миссис Холден сидела перед трюмо, аккуратно вынимая шпильки из прически, и невидящим взглядом смотрела на свое отражение. Она всегда знала, что Лотти будет нелегко, когда Селия начнет расцветать. В какой-то момент в Селии неизбежно проявится порода. А еще она признала, что в Лондоне дочь изменилась так, что пре-

взошла все ее ожидания. Ее маленькая девочка вернулась домой настоящей моделью из модного журнала.

Сьюзен Холден аккуратно сложила шпильки в фарфоровую вазочку и закрыла ее крышкой. Ей не хотелось признаваться, какое облегчение она испытывает от помолвки Селии. К тому же с таким достойным молодым человеком, уже имеющим положение. То ли от радости за Селию, то ли из чувства благодарности, что теперь о ней позаботятся, все семейство, каждый по-своему, чувствовало необходимость отпраздновать событие. Генри даже чмокнул ее в щеку, чего с ним отродясь не бывало. У нее теплело на душе, когда она об этом думала.

Но реакция Лотти на новость Селии определенно была странной. Когда молодой человек только появился на платформе, она уставилась на него так пристально, что это выглядело почти неприлично. Ну да, они все устали — как-никак Селия огорошила их. Миссис Холден была вынуждена признать, что и ее взгляд был несколько внимательнее, чем обычно. Она уже много лет не видела ананасов. Но Лотти буквально не спускала с него глаз. Миссис Холден заметила это, потому что девушка стояла как раз рядом с ней. Все это было довольно неприятно. А когда Селия объявила о помолвке, кровь буквально отхлынула от лица Лотти. Не осталось ни кровинки, так что она казалась абсолютно белой. Словно собиралась упасть в обморок. Селия ничего не видела. Она была занята другим: хвасталась кольцом, болтала о свадьбе. Однако даже посреди всей этой радостной суеты миссис Холден отметила странную реакцию Лотти и почувствовала легкую тревогу. Она стояла, переваривая новость со смесью радости и потрясения, а сама невольно посматривала на свою суррогатную дочь с беспокойством.

Возможно, ничего удивительного в том не было. Девочкой мог заинтересоваться только кто-то вроде Джо, подумала миссис Холден с чувством жалости, к которому примешалась гордость за собственную дочь. Еще бы! Такая смуглая кожа. И такое происхождение.

Она взяла кольдкрем и начала методично удалять румянец со щек. «Вероятно, мы несправедливо с ней поступили, взяв в дом, — подумала она. — Наверное, нам следовало предоставить ее судьбе и не забирать от лондонских родственников. Вполне возможно, мы вселили в нее напрасные надежды».

На них не было даже нитки. Говорю вам, дамы, я чуть сознания не лишилась. — Миссис Колкухоун прижала руку ко рту, словно испытывала боль от одного воспоминания. — Как раз возле тропы. Любой мог видеть.

Совершенно справедливо, согласились дамы салона, хотя в душе усомнились, что кто-нибудь, кроме Дейрдре Колкухоун, наткнулся бы на Джорджа Берна и Джулиана Арманда в момент бодрящего утреннего заплыва. Более того, большинство из них прекрасно сознавали, что миссис Колкухоун за последние месяцы совершила неоправданно большое количество прогулок вдоль морского побережья, даже в ненастную погоду. Но, разумеется, никто не допускал мысли, что причиной тому послужило нечто другое, кроме желания убедиться в незыблемости устоев Мерхема.

— Не было ли в том безрассудства — заходить в такую холодную воду?

— Представляю, как они посинели, — с улыбкой произнесла миссис Ансти, но тут же перестала улыбаться, поняв, что больше никто не счел это забавным.

— И знаете, он ведь мне помахал! Тот, что помоложе. Вот так вот стоял и махал... Можно подумать... я могла разглядеть... — Голос миссис Колкухоун оборвался, руку она по-прежнему прижимала к губам, словно вспоминала о пережитом ужасе.

— На прошлой неделе он пел, этот самый мистер Арманд. Вышел на террасу и ну горланить какую-то оперу. Будьте любезны! Средь бела дня!

Дамы зацокали языками.

— Что-то немецкое, надо полагать, — предположила Маргарет Кэрю, питавшая огромную страсть к произведениям Гилберта и Салливана¹.

Наступила короткая тишина.

— Что ж, — нарушила ее миссис Ансти, — я считаю, дамы, что обитатели того дома начинают вредить репутации нашего городка.

Миссис Чилтон отставила чашку с блюдцем:

— Я все больше и больше волнуюсь насчет отдыхающих, которые собираются приехать в следующем сезоне. Что, если пойдет молва об этих выходках? Нам нужно заботиться о своем добром имени. И мы не желаем, чтобы их влияние распространилось на нашу молодежь. Бог знает, что тогда может случиться.

Разговор временно затих. Никто не захотел вспоминать случай на пляже с Лотти и Селией. Впрочем, Сьюзен Холден, воодушевленная помолвкой Селии, уже не ощущала неловкости в связи с той историей. Она появилась в дверях и начала обходить гостей, предлагая каждой кусочки фруктов, нанизанные на коктейльные палочки

¹ Композитор Артур Салливан и автор либретто Уильям Гилберт писали популярные комические оперы для театра «Савой» в 1875–1896 гг.

и красиво разложенные кругами (журнал «Домоводство» особое внимание уделял привлекательной подаче блюд).

— Еще по кусочку ананаса? Или, быть может, ломтик дыни? — угощала она. — Удивительно, как долго путешествовал этот фрукт, чтобы оказаться у нас на тарелке. Вчера вечером я так и сказала Генри: «Сейчас в самолетах летает больше ананасов, чем людей!» — Она посмеялась собственной незатейливой шутке. — Прошу вас, угощайтесь.

— Совершенно не похож на консервированный, — задумчиво изрекла миссис Ансти. — На мой вкус, немного резковат.

— Так возьмите дыню, дорогая, — предложила миссис Холден. — У нее чудесный мягкий вкус. Отец Гая, знаете ли, импортирует фрукты из всевозможных удивительных мест. Гондурас, Гватемала, Иерусалим... Вчера вечером он рассказал нам о фруктах, о которых мы даже и не слышали. Вы, например, знали, что есть фрукт в форме звезды? — Она даже порозовела от гордости.

Миссис Ансти проглотила кусочек с гримаской удовольствия:

— Ммм, чудесная дыня.

— Не забудьте взять домой ломтик для Артура. Гай сказал, что попросит отца прислать нам еще фруктов из Лондона. У них такая огромная компания. И Гай — единственный сын, так что однажды к нему перейдет очень хороший бизнес. Еще ананаса, Сара? Вот салфетки, дамы, если нужно.

Миссис Чилтон сдержанно улыбнулась и отказалась от второго кусочка. Они все радовались за Сьюзен, которая благополучно пристроила Селию, но нехорошо, когда кто-то чересчур зазнается.

— У вас, должно быть, камень с души свалился, — заметила она осторожно.

Сьюзен Холден резко подняла голову.

— Сами знаете... Девочки доставляют столько тревог, не правда ли? — продолжала миссис Чилтон. — Мы все очень рады, что вы передаете Селию в надежные руки. И будем держать кулаки за маленькую Лотти, хотя с ней у вас никогда не было столько же хлопот. Не так ли, дорогая? — Она взяла печенье с подноса, протянутого Вирджинией, которая только что вошла в комнату.

Улыбка миссис Холден опять стала неуверенной. А миссис Чилтон откинулась на стуле и ободряюще ей кивнула.

— Итак, дамы, как мы поступим с виллой «Аркадия»? Я тут подумала... видимо, кому-то придется сказать свое слово. Кому-то с авторитетом, вроде Олдермана Эллиотта. Им нужно все высказать, этим представителям богемы, или кем они там себя считают. По-моему, они не совсем понимают, как мы живем в Мерхеме.

Лотти лежала в постели, делая вид, что читает, и стараясь не прислушиваться к смеху, доносившемуся с лужайки, где Селия и Гай играли в теннис, не обращая никакого внимания на резкий ветер и Фредерика, чересчур рьяно подбравшего каждый мяч.

Она с укором уставилась на страницу, сознавая, что уже почти сорок минут читает один и тот же абзац. Но если бы кто-нибудь спросил, о чем он, она не сумела бы ответить. Да и вообще, если бы кто-нибудь спросил о чем угодно, она бы тоже не сумела ответить. Потому что все потеряло смысл. Вселенная взорвалась, разлетелась на куски, а потом они все вновь соединились, но уже не в том порядке. И заметила это только Лотти. Селия за окном что-то с упреком заверещала, а потом залилась смехом, но Гай

продолжал говорить размеренным тоном, наставляя ее в чем-то. В его голосе тоже скрывалось веселье, но он не выпустил его наружу.

Лотти закрыла глаза и постаралась дышать ровно. Она понимала, что Селия в любую секунду может прислать кого-нибудь наверх узнать, не хочет ли она к ним присоединиться. Или составить смехотворную четверку, если Фредди потребует включить его в игру. Но как ей объяснить внезапное отвращение к теннису? Как ей объяснить нежелание покидать четыре стены? Сколько еще времени пройдет, прежде чем кто-нибудь догадается, что дело тут вовсе не в «замкнутости» Лотти, в которой со смехом обвинила ее Селия, что внезапное нежелание проводить время с лучшей подругой не просто очередная ее причуда?

Она посмотрела на новую блузку, висевшую на дверной ручке. Миссис Холден одарила Лотти одним из своих «взглядов», когда та сказала Селии «спасибо». Видимо, посчитала ее неблагодарной. Лотти должна была выразить благодарность более эмоционально. Блузка действительно очень симпатичная.

Но у Лотти не нашлось нужных слов. Она вообще не могла говорить. Да и как иначе? Как она могла объяснить, что в первую же секунду, когда она увидела Гая, все, что она знала, все, во что верила, тут же куда-то исчезло, словно у нее выбили почву из-под ног? Как она могла объяснить жгучую боль, пронзившую ее при виде знакомого лица, горькую радость узнаваемости, глубокую уверенность, что давно знает этого мужчину? Еще бы ей не знать — разве их вылепили ни из одного и того же теста? А как она могла сказать Селии, что та не должна выходить замуж за человека, которого привезла домой в качестве жениха?

Потому что он принадлежал Лотти.

— Лотти! Лотс! — донеслось снизу.

Да, все, как она и предполагала.

Лотти подождала, пока ее не окликнули во второй раз, затем открыла окно и посмотрела вниз. Стараясь не сводить взгляда с лица Селии.

— Не будь занудой, Лотс! Ты ведь не готовишься к экзаменам.

— У меня немного разболелась голова. Я спущусь позже, — сказала она.

Даже ее голос звучал по-другому.

— Она просидела в своей комнате весь день, — сообщил Фредди, швыряя теннисные мячики в стену дома.

— Ой, да брось ты. Мы собираемся съездить в Бард-несс-Пойнт. Ты могла бы позвать Джо. Поедем вчетвером. Давай же, Лотс! Мы ведь с тобой толком не пообщались.

Ее удивило, что Селия не разглядела, как она фальшиво улыбается. Даже щеки заболели.

— Вы поезжайте. А я останусь, пока не пройдет головная боль. Завтра что-нибудь придумаем.

— Скука, скука, скука... А ведь я рассказывала Гаю, как плохо ты на меня влияешь. Наверное, опять скажешь, что я все выдумываю. Да, дорогая?

— Завтра. Обещаю.

Лотти нырнула обратно в спальню, чтобы не видеть, как они обнимаются. Она легла лицом вниз на кровать. И попыталась вспомнить, как дышат люди.

Гай Парнелл Оливье Банкрофт родился в Уинчестере, что, строго говоря, делало его англичанином. Но больше ничего английского в нем не было. Все, начиная с загара, так не вязавшегося с бледными английскими лицами вокруг него, до свободной, но скромной манеры держаться, отличало его от молодых людей, которых знали Лотти

и Селия. Во всяком случае, молодых людей Мерхема. Это был неразговорчивый юноша, вежливый, сдержанный, в котором тем не менее угадывался богатый наследник. Он практически ничему не удивлялся и был открыт для всего хорошего. Казалось, ему неведомо мучительное самокопание, свойственное, например, Джо, равно как и стремление выделиться среди других парней. Он смотрел на все широко открытыми глазами, словно не переставая забавляться какой-то неожиданной шуткой, временами вызывавшей у него приступы неудержимого веселого хохота. Он невольно вызывал улыбку, как призналась мужу миссис Холден. И она часто улыбалась Гаю, а как только переварила потрясение от столь быстрой помолвки дочери, начала относиться к нему благосклонно, как к своему первенцу. А Гая, казалось, ничто не смущало: ни разговор с шофером на стоянке такси, ни перспектива официально попросить у доктора Холдена руки его дочери. Он пока этого не сделал. Впрочем, прошло всего пару дней, а доктор Холден был ужасно занят. Если Гай был немного пассивен, менее откровенен, чем хотелось бы Холденам, то они не собирались судить его за это: дареному коню...

Но во всем этом не было ничего странного, поскольку Гай Банкрофт почти всю жизнь прожил, не зная жестких социальных условностей частных школ для мальчиков или провинциальных обществ. Единственный ребенок в семье, он был окружен заботой, и после короткого безуспешного пребывания в британском пансионе его снова приняли в объятия семьи и перевозили вместе с багажом из тропиков в субтропики, по мере того как Гай Берtrand Банкрофт-старший, прозорливо распознав потребность обездоленных британцев в экзотических фруктах, быстро строил свой бизнес, отыскивая каналы, чтобы удовлетворять растущий аппетит соотечественников.

Гай провел детство, бродя по огромным фруктовым плантациям на Карибских островах, где поначалу обосновался отец. Мальчик исследовал пустынные пляжи, заводил дружбу с детьми чернокожих работников, время от времени получал знания от репетиторов, когда отец не забывал их нанимать. «Гаю не нужно формальное образование! — восклицал Банкрофт-старший. Он очень любил восклицать. Возможно, поэтому Гай вырос довольно тихим. — Какой толк ребенку, если он будет знать, что произошло в тысяча шестьдесят шестом году? Не все ли равно, сколько жен было у Генриха Восьмого? Король сам с трудом вел их счет. Лично он, Банкрофт-старший, выучился на своем горьком опыте. Получил диплом (при этом мать обычно вскидывала брови) Университета жизни. Нет, мальчик узнает гораздо больше, если ему предоставить свободу и позволить поскитаться по миру. Так он выучит географию, сравнивая террасные поля Центрального Китая с обширными сельхозугодьями Гондураса, политику, познакомится с реальными людьми, их культурой и верой. Математику он сможет выучить по бухгалтерским книгам. Биологию... Для этого стоит только понаблюдать за жизнью насекомых».

Но все они понимали истинную причину. Гаю-старшему просто нравилось держать сына под боком. Поздний и долгожданный, этот мальчик воплотил в себе все его желания. Отец не понимал тех родителей, которые стремились отправить своих отпрысков в душную старую частную школу, где их обучат британской сдержанности, снобизму и, скорее всего, превратят в педиков... «Да, дорогой. — В этом месте мать Гая всегда решительно прерывала его. — Думаю, твоя точка зрения всем ясна».

Все это Гай поведал Холденам во время семейных трапез. Умолчал лишь о педиках, но Селия рассказала верной

подруге, когда они лежали в кроватях и болтали перед сном. Вернее, Селия болтала. Лотти безуспешно притворялась спящей, полагая, что ее единственная надежда сохранить здравый ум — не думать о Гае как о реально существующем человеке.

Но не только девушки обсуждали Гая. Миссис Холден сильно расстроило его небрежное упоминание о чернокожих друзьях, и она потом без конца спрашивала доктора Холдена, считает ли он, что это правильно.

— Что тебя волнует, женщина? — раздраженно отозвался доктор Холден. — Что это заразно?

В конце концов, увидев, что лицо миссис Холден сохраняет страдальческое и обиженное выражение слишком долго, превысив обычную норму, он снизошел до объяснений, сказав, что в тех краях все по-другому. У мальчика, видимо, не было возможности познакомиться со своей ровней. А кроме того, Сьюзен, времена меняются. Посмотри на иммиграцию. Просто ему хотелось спокойно почитать газету.

— Я только подумала, не слишком ли... небрежно поступили его родители. Как, скажи на милость, ребенку расти и узнавать жизнь, если он общается только с... персоналом?

— Так напомни мне уволить Вирджинию.

— Что?

— Не можем же мы допустить, чтобы Фредди и Сильвия разговаривали с девушкой.

— Генри, ты нарочно тупишь. Я уверена, с родителями Гая все абсолютно в порядке. Я лишь подумала... Он получил немного... необычное воспитание, только и всего.

— Сьюзен, он прекрасный молодой человек. У него нет тика и явных отклонений, отец его чрезвычайно бо-

гат, а сам он хочет избавить нас от нашей легкомысленной молодой вертушки, которая доставляет нам одни заботы. Лично мне все равно, даже если бы он вырос, играя на барабанах бонго и поедая человеческие головы.

Миссис Холден не знала, то ли смеяться, то ли ужаснуться. Ей иногда было очень трудно понять юмор мужа.

Лотти обо всем этом не подозревала. За столом она почти не отрывала взгляда от тарелки или молилась, чтобы с ней никто не заговорил. Впрочем, беспокоилась она зря. Миссис Холден не терпелось расспросить Гая о его семье и какой нашла Британию миссис Банкрофт, вернувшись сюда после долгого перерыва, в то время как доктора Холдена интересовало, не повлияет ли на семейный бизнес вся эта заварушка с земельными реформами в Гватемале и действительно ли холодная война отразится на иностранной торговле.

Лотти было слишком тяжело находиться рядом с ним. Слишком трудно слушать его голос. Где она слышала его прежде? А ведь наверняка слышала. Каждая его нотка оставляла в душе зарубку. Его присутствие смущало ее, путало все мысли, так что она уже не сомневалась, что обязательно себя выдаст. Его запах, эта едва уловимая сладость, словно он до сих пор носил на себе ароматы тропиков, заставляла ее спотыкаться на самых простых словах. Безопаснее было вообще на него не смотреть. Безопаснее было не видеть его красивого лица. Безопаснее не наблюдать, как Селия по-хозяйски кладет руку ему на плечо или рассеянно гладит его по волосам. Безопаснее держаться подальше. Подальше!

— Лотти! Лотти! Я уже три раза спросила, не хочешь ли ты стручковой фасоли. Тебе, может, надо уши промыть?

— Нет, спасибо, — прошептала Лотти, стараясь успокоить готовое выскочить из груди сердце.

Он взглянул на нее один раз. Один лишь только раз, когда она застыла на платформе, пораженная собственной реакцией. Его глаза, встретившись с ее глазами, впились в них, как две пули.

— Это «Р».

— Нет-нет, ты смотришь не под тем углом. Больше похожа на «Г».

— Ой, мама! Нельзя же, в самом деле, так жульничать.

— Нет, честно, дорогая. Взгляни. Четко вырисовывается буква «Г». Ну разве это не чудесно?

Лотти заглянула в кухню за молоком. Уже несколько дней она толком не ела и, чувствуя легкую тошноту, надеялась, что молоко успокоит желудок. Она никак не ожидала застать Селию с матерью в тот момент, когда они, обернувшись, будут внимательно разглядывать что-то на кухонном полу. Миссис Холден от души веселилась, что было на нее совсем не похоже. Услышав шаги Лотти, она подняла голову и улыбнулась — столь редкой искренней улыбкой.

— Мне просто захотелось молока.

— Заходи, Лотти. Под этим углом очень похоже на букву «Г». Тебе так не кажется?

— Ох, мама! — Селия безудержно расхохоталась. Ее волосы рассыпались на золотистые пряди, одна из которых прилипла к щеке.

Лотти пригляделась к полу. Там, на каменной плите, лежала яблочная кожура, аккуратно срезанная длинной спиралью.

— Определенно буква «Г».

— Не понимаю... — сдвинув брови, пробормотала Лотти.

Миссис Холден всегда отчитывала Вирджинию, если та оставляла кусочки еды на полу. Это ведь могло привлечь грызунов.

— «Г» означает Гай. Лично мне это ясно, — решительно заявила миссис Холден, прежде чем нагнуться и подобрать кожуру. При этом она слегка поморщилась — видимо, по-прежнему носила слишком тесные пояса.

— А я скажу Гаю, что это была буква «Р». Он сразу приревнует. Кого мы знаем на букву «Р», Лотс?

Лотти раньше не видела, чтобы Селия с матерью так веселилась. Обычно подруга говорила, что ее мать — самая невыносимая женщина на свете. А теперь, как видно, Селия вступила в новый клуб, и они обе — и она, и мать — пошли дальше, оставив ее позади.

— Я возьму молока.

— Лион — Пион, — прогорланил Фредди, появившись на кухне с препарированными внутренностями старых наручных часов.

— Я сказала «Р», дурачок, — с любовью произнесла Селия.

Неудивительно, что она так мила со всеми, подумала Лотти. Я бы тоже была мила на ее месте.

— Знаешь, ма, Гай говорит, что мои губы как лепестки роз.

— Роз — угрозы, — изрек Фредди, заходясь смехом. — Ой-ой!

— «Р» значит рыцарь. «Р» значит рассеянный. Он немного рассеян, тебе не кажется, мамочка? Я порой не знаю, где он витает. Хочешь, погадаем для тебя, Лотти? Кто знает... Может, получится буква «Д»...

— Не знаю, что творится с этой девочкой, — сказала миссис Холден, глядя вслед удалявшейся Лотти.

— Ой, Лотти есть Лотти. С ней все будет хорошо. Просто она рассердилась на что-то. — Селия пригладила волосы, глядя в зеркало над камином. — Знаешь что, давай еще раз попробуем. На этот раз с зеленым яблоком. Только возьмем нож поострее.

Ей предложили место в обувном магазине Шелфорда в дальнем конце набережной. Она согласилась, но не потому, что срочно понадобилась работа, — доктор Холден уговаривал ее не торопиться, обдумать, чем ей хочется заниматься, а потому, что работать в обувном магазине три раза в неделю было гораздо легче, чем оставаться в доме Холденов. Что касается «Аркадии», то попасть туда стало почти невозможно. По всему городу расползлись шпионы, готовые любыми правдами и неправдами не подпустить любого, кто захочет приблизиться к Дому Греха.

Гай уехал почти на неделю, и в этот короткий промежуток она снова начала дышать. Ей почти удалось казаться нормальной. К счастью, Селия была так поглощена своей любовью, что даже не вникала в то, что миссис Холден теперь называла «приступами» Лотти. Но потом он вернулся и сказал, что отец велел ему «повеселиться и отдохнуть немного», прежде чем начать карьеру с нуля в семейном бизнесе. И Лотти, к этому времени буквально согнувшись под грузом тоски, который таскала с собой повсюду, приготовилась к новым испытаниям.

Хуже всего, что теперь он жил в их доме. Правда, он хотел было подыскать себе что-нибудь, даже спросил у Холденов, не порекомендуют ли они какой-нибудь дом, миссис Чилтон например. Но миссис Холден даже слышать об этом не хотела. Она приготовила для него ком-

нату на Вудбридж-авеню. Естественно, в другом конце дома. С отдельным туалетом. Так что не будет нужды бродить по дому среди ночи. «Очень мудрое решение, дорогая, — одобрила миссис Чилтон. — Никогда не знаешь, когда взыграют гормоны». Но о том, чтобы не предоставить ему кров, не было и речи. Мистер Банкрофт-старший должен увидеть, что они гостеприимная семья. С большим домом. Семья, с которой не стыдно породниться. Да и огромный ящик с экзотическими фруктами, который он присылал каждую неделю вместо платы за проживание, пришелся очень кстати. А иначе фрукты достались бы Саре Чилтон. Какой в том смысл?

И три раза в неделю Лотти будет обреченно спускаться с холма, пересекать муниципальный парк, готовясь целый день втискивать восьмой размер в туфли седьмого размера, и думать при этом, как долго ей удастся терпеть эту боль и тоску. Джо ни разу не пришел.

Ей понадобилось почти десять дней, чтобы это заметить.

Дамы решили написать письмо. Приглашение. Можно заставить людей делать то, что ты хочешь, и без конфронтации, сказала миссис Холден. А она была великим мастером избегать конфронтации. Дамы салона написали вежливое письмо миссис Джулиан Арманд, приглашая ее присоединиться к их собранию, отведать легких закусок и познакомиться с местным обществом. Они с удовольствием примут в свои ряды ревностную поклонницу искусства. Обитатели виллы «Аркадия» традиционно принимали участие в общественной и культурной жизни города. Последнее заявление не совсем соответствовало истине, но, как заметила миссис Чилтон, любая достойная женщина сочтет своим долгом прийти.

— Хорошо изложено, — кивнула миссис Колкухоун.

— Своего можно добиться разными способами, — изрекла миссис Чилтон.

Лотти решила навестить Джо и уже собиралась уходить, когда ее поймала миссис Холден. Прошло слишком много времени с их последней встречи, и, запертая в своей собственной боли, она решила, что любое постороннее дело, пусть даже это будет встреча с Джо и его нескончаемые заверения в преданности, отвлечет ее. Возможно, сейчас в ней появилось чуть больше сочувствия к нему. Как-никак она сама неожиданно познала боль неразделенной любви.

— Лотти, это ты?

Девушка замерла в коридоре, подавив вздох. Меньше всего ей хотелось сейчас предстать перед взорами дам салона. Ей было ненавистно читать на их лицах жалостливое понимание, молчаливое сочувственное признание шаткости ее положения в доме Холденов. Миссис Холден последнее время часто повторяла, что ей, наверное, захочется в скором времени обрести нечто более постоянное. Возможно, устроиться в хорошем универсальном магазине. В Колчестере, например, есть один такой.

— Да, миссис Холден.

— Зайди на секунду, дорогая. Хочу попросить тебя об одолжении.

Лотти медленно вошла в гостиную, слабо и неискренне улыбнулась, глядя на лица, смотревшие на нее с ожиданием. В комнате, натопленной неестественно жарко новым газовым камином, пахло слегка залежалой пудрой и духами «Коти».

— Я собиралась в город, — сказала девушка.

— Да, дорогая. Но я хотела, чтобы ты просто доставила письмо по дороге.

Так вот в чем дело. Она испытала облегчение и повернулась, чтобы уйти.

— В дом актрисы. Ты знаешь, где это.

Лотти обернулась:

— На виллу «Аркадия»?

— Да, дорогая. Это приглашение.

— Но вы сами говорили, что нам нельзя туда ходить. Вы говорили, что там полно... — Она умолкла, пытаясь вспомнить точные слова миссис Холден.

— Да-да, я прекрасно помню, что говорила. Но все меняется. И мы решили воззвать к здравому смыслу миссис Арманд.

— Хорошо, — сказала Лотти, беря протянутый конверт. — До свидания.

— Нельзя же отпускать ее одну. — Это сказала Дейрдре Колкухоун.

Сьюзен Холден оглядела гостиную. Наступила короткая пауза, пока дамы переглядывались.

— Да, она не должна идти одна.

— Видимо, она права, дорогая. После... всего. Пусть ее кто-нибудь проводит.

— Уверена, со мной все будет в порядке, — не без доли раздражения в голосе возразила Лотти.

— Да, дорогая. Но ты должна согласиться, что в некоторых вещах взрослые разбираются лучше. Где сейчас Селия, Сьюзен?

— Делает укладку, — ответила миссис Холден. Вид у нее был взволнованный. — Потом она собиралась взглянуть на кое-какие издания для невест. К таким вещам лучше быть готовой...

— Она не может идти одна, — настаивала миссис Колкухоун.

— В доме Гай, — осмелилась заметить миссис Холден.

— В таком случае отошлите юношу с ней. Так будет безопаснее. — Миссис Чилтон осталась довольна таким исходом.

— Гай? — Лотти запнулась и покраснела.

— Он в кабинете, — сообщила миссис Холден. — Сходи за ним, дорогая. Чем раньше вы отправитесь, тем быстрее вернетесь домой. Кроме того, Гаю не помешает прогуляться, а то он просидел в четырех стенах все утро, занимаясь с Фредди. Мальчик очень терпелив, — пояснила она.

— Н-но я и сама справлюсь.

— Ну почему ты такая необщительная? — укорила ее миссис Холден. — Нет, серьезно, мне приходится чуть ли не вытаскивать ее из комнаты. Она больше не видится со своим другом Джо, и бедняжке Селии никак не удается ее чем-нибудь завлечь... Ну же, Лотти. Попытайся проявить хоть чуть-чуть вежливости. — И миссис Холден сама отправилась на поиски Гая.

— Как дела на работе, дорогая? Справляешься?

Миссис Чилтон пришлось повторить вопрос.

— Отлично, — ответила Лотти, понимая, что если не поддержит разговор, то даст им еще одно доказательство своей нелюдимости.

— Я обязательно должна к вам зайти за зимними сапогами. Они мне крайне необходимы. Какие-нибудь хорошие уже поступили, Лотти? С флисовой подкладкой?

— О боже! Сейчас он войдет в комнату! И ей придется с ним заговорить!

— Лотти!

— Кажется, мы все еще торгуем сандалиями, — прошептала она.

Миссис Чилтон вопросительно изогнула бровь, глядя на миссис Ансти.

— Тогда я зайду в конце недели.

Ей удалось покинуть комнату, не глядя на него. Коротко кивнув на его «привет», она уставилась в пол и потому не заметила возмущенные взгляды, которыми обменялись дамы. Но сейчас, когда они вышли из дому и быстро зашагали по дороге, Лотти оказалась перед трудным выбором: с одной стороны, ею овладело отчаянное желание убежать, а с другой — совсем не хотелось, чтобы он счел ее невежественной и грубой.

Засунув руки в карманы, опутив лицо из-за встречного ветра, Лотти сосредоточилась на том, чтобы через равные промежутки делать вдох и выдох. Ни о чем другом она думать не могла. Скоро он уедет, твердила она про себя, словно заклинание. И тогда все войдет в нормальное русло.

— Лотти! Эй, Лотти, давай помедленнее...

Лотти так углубилась в свои мысли, что не сразу его услышала. Она остановилась и обернулась, надеясь, что ветер, терзавший ее волосы, объяснит румянец, быстро разливавшийся по лицу.

Гай протянул руку, словно пытаясь задержать свою спутницу.

— Мы разве куда-то торопимся?

В его голосе слышался легкий акцент — как будто жаркие томные страны его юности стерли в речи все углы. Он двигался плавно, радуясь самому движению, и, казалось, для него не существовало никаких преград.

Лотти не сразу нашлась что ответить.

— Нет, — в конце концов сказала она. — Прости.

Они снова двинулись в путь, на этот раз медленнее. Шли и молчали. Лотти кивнула, приветствуя соседа.

— Ветрено, — приподняв шляпу, заметил тот.

— Кто это был?

— Мистер Хиллгард.

— Это тот, что с собакой?

— Нет, то мистер Аткинсон. — Щеки ее горели. — У него тоже усы.

«Усы! Надо же, усы! — ругала она себя. — Но кто, черт возьми, замечает усы? — Они поднимались по холму к «Аркадии», и Лотти начала прибавлять шаг. — Пожалуйста, пусть все это поскорее закончится, — просила она. — Пожалуйста, пусть он вспомнит о каком-нибудь поручении в городе. Пожалуйста, пусть он уйдет».

— Лотти!

Она остановилась, подавляя слезы и боясь, что у нее вот-вот начнется истерика.

— Лотти, подожди минутку.

Она обернулась и взглянула ему в лицо во второй раз. Он стоял перед ней и смотрел своими огромными карими глазами на чересчур красивом лице. Озадаченный. С легкой улыбкой на губах.

— Я тебя обидел?

— Что?

— Не знаю, что я сделал, но хотелось бы узнать.

«Неужели не знаешь? — подумала она. — Неужели не понимаешь? Неужели не видишь во мне то, что я вижу в тебе?» Она подождала несколько секунд, надеясь, что он все-таки сам ответит, и чуть не разрыдалась от отчаяния, когда он ничего не сказал.

— Ты ничего не сделал. — Она снова двинулась к дому, чтобы он не увидел, как сильно она прикусывает щеки.

— Эй! Эй! — Он поймал ее за рукав.

Она вырвала руку, словно он ее обжег.

— Ты избегаешь меня с тех пор, как я сюда приехал. Неужели из-за меня с Селией? Я знаю, вы всегда были лучшими подругами.

— Конечно нет, — сердито ответила она. — А теперь прошу, пойдем. У меня еще много дел.

— Не понимаю, что происходит, — раздался голос за ее спиной. — Ты почти все время сидишь безвылазно в своей комнате.

В горле Лотти застрял огромный комок пустоты. И душил ее. Глаза щипало от слез. Господи, заставь его уйти. Прошу тебя. Несправедливо так со мной поступать.

Но Гай снова с ней поравнялся.

— Странно, но ты мне кого-то напоминаешь. — На этот раз он на нее не смотрел. Просто шел рядом. — Я пока не понял кого. Но пойму. Это тот дом?

Солнце, несмотря на ветер, согрело ей спину. На подъездной аллее Лотти чуть замедлила темп, под ногами хрустел гравий. Еще не дойдя до середины, она осознала, что не слышит его шагов.

— Вот это да! — Он отступил назад, прикрыв ладонью глаза и щурясь от солнца. — Кто здесь живет?

— Аделина. Ее муж Джулиан. И кое-кто из их друзей.

— Совсем не похож на английский дом. Скорее напоминает те дома, среди которых я вырос. Вот это да! — Он улыбался, приближаясь к дому и оглядывая квадратные окна, побеленный фасад. — Я, знаешь ли, не большой поклонник британских домов: традиционного викторианского стиля или псевдотюдоровской ерунды. Мне они кажутся темными и тесными. Даже дом родителей Селии. Зато этот гораздо больше мне по вкусу.

— Мне он нравится, — сказала Лотти.

— Вот уж не думал, что здесь встречаются такие дома.

— Как давно ты здесь не был?

Он задумчиво нахмурился:

— Лет двадцать. Мне было примерно шесть, когда мы уехали из Англии. Ну что, войдем?

Лотти глянула на конверт в руке.

— Даже не знаю, — засомневалась она. — Наверное, можно просто сунуть его в щель для писем...

Она с тоской посмотрела на дверь. Она не была здесь уже почти две недели. Селия не захотела пойти с ней. «А, та публика, — пренебрежительно отмахнулась она. — Собрание скучных и никчемных людишек. Тебе нужно приехать в Лондон, Лотс. Вот где настоящее веселье. Вдруг ты с кем-нибудь познакомишься».

— Мне запретили с ними общаться, — пояснила Лотти. — С теми, кто там живет. Но они мне нравятся.

Гай перевел на нее взгляд:

— В таком случае войдем.

Дверь открыла Френсис, а не Марни.

— Она ушла, — сообщила Френсис, на ходу стирая с рук рыбью чешую нелепо выглядевшим на ней белым фартуком. — Бросила нас. Такая досада. Мы совершенно не приспособлены к домашнему хозяйству. Мне поручили приготовить на ужин рыбу. Если бы вы видели, какой кавардак я устроила на кухне.

— Это Гай, — сказала Лотти.

В ответ Френсис лишь помахала рукой. «Аркадию» посещало столько людей, что в официальных представлениях давно отпала необходимость.

— Аделина на террасе. Занимается дизайном нашей фрески.

Пока Гай с удивлением рассматривал дом, Лотти украдкой бросала взгляды на его профиль. Скажи что-нибудь

ужасное, мысленно приказывала она. Отнесись неуважительно к Френсис. Заставь меня изменить о тебе мнение. Пожалуйста...

— Что за рыба? — спросил он.

— Форель. Ужасно скользкая гадость. Так и летает по всей кухне.

— Хотите, я попробую? Я довольно ловко разделываю рыбу.

— Ой, правда?! — с нескрываемым облегчением воскликнула Френсис и направила его в кухню, где на отбеленной деревянной столешнице картинно истекали кровью две радужные форели. — Ума не приложу, почему она ушла. Впрочем, она всегда была нами недовольна. Я под конец даже стала побаиваться этой угрюмой старухи.

— Она не одобряла нас. Наш образ жизни. — В дверях появилась Аделина. На ней была длинная черная юбка в мелкую складку и белая блузка с черным галстуком. Она улыбнулась Гаю. — Мне кажется, ей было бы удобнее в более... традиционном доме. Ты привела к нам нового гостя, Лотти?

— Это Гай, — представила своего спутника Лотти и, чуть замаявшись, заставила себя добавить: — Жених Селии.

Аделина перевела взгляд с Гаю на Лотти и обратно, помедлила, словно раздумывая над чем-то, и наконец подняла руку в приветственном жесте:

— Приятно познакомиться, Гай. Примите также мои поздравления.

Наступила короткая тишина.

— Прислуга почему-то долго у нас не задерживается. Этот нож подойдет? По-моему, он не очень острый. — Френсис протянула окровавленный нож.

Гай проверил лезвие большим пальцем:

— Неудивительно, что у вас ничего не получается. Он такой же острый, как нож для масла. Я наточу его. Брусок у вас есть?

— Наверное, придется искать еще кого-то, — вздохнула Френсис. — Нам и в голову не приходит, что нужно точить ножи. — Она рассеянно потерла щеку, оставив на ней кровавый след.

— О, это такая скука, подыскивать персонал, — с раздражением заметила Аделина и театральным жестом поднесла руку ко лбу. — Я никогда не знаю, что нужно у них спрашивать. Я никогда не проверяю, что они делают. Я даже не знаю, что им следует делать.

— И все кончается тем, что они сердятся на нас, — сказала Френсис.

— Вам нужна прислуга, чтобы присматривала за вашей прислугой, — усмехнулся Гай, ловкими широкими движениями заточивая лезвие о брусок.

— А знаете, вы совершенно правы, — улыбнулась Аделина.

Лотти пришла к выводу, что Гай ей понравился: такую улыбку Аделина приберегала для людей, с которыми могла вести себя естественно. Лотти успела достаточно хорошо изучить хозяйку виллы «Аркадия» и знала другую ее улыбку, когда лишь приподнимались уголки рта, а взгляд оставался невозмутимым.

Лотти не сводила глаз с Гая, зачарованная мерным скрежетом металла о металл, взмахами загорелой руки. Какой он красивый: кожа так и сияет, свет из окон отражается от щек. Волосы, не по моде длинные, цвета темного золота, кажутся еще темнее у воротничка. На левой брови несколько белых волосков, — видимо, результат какого-то несчастного случая. Селия наверняка даже не заме-

тила этого, рассеянно думала Лотти. Она, конечно, не видит и половины того, что вижу я.

Зато Аделина видела.

Почувствовав на себе ее жаркий взгляд, Лотти, забывшая было обо всем на свете, обернулась и, убедившись, что Аделина на нее смотрит, невольно покраснела, будто застигнутая врасплох за каким-то неприличным занятием.

— А где же сегодня Селия?

— Делает прическу. Миссис Холден попросила Гая пойти со мной.

Лотти не хотела, чтобы показалось, будто она оправдывается. Но Аделина просто кивнула.

— Ну вот! — Гай поднял за хвост одну из форелей, выпотрошенную и промытую. — Хотите, чтобы я показал, что делать со второй?

— Я бы предпочла, чтобы вы почистили и ее тоже, — ответила Френсис. — У вас получается в десять раз быстрее.

— С удовольствием, — откликнулся Гай.

Лотти смотрела, как он аккуратно разрезает блестящий рыбий живот от головы до хвоста, и, к своему удивлению, обнаружила, что плачет.

Они пили на террасе чай, который приготовила Лотти. В домашних делах от Френсис не было никакого толку. Приготовив первый чайник, она забыла его процедить, поэтому в молоке плавали черные чаинки. Во второй раз она вообще забыла положить заварку, а когда ей мягко на это указали, чуть не расплакалась. Аделина сочла происшествие забавным и вместо чая предложила всем вина. Но Лотти, заботясь, чтобы Гай не подумал о них плохо, отклонила предложение и вызвалась сама приготовить

чай, радуясь возможности побыть хоть какое-то время в одиночестве. У нее было ощущение, будто она начала возиться с электричеством, ничего в этом не понимая.

Когда она вновь появилась на террасе с подносом разномастной посуды, Аделина продемонстрировала Гаю, как продвигается фреска. За то время, что Лотти отсутствовала, на белой поверхности начали проступать странные линии, образуя силуэты, теснящие друг друга вдоль стены. Гай, стоя к ней спиной, проводил по одной линии пальцем с коротко остриженным ногтем. В открытом воротах, не прилегавшем к шее, виднелся загорелый затылок.

— А вот и ты, Лотти. Я поместила тебя подальше от Джорджа. Не хочу, чтобы он тебя обидел. Он черствый человек, — пояснила Аделина. — Все его мысли заняты русской экономикой и тому подобными вещами. Ни для чего другого там просто не осталось места.

Его рука была покрыта короткими светлыми волосками, тонкими, как пух. Лотти могла разглядеть каждую волосинку.

— Я хочу, чтобы у тебя в руках что-то было, Лотти. Может быть, корзинка. Видишь ли, если слегка наклонить твою фигуру, это покажет ее гибкость. А еще я хочу изобразить тебя с распущенными волосами. — Френсис рассматривала набросок фигуры, словно он не имел ничего общего с реальной Лотти.

— И мы оденем тебя в экзотические цвета. Что-нибудь яркое. Совершенно не английское.

— Что-нибудь вроде сари, — добавила Френсис.

— Местные девушки предпочитают какие-то скучные цвета. Совсем не так, как в тех местах, где я вырос. — Гай повернулся к Лотти, чтобы вовлечь ее в разговор. — Здесь, по-моему, носят только коричневый или черный. Когда

мы жили на Карибских островах, там все ходили в красном, ярко-синем, желтом... Даже я. — Он улыбнулся. — Моя любимая рубашка была с ярким солнцем на спине. Огромное такое солнце с лучами до самых плеч. — Он вытянул руки, показывая, какие были лучи.

Лотти осторожно поставила поднос на стол, стараясь не греметь посудой.

— Думаю, нам следует одеть Лотти в красное. Или, возможно, в изумрудное, — размышляла Аделина. — Она такая изысканная, наша маленькая Лотти, и вечно прячется. Вечно старается стать невидимой. Я возложила на себя миссию, — призналась она Гаю, почти страстно дыша ему в ухо, — показать этому городу, что Лотти — один из самых ценных его бриллиантов.

Лотти рассердилась на Аделину. Ей казалось, что ее просто высмеивают.

Но никто вроде бы не смеялся.

Гая ничуть не смутило поведение Аделины. Он улыбнулся ей в ответ, затем медленно повернулся к Лотти и взглянул на нее так, будто впервые увидел.

Эти двое, он и Аделина, так внимательно разглядывали ее, что окончательно выбили из колеи, и она уже не смогла сдерживаться.

— Неудивительно, что вы не можете найти прислугу. Дом превратился в свинарник! Вам нужно прибратся! Иначе никто к вам не пойдет работать. — Она вскочила и, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, начала собирать на террасе пустые бутылки, газеты, бокалы с давно высохшими остатками вина.

— Лотти! — раздался тихий возглас Аделины.

— Ты не должна это делать, Лотти, — сказала Френсис. — Присядь, дорогая. Ты же только что приготовила чай.

Лотти пронеслась мимо нее, оттолкнув вытянутую руку.

— Но здесь грязно. Ужасно грязно. Смотрите, здесь нужна карболка. Или еще что-то. — Слова сыпались сами собой. Она вошла в дом и, словно обезумев, принялась сметать со столов горы бумаг, раздвигать шторы... — Иначе вам не найти новой экономки. Никто не откликнется. Нельзя так жить. Нельзя же *так* жить!

Голос ее осекся на последних словах, и она вдруг метнулась по коридору и выбежала из дома на яркий солнечный свет, не обращая внимания на удивленные крики людей за спиной.

Гай нашел ее в саду. Она сидела у маленького пруда, спиной к дому, и с несчастным видом швыряла кусочки хлеба в грязную воду. Услышав его шаги, она обернулась, застонала и закрыла лицо чересчур загорелыми руками. Но он ничего не сказал. Молча присел рядом, сунул ей в руки тарелку и, пока она украдкой поглядывала на него из-под челки, взял большой румяный фрукт, который принес, придерживая локтем. Любопытство на этот раз победило смущение, и Лотти уставилась на диковинку. Гай достал из кармана перочинный нож и начал очищать фрукт, срезая кожуру продольными полосками. Освободив от нее четыре одинаковые дольки, он осторожно ввел нож в глубину фрукта и отделил мякоть от косточки.

— Манго, — сказал он, протягивая ей кусочек. — Пришло сегодня. Попробуй.

Она посмотрела на сочную блестящую дольку:

— Где Селия?

— По-прежнему у парикмахера.

Наверху плакал Фредди. До них доносился озлобленный детский плач, прерываемый приглушенными протестами.

Лотти вглядывалась в его лицо:

— На что похоже по вкусу?

Его пальцы пахли манго.

— На все хорошее. — Он взял кусочек с тарелки, поднес к ее губам. — Смелее.

Она медлила. Потом до нее дошло, что рот уже открыт. Мякоть оказалась мягкой и сладкой, как будто надутенной. Она медленно таяла на языке, а Лотти тем временем наслаждалась ее сочностью и, закрыв глаза, представляла теплые заморские страны, где люди одевались в красное, желтое и ярко-синее... А еще они носили солнце на спинах.

Когда она открыла глаза, он по-прежнему смотрел на нее. Но уже не улыбался.

— Мне они понравились, — сказал он.

Лотти первая отвела взгляд. На это ушло какое-то время. Она встала, отряхнула с юбки несуществующую землю, потом повернулась и пошла к дому, чувствуя, что буря в глубине ее души начинает стихать.

Прежде чем открыть заднюю дверь, она обернулась:

— Я знала, что они тебе понравятся.

Возможно, это был просто способ сохранить какое-то подобие душевного здоровья, но Лотти больше нравилось думать, что с той минуты все было предопределено. Более того, обнаружив в кармане приглашение мерхемского салона, так и оставшееся нераспечатанным, она была уверена, что именно Гай предложит вернуться в тот дом, например под предлогом, что там гостит один господин, который хочет поговорить об отцовском бизнесе. Миссис Холден ни за что бы не посмела возразить, если бы дело касалось бизнеса. Не сомневалась Лотти и в том, что Гаю удастся выбрать время, когда Селия отправится в очередную предсвадебную миссию: взглянуть на туфли в Колчестере или на новые чулки в Маннингтри. В такой ситуации сопровождение любого мужчины, даже жениха, невозможно. Лотти отчетливо видела, что Гай теперь смотрит на нее по-другому. Пусть она не носит изумрудных платьев, зато приобрела одно из качеств драгоценного камня, о котором говорила Аделина: она вся светилась изнутри, притягивая его взгляд, словно бриллиант, поймавший луч света.

Все это вслух не обсуждалось, разумеется. Но если раньше Лотти находила способы избегать Гая, то теперь он просто оказывался рядом во время прогулок в муниципальном парке. Или держал корзину, когда она развешивала белье по веревкам. Или вызывался прогулять Мистера Бинса, когда ее посылали с поручением на набережную.

И гораздо быстрее, чем ожидала, Лотти перестала смущаться в присутствии Гая. Невыносимую боль от того, что он рядом, заменило трепетное радостное предвкушение, не свойственное ей желание разговаривать, неугаваемая вера, что она занимает место, предназначенное ей самой судьбой. («Она кажется не такой угрюмой. Менее упрямой», — заметила миссис Холден. «Сьюзен, это наследственное и все равно проявится, — возразила миссис Чилтон. — Бьюсь об заклад, ее мать мрачная личность и к тому же метиска».) Лотти старалась не думать о Селии. Задача нетрудная, если рядом был Гай: тогда ей казалось, будто ее окружают невидимые стены, она находила защиту в своей уверенности, что занимает это место по праву. Но наедине с Селией она теряла уверенность и чувствовала себя беззащитной.

Она уже не могла относиться к Селии по-прежнему. Если раньше подруга была союзницей, то теперь стала соперницей. Селия перестала быть Селией, превратившись в сочетание отдельных элементов, с которыми Лотти невольно себя сравнивала: стильная светлая стрижка против темной школьной косы; безукоризненная персиковая кожа против смуглой; длинные ноги, как у танцовщицы, против ее собственных... Коротких? Слишком полных? Менее красивых?

А еще ей не давало покоя чувство вины: ночами она закрывала уши, чтобы не слышать дыхания Селии, и лила

беззвучные слезы от сознания того, что отчаянно хочет предать девушку, к которой относилась как к сестре. Никого у нее не было ближе. Никто к ней не был добрее. И от этой двойственности она еще больше негодовала на Селию.

Временами Лотти вспоминала их прежние отношения, но уже через секунду снова не могла смотреть на подругу, не думая о Гае, — так бывает, когда облака разойдутся и покажется бескрайная голубизна, но небо опять стремительно затягивают мрачные тучи. Если Селия посылала Гаю воздушный поцелуй, Лотти с трудом подавляла в себе желание броситься между ними — загородить его, чтобы поцелуй не достиг цели. Рука Селии, небрежно опущенная на его плечо, вызывала едва ли не мысль об убийстве. Она металась между чувством вины и бешеной ревностью, и этот маятник чаще всего замирал посередине, в точке безысходной депрессии.

Селия как будто ничего не замечала. Миссис Холден, потеряв рассудок от перспективы скорого бракосочетания дочери, вознамерилась полностью обновить гардероб Селии, поскольку ни одна вещь из него не подходит для ее будущего положения в обществе. Селия пообещала Лотти приобрести под шумок обновку и для нее, но, увлеченная выполнением своей столь приятной миссии, едва ли вспомнила о своей не так хорошо одетой подруге.

— Днем подберу брошюры для медового месяца, — сказала она. — Полагаю, круиз подойдет идеально. А ты как думаешь, Лотти? Можешь представить, что будешь сидеть на палубе в одном из таких бикини? Гаю не терпится увидеть меня в бикини. Он считает, что я выгляжу чудесно. Я слышала в Лондоне, что все голливудские звезды в наше время отправляются в круизы... Лотс? Ой, прости,

Лотс. Как дурно с моей стороны. Послушай, я уверена, что ты тоже отправишься в круиз, когда выйдешь замуж. Если хочешь, я сохраню эти брошюры для тебя.

Но Лотти ничуть не завидовала: она просто радовалась возможности лишней раз побыть с Гаем. И пыталась уверить себя, когда они, встретившись якобы случайно, неспешно прогуливались в сторону «Аркадии», что Гай тоже благодарен судьбе.

Дети заприметили Джо раньше, чем он увидел их. Это было нетрудно: он залез глубоко под капот «остин-хили»¹, борясь с крышкой распределителя зажигания. Фредди, направляясь домой после похода в магазин с Сильвией и Вирджинией, подбежал сзади и сунул липкую от конфеты руку под рубаху Джо.

— У Селии будет ребенок!

Джо вылез из-под капота, потирая ушибленную макушку.

— Фредди! — Вирджиния кинула тревожный взгляд на дорогу, затем нырнула в открытый гараж и начала вытягивать своего подопечного.

— А вот и да! Я слышал вчера вечером, что они с мамой обсуждали, как его сделать. И мамочка сказала, что Селия должна заставить Гаю позаботиться о своих делах и тогда ей не придется рожать каждый год.

— Фредди, я скажу твоей матери, что ты болтаешь ерунду! Прости, — одними губами сказала она Джо, когда Фредди вывернулся из ее обычно железной хватки.

— Почему ты больше не приходишь? — Перед ним возникла Сильвия, склонившая голову набок. — Ты же

¹ «Остин-хили» — марка спортивных автомобилей, выпускавшихся в Великобритании с 1953 по 1971 год.

собирался научить меня играть в «Монополию», а сам не пришел на следующий день, как обещал.

Джо принялся оттирать ладони ветошью:

— Прости. Я был немного занят.

— Лотти говорит, ты не приходишь, потому что сердишься на нее.

Джо замер.

— Так прямо и говорит?

— Она говорит, что ты перестал приходить, потому что она встречается с Дики Валентайном.

Джо, не удержавшись, хмыкнул.

— А у Лотти тоже будет ребенок? — Фредди тем временем успел дотянуться пухлой розовой ручонкой до двигателя и внимательно его изучал.

— Сильвия! Фредди! Идемте же.

— Когда у Лотти будет ребенок, ты научишь его играть в «Монополию»?

— Если есть резинка, то тебе достанется только один ребенок.

Джо извлек руку Фредди из-под капота и затряс головой.

Вирджиния хохотала.

Увидев, что они веселятся, Фредди начал набирать обороты:

— У Лотти будет ребенок с Дики Валентайном. Он собирается спеть об этом по телевизору.

— Следи за своим языком, Фредди. А то тебе могут поверить. — Вирджиния повернулась к Джо, хихикая.

Ей нравился Джо. Парень явно понапрасну терял время, мечтая о Лотти. Глупая девчонка, видимо, считала, что слишком хороша для него, раз живет у Холденов как их ровня. Но на самом деле она ничем не лучше Вирджинии. Просто ей повезло.

— Если послушать этих двоих, то следующим ее кавалером станет Элвис Пресли. — Она пригладила волосы, пожалев, что утром не подкрасила губы, как собиралась.

Но Джо все равно не заметил. Он снова стал серьезным и даже не посмеялся над шуткой об Элвисе Пресли.

— Где-нибудь бывал в последнее время, Джо? В Клактоне, например? — Вирджиния чуть придвинулась, выставив напоказ стройные ножки.

Джо потупился, переминаясь с ноги на ногу:

— Нет. Дел много.

— Фредди прав. Мы давно тебя не видели.

— Да. Ну...

— А у меня гусеница. Гляди. — Фредди протянул руку Джо.

— Заусеница, Фредди. Я же тебе говорила. И она скоро пройдет. Прекрати совать ее под нос людям.

— Я могу сделать водородную бомбу. Водород продается в аптеке. Мистер Ансти так говорил.

Джо бросил взгляд на циферблат, словно не мог дожидаться, когда же они уйдут. Но Вирджиния продолжала болтать:

— Он имеет в виду перекись водорода. Послушай, Джо, у нас тут собралась небольшая компания, чтобы пойти в новый танцзал на Колчестер-роуд. В субботу. Если захочешь с нами, думаю, мы без труда достанем тебе билет. — Она помолчала. — Приедет оркестр из Лондона. Говорят, хороший. Исполняет все рок-н-рольные хиты. Повеселимся.

Джо взглянул на нее, крутя в руках ветошь.

— Подумай об этом.

— Спасибо, Вирджиния. Спасибо. Я... Я... э-э-э... дам тебе знать.

В 1870 году американский капитан по имени Лоренцо Доу Бейкер зашел в Порт-Антонио и, прогуливаясь по местному рынку, обнаружил странной формы желтый фрукт, очень популярный среди местных жителей. Капитан Бейкер, предприимчивая душа, решил, что фрукт выглядит и пахнет привлекательно. Он приобрел сто шестьдесят гроздей по шиллингу за штуку и сложил в трюме корабля. Вернувшись одиннадцать дней спустя в Америку, в порт Нью-Джерси, он предложил диковинку местным торговцам. Те ухватились за фрукт и выложили ему кругленькую сумму, заплатив по два доллара за гроздь.

— Неплохой доход, — заметил Джулиан Арманд.

— За несколько бананов. Новый фрукт произвел фурор. Те, кто, невзирая на необычность, добрался до сладкой мякоти... были вознаграждены. Это стало началом индустрии импорта фруктов. Старина Бейкер превратился в «Бостонскую фруктовую компанию». А та компания, что выросла из первой, сейчас один из самых крупных поставщиков. Когда-то отец рассказывал мне эту историю на ночь. — Гай улыбнулся Лотти. — Но теперь он не любит о ней вспоминать, поскольку эта компания гораздо крупнее его собственной.

— Молодец, что выдержал конкуренцию, — сказал Джулиан.

Он сидел, закинув босые ноги на связку книг. На коленях у него лежала пачка литографий, и он раскладывал их по двум стопкам, по обе стороны от себя, на диванные подушки.

Тут же на диване сидел Стивен, бледный, веснушчатый юноша, который никогда не разговаривал. Стивен брал отбракованные оттиски и внимательно рассматривал, словно того требовала вежливость. Кажется, он драматург.

Лотти добавила «кажется» в стиле миссис Холден, поскольку до нее недавно дошло, что ни один из этих людей, кроме Френсис, по сути, ничем не занимался.

— И у него успешный бизнес?

— Теперь — да. Впрочем, я не знаю, сколько денег он зарабатывает. Но с тех пор, как я был мальчишкой, наши дома становились все больше. Как и наши машины.

— Конкурентоспособность имеет свои плюсы. А ваш отец, судя по всему, очень решительный человек.

— Терпеть не может проигрывать. Даже мне.

— Вы играете в шахматы, Гай?

— Давно не играл. Хотите сыграть партию, мистер Арманд?

— Нет, не я. Как тактик, я бесполезен. Нет, если вы хороший шахматист, вам следует сразиться с Джорджем.

— Джордж мыслит только математическими категориями. Чистая логика. Я часто думаю, что он наполовину человек, наполовину машина, — заметила Аделина.

— Вы хотите сказать, что он холодная натура.

— Не совсем. Джордж бывает ужасно добр. Но это не тот человек, которого можно полюбить. Нет. И влюбиться в него нельзя.

Неспешный разговор явно противоречил тому, что в воздухе в тот день чувствовалась нервозность, не имевшая никакого отношения к неотвратимому приходу осени. Лотти поначалу даже не ощутила эту едва уловимую вибрацию между людьми в комнате, заряд.

Аделина приподняла локон волос Лотти, которая молча сидела у ее ног, стараясь не краснеть. Слова Аделины пробудили ее от мечтаний о грузовых кораблях и экзотических фруктах. Аделина тем временем украшала ее голову крошечными вышитыми розочками, обнаруженными в шкатулке для драгоценностей.

— Ими было расшито мое свадебное платье, — сообщила она, приведя Лотти в ужас. — Это всего лишь платье, Лотти. Я храню только самое лучшее из прошлого.

Аделина настояла на том, чтобы прикрепить розочки к волосам Лотти. Ей захотелось увидеть, «как это будет выглядеть». Лотти сначала отказалась: что там Аделина «увидит», если вплетет ей в волосы кучу нитяных бутонов? Но тут вмешался Гай, сказав, что нужно попробовать. Что ей следует позволить Аделине расплести ее длинную косу, а потом сидеть тихо, пока та будет расчесывать и украшать ее волосы. Мысль, что все это время Гай будет смотреть на нее, показалась Лотти настолько восхитительной, что после недолгих протестов она наконец согласилась.

— Все равно перед выходом мне придется вынуть все розочки, а то с миссис Х. случится удар.

Мимо прошла Френсис, направляясь на террасу, и руки Аделины на секунду замерли, Лотти услышала, как она тихо вздохнула. За все полтора часа, что они пробыли здесь, Френсис не произнесла ни слова. Сначала Лотти не обратила на это внимания: она воспринимала только Гая, тем более что в последнее время Френсис чаще находилась на террасе, работала над фреской. Но затем и она тоже почувствовала некоторый холодок в том, например, как Френсис отказывалась отвечать на все вопросы Аделины (не хочет ли она выпить? не нужна ли ей новая кисть? не попробует ли она вкуснейших фруктов, что принес Гай?).

Лотти успела заметить, что Френсис, проходя мимо, плотно сжимала губы, словно с трудом сдерживаясь, чтобы не ответить резкостью. Ее квадратные костлявые плечи были напряжены, и она склонилась над своей палит-

рой, словно бросая вызов любому, кто захотел бы встать на ее пути. Со стороны могло показаться, что она полна агрессии, если бы не розовый ореол вокруг глаз и мокрые слипшиеся реснички.

Лотти решила, что ее расстроил Джулиан. Френсис никогда не была такой до его приезда. Само присутствие Джулиана в доме изменило ее поведение. Наверное, он разрушил все планы.

— Мне помочь тебе с рисованием, Френсис? — спросила Лотти.

Но Френсис исчезла в кухне, не ответив.

До приезда родителей Гая, которые хотели познакомиться с Холденами, оставалось четыре дня, и Лотти, сознавая, что на том, скорее всего, и закончится их совместное времяпрепровождение, тщательно откладывала в памяти каждую совместную минуту, каждую секунду — как ребенок, запасающийся конфетами. Задача была не из легких, поскольку она так часто старалась запечатлеть все в памяти, что казалась окружающим рассеянной. «Лотти снова не с нами», — в таких случаях говорила Аделина. А Лотти спустя несколько минут вскакивала, внезапно осознав, что превратилась в центр внимания.

Гай ничего не говорил, — вероятно, принимал те стороны ее натуры, о которых другие люди считали необходимым высказаться. Во всяком случае, он не задавал вопросов, и Лотти, которой до смерти надоело выслушивать замечания по поводу своего характера, была благодарна.

Банкрофты должны были приехать в субботу и намеревались остановиться в отеле «Ривьера», где заранее заказали лучший номер с огромной террасой и видом на залив. («Немного вызывающе, — прокомментировала миссис Чилтон, расстроенная, что гости не остановили свой выбор на ее заведении. — Хотя, наверное, чего другого

от них ждать? Они ведь практически иностранцы».) С тех пор как Гай объявил об их неотвратимом приезде, миссис Холден с головой ушла в домашние дела, загоняв Вирджинию до полного изнеможения и ярости.

— Мне хотелось бы познакомиться с вашими родителями, Гай. Ваш отец, наверное, очень интересный человек.

— Он... Я бы сказал, к нему нужно привыкнуть, — ответил Гай. — Он более прямолинеен, чем большинство британцев. Некоторые считают его отчасти американцем. Немного наглым. А кроме того, он по-настоящему интересуется только бизнесом. Все остальное кажется ему скучным.

— А ваша мать? Как она справляется с такой природной силой?

— Она часто над ним смеется. По правде говоря, мне кажется, она единственная, кто осмеливается на это. Видите ли... У него взрывной характер. Он с легкостью нагоняет на людей страх.

— Но не на вас.

— Да. — Он искоса взглянул на Лотти. — Впрочем, я ничем отца не расстраивал.

Невысказанное «пока» так и замерло в воздухе. Лотти почувствовала это, и у нее по спине пробежал легкий холодок. Она перевела взгляд с Гая на свои туфли, потертые от пробежек по пляжу с Мистером Бинсом. Доктор Холден даже заметил как-то раз, что не знает ни одной собаки, которую так часто выводили бы гулять. Тем временем Аделина поднялась и вышла из комнаты — наверное, отправилась на поиски Френсис. Наступила тишина, во время которой Джулиан продолжал разбирать литографии, время от времени поднося одну из них к свету и хмыкая то одобрительно, то недовольно. Стивен покинул свое

место и потянулся. Когда он поднял руки, тонкая хлопковая рубашка задралась кверху, выставив на всеобщее обозрение бледный живот.

Лотти посмотрела на Гая и, поймав его взгляд, залилась румянцем. Когда бы он ни оказался в комнате (а иногда и за ее пределами), она остро сознавала его присутствие, словно улавливала крошечные вибрации в воздухе, и невольно трепетала в ответ. Она опустила голову, позволив тяжелым прядям с вплетенными розовыми бутонами закрыть ей лицо, но все равно сознавала, что он продолжает на нее смотреть.

Оба подскочили, услышав крик. Кричала Френсис, но слов было не разобрать. Второй голос, несомненно, принадлежал Аделине. Она говорила что-то ласковое, пытаясь увещевать, но Френсис снова взорвалась, воскликнув: «Невозможно!» Послышался громкий звон: какая-то кухонная утварь разлетелась вдребезги на каменном полу.

Лотти украдкой бросила взгляд на Джулиана, но тот оставался на удивление невозмутимым: поднял на секунду голову, словно убеждаясь в правильности своей догадки, после чего вернулся к литографиям, бормоча что-то насчет качества печати. Стивен присоединился к его занятию, ткнул пальцем в какую-то точку на листе, и оба закивали.

— Нет, не понимаешь, потому что предпочитаешь этого не делать. У тебя есть выбор, Аделина, выбор. Даже если тебе легче сделать вид, что его нет.

Они будто ничего не услышали. Лотти пришла в ужас. Она не выносила, когда люди ссорились: ей тогда снова становилось пять лет, она чувствовала себя беззащитной и слабой.

— Я не потерплю этого, Аделина. Не потерплю. Я говорила тебе уже много раз. Нет, я умоляла тебя...

«Пойдите остановите их, — мысленно приказывала Лотти. — Хоть кто-нибудь».

Но Джулиан даже бровью не повел.

— Хочешь уйти? — одними губами спросил Гай, когда она осмелилась перехватить его взгляд.

Когда она уходили, Джулиан, смеявшийся над тем, что сказал Стивен, дружески махнул им рукой. В кухне стояла тишина.

На гравийной дорожке он взял ее за руку, и Лотти, чувствуя жар его прикосновения весь путь до Вудбридж-авеню, забыла о громкой ссоре и розовых бутонах, так и оставшихся в ее волосах.

— Что ты с собой сотворила, Лотти, скажи на милость?! — воскликнула миссис Холден. — Похоже, тебя атаковали чайки!

Но Лотти было все равно. Отпустив ее руку, Гай дотронулся до одного бутона и прошептал:

— Сила природы.

Есть вещи, которые полагается делать по правилам. Следовать определенным стандартам, если хотите. Но ответ Аделины дамам мерхемского салона, видимо, далеко отошел от этих стандартов.

— Она извиняется, что в настоящее время не имеет возможности посетить наше собрание? Почему? Чем она так занята? Присматривает за маленькими детьми? Или готовится стать премьер-министром? — Миссис Чилтон больше других возмутилась письмом Аделины.

— Но она надеется, мы найдем время заглянуть к ней как-нибудь, — продолжила миссис Колкухоун, зачитывая

текст с дорогого листа почтовой бумаги. — Вам не кажется, что это «как-нибудь» звучит не очень определенно?

— Тут я с вами соглашусь, — сказала миссис Чилтон, взмахом руки отказываясь от предложенного кусочка дыни. — Нет, благодарю вас, Сьюзен, дорогая. Этот фрукт расстроил мне пищеварение на прошлой неделе. В целом я нахожу ее ответ совершенно неприличным. Совершенно.

— Она все-таки пригласила вас зайти, — заметила Селия, сидя с ногами на софе и листая очередной журнал.

— Дело не в том, дорогая. Она не имела права так отвечать. Мы ее пригласили, поэтому ей следовало принять приглашение. Нельзя просто перевернуть все с ног на голову и пригласить нас.

— Отчего же? — поинтересовалась Селия.

Миссис Чилтон взглянула на миссис Холден:

— Оттого, что так не делается.

— Но вряд ли ее ответ можно назвать невежливым. Тем более если учесть, что она пригласила вас в ответ.

Женщины раздраженно переглянулись. Лотти, помогавшая Сильвии складывать головоломку на полу, подумала, что Аделина поступила очень умно. Ей не хотелось появляться в «салоне» на их условиях, но она поняла, что по одиночке дамы не найдут в себе достаточно решимости, чтобы посетить «Аркадию». Она увильнула от неприятного обязательства, переложив его на дам.

— Я не понимаю, в чем, по-вашему, она провинилась, — небрежно бросила Селия. — Не понимаю, зачем вообще нужно было ее приглашать. Вы тратите уйму времени, стараясь никого и близко не подпустить к ее дому.

— Но в этом все и дело, — строго заметила миссис Холден.

— Да, — согласилась миссис Колкухоун. И сразу потупилась: — По-моему.

Миссис Чилтон, щурясь сквозь очки, дочитывала письмо:

— Она желает нам всего хорошего в наших художественных устремлениях. И выражает надежду, что цитата великого поэта Райнера Марии Рильке послужит нам вдохновением: «Искусство тоже всего лишь способ жить, и как бы человек ни жил, он способен, сам того не сознавая, подготовиться к нему; в реальной жизни человек к нему ближе». — Она опустила письмо и оглядела присутствующих. — Что бы это значило?

Гай ходил подавленный уже несколько дней, как ей казалось. Задумчивый и серьезный. Поэтому миссис Холден не знала, то ли ей радоваться, то ли удивляться, когда увидела, что Гай, сидевший у газового камина в любимом кресле доктора Холдена, беззвучно хохочет, прикрывшись газетой.

На Уолтон надвинулся первый зимний шторм, сбросив с подоконников все незакрепленные ящики с цветами, которые так и остались лежать небольшими терракотовыми горками вдоль набережной. Закончив разговаривать по телефону, миссис Холден сообщила, что через час шторм придет и в Мерхем.

— Нужно запереть все ставни, Вирджиния! — крикнула она.

— Я прогуляю Мистера Бинса по дороге, пока не начался дождь, — вызвалась Лотти.

Миссис Холден бросила на девушку пронзительный взгляд. Ее сбивали с толку столь резкие перепады настроения Лотти: то она угрюмо молчит и слова от нее не добьешься, то вдруг бросается всем помогать. Селия была

наверху, принимала ванну, и Гай предложил составить Лотти компанию: наверное, захотел подышать свежим воздухом. И вот теперь они гуляют почти десять минут, а Лотти до сих пор не услышала от него ни одного слова. Весь день он ни с кем не разговаривал, и Лотти, понимая, что это их последняя прогулка перед приездом его родителей, отчаянно хотела протянуть между ними какую-то ниточку, тонкую связь.

Едва они добрались до конца парка, с неба начали падать большие, тяжелые капли. Лотти помчалась так, что ветер засвистел в ушах, к пляжным домикам, разбросанным вдоль берега яркими цветными пятнами на фоне чернеющего неба, и махнула Гаю, чтобы бежал следом. Она помнила, что среди тех, на которых были номера от восьмидесятого до девяностого, затесалась парочка заброшенных строений, где проржавевшие замки отстали от дерева. Лотти рванула дверь и успела нырнуть внутрь, когда начался настоящий потоп. Гай влетел сразу за ней, но уже успев промокнуть. Он смеялся, задыхаясь, оттягивая от тела мокрую рубашку, а Лотти, сознавая его близость в замкнутом пространстве, начала с большим усердием вытирать тряпкой равнодушного Мистера Бинса.

Домик стоял без присмотра уже долгое время: сквозь щели в крыше виднелись несущиеся по небу облака, а кроме щербатой чашки и шаткой деревянной скамьи, мало что в нем напоминало о том, что когда-то здесь находили кров радостные отдыхающие. Большинство других домиков к тому же имели названия: «Кеннора» (или какой-нибудь другой неблагозвучный гибрид из хозяйских имен), «Морской бриз», «Свежий ветер». Влажные матрасы и шезлонги не исчезали перед ними в течение всего лета, а припорошенные песком обитатели передавали друг другу чашки с чаем. Во время войны все домики кон-

фисковали на нужды армии и замаскировали, сделав их частью береговых оборонительных укреплений. Когда же их восстановили и снова покрасили в яркие цвета, Лотти, прежде не выдавшая ни одного пляжного домика, сразу влюбилась в них и по многу часов прогуливалась перед ними, читая про себя названия и представляя, что она член какой-нибудь из отдохавших там семей.

Мистер Бинс был абсолютно сух. Лотти примостилась на краю скамейки, отводя с лица мокрые пряди темных волос.

— Ну и буря! — Гай разглядывал сквозь раскрытую дверь черные облака, носящиеся вдоль горизонта, где вырисовывались темные фантомы.

Перекрывая шум дождя, чайки с криками летали над берегом, подхваченные ветром. Лотти взглянула на Гая и вдруг подумала о Джо, который в подобной ситуации начал бы с того, что они зря не захватили зонтик.

— Знаешь, грозы в тропиках просто жуткие. Сидишь на солнышке, ни о чем не подозреваешь, а в следующую минуту видишь, как по небу со скоростью поезда надвигается грозовая туча. — Он провел рукой по воздуху, сосредоточенно что-то там разглядывая. — И потом — бах! Дождь, какой и представить трудно, сразу заливает все ноги и течет по дороге, как река. А молнии! Сверкнет такая на полнеба и все осветит кругом.

Лотти, которой просто хотелось слышать его голос, тупо кивнула.

— Я однажды видел, как молния убила осла. Началась гроза, и его просто оставили в поле. Никому в голову не пришло увести его в укрытие. Я уже подбежал к дому, но обернулся, услышав оглушительный раскат, тут ударила молния, и осел даже не шевельнулся! Только подпрыгнул чуть-чуть, словно его сдули с земли, и упал на бок, вытя-

нув ноги. Прямо с повозкой. Наверное, даже не понял, что его ударило.

Лотти не понимала, связано ли это как-то с осликом, но она опять чуть не расплакалась и, поглаживая шерстку Мистера Бинса, яростно моргала. Когда она выпрямилась, Гай по-прежнему разглядывал море. Слева уже пробивался кусочек голубого неба — буря заканчивалась.

Какое-то время они сидели молча. Гай, как заметила Лотти, ни разу не взглянул на часы.

— Что будет, когда тебя призовут в армию?

— Не призовут, — топнул ногой Гай.

— Вот уж не думала, что от этого можно отвертеться, — нахмурилась Лотти. — Даже если ты единственный ребенок в семье и все такое прочее.

— По причине здоровья.

— Ты что, болен? — Ей не удалось скрыть тревогу.

Кажется, он слегка покраснел.

— Нет... Я... В общем, у меня плоскостопие. Мать говорит, из-за того, что я всю жизнь бегал босиком.

Лотти невольно уставилась на его ноги, радуясь в душе, что у него нашелся один физический недостаток. Это делало его более человечным, что ли, более доступным.

— Не столь почетно, как «старая рана от шрапнели», да? — Он невесело улыбнулся, еще раз притопнув по засыпанному песком деревянному полу, тем самым показав, что смущен.

Лотти не знала, что сказать. Из всех ее знакомых только Джо служил в армии, да и то просидел все два года в теплом месте, на финансовой службе, что принесло немало стыда его родным, и в городе это даже не обсуждалось. Во всяком случае, в присутствии Бернардов. Лотти смот-

рела, как падает дождь и пенится море, угрожая затопить волнорез.

— Ты не смеешься, — сказал он с улыбкой.

— Прости, — ответила она с серьезным видом. — У меня, наверное, нет чувства юмора.

Он поднял бровь, и Лотти невольно улыбнулась.

— Чего еще у тебя нет?

— Как это?

— Чего еще у тебя нет? Какой у тебя недостаток, Лотти?

Она посмотрела на него снизу вверх:

— Плоскостопие?

Оба нервно расхохотались. Лотти испугалась, что сейчас начнет хихикать и уже с этим не справится. Они оба слишком близко подошли к какой-то грани.

— А что твоя семья? У тебя есть семья?

— Не та, о которой стоило бы говорить. Только мать. Хотя, наверное, она оспорила бы это родство.

Он смотрел на нее не мигая:

— Бедняжка.

— Ничего подобного. Мне очень повезло попасть в семью Холденов. — За свою жизнь она не раз это повторяла.

— Идеальная семья.

— Идеальная мать.

— Господи! Даже не представляю, как ты выдерживала это в течение десяти лет.

— Ты еще моей матери не видел.

По какой-то причине последняя фраза показалась им до колик смешной.

— Нам следует проявить большее понимание. Она несет тяжкое бремя.

Гай следил за нефтяным танкером, который шел вдоль горизонта, в той точке, где море сливается с небом. Гай шумно выдохнул и поднял ноги на скамью. Вытянутые, они достигали двери. Лотти заметила, что его щиколотки такие же загорелые, как кисти его рук.

— Как ты с ней познакомился? — в конце концов спросила Лотти.

— Ты имеешь в виду Селию?

— Да.

Он передвинул ноги и потянулся, чтобы смахнуть со светлых брюк капли.

— Случайно, я думаю. У нас есть квартира в Лондоне, и я там остановился с матерью, пока отец ездил на Карибы, чтобы посмотреть какие-то фермы. Мама любит пожить немного в Лондоне, обменяться с тетушкой новостями, пройтись по магазинам... Ну, в общем, ты понимаешь.

Лотти кивнула, как будто действительно понимала. Мистер Бинс, ерзавший под ногами, натянул поводок, призывая их продолжить прогулку.

— Я не очень люблю город, поэтому отправился на несколько дней в Суссекс, к своему кузену. У моего дяди там ферма, я частенько там бывал еще ребенком. Мы с двоюродным братом почти одного возраста, и он, вероятно, самый близкий мой друг. В тот день я должен был вернуться в Лондон, но мы с Робом отправились в местный паб. Слово за слово, и я оказался на вокзале позже, чем рассчитывал. Пришлось ждать последнего поезда в Лондон, и тут вдруг вижу, мимо идет девушка.

У Лотти сжалось в груди. Ей расхотелось слушать дальше. Но остановить Гая, не вызвав подозрения, уже было невозможно.

— И ты подумал, что она красива.

Гай, разглядывая свои ноги, тихо хохотнул:

— Красива... Да, я подумал, что она красива. Но сначала я подумал, что она пьяна.

Лотти резко вскинула голову. Гай, сидя рядом с ней на деревянной скамье, поднес палец к губам:

— Я обещал, что никому не скажу... И ты должна обещать, Лотти... Она была пьяна в стельку. Я увидел, как она идет, шатаясь, мимо билетной кассы, где я стоял, и хихикает. Я сразу понял, что она возвращается с какой-то вечеринки, потому что нарядно одета. Но одну туфлю она потеряла, а вторую несла в руке вместе с маленькой сумочкой — точно не помню, что это было.

Дождь громко стучал по крыше. Отдельные капли отскакивали от земли и залетали в домик, заставляя Мистера Бинса подпрыгивать.

— Я подумал, что нужно за ней присмотреть. Но она зашла в зал ожидания, где уже сидели парни в военной форме, пристроилась рядом с ними и начала болтать. Им это явно нравилось, и я решил, что, возможно, они знакомы. Во всяком случае, со стороны это так выглядело. Я решил, что они вместе ходили на танцы.

Лотти мысленно представила, что сказала бы миссис Холден, узнав, что ее дочь в пьяном виде заговаривает с солдатами. Теперь ясно, почему Селия не привезла домой атласные босоножки. Сама она объяснила матери, что какая-то девушка с секретарских курсов их украла.

— Потом она уселась к одному на колени и хохотала без умолку, поэтому я уверился, что она точно его знает, и вернулся к билетной кассе. Прошло минут пять, и я услышал крики — сначала мужской, потом женский голос... Через пару минут я решил, что, пожалуй, стоит проверить, и...

— Они к ней полезли, — сказала Лотти, которой эта история показалась знакомой.

— Полезли? — Гай сильно удивился. — Ничего подобного. Они отобрали у нее туфлю.

— Что?

— Ее туфлю, бледно-розовую. Они кружились, держа туфлю на вытянутой руке, так что она не могла достать.

— Ее туфлю?

— Ну да. А она так набралась, что натыкалась на все подряд и падала. Я понаблюдал с минуту, но потом подумал, что все это очень несправедливо, ведь она явно не понимала, что делала. Поэтому я вмешался и попросил солдат отдать ей туфельку.

Лотти не сводила с него глаз:

— И что они сделали?

— Поначалу подняли меня на смех. Один все спрашивал, сознаю ли я, каковы мои шансы. Парадоксально, если учесть результат. Между нами говоря, Лотти, я держался с ними очень вежливо, потому что у меня не было шансов выстоять против троих сразу. Но они оказались нормальными парнями, в общем-то. Кинули ей туфлю и ушли на платформу.

— Выходит, они даже не пытались схватить ее?

— Схватить? Нет. Ну, может быть, ребята и потискали ее немного, когда она сидела на коленях у одного из них. Но не так, чтобы это ее расстроило или довело до слез.

— И что дальше?

— Я подумал, что кто-то должен все-таки отвезти ее домой. До той минуты она, в общем-то, легко отделалась, но была в таком состоянии, что запросто могла уснуть в поезде... Нельзя было оставлять ее одну... тем более в таком виде.

— Действительно...

Он пожал плечами:

— Поэтому я проводил ее до самого дома. Ее тетя поначалу отнеслась ко мне с большим подозрением, но я представился и дал телефонный номер, чтобы она могла позвонить моей маме и проверить, кто я такой... Ну, ты понимаешь. Селия позвонила мне на следующий день с извинениями и благодарностью, мы встретились, чтобы выпить чашку кофе... А потом...

Лотти была настолько огорошена этой версией событий, что не осознала подтекста последних слов, и затрясла головой:

— Ты говоришь, она была пьяна? Ты позаботился о ней, потому что она напилась?

— Ах да. Она рассказала мне, как было дело. Она-то думала, что пьет имбирный эль, но кто-то на этих танцах, очевидно, плеснул ей туда водки или еще чего-то. Поэтому она и глазом не успела моргнуть, как потеряла контроль над собой. Скверная, конечно, история.

— Это она тебе сказала.

Гай нахмурился:

— Да. Если честно, мне было ее очень жаль.

Наступила долгая пауза. Небо теперь четко разделилось на черное и голубое, солнце уже отражалось в мокрой дороге.

Первой нарушила тишину Лотти. Она поднялась, и Мистер Бинс радостно выскочил на тропу, наострив уши в сторону удаляющейся грозы.

— Пора возвращаться, — коротко бросила она и зашагала к дому.

— Селия — хорошая девушка, — донесся до нее подхваченный ветром голос.

Лотти на секунду обернулась, ее сердитое лицо было напряжено.

— Этого мог бы и не говорить.

Дамы почему-то воспринимали ее утренние прогулки в штывы, поэтому Дейрдре Колкухоун была не склонна рассказывать им о своем последнем открытии, как бы ее ни распирало.

Да, Сара Чилтон позволила себе резкость, когда она во вторник упомянула о мистере Арманде, поэтому с какой стати рассказывать им, что вот уже два утра подряд она наблюдала нечто драматическое. Мужчины больше не выходили на утренний заплыв, и, увидев ее, Дейрдре Колкухоун была настолько потрясена, что даже достала из сумочки театральный бинокль, дабы убедиться, что это одна и та же женщина. В облегающем черном купальнике, с забранными назад в немодный узел волосами, она брела прямо навстречу волнам, словно не замечая ни холода, ни ветра. Она шла, как показалось Дейрдре Колкухоун, едва ли не по-мужски и всхлипывала. Да, всхлипывала, громко, среди бела дня, словно сердце ее разрывалось.

Не такую встречу планировала миссис Холден. В том, задуманном, варианте она, одетая с иголочки, в новом шерстяном платье, подпоясанная в тон, предшествуемая двоими младшенькими, открывала дверь гостям — состоятельной космополитной паре, людям, с которыми им предстояло породниться. В той версии Банкрофты подкатывали в своем блестящем «Ревере-90» с четырехдверным салоном (в модели машины она не сомневалась, поскольку миссис Ансти узнала о ней от Джима Фаррелли, работавшего за стойкой администратора в отеле «Ривьера»), а она, пробежав по аккуратнейшей лужайке, приветствовала их как давно потерянных друзей. И возможно даже, в эту самую секунду Сара Чилтон с одной или двумя дамами из их общества случайно проходили мимо.

В той версии, предпочтительной, муж появлялся из-за ее спины, по-хозяйски опустив ладонь ей на плечо, этот простой доверительный жест очень много говорил о браке. Дети тем временем мило улыбались, не пачкали своих парадных костюмчиков и протягивали ручки, чтобы в совершенно очаровательной манере обменяться рукопожа-

тиями с Банкрофтами, прежде чем предложить им пройти в дом.

Они не ждали, пока до появления гостей останется две минуты, чтобы признаться в содеянном: мало того что они нашли дохлую лису на дороге у методистской церкви, так они еще запихнули ее в детское ведро, доставили в гостиную, где разложили на полу, и с помощью лучших портновских ножниц миссис Холден решили выкроить горжетку.

В предпочтительной версии доктор Холден не объявлял, что его вызвали к больному и он вернется не раньше ужина, несмотря на то что была суббота и почти весь Мерхем знал, что его секретарша, рыжеволосая девица, которой всегда удавалось разговаривать тоном превосходства, когда она отвечала по телефону жене доктора Холдена, на следующий день уезжала из города в Колчестер, где ей предложили работу. Миссис Холден на секунду прикрыла глаза и вызвала в воображении картину розария. Она всегда так поступала, когда гнала прочь мысли о той женщине. В подобных ситуациях важно подумать о чем-то хорошем.

Но, наверное, самое главное, что в той, предпочтительной, версии миссис Холден не была вынуждена разбираться с тремя самыми несчастными молодыми людьми, с которыми ей когда-либо приходилось иметь дело. Селия и Гай, вместо того чтобы купаться в счастье, радуясь недавней помолвке, ходили все утро надутые и едва разговаривали друг с другом. Лотти тихо маячила на заднем плане, как обычно погруженная в мрачные мысли, и при этом теряла последние остатки привлекательности. И ни одному из них не было дела до того, что она столько сил положила, стараясь, чтобы встреча прошла гладко: каждый раз, когда она их подбадривала, призывая встрях-

нуться или хотя бы помочь ей обуздать детей, двое только пожимали плечами и опускали глаза, а Селия, с блестящими от слез глазами, бросала многозначительный взгляд на Гая и заявляла, что нельзя же ожидать от человека, чтобы он веселился каждый проклятый день.

— С меня хватит, дорогие. Я серьезно. В этом доме атмосфера как в похоронном бюро. Лотти, ступай и заставь детей убрать то треклятое животное. Пусть Вирджиния поможет. Гай пойдет ждать машину на улице. А ты, Селия, поднимись наверх и приведи себя в порядок. Немножко подкрасься. В конце концов, это же твои будущие родственники. У тебя скоро свадьба.

— Если она еще состоится. — Селия вздохнула с таким несчастным видом, что Лотти сразу на нее оглянулась.

— Не будь смешной. Разумеется, свадьба состоится. А теперь иди и подкрасься. Можешь подушиться моими духами. Это улучшит твоё настроение.

— Что, даже «Шанелью»?

— Если хочешь.

Селия, моментально развеселившись, помчалась наверх. Лотти, недовольная, поплелась в гостиную, где Вирджинию по-прежнему трясло после обнаружения дохлого животного, а Фредди, лежа на софе, картинно обхватил себя руками и жаловался, что больше никогда, никогда никогда не сможет сидеть, и все из-за родной матери.

Лотти понимала, почему Селия так несчастна, и это вызывало в ней столько же восторга, сколько и презрения к самой себе. Накануне вечером, когда гроза утихла, Селия попросила Лотти подняться к ней в комнату и там, усевшись на кровати, сообщила, что ей нужно поговорить. Лотти почувствовала, что краснеет. Она присела и замерла.

— Дело в Гае, — начала Селия. — Последние несколько дней, Лотс, он от меня ворочит нос. Совсем на себя не похож.

Лотти буквально окаменела и не смогла выдавить из себя ни слова. Язык словно распух, заполнив во рту все пространство.

Селия внимательно рассмотрела ногти, потом резко поднесла руку ко рту и откусила один.

— Когда мы только сюда приехали, он был совсем как в Лондоне. Такой милый, внимательный, все время интересовался, хорошо ли я себя чувствую, не нужно ли мне чего. Был очень ласков. То и дело выводил на заднее крыльцо, пока вы все убирали посуду после чаепития, и целовал до одури...

Лотти закашлялась. У нее перехватило дыхание.

Селия ничего не замечала и продолжала рассматривать руку, а когда подняла свои голубые глаза, в них стояли слезы.

— Он не целовал меня как следует четыре полных дня. Я попыталась заставить его вчера вечером, а он просто отмахнулся, пробормотав, что еще будет время. Как он может так себя вести, Лотс? Почему ему все равно — целовать меня или нет? Так ведут себя только женатые мужчины.

Лотти с трудом подавила вспыхнувшую в ней радость. И резко дернулась, когда Селия повернулась к ней и одним быстрым движением обхватила за шею, ударившись в слезы.

— Я не знаю, в чем провинилась, Лотс, — всхлипывая, жаловалась она. — Может быть, ляпнула что-то не то, а он ничего не говорит. Такое возможно. Ты же знаешь, я могу заболтаться, сама толком не понимая, что несу. А может быть, я в последнее время хуже выгляжу? Но

я стараюсь. Наряжаюсь во все те красивые вещи, что купила мама, но он просто... Он не любит меня, как раньше.

Грудь ее вздымалась от рыданий, а Лотти машинально гладила подругу по спине, предательски радуясь, что Селия не смотрит ей в лицо.

— Я ничего не понимаю. Что это, Лотс? Ты провела с ним достаточно времени, чтобы разобраться, каков он.

Лотти заговорила, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Уверена, тебе все показалось.

— О, не будь такой холодной рыбой, Лотти. Ты же знаешь, я бы тебе помогла, если бы ты попросила. Давай выкладывай. Как тебе кажется, о чем он думает?

— Это не мое дело что-то говорить.

— Но какие-то мысли ведь у тебя есть. Что мне делать? Что вообще можно сделать?

Лотти прикрыла глаза.

— Все это нервы, — в конце концов произнесла она. — Наверное, мужчины так же нервничают, как и мы. Приезжают его родители и все такое. Ведь это важно, правда, представить родителей друг другу? Может быть, он гораздо больше переживает, чем ты думаешь.

Селия отстранилась, внимательно глядя на подругу:

— Ты права, наверное. Я вообще об этом не думала. Возможно, он действительно нервничает. — Она пригладила волосы, бросив взгляд на окно. — А какому мужчине захочется в этом признаться? Мужчинам это не свойственно.

Лотти всем сердцем желала, чтобы Селия наконец ушла. Она была готова сказать что угодно и сделать что угодно, лишь бы Селия оставила ее в покое.

Но Селия снова бросилась обниматься:

— Ой, какая ты умная, Лотс! Я уверена, что все так и есть. Прости, если в последнее время я была... Ну... са-

ма знаешь. Просто столько сразу всего навалилось: и Гай, и свадьба, и все вместе. Тебе, наверное, было невесело.

Лотти поморщилась.

— У меня все в порядке, — охрипшим голосом завила она.

— Отлично. Что ж. Пойду вниз и заставлю этого поросенка уделить мне капельку внимания. — Селия рассмехалась. Хотя ее смех больше походил на плач.

Лотти смотрела ей вслед, медленно опускаясь на кровать.

Значит, все так и будет. Гай и Селия поженятся. А Лотти влюбилась в мужчину, в которого никак нельзя было влюбляться; тем более что этот мужчина ничем не выдал, что ее чувства взаимны, — только пару раз проводил ее в дом, который ему понравился, и однажды восхитился какими-то глупыми детскими цветочками в ее волосах. Только и всего. Если подумать как следует, ничто не говорило, будто она приглянулась Гаю больше, чем, скажем, Фредди. Он ведь с Фредди тоже много времени провел. Но даже если она ему понравилась, все равно они уже не в силах ничего изменить. Вспомнить хотя бы, в каком состоянии пребывала Селия просто из-за того, что он несколько дней обращал на нее чуть меньше внимания.

— О господи, и зачем только ты сюда приехал? — застонала Лотти, уткнувшись лбом в колени. — Я жила себе спокойно, пока не появился ты. — В эту минуту миссис Холден позвала ее вниз, помочь Вирджинии разобрать столовое серебро.

Несмотря на все благие намерения, Селия так и не сумела стряхнуть с себя уныние. И похоже, не без причины. Лотти наблюдала, как подруга демонстрирует свое

новенькое платье Гаю, игриво пощипывает его руку, кокетливо кладет головку ему на плечо, а тот лишь похлопал ее рассеянно, как обычно мужчина похлопывает своего пса, и улыбка застыла на лице Селии. Лотти постаралась справиться с клокодавшими внутри чувствами и отправилась помогать Селии шнуровать новые ботинки.

Для того, кто не видел родителей почти месяц, для того, кто, по его же собственным словам, обожал свою мать, а отца считал одним из превосходнейших людей на свете, Гай не проявлял особого энтузиазма по поводу их приезда. Поначалу его бесконечное хождение перед домом Лотти объясняла нетерпением, но, присмотревшись внимательнее, увидела, что он о чем-то спорит сам с собой, совсем как сумасшедшая дама, живущая у парка, которая имела обыкновение замахиваться парой панталон на каждого, кто осмеливался ступить на ее собственную, как она считала, лужайку для игры в шары. Лицо Гая не светилось радостным ожиданием: оно выглядело озабоченным, раздраженным. Он отмахнулся от настоятельных просьб Фредди сыграть с ним в теннис и даже употребил не характерное для него ругательство. Лотти молча наблюдала за ним из окна гостиной и страстно молилась неизвестному ей божеству на небе, чтобы она была причиной его несчастья и одновременно лекарством от него.

Сьюзен Холден взглянула на трех унылых молодых людей и вздохнула: никакого присутствия духа у этой молодежи, ни на грош стойкости. Если уж она, несмотря на все свои несчастья: вечно отсутствующего Генри, увлечения Фредди и язвительные замечания Сары Чилтон, что, «учитывая все обстоятельства», им несравненно повезло найти для Селии пару, — смотрит на мир с улыбкой, то

и от этих несносных детей можно было бы ожидать, что они возьмут себя в руки и слегка приободрятся.

Она надула губы, глядя в зеркало, затем потянулась к сумочке и достала помаду. Довольно смелого цвета. Она ни за что не появилась бы в таком виде перед дамами салона, но сейчас тщательно красила губы (поморщившись, когда пришлось наклониться вперед), убеждая себя, что в некоторых ситуациях любые средства хороши.

Та рыжеволосая девица красилась алой помадой. Когда миссис Холден, зайдя на работу к Генри, впервые увидела ее губы, то не смогла отвести от них глаз.

Видимо, в этом и была цель.

Снизу раздался голос Вирджинии:

— Миссис Холден, приехали ваши гости.

Миссис Холден проверила прическу в зеркале, сделала глубокий вдох и выдох. «Только бы Генри пришел домой в хорошем настроении», — молила она.

— Пригласи их в дом, дорогая, я иду.

— А Фредди отказывается выпустить из рук ту... дохлятину. Говорит, что хочет держать ее у себя в спальне. Ковер ужасно провонял.

Миссис Холден в отчаянии подумала о розах.

— Какой красивый сад! Как вы все здесь чудесно устроили! — Милый комплимент нервной, не избалованной вниманием потенциальной родственнице. И Сьюзен Холден, все еще ошеломленная сильным американским акцентом Ди Ди Банкрофт (Гай ни словом об этом не обмолвился!), бормотала слова благодарности. — Это «албертины»? А знаете, это ведь мой любимый сорт роз! Мне никак не удастся вырастить их в том недоразумении, а не саде, что у нас в Порт-Антонио. Наверное, не та почва. Или я высадила их слишком близко к какому-то другому

растению. Впрочем, розы бывают ужасно капризными, не правда ли? Колючими во всех смыслах.

— О да, — согласилась миссис Холден, стараясь не смотреть на длинные загорелые ноги Ди Ди. Она могла бы поклясться, что эта женщина не носит чулок.

— Вы не представляете, как я завидую вашему саду. Смотри, Гаймилый, у них растет хоста. И ни одного слизняка на листьях. Не знаю, как вы это делаете.

Гаймилый, как называла мистера Банкрофта-старшего его жена, отвернулся от задних ворот, где рассматривал игровые поля, и пошел обратно к дамам, которые сидели под шатким зонтом и потягивали теплый чай.

— В какой стороне океан?

Гай, сидевший на траве, поднялся и подошел к отцу. Гай указал на восток и что-то произнес, но его слова унес резкий ветер.

— Я надеюсь, вы не против посидеть в саду. Конечно, сегодня немного ветрено, но, быть может, это последний прекрасный день в году, а мне так нравятся розы. — Миссис Холден делала отчаянные попытки незаметно привлечь внимание Вирджинии, чтобы та принесла еще стульев.

— Ну что вы, мы любим проводить время на свежем воздухе. — Миссис Банкрофт прижала рукой волосы, чтобы они не лезли в рот и не мешали пить чай.

— Да. Зимой так не хватает прогулок на свежем воздухе.

— А Фредди разложил дохлую лису на ковре в гостиной, — сообщила Сильвия.

— Сильвия!

— Так и есть. Я тут ни при чем. А теперь мамочка говорит, что больше никогда не пустит нас в гостиную. Поэтому мы и должны сидеть на холоде в саду.

— Сильвия, это неправда. Простите, миссис Банкрофт. У нас действительно... э-э... случилось небольшое происшествие в комнате незадолго до вашего приезда, но мы с самого начала намеревались накрыть чай здесь.

— Зовите меня Ди Ди, прошу вас. И не переживайте из-за нас. Сад — это прекрасно. Я уверена, что Фредди не такой шалун, каким был наш сын. Младший Гай был поистине ужасным ребенком. — Ди Ди просияла, увидев изумление Сьюзен Холден. — Совершенно ужасным. Все время приносил в дом насекомых, прятал их по банкам и коробкам, а потом напрочь о них забывал. Однажды в банке для муки я обнаружила пауков размером с человеческий кулак. Брр!

— Не понимаю, как вы миритесь со всеми местными насекомыми. Я бы точно испытывала постоянный ужас.

— А мне бы такой паук понравился, — заявил Фредди, последние десять минут изучавший салон новенького «ровера», отделанный кожей и ореховым деревом. — Я бы завел себе паука размером с кулак. И назвал бы его Гарольдом.

Миссис Холден содрогнулась. Почему-то трудно представить розовый сад, если ты в нем сидишь.

— Это был бы мой друг.

— Причем единственный, — усмехнулась Селия, к которой, как заметила ее мать, вернулась прежняя язвительность. Она сидела на краю одеяла, вытянув ноги в сторону Лотти, и с несчастным видом теребила печенье на тарелке.

Лотти, обхватив колени, смотрела на ворота, словно ожидая сигнала, разрешающего уйти. Она не помогала разносить лепешки, о чем просила ее миссис Холден еще до приезда Банкрофтов. И даже не переделась во что-нибудь приличное.

— Так где этот дом, о котором ты нам рассказывал, сынок? Бьюсь об заклад, он и вполонину не так хорош, как дом Сьюзен.

Мистер Банкрофт направился к столу, помахивая сигаретой. К его английскому примешался какой-то неопределенный акцент с явным трансатлантическим оттенком, который Сьюзен Холден нашла весьма «незаурядным». Впрочем, заурядности в Гае Банкрофте-старшем было мало. Высокий и грузный, он был одет в ярко-красную рубашку, более уместную на артисте кабаре. Говорил он очень громко, словно собеседники находились по меньшей мере ярдах в пятидесяти. При знакомстве он смачно расцеловал хозяйку дома в обе щеки — по-французски. Хотя сам явно не француз.

— Он в той стороне. За городским парком. — Гай указал в сторону побережья.

При обычных обстоятельствах Банкрофт-старший мог бы показаться... простоватым. В манерах никакой утонченности. Одежда, громкий голос — все указывало на определенный недостаток воспитания. Он успел дважды выругаться в ее присутствии, а Ди Ди лишь расхохоталась. Но при этом он обладал определенным лоском, который придают деньги. Об их наличии свидетельствовали его наручные часы, блестящие туфли ручной работы, очень красивая сумка из крокодиловой кожи, которую они привезли Сьюзен Холден из Лондона. Когда она вынула ее из мягкой оберточной бумаги, то едва поборола желание опустить голову и вдохнуть этот вкусный запах роскоши.

Она отогнала мысли о сумке и снова взглянула на часы. Почти без четверти четыре. Право, Генри давно следовало позвонить и сказать, успеет ли он домой к ужину. А то она не знает, на сколько человек готовить. Неужели

Банкрофты решили остаться до вечера? Перспектива накормить семь человек парой бройлерных цыплят заставила сердце тревожно забиться.

— Там, где наш отель?

— Да. Но тот дом стоит отдельно, на выступе. С прибрежной дороги его не увидишь.

Можно было бы приказать Вирджинии сбегать за куском свинины. На всякий случай. Мясо не пропадет, даже если они не останутся, — пойдет детям на тефтели.

Ди Ди наклонилась к хозяйке, придерживая светлые волосы:

— Мой сын рассказывал нам, какие у вас замечательные соседи. Как это, должно быть, чудесно, когда рядом живут художники, да еще в таком количестве.

Сьюзен Холден села чуть прямее и поманила Вирджинию, показавшуюся в окне.

— Да, это мило. А то очень многие полагают, что курортный городок мало что может предложить в плане культуры. Но мы стараемся.

— Знаете, я завидую вам и в этом тоже. На наших фруктовых плантациях вообще не слышали ни о какой культуре. Есть у нас радио. Немного книг. Иногда приходят газеты.

— Понимаю. А мы любим поощрять дух творчества.

— Судя по рассказам, дом выглядит фантастически.

— Дом? — Сьюзен Холден непонимающе взглянула на собеседницу.

— Да, миссис Холден? — Перед ней возникла Вирджиния с подносом в руках.

— Простите, вы сказали «дом»?

— В стиле ар-деко. Гай-младший говорит, что таких красивых домов он прежде не видел. Должна признаться, он своими письмами нас заинтриговал.

Вирджиния уставилась на хозяйку.

Миссис Холден покачала головой:

— Э-э, все в порядке, Вирджиния. Я приду и поговорю с тобой через минуту... Простите, миссис Банкрофт, не могли бы вы повторить то, что сейчас сказали.

Вирджиния удалилась, громко цокая языком.

— Зовите меня Ди Ди, прошу вас. Да, мы большие поклонники современной архитектуры. Хотя, конечно, там, где я выросла, на Среднем Западе, вся архитектура современна, знаете ли. Мы называем дом старым, если его построили до войны! — Она громко расхохоталась.

Мистер Банкрофт сбросил пепел с сигареты на цветочную клумбу:

— Обязательно прогуляемся туда чуть позже. Взглянем на дом.

— На «Аркадию»? — Лотти резко обернулась.

— Он так называется? Превосходно. — Ди Ди приняла очередную чашку чая.

— Вы хотите пойти к «Аркадии»? — Голос миссис Холден стал на несколько тонов выше.

Лотти и Селия переглянулись.

— Насколько я понял, дом весьма примечательный, в нем полно всяких экзотических типов.

— Так оно и есть, — согласилась Селия и в первый раз за весь день улыбнулась.

Ди Ди посмотрела на Селию, потом снова перевела взгляд на ее мать:

— Быть может, это не совсем удобно. Вряд ли им понравится, если мы придем на них поглазеть. Гаймилый, давай отложим до другого раза.

— Но туда всего пять минут ходу.

— Милый...

Миссис Холден перехватила взгляд, который Ди Ди послала мужу. Она чуть выпрямилась на своем стуле, намеренно избегая смотреть на детей.

— У меня, разумеется, есть приглашение посетить миссис Арманд... Еще на прошлой неделе я получила письмо...

Мистер Банкрофт затушил сигарету и одним глотком выпил чай:

— Тогда идем. Давай, Гай, покажи нам то, о чем столько рассказывал.

Миссис Холден явно жалеет, что надела эти туфли. Лотти наблюдала, как уже пятнадцатый раз за короткую прогулку женщина впереди нее подвернула лодыжку на неровной тропинке и с тревогой оглянулась, не заметил ли это кто из гостей. Зря она беспокоилась: мистер и миссис Банкрофт шли рука об руку и, ничего не замечая, дружелюбно болтали, указывая то на далекие суда в море, то на гору, где расцвел какой-нибудь поздний цветок. Гай и Селия шагали впереди. Селия держала спутника под руку, но их разговор не напоминал легкую беседу родителей. Селия что-то говорила, а Гай шел, опустив голову и крепко сжав зубы. Невозможно было понять, слушает ли он. Лотти замыкала шествие, отчасти жалея, что Фредди и Сильвию все-таки оставили дома, несмотря на их яростные протесты, — было бы на что отвлечься, а так она все время не отрывала взгляда от двух светлых голов или становилась громоотводом для миссис Холден, пытающейся ослабить растущее напряжение.

Лотти сама не понимала, зачем они туда идут. Миссис Холден наверняка уже сожалеет об этом, даже больше, чем о своих высоких каблуках: чем ближе они подходили к «Аркадии», тем чаще она нервно озиралась, словно опа-

саясь встретить кого-нибудь из знакомых. Она шла неровным шагом, спотыкаясь и останавливаясь, как неопытный преступник, и упрямо не смотрела на Лотти, будто боялась, что та призовет ее к ответу по поводу такой резкой перемены мнения. Но Лотти и не думала это делать. Ее просто одолели несчастья: мало того что предстояло вытерпеть еще один час сияющей родительской гордости, обращенной на жениха и невесту, и видеть перед собой мужчину, который навсегда останется для нее недоступным, так еще они собираются свалиться на голову Аделине, которая и чая не сумеет подать, даже если он сам разольется по чашкам.

Мать Гая вновь окликнула Селию. Та успела заметно оживиться: частично благодаря вниманию Ди Ди, частично, как подозревала Лотти, из-за того, что мысль о визите матери в дом актрисы наполняла ее озорным восторгом. Лотти радовалась за подругу и в то же время хотела уничтожить эту радость, растоптать беспощадно.

Родители Гая по-прежнему ее не замечали.

Скоро они все уедут, твердила она себе, закрыв глаза. Я возьму больше дней в обувной лавке. Помирюсь с Джо. Займу чем-нибудь свои мысли. Буду думать о чем угодно, только не о нем. И в эту самую секунду Гай свернул на подъездную аллею и встретился с ней взглядом, словно насмехаясь над ее попыткой обуздать собственные чувства.

— Это он? — Мистер Банкрофт покачался с носка на пятку, совсем как его сын несколько недель тому назад.

Гай остановился, глядя на низкий белый дом:

— Он самый.

— Симпатичный домик.

— В нем смешались два стиля — ар-деко и модерн. Стиль получил свое начало с парижской выставки тысяча

девятьсот двадцать пятого года «Exposition Internationale des Arts Décoratifs»¹. Геометрия зданий созвучна «веку машин».

Наступила короткая тишина. Все оглянулись и посмотрели на Гая.

— Ну и ну. Это твоя самая длинная речь с тех пор, как мы сюда приехали.

Гай потупился:

— Мне было интересно. Я прочел об этом в библиотеке.

— В библиотеке — вот как? Молодец, сынок. — Мистер Банкрофт прикурил очередную сигарету, закрыв пламя зажигалки широкой толстой ладонью. — Видишь, Ди Ди? — Он с удовольствием затянулся. — Я же говорил, наш мальчик будет в порядке и без учителей. Если ему что-то нужно узнать, он идет и читает об этом сам. И не где-нибудь, а в библиотеке.

— Думаю, это просто замечательно, дорогой. Расскажи еще об этом доме.

— Мне кажется, рассказывать должен не я. Аделина вам все расскажет.

Лотти заметила, как миссис Холден вздрогнула, услышав, что Гай называет хозяйку дома по имени. Наверняка вечером последуют вопросы.

А еще Лотти видела, что миссис Холден чувствует себя весьма неловко оттого, что на стук долго не отвечали: и без того на взводе, она стояла перед огромной белой дверью, держа сумку перед собой, и то поднимала, то опускала ее, не решаясь постучать во второй раз на тот случай, если ее не услышали. В доме явно кто-то был: на подъездной аллее стояло три машины. Но дверь почему-то никто не открывал.

¹ «Международная выставка декоративных искусств» (фр.).

— Возможно, они на террасе, — сказал Гай. — Я мог бы перелезть через боковую калитку и взглянуть.

— Нет! — одновременно воскликнули Ди Ди и Сьюзен Холден.

— Мы же не хотим им помешать, — пояснила Сьюзен Холден. — Возможно, они... Возможно, они занимаются озеленением.

Лотти не стала говорить, что единственная зелень на террасе Аделины — это забытый кусок хлеба возле больших глиняных горшков, который успел покрыться плесенью.

— Наверное, нам следовало сначала позвонить, — сказала Ди Ди.

Ожидание становилось мучительным, но тут дверь распахнулась. На пороге стоял Джордж. Он медленно обвел взглядом каждого, а потом, улыбнувшись Селии, театралью взмахнул рукой:

— Это же Селия и Лотти! А с ними компания весельчаков. Заходите. Присоединяйтесь к нам.

— Гай Банкрофт-старший, — представился мистер Банкрофт, протягивая огромную руку.

Джордж посмотрел на нее, сунув свою сигарету в рот:

— Джордж Берн. Очень рад. Понятия не имею, кто вы, но очень рад.

Лотти догадалась, что он совершенно пьян.

В отличие от миссис Холден, которая нервно застыла в дверях, словно боялась войти, мистера Банкрофта несколько не смутило странное приветствие Джорджа.

— Это моя жена Ди Ди и мой сын Гай-младший.

Джордж изящно наклонился, изображая, что присматривается к Гаю:

— А-а-а... Знаменитый принц ананасов. Я слышал, вы произвели фурор.

Лотти вспыхнула румянцем и быстро пошла по коридору.

— Миссис Арманд дома?

— Разумеется, мадам. А вы, должно быть, сестра Селии. Ее мать? Нет, я не верю. Селия, ты мне не говорила, что у тебя такая мама.

В голосе Джорджа прозвучала едва уловимая насмешка, и Лотти не рискнула взглянуть в лицо миссис Холден. Она тихо вошла в главную гостиную, откуда доносились звуки немелодичного фортепьянного концерта. Ветер набирал силу: в отдаленной части дома неустанно скрипела и хлопала дверь.

Она услышала, как Ди Ди за ее спиной восторженно отзывается о каком-то произведении искусства, а миссис Холден несколько встревоженно интересуется, не будет ли миссис Арманд против неожиданного визита, но она точно приглашала...

— Нет-нет. Входите. Присоединяйтесь к нам.

Лотти невольно уставилась на Аделину, которая сидела в центре дивана, — точно так, как в день их первой встречи. Однако теперь весь экзотический блеск куда-то испарился: заплаканная, бледная, с пятнами на лице и потупленным взором, она молча сидела, сжав руки перед собой.

Рядом с ней восседал Джулиан, а Стивен, занявший кресло, увлеченно читал газету.

Джулиан поднялся и пошел навстречу гостям:

— Лотти, как приятно снова тебя видеть! Нежданное удовольствие. А кто с тобой пришел?

— Мистер и миссис Банкрофт, родители Гая, — проворкотала Лотти. — И миссис Холден, мать Селии.

Джулиан, видимо, не заметил Сьюзен Холден. Он буквально набросился на мистера Банкрофта и страстно пожал ему руку.

— Мистер Банкрофт! Гай так много о вас рассказывал! — (Тут Лотти заметила, что Селия хмуро посмотрела на Гаю: значит, сегодня вечером не только миссис Холден будет задавать вопросы.) — Садитесь же, прошу вас. Мы сейчас организуем чай.

— Мы не хотим доставлять вам беспокойство, — проворчала миссис Холден, побледневшая при виде серии обнаженной натуры на стене.

— Никакого беспокойства. Совершенно никакого. Рассаживайтесь! Выпьем чая. — Он бросил взгляд на Аделину, которая по-прежнему оставалась неподвижной, разве что одарила гостей слабой улыбкой. — Я очень рад со всеми вами познакомиться, а то так получилось, что я вообще не знаю своих соседей. Вам придется извинить нас за некую нерасторопность в домашних делах: от нас только что ушла прислуга.

— О, я вам сочувствую, — сказала Ди Ди, опускаясь на плетеный стул. — Нет ничего хуже, чем остаться без прислуги. Я говорю Гаю, что держать в доме прислугу иногда требует больше сил, чем она того стоит.

— Но это только на Карибских островах, — сказал мистер Банкрофт, — где двадцать человек делают работу десятерых.

— Двадцать?! — поразился Джулиан. — Аделина была бы рада и одному. Прислуга в нашем доме никогда не задерживается. У нас с этим проблема.

— А ты попробуй ей платить, Джулиан. Хотя бы иногда, — посоветовал Джордж, успевший налить себе очередной бокал красного вина.

Аделина снова слабо улыбнулась. Лотти поняла, что в отсутствие Френсис подавать чай никто не собирается.

— Я приготовлю чай, — сказала она. — Меня это не затруднит.

— В самом деле? Превосходно. Какая ты чудесная девушка, Лотти.

— Чудесная, — ухмыляясь, поддакнул Джордж.

Лотти направилась в кухню, радуясь возможности сбежать из напряженной атмосферы гостиной. Пока она искала чистые чашки и блюда, до нее доносился голос Джулиана, который расспрашивал мистера Банкрофта о его бизнесе и с еще большим энтузиазмом рассказывал о своем. Он сообщил мистеру Банкрофту, что продает искусство. Владеет галереями в центре Лондона и специализируется на современных художниках.

— И что, эта мазня имеет спрос? — поинтересовался мистер Банкрофт, расхаживая по комнате.

— И с каждым годом он растет. Некоторые художники на аукционах «Сотби» или «Кристи» за один год утраиваются в цене.

— Ты слышишь, Ди Ди? Неплохое вложение. Что скажешь?

— Если знаешь, что покупать.

— Да, тут вы правы, миссис Банкрофт. При неудачном совете у вас на руках может оказаться покупка, имеющая свою эстетическую ценность, но никак не денежную.

— Можно сказать, мы до сих пор не приобретали живопись, правда, Гаймилый? Те картины, что висят у нас в доме, я купила потому, что они красиво смотрелись.

— Вполне разумная причина приобретения вещей. Если вам вещь не нравится, не важно, сколько она стоит.

На кухонном столе Лотти увидела несколько солидных счетов за отопление, электричество и кое-какие ремонтные работы на крыше. Взглянув на них из любопытства, она была потрясена указанными суммами. Как и тем, что все они, видимо, являлись последним требованием.

— А это что такое?

— Это произведение Кляйна¹. Да. В его работе холст не менее важен, чем сама живопись.

— Наверное, это один из способов сэкономить на красках. Такое нарисовал бы и ребенок.

— А стоит не меньше нескольких тысяч фунтов.

— Нескольких тысяч? Ди Ди! Думаешь, мы смогли бы начать рисовать? У тебя появилось бы маленькое хобби.

Ди Ди громко расхохоталась:

— Серьезно, мистер Арманд. Эта мазня стоит таких денег? За что?

— Искусство, как и все вещи, стоит ровно столько, сколько за него готовы платить.

— Аминь.

Вошла Лотти с подносом. Аделина к этому времени уже стояла у одного из огромных окон, за которым ветер с новой силой гнул траву и кустарники и те раболепно содрогались. Внизу, на пляже, Лотти разглядела несколько крошечных фигурок, которые с трудом поднимались по тропе, наконец признав свое поражение перед ненастьем.

— Кому чай? — спросила она.

— Я разолью, Лотти, дорогая, — сказала Аделина.

Освобожденная от этой обязанности, Лотти не знала, что ей теперь делать, и предпочла остаться у стола. Селия и Гай неловко топтались у двери, пока мистер Банкрофт не выругал сына, велел ему сесть и перестать маячить с та-

¹ *Ив Кляйн* (1928–1962) — французский художник-новатор, одна из наиболее значительных фигур послевоенного европейского искусства. Кляйн представил в искусстве двадцатого столетия новую тенденцию, согласно которой личность художника важнее его произведений.

ким видом, будто ему всадили в задницу ручку от швабры. Услышав это, Селия фыркнула, а Лотти, ненадолго забывшая о своих переживаниях по поводу злой судьбы, снова почувствовала, что не смеет взглянуть в лицо миссис Холден.

— Давно здесь живете, миссис Арманд? — поинтересовалась Ди Ди, на которую, как и на ее мужа, странное поведение хозяев не произвело ни малейшего впечатления.

— С начала лета.

— А где вы жили до того?

— В Лондоне. В центре Лондона. Сразу за Слоунсквер.

— О, в самом деле? А где именно? У меня подруга живет на Кливден-плейс.

— Кадоган-Гарденс, — ответила Аделина. — Хороший был дом.

— А почему же вы предпочли уехать в такую даль?

— Полно, полно, — вмешался Джулиан. — Банкрофты не желают выслушивать нашу скучную домашнюю историю. Лучше, мистер Банкрофт, или Гай, если позволите, расскажите мне подробнее о вашем бизнесе. Как возникла идея поставлять фрукты?

Лотти наблюдала за Аделиной, которая закрыла рот и стерла с лица всякое выражение. Она так поступала, если была недовольна: становилась похожей на маленькую восточную маску — изысканную, внешне незлобную, но ничего не выражающую.

«Почему он не позволяет ей говорить?» — подумала Лотти, и у нее закралось дурное предчувствие, не имевшее никакого отношения к ухудшавшейся погоде. Огромные окна заранее предупредили об этом, продемонстрировав величие темнеющего неба, по которому плыли

свинцовые облака до самого горизонта. Иногда пустой бумажный кулек или опавший лист взмывал вверх, подхваченный ветром, и уносился прочь. Дверь наверху то и дело хлопала, без всякого ритма, напрягая до предела нервы Лотти. Музыка давно стихла.

А Джулиан и Банкрофт тем временем продолжали беседовать.

— Так сколько вы здесь пробудете, Гай? Я успею собрать кое-какие работы, которые, как мне кажется, вам понравятся.

— Я хотел двинуть домой через день или два. Но Ди Ди вечно просит устроить нам совместный отпуск, пусть даже недолгий, поэтому мы решили продлить наш визит к Холденам, а потом, наверное, проедемся вдоль побережья. Быть может, даже съездим во Францию.

— Я еще не бывала в Париже, — сказала Ди Ди.

— Это ведь ты у нас великая любительница Парижа, да, Селия? — Джордж вытянулся в кресле-качалке и смотрел на девушку, улыбаясь.

— Что?

— Ты любительница Парижа. Париж, Франция...

Он знает, подумала Лотти. Знал с самого начала.

— Да. Да, Париж... — пробормотала Селия, заливаясь краской.

— Как это чудесно — иметь возможность путешествовать, когда ты молод. — Джордж закурил очередную сигарету и лениво выдохнул клуб дыма. — Не многим молодым людям выпадает такая удача.

Он нарочно так говорил. Увидев, что Селия начала заикаться, Лотти не выдержала и вступила в разговор:

— Больше всех из нас путешествовал Гай. Он рассказывал, что везде побывал. На Карибских островах, в Гватемале, Гондурасе. В таких местах, о которых я даже не

слышала. Так интересно его слушать. Он рисует такие чудесные картины... рассказывая о людях и обо всем. Такие места... — Лотти смущенно умолкла.

— Да-да, это так, — благодарно поддакнула Селия. — Мы с Лотс слушали как завороченные. И мама с папой тоже. Мне кажется, он все семейство заразил тягой к путешествиям.

— У вас, миссис Арманд, есть легкий акцент, — заметила Ди Ди. — Откуда он?

Дверь, которая без конца стучала наверху, вдруг грохнула очень сильно. Лотти подпрыгнула, и все дружно посмотрели на потолок. В дверях стояла Френсис. На ней было длинное бархатное пальто и полосатый шарф. Лицо белое, как стена. Она застыла на пороге, словно не ожидала увидеть в комнате людей. Потом повернулась к Аделине и обратилась только к ней.

— Прошу простить меня, — сказала она. — Я зашла сказать, что ухожу.

— Френсис... — Аделина поднялась и протянула руку. — Пожалуйста...

— Не нужно. Ничего не нужно. Джордж, не окажешь ли мне услугу? Подвези до вокзала.

Джордж погасил сигарету и рывком поднялся с кресла:

— Как скажешь, дорогая...

— Сядь, Джордж. — Аделина уже не казалась такой бледной, а когда махнула Джорджу, то сделала это почти властно.

— Аделина...

— Френсис, ты не можешь так уйти.

Френсис сжимала сумку так крепко, что костяшки пальцев совершенно побелели.

— Джордж, пожалуйста...

В комнате воцарилась тишина.

Джордж перестал ухмыляться, посмотрел на обеих женщин, потом перевел взгляд на Джулиана. Пожав плечами, он начал медленно подниматься с кресла.

Лотти принялась разглядывать людей вокруг себя. Миссис Холден и Ди Ди, сидя рядом с крепко зажатыми в руках чашками с чаем, буквально оцепенели, причем настолько, что миссис Холден даже не пыталась сделать вид, что не слушает. Мистер Банкрофт нахмурился, но на него тут же налетел Джулиан и, воскликнув, что ему нужно что-то продемонстрировать гостю в кабинете, увел его прочь. Селия и Гай, сидевшие у двери с одинаково изумленными лицами, невольно повторяли жесты друг друга. Только Стивен, казалось, ни о чем не подозревая, продолжал читать газету. Как заметила Лотти, газета была почти недельной давности.

— Прошу, Джордж, идем. Мне хотелось бы успеть на поезд в пять пятнадцать, если возможно.

Голос Аделины поднялся до неприятно высоких нот.

— Нет! Френсис, ты не можешь так уехать! Это смешно! Просто смешно!

— Смешно, говоришь? Тебе все смешно, Аделина. Все, что реально, истинно и честно. Это смешно, потому что вызывает у тебя дискомфорт.

— Неправда!

— Знаешь, ты достойна сожаления. Считаешь себя храброй и оригинальной, но на самом деле ты фальшивка. Фальшивка, созданная из плоти и крови. — Было видно, что Френсис старалась не расплакаться, ее длинное лицо по-детски сморщилось от огорчения.

— Что ж... — Миссис Холден поднялась, собираясь уйти. — Думаю, нам следует, наверное... — Она огляделась и увидела, что единственный выход из комнаты за-

гораживают Джордж и обе женщины. — Мы, по всей видимости...

— Я тысячу раз говорила тебе, Френсис... Ты просишь слишком много... а я не могу... — Голос Аделины осекся.

Джордж, стоявший между двумя женщинами, опустил голову.

— Я знаю, что не можешь. Поэтому и ухожу. — Френсис повернулась, Аделина протянула к ней руки, лицо ее исказила боль. Джордж перехватил ее и обнял — то ли удерживал, то ли успокаивал.

— Прости, Френсис! — прокричала Аделина вслед уходившей. — Мне и правда жаль! Прошу тебя...

У Лотти все сжалось внутри. Мир как будто вышел из-под контроля и его естественные границы исчезли. Дверь наверху продолжала стучать, с каждым разом все громче... В конце концов Лотти уже ничего не слышала, кроме прерывистого дыхания Аделины и громкого стука дерева о дерево.

Гай поспешно вышел в центр комнаты:

— Давайте посмотрим фреску. Кто-нибудь ее уже видел? Наверное, она закончена. Очень бы хотелось увидеть ее законченной. Мама! Хочешь взглянуть вместе со мной? Миссис Холден?

Ди Ди вскочила, опустив руку на плечо миссис Холден:

— Чудесная мысль, дорогой. Замечательная. Конечно, мы хотим посмотреть фреску, правда, Сьюзен?

— Да-да, — с благодарностью откликнулась миссис Холден. — Фреска.

Лотти и Селия замыкали шествие, потрясение от увиденной сцены на короткое время их объединило. Не в силах говорить, они удивленно подняли брови, глядя друг

на друга, и покачали головами, которые тут же взлохматил сильнейший ветер.

— Что это было? — прошептала Селия, придвигаясь к Лотти, чтобы та расслышала.

— Не представляю, — ответила Лотти.

— Родители Гая подумали, наверное, бог знает что. Даже не верится, Лотс, чтобы две взрослые женщины так вопили среди бела дня.

Лотти сразу замерзла. Там, внизу, пенились яростные волны, от тихого летнего дня не осталось даже воспоминания. Надвигался шторм. Теперь в этом не было никаких сомнений.

— Нам следует уйти, — сказала Лотти, почувствовав на лице первые брызги дождя. Но Селия, видимо, не услышала. Она шла туда, где Гай вместе с двумя женщинами рассматривал работу Френсис. Они внимательно изучали центральную фигуру, тихо что-то восклицая.

«О боже! — подумала Лотти. — Это Джулиан. Наверное, она изобразила его как-то ужасно».

Но не на Джулиана они смотрели не отрывая глаз.

— Удивительно, — сказала Ди Ди, стараясь перекричать ветер. — Это определенно она. Сразу видно по прическе.

— Что? Кто? — спросила Селия, придерживая юбку обеими руками.

— Это Лаодамия¹. Ты же знаешь, Гай, мое увлечение греческими мифами. Там, где мы живем, редко попадается

¹ *Лаодамия* — в греческой мифологии дочь иолакского царя Акаста и супруга филакского царя Протесилая, образец супружеской верности. Протесилай тотчас после свадьбы отправился под Трою, где в первом же сражении пал. Получив известие о смерти мужа, Лаодамия сделала его восковое изображение, а когда ее отец сжег это изображение, сама бросилась в огонь.

хорошая литература, — объяснила она, обращаясь к миссис Холден. — Поэтому я начала интересоваться греками. У них удивительные истории.

— Да, конечно. Мы немного познакомились с Гомером в нашем салоне, — сказала миссис Холден.

— Художник. Он изобразил ее как...

— Это она, мама. Художник — женщина... Та, что уезжает.

— Вот как? Ладно. В таком случае немного странно. Она изобразила миссис Арманд как одну из женщин Трои. Лаодамия была одержима восковым изображением пропавшего мужа... Как там его звали? Ах да, вспомнила! Протесилай. Смотрите, она нарисовала его здесь.

Лотти смотрела затаив дыхание. Аделина на фреске, не замечая людей вокруг себя, как зачарованная устоялась на грубый восковой манекен.

— Неплохо, миссис Банкрофт. Совсем неплохо. — Джордж подошел последним, держа в одной руке полный бокал вина; ветер поднял его волосы дыбом, придав ему испуганный вид. — Аделина в образе Лаодамии. «*Crede mihi, plus est, quam quod videatur, imago*». — Он сделал эффектную паузу. — «Верь, не простой это воск, как покажется с первого взгляда»¹.

— Но муж миссис Арманд здесь... — Миссис Холден, щурясь, разглядывала фреску, крепче прижимая к себе сумку. — Джулиан Арманд тоже изображен. — Она повернулась к Ди Ди.

Джордж бросил взгляд на нарисованную фигуру и отвернулся.

— Да, они женаты, — сказал он и побрел в дом, слегка покачиваясь.

¹ Овидий. Героиды. Перев. с лат. С. А. Ошерова.

Ди Ди выразительно вскинула брови, глядя на миссис Холден.

— Гай-младший предупреждал нас насчет артистических натур... — Она постаралась что-то разглядеть в доме через двери террасы, прижимая руку к голове, словно для того, чтобы не сдуло волосы. — Как вы думаете, нам можно уже войти?

Они повернулись, чтобы идти в дом. Селия, вышедшая в тоненьком кардигане, обхватила себя руками и приотпывала у двери.

— Дождь холодный. Холоднющий. А я не надела пальто.

— Мы все без пальто, дорогая. Идемте, Ди Ди. Посмотрим, что они сделали с вашим мужем.

Только Лотти осталась. Она пристально смотрела на фреску, спрятав руки в карманы, чтобы никто не заметил их дрожь.

В нескольких шагах от нее стоял Гай. Оторвав взгляд от стены, она поняла, что он тоже наверняка это увидел. В дальнем левом углу, в стороне от четырнадцати или около того персонажей, немного незавершенных с точки зрения техники. Девушка в длинном изумрудном платье с розовыми бутонами в волосах и мужчина с солнцем на спине. Чуть наклонившись, она принимала яблоко, которое он ей протягивал.

Лотти взглянула на образ, потом снова на Гая.

В его лице не было ни кровинки.

Лотти помчалась домой впереди остальных, якобы чтобы помочь Вирджинии с ужином, но на самом деле ее гнало вперед непреодолимое желание убежать. Она больше не могла выдавливать из себя вежливые реплики; она больше не могла смотреть на Селию, скрывая жгучую за-

висть; она больше не могла находиться рядом с ним. Слышать его. Видеть его. Она бежала всю дорогу, сердце чуть не выпрыгивало из груди, легкие словно рвались на части, в ушах стоял шум от собственного дыхания. Она не обращала внимания ни на холод, ни на ветер с дождем, хлеставшим в лицо, как и на то, что коса расплелась и волосы разлетелись просоленными прядями.

«Это невыносимо, — твердила она себе. — Просто невыносимо».

Когда все вернулись, Лотти была наверху, в безопасности, — наполняла ванну для Фредди и Сильвии. Она слышала, как Вирджиния, довольная, что ее избавили от обязанности купать детей, принимала у пришедших пальто, а миссис Холден восклицала, что в жизни не испытывала подобной неловкости. Ди Ди хохотала: странное поведение обитателей «Аркадии» явно сплотило дам. Из ванны поднимался пар, заполняя все помещение. Лотти сидела, уронив голову на руки. Ее била дрожь, в горле пересохло. Наверное, я умираю, подумала она, как героиня мелодрамы. Наверное, умереть было бы легче, чем выносить все это.

— Можно я возьму корову в ванну?

В дверях, сжимая игрушку, появился Фредди, уже голенький. Руки грязные, в полосах засохшей крови от дохлой лисы.

Лотти кивнула. Она слишком устала, чтобы спорить.

— Мне нужно пописать. Сильвия говорит, что сегодня она купаться не будет.

— Нет, будет, — устало возразила Лотти. — Сильвия, будь добра, иди сюда сейчас же.

— Мне не достать мочалку для лица. Достань, пожалуйста.

Придется уехать. Она всегда знала, что не сможет остаться здесь навсегда, но присутствие Гая сделало ее отъезд неотвратимым. Поскольку она никак не могла продолжать здесь жить после их свадьбы: они будут часто приезжать к родителям, и будет слишком жестоко видеть их вместе. А так она найдет хороший предлог, чтобы пропустить свадьбу.

О боже! Свадьба!

— Мне нужна чистая мочалка. Эта воняет.

— Ох, Фредди...

— Да. Воняет. Ой. Чересчур горячо. Смотри, моя корова сварилась. Ты сделала слишком горячую воду, и теперь моя корова окочурилась.

— Сильвия! — Лотти начала напускать в ванну холодную воду.

— Можно я сам помою голову? Вирджиния разрешает мне самому мыть голову.

— Нет, не разрешает. Сильвия!

— Я хорошенькая? — Сильвия явно добралась до косметички миссис Холден: щеки густо нарумянены, словно она поправлялась от какой-то средневековой болезни, а глаза залеплены голубыми тенями с блестками.

— Боже мой! Твоя мать устроит тебе взбучку! Сейчас же умойся!

Сильвия сложила руки на груди:

— А мне нравится.

— Хочешь, чтобы мать заперла тебя в комнате на весь день? Обещаю тебе, Сильвия, стоит ей только разок взглянуть на тебя, она так и поступит. — Лотти уже с трудом сдерживалась.

Сильвия скорчила мину и поднесла руку, вымазанную помадой, к лицу:

— Но я хочу...

— Можно войти?

Лотти, снимавшая с Сильвии туфли, подняла голову и окаменела. Он стоял с поникшими плечами в дверях, словно сомневаясь, стоит ли продолжать. Среди пара и мыла она уловила запах чистого соленого воздуха.

— Я сегодня убил медведя, Гай. Смотри, сколько кровищи!

— Лотти, мне... Мне нужно было тебя увидеть.

— Поборол его голыми руками. Я защищал свою корову. Ты видел, какая у меня корова?

— Гай, как по-твоему, я хорошенькая?

Лотти боялась даже пошевелиться. Ей казалось, что она вот-вот рассыплется и превратится в прах.

Ей стало очень жарко.

— Это все Френсис, — сказал он, и сердце ее, еще секунду назад радостно трепетавшее, упало.

Он, оказывается, пришел, чтобы рассказать о какой-то домашней ссоре. Или он собирался забрать Френсис с вокзала. Или мистер Банкрофт захотел приобрести кое-что из работ Френсис.

Она взглянула на свои руки, которые едва заметно подрагивали.

— А-а-а, — только и выдавила из себя она.

— Я намазалась помадой. Смотри! Гай, смотри!

— Да, — рассеянно ответил он. — Замечательная корова, Фредди. Правда.

Он все не решался переступить порог. Смотрел то на потолок, то в пол, словно борясь с чем-то. Наступила пауза, такая долгая, что Сильвия успела стереть косметику с лица, незаметно воспользовавшись новой мочалкой миссис Холден.

— Это невыносимо. Послушай, я хотел сказать тебе... — Он запустил пятерню в волосы — Она права. На картине. Я хотел сказать, на фреске.

Лотти вскинула голову:

— Френсис все поняла. Еще раньше меня.

— Что поняла? — Фредди выронил корову и перегнулся через край ванны, рискуя сломать себе шею.

— Я, наверное, последний догадался. — Гай разволновался, бросив на детей раздраженный взгляд. — Но она права, да?

Лотти уже не было жарко, да и руки перестали дрожать. Она облегченно выдохнула. Потом улыбнулась, впервые позволив себе роскошь смотреть на него и не бояться, что он все поймет по ее взгляду.

— Скажи мне, что она права, Лотти, — прошептал он, словно извиняясь.

Лотти протянула Фредди чистую мочалку. Один ее взгляд рассказал о целом мире.

— Я поняла все еще задолго до картины, — ответила она.

В то утро миссис Холден отметила, что выглядит определенно посвежевшей. Наклонившись к зеркалу, чтобы нанести немного туши (совсем чуть-чуть, все-таки она собиралась на воскресную службу), миссис Холден даже позволила себе предположить, что сбросила несколько лет. Брови казались менее всклоченными, а вокруг глаз стало меньше морщин. Отчасти это объяснялось, нужно признать, успешным визитом Банкрофтов. Несмотря на ту ужасную ссору актрисы со своей подругой. Ди Ди (какими только причудливыми именами не называют себя американцы) нашла ее чрезвычайно забавной, словно специально разыгранной к их приходу, как развлечение для туристов. Гай-старший объявил, что более чем доволен картинами, приобретенными у мистера Арманда. Это будет хорошее маленькое вложение капитала, сказал он после ужина, осторожно перенося их в машину. Он решил, что ему даже нравится вся эта современная мазня. Честно говоря, миссис Холден скорее умерла бы, чем позволила повесить одну из тех работ у себя в гостиной: они напоминали то, что обычно приносил с прогулок Мистер Бинс. Но Ди Ди просто улыбнулась ей: мол,

«ох уж эти мужчины», а вслух произнесла: «Лишь бы тебе нравилось, Гаймилий», после чего они уехали, пообещав прислать еще фруктов и еще не раз посетить Холденов до свадьбы.

Да и с Селией стало легче: она перестала дергаться, как раньше. Девочка явно старается. Миссис Холден вслух предположила, что Селия за всеми хлопотами перестала уделять Гаю должное внимание. Возможно, дочь несколько увлеклась приготовлениями к свадьбе и порой забывала о женихе (миссис Холден тоже, наверное, отчасти виновата: когда предстоит свадьба, очень трудно оставаться в стороне). Зато Гай был очень внимателен к дочери, и Селия, в свою очередь, старалась всюю выглядеть неотразимой, интересной и кокетливой. Миссис Холден на всякий случай отдала Селии несколько женских журналов, в которых подчеркивалось, как важно поддерживать интерес мужа... Были там статьи и на другие темы, которые миссис Холден пока не решалась обсуждать с дочерью.

Она даже почувствовала себя вправе щедро одаривать дочь наставлениями относительно семейной жизни: последние несколько дней Генри Холден, не в пример прежним временам, был чрезвычайно мил со своей женой, два дня подряд возвращался с работы вовремя и даже каким-то образом умудрился не получать ночных вызовов. А еще он пригласил все семейство отобедать в «Ривьере» — в качестве извинения за то, что пропустил почти весь визит Банкрофтов. Но самое важное, прошлой ночью (тут она слегка порозовела) он даже побывал в ее постели — впервые за полтора месяца, прошедшие со дня возвращения Селии из Лондона. Генри не отличался романтическим складом характера. Тем более приятно получить от него частичку внимания.

Миссис Холден оглянулась на два узких дивана с не потревоженными пушистыми покрывалами, тактично

скрывавшими ночные секреты. Дорогой Генри. К тому же та ужасная рыжеволосая девица уехала.

Она машинально отставила помаду и слегка постучала по отделанному орехом трюмо. Да, пока все шло очень хорошо.

Лотти лежала наверху в своей односпальной кровати и слушала, как внизу Селия и дети надевают пальто, готовясь пойти в церковь. В случае с Фредди одевание сопровождалось несколькими восклицаниями, тихими угрозами, за которыми последовали громкие протесты и заверения в невинности, после чего захлопали двери. Наконец под раздраженные крики миссис Холден закрылась парадная дверь, а это означало, что, кроме Лотти, в доме никого не осталось. Она лежала неподвижно, прислушиваясь к шорохам и шумам, которые обычно заглушал детский визг: в холле тикали часы, утробно урчали и шипели трубы, снаружи хлопали дверцы машины. Она лежала, чувствуя, как эти звуки просачиваются в ее горячую голову, и жалела, что не может насладиться редкой минутой уединения.

Лотти болела почти целую неделю. Она точно знала, когда началась болезнь: сразу после Великого Признания или в Последний День, когда она его видела. Обе эти ве-хи были настолько важны, что требовали заглавных букв. В ту ночь, после того как Гай открыл ей свои чувства, она пролежала без сна до рассвета, горя как в лихорадке. Сначала она приписала бредовые, спутанные мысли своему чувству вины. Но утром доктор Холден осмотрел ее горло и назвал отнюдь не библейскую причину: простуда. Он прописал ей постельный режим и обильное питье.

Селия была полна сочувствия и тем не менее сразу переселилась к Сильвии («Прости, Лотс, но я никак не

могу заболеть, когда на носу свадьба, а еще столько дел»). Лотти осталась одна, к ней заглядывали только Вирджиния, с недовольным видом таскавшая наверх суп и сок, и Фредди, регулярно проверявший, «не померла ли она уже».

Временами Лотти действительно желала себе смерти. Она слышала собственное бормотание ночью и боялась, что выдаст себя в бреду. Ей было невыносимо, что Гай, наконец откликнувшись на ее чувства, оказался теперь недостижим для нее, словно для Рапунцель с остриженными волосами в башне. Ибо при обычных обстоятельствах у них нашелся бы десяток причин столкнуться в доме или во время прогулки с собакой, но ни под каким видом юноша, помолвленный с молодой хозяйкой дома, не смог бы войти в спальню к другой девушке.

Выдержав без него два дня, она с трудом спустилась вниз якобы попить воды, а на самом деле взглянуть на него хоть одним глазком. И чуть не рухнула в коридоре. Пришлось миссис Холден и Вирджинии с ворчанием и руганью буквально втаскивать больную наверх, положив ее слабые руки к себе на плечи. Она успела лишь на секунду перехватить его взгляд, но даже это короткое мгновение рассказало ей о многом, позволив продержаться еще один долгий день и ночь.

Она чувствовала его присутствие: специально для нее он принес виноград из Южной Африки, сладкий и ароматный, с лопавшейся во рту тугой кожицей. Он присылал ей наверх испанские лимоны, чтобы добавлять в кипяток с медом для облегчения боли в горле, и мясистый инжир с «бочком», чтобы пробудить в ней аппетит. Миссис Холден восхищенно отметила щедрость его семейства и, можно не сомневаться, оставила несколько штук для себя.

Но Лотти этого было мало. Она умирала от жажды, а ей протягивали наперсток воды, и вскоре она решила, что эти подарки только все ухудшают. Она начала мучить себя, воображая, как в ее отсутствие он вновь прельщается чарами Селии. Разве могло быть иначе, когда Селия целыми днями только и думала о том, как бы снова его завоевать? «Что скажешь об этом платье, Лотс? — спрашивала она, расхаживая взад и вперед по спальне. — Оно подчеркивает мой бюст?» И Лотти тогда слабо улыбалась и просила ее извинить, ссылаясь на то, что хочет поспать.

Дверь внизу снова открылась. Лотти лежала и слушала, как кто-то поднимался по лестнице.

В дверях появилась миссис Холден.

— Лотти, дорогая, я забыла сказать, что оставила в холодильнике для тебя бутерброды, так как мы, скорее всего, из церкви сразу отправимся обедать в отель. С яйцом и кресс-салатом и парочка с ветчиной. Там же стоит кувшин с лимонно-ячменным напитком. Генри говорит, ты должна постараться выпить его весь в течение дня — ты по-прежнему мало пьешь.

Лотти изобразила благодарную улыбку.

Миссис Холден стянула перчатки, глядя мимо Лотти на кровать, словно раздумывая над чем-то, а потом быстро подошла и поправила на больной одеяло, плотно подоткнув под матрас. Покончив с этим, она пощупала девушке лоб.

— Ты все еще немного температуришь, — вздохнула она. — Бедняжка. Нелегко тебе пришлось за эту неделю.

Не часто Лотти слышала такую мягкость в ее голосе. И когда миссис Холден, убрав с лица Лотти прилипшие пряди, пожала ей руку, девушка невольно ответила ей тем же.

— Ничего, что ты остаешься одна?

— Со мной все будет в порядке, спасибо, — прохрипела Лотти. — Наверное, я посплю.

— Вот и правильно. — Миссис Холден повернулась, чтобы уйти, поправив свою прическу. — Думаю, мы вернемся к двум. Обед будет ранний из-за детей. Один Бог знает, что выкинет Фредди в приличном ресторане. Представляю, как сгорю со стыда еще до того, как подадут десерт... — Она проверила содержимое сумочки. — У тебя на столике две таблетки аспирина. И не забывай, что сказал Генри, дорогая. Больше жидкости.

Лотти уже чувствовала, что погружается в сон.

Дверь закрылась с тихим щелчком.

Она проспала несколько минут или часов, когда поняла, что стук каким-то образом просочился из сна в реальность и что она смотрит на дверь и слушает, как он становится все более настойчивым. И не прекращается.

— Лотти!

Должно быть, она опять бредит. Как в тот раз, когда была уверена, что на всех подоконниках обитает коричневая форель.

Лотти прикрыла глаза. Голова горела огнем.

— Можно войти?

Она снова открыла глаза. В дверях стоял он и оглядывался, его голубая рубашка была забрызгана крошечными капельками дождя. Издалека донеслись раскаты грома. В комнате потемнело, оттого что набежали дождевые облака, создав видимость сумерек. Она с трудом села, все еще не понимая, спит или бодрствует.

— Мне казалось, ты ушел на вокзал.

Он сказал, что ему нужно забрать ящик с фруктами.

— Ложь. Ничего другого в голову не пришло.

В комнате продолжало темнеть, так что она с трудом различала его лицо. Только глаза сияли так ярко, что она

подумала, не болен ли он тоже. Она на секунду опустила веки, желая убедиться, что он будет там, когда она их откроет.

— Все это очень тяжело, Лотти. Мне кажется... будто я схожу с ума.

Радость. Радость, что он здесь. Она опустила голову на подушку и протянула руку, совсем белую в полутьме.

— Лотти...

— Иди сюда.

Он одним прыжком пересек комнату, опустился на колени рядом с кроватью и положил голову ей на грудь. Она ощутила ее тяжесть на влажной ночной рубашке, подняла руку и позволила себе дотронуться до его волос. Они оказались мягче, чем она ожидала, даже мягче, чем у Фредди.

— Ты заполняешь собою все. Я уже ничего вокруг не вижу.

Он поднял голову, и она посмотрела ему в глаза, янтарные даже в приглушенном свете. Мысли в голове путались, расплывались. Он придавил ее к кровати своим весом, а иначе, как ей казалось, она бы взмыла вверх и вылетела в окно, в темную, мокрую бесконечность.

— О боже! Рубашка на тебе промокла... Ты больна. Ты больна, Лотти, прости. Мне не следовало...

Он начал было отстраняться, но она притянула его обратно.

Ей даже в голову не пришло извиниться за свой вид, мокрые, невымытые волосы, стойкий запах болезни — все ее чувства поглотило желание. Она зажала его лицо ладонями, их губы почти соприкасались, она ощущала, как он дышит. Они замерли на секунду, сознавая, что ожидание ценнее утоления. А потом, застонав, как от мучительной боли, он припал к ней, такой же сладостный, как запретный плод.

Ричард Ньюсом снова лопал леденцы: она видела, как он, наглый до предела, даже не стараясь потихоньку шуршать фантиками, закидывал в рот одну конфету за другой, словно сидел в заднем ряду кинотеатра. Никакого уважения. А мать его тоже хороша: сидит рядом и делает вид, что не имеет к нему никакого отношения. Хотя, конечно, как часто говорила Сара Чилтон, все Ньюсомы одинаковы: их не волнует ни порядок, ни приличия, лишь бы с ними все было хорошо.

Миссис Холден сердито взглянула на мальчишку во время исполнения 109-го псалма, но он даже бровью не повел. Спокойно развернул красную конфету, уставился на нее с безмятежностью коровы, жующей жвачку, и сунул в рот.

Какая досада, что этот противный мальчишка с его конфетами так ее отвлек: она заранее планировала подумать о Лотти и о том, что с ней делать после свадьбы Селии. Проблема не из легких: девочка должна понимать, что не может оставаться у Холденов вечно. В конце концов, ей все равно придется принять решение относительно своей будущей жизни. Она бы предложила записать ее на секретарские курсы, но Лотти была тверда в своем нежелании возвращаться в Лондон. Один раз она посоветовала ей стать учительницей — как-никак она хорошо справлялась с детьми, но Лотти отнеслась к ее идее с таким отвращением, словно она предлагала ей зарабатывать себе на жизнь на улице. В идеале было бы чудесно выдать ее замуж. Если верить Селии, Джо к Лотти неравнодушен. Но девчонка большая строптивица, поэтому неудивительно, что они рассорились.

А от Генри никакой помощи: несколько раз она заговаривала с ним об этом, но он сразу раздражался, говоря, что у бедняжки и так хватает забот, что она никому не

мешает в доме и что в свое время сама найдет себе хорошую работу. Миссис Холден не совсем, правда, понимала, какими такими заботами обременена Лотти, ведь почти десять лет ей не приходилось заботиться ни о куске хлеба, ни об одежде, но спорить с мужем не хотелось (особенно в такой момент), поэтому она не настаивала.

«Разумеется, она останется с нами столько, сколько захочет, — уверяла она Дейрдре Колкухоун. — Мы любим Лотти как родную». Иногда она искренне сама в это верила, например, когда девочка лежала больная, беспомощная на своей узкой кровати. Ее гораздо легче было любить, когда она была уязвима, в слезах и поту и не выпускала ежовых колючек. Но где-то в глубине души Сьюзен Холден сознавала, что лукавит сама с собой.

По рядам пустили сумку для пожертвований, и миссис Холден ткнула в бок мужа. Он со вздохом полез во внутренний карман, вынул какую-то банкноту и бросил в сумку. Сьюзен Холден, выставив свою новую сумочку перед собой, забрала у него пожертвования и передала дальше, довольная, что все видели, как они исполнили свой долг.

— Джо? Привет, Джо. — Селия схватила Джо за руку, когда он выходил из церковных дверей под яркое небо, расчищенное сильным ветром от грозовых облаков до самого горизонта. Мостовая была скользкой от дождя, и Селия неслышно выругалась, нечаянно ступив в лужу, которая обдала щиколотку грязной водой.

Джо обернулся, удивленный таким приветствием. На нем была бледно-голубая рубашка и вязаный жилет, а волосы, обычно со следами машинного масла, гладко причесаны по случаю.

— Привет, Селия.

— Видел Лотти?

— Сама знаешь, что нет.

— Она болеет. Серьезно болеет. Высокая температура и все такое прочее. Даже бредила. Вот такие дела. — Селия пошла рядом с юношей, чувствуя на себе взгляд матери, стоявшей у церковных ворот. Как было бы хорошо снова свести их вместе, однажды заметила миссис Холден. Бедняжке Лотти будет ужасно одиноко, когда Селия уедет.

Джо притормозил.

— Что случилось? — спросил он.

— Папа говорит, сильная простуда. Действительно сильная. Она чуть не умерла.

Джо побледнел, остановился и повернулся к Селии:

— Чуть не умерла?

— Сейчас-то она пошла на поправку, да, но поначалу все было очень плохо. Папа очень волновался за нее. Все это так печально... — Селия сделала эффектную паузу.

Джо ждал.

— Что именно? — наконец спросил он.

— Ваша ссора. И то, что она звала... — Селия умолкла на полуслове, как будто и без того сказала слишком много.

Джо нахмурился:

— Кого звала?

— Да никого, Джо. Забудь, что я сказала.

— Ну же, Селия. Что ты недоговариваешь?

— Не могу, Джо. Это было бы предательством.

— Почему предательством, если мы оба твои друзья?

Селия наклонила голову, размышляя.

— Ладно. Но ты меня не выдавай. Она звала тебя по имени, когда была в бреду. Сижу, бывало, рядом, вытираю ей лоб, а она бормочет: «Джо... Джо...» А я не могла ее

утешить, как-то успокоить. И все из-за того, что ты с ней расстался.

Джо с подозрением посмотрел на Селию:

— Она звала меня по имени?

— Без конца. Во всяком случае, очень часто. Когда ей было по-настоящему скверно.

Последовало долгое молчание.

— Ты ведь не стала бы... выдумывать или еще что?

Селия сверкнула глазами и с оскорбленным видом сложила руки на груди:

— Насчет моей сестры? Или почти что сестры? Джо Бернارد, такой низости я от тебя еще не слышала! Говорю же, бедняжка Лотти звала тебя в бреду, а ты заявляешь, что я выдумываю. Так вот, я теперь жалею, что вообще с тобой заговорила. — Она повернулась на своих тонких каблучках и быстро пошла прочь.

Теперь настала очередь Джо хватать ее за руку.

— Селия! Селия, прости. Постой, пожалуйста. — Он задохнулся. — Наверное, мне сложно поверить, что Лотти меня звала... Но если она действительно больна, это ужасно. Я жалею, что меня не было рядом. — Он потупился.

— А я ведь ей ничего не сказала. — Селия посмотрела прямо ему в глаза.

— О чем?

— О том, что ты встречаешься с Вирджинией.

Джо покраснел. Краска поползла от шеи вверх, словно он был розовой губкой, впитывающей воду.

— Ты ведь не думал, что это долго останется в секрете? Она же работает у нас в доме.

Джо уставился на тротуар и поддал ногой камень:

— Не то чтобы мы встречаемся. Так, ходили пару раз на танцы... Ничего серьезного. — (Селия промолчала.) —

Все не так, как с Лотти. Если бы я только думал, что у меня есть шанс с Лотти... — Он умолк, прикусив губу, и отвел взгляд в сторону.

Селия по-дружески опустила руку ему на плечо:

— Послушай, Джо, я знаю ее лучше других, и единственное, что могу сказать: она странная, наша Лотти. Иногда она сама не знает, что ей надо. Зато, оказавшись на пороге смерти, она говорила искренне и звала не кого-нибудь, а тебя. Ну вот. Знай. Теперь тебе решать, что делать.

Джо крепко задумался. От усилия даже начал чаще дышать.

— Может, навестить ее? Как считаешь? — Он с надеждой посмотрел на Селию.

— Как я считаю? Я считаю, что она обрадуется.

— Так когда мне прийти?

Селия взглянула на мать, которая постукивала по циферблату часов.

— Сейчас самое лучшее время. Я сбегая предупрежу маму, что немного опоздаю на обед в отель, а потом тебя провожу. Я отпустила бы тебя одного, — добавила она со смехом, убегая к матери, — но Лотти не скажет мне спасибо, если из-за меня ты застанешь ее в ночной рубашке.

Рука у Лотти затекла. Но она скорее позволила бы ей отвалиться, чем сдвинула в сторону, нарушив тем самым его тихий сон. Не отрывая взгляда от его сомкнутых век, от слегка влажного, уже подсыхающего лица, она подумала, что никогда прежде не чувствовала себя такой отдохнувшей. Все напряжение последних дней куда-то ушло, а она словно превратилась в масло, растаявшее, подслащенное.

Он зашевелился во сне, и тогда она потянулась к нему губами и нежно поцеловала в лоб. Он пробормотал что-

то в ответ, и у Лотти от благодарности сжалось сердце. «Спасибо, — обратилась она к своему божеству. — Спасибо, что подарил мне это. Умри я в эту секунду, все равно была бы благодарна».

Голова прояснилась, от лихорадки не осталось и следа, как и от ее неутоленного желания. «Или, может быть, это Гай меня излечил, — подумала она. — Наверное, я умираю оттого, что его не было рядом. — Она усмехнулась про себя. — Любовь сделала меня мечтательной и глупой». Но Лотти не жалела. Ни о чем не жалела.

Она взглянула за окно. Дождь продолжал коварно стучать по стеклам, ветер время от времени задувал в щели в тех местах, куда миссис Холден забыла заткнуть кусочки войлока. Здесь, на берегу, жизнь определялась погодой. От нее зависело, как пройдет весь день, в каком настроении, с какими возможностями, а отдыхающим она воплощала или разбивала мечты. Но Лотти теперь смотрела на нее с безразличием. Разве погода имела значение? Да пусть хоть земля разверзнется, изрыгнув вулканическое пламя. Ей все равно, лишь бы чувствовать его теплые объятия, его губы, прижавшиеся к ее губам, странное отчаянное сплетение их тел. Миссис Холден если и рассказывала немногословно о любви в браке, то даже не намекала на подобные ощущения.

«Я люблю тебя, — беззвучно призналась она ему. — Я буду любить только тебя». И глаза ее наполнились слезами.

Он зашевелился, просыпаясь. В первую секунду ошалело на нее посмотрел, ничего не понимая, а затем, сразу все вспомнив, заулыбался.

— Привет.

— И тебе тоже привет. — Он присмотрелся внимательнее. — Ты что, плачешь?

Лотти с улыбкой покачала головой.

— Иди сюда. — Он притянул ее к себе, покрыл шею поцелуями. Она вся отдалась на волю чувств, сердце в груди так и подпрыгивало. — О, Лотти...

Она приложила палец к его губам, заставив умолкнуть. Посмотрела ему в глаза, словно стараясь поглотить его одним взглядом. Слова были не нужны: ей хотелось впитать все его существо до последней капельки. Немного погодя он опустил голову на ее плечо. Они молча лежали, слушая далекие раскаты грома и завывания ветра.

— Идет дождь.

— Он идет уже целую вечность.

— Я заснул?

— Ничего, еще рано.

Он помолчал.

— Прости.

— За что? — Она провела пальцем по его лицу и почувствовала, как он заиграл желваками.

— Ты же болела. А я на тебя набросился.

Она невольно захихикала:

— Ничего страшного не случилось.

— С тобой все в порядке?.. Я не сделал тебе хуже?

Она закрыла глаза:

— О нет.

— А как же твоя болезнь? Жар вроде бы отступил.

— Я чувствую себя прекрасно. — Она повернулась к нему лицом. — Нет, правда, мне гораздо лучше.

Он засмеялся:

— Так это тебе и нужно было. И простуда здесь ни при чем.

— Чудесное лечение.

— У меня кровь в жилах поет. Как ты думаешь, не рассказать ли нам доктору Холдену?

Лотти расхохоталась. Она долго сдерживалась, но теперь смех вырвался наружу.

— Думаю, у доктора Холдена найдется собственная версия этого излечения.

Гай удивленно вскинул брови:

— В самом деле? У доктора Холдена, идеального мужа?

Лотти кивнула.

— Ты серьезно? — Гай бросил взгляд в окно. — Надо же. Бедная миссис Холден.

Имя, произнесенное вслух, заставило обоих помолчать. Лотти наконец передвинула руку, чувствуя, как по ней забегали мурашки. Гай поудобнее положил голову, и они уставились в потолок.

— Что будем делать, Лотти?

Этот вопрос заслонил собою все. И только у Гая был ответ.

— Мы же не можем вернуться к прежнему, правда? — Он искал у нее поддержки.

— Я не могу. И думать нечего.

Он приподнялся на локте, потер глаза. Волосы его растрепались.

— Да-а... Однако и натворили мы дел.

Лотти прикусила губу.

— Мне все-таки придется сказать ей. Рано или поздно. Лучше рано.

Лотти выдохнула. Ей нужно было услышать эти слова. И чтобы он произнес их сам, без подсказки. Потом она подумала о значении того, что он сказал, и внутри у нее все сжалось.

— Будет что-то ужасное. — Она вздрогнула и села. — Непоправимое. Мне тоже придется уехать.

— Что?

— Я же не могу теперь остаться. Да и Селия больше не захочет меня видеть.

— Наверное, ты права. Куда же ты пойдешь?

Она взглянула на него:

— Не знаю. Пока не думала.

— Придется тебе поехать со мной. Мы вернемся к родителям.

— Они меня возненавидят.

— Ничего подобного. Они к тебе быстро привыкнут и тогда любят.

— Я даже не знаю, где они живут. Я даже не знаю, где ты живешь. Я так мало знаю о тебе.

— Мы знаем достаточно. — Он взял ее лицо в ладони. — Дорогая, дорогая Лотти. Нет ничего такого, что мне нужно о тебе знать. Я знаю одно: ты была создана для меня. Мы подходим друг другу — разве нет? Как перчатки.

К глазам Лотти снова подступили слезы. Она потупилась, боясь взглянуть на него от нахлынувших чувств.

— Ты в порядке?

Она снова кивнула.

— Нужен носовой платок?

— Вообще-то, я хочу пить. Миссис Холден приготовила кувшин лимонада. Пойду вниз, принесу. — Она опустила ноги с кровати, потянулась за ночной рубашкой.

— Оставайся здесь. Я сам принесу. — Он зашлепал по комнате, собирая одежду. Лотти любовалась им, когда он передвигался по комнате без всякого стеснения, и удивлялась, какой он красивый, как играют его мускулы под кожей. — Не шевелись, — велел он и, надев рубашку через голову, ушел.

Лотти лежала, вдыхая аромат моря, оставшийся после него на ее влажной рубашке, и прислушивалась, как вни-

зу он открывает холодильник, звенит стаканами и кубиками льда. Сколько раз будешь прислушиваться к передвижениям своего любимого, прежде чем привыкнешь? Прежде чем у тебя перестанет сжиматься горло и замирать сердце?

Она слушала, как он поднимается по лестнице, а затем затихает перед дверью, готовясь открыть ее бедром.

— Я вернулся, — с улыбкой сообщил он. — Знаешь, я только что представил, как бы делал это для тебя на берегу Карибского моря. Мы там просто выжимаем свежий сок. Прямо из...

И застыл, поскольку оба услышали, что в замке входной двери поворачивается ключ.

Они в ужасе переглянулись, а затем Гай, как подстегнутый, кинулся к своим туфлям, быстро сунул в них ноги и рассовал носки по карманам. Лотти, пораженная, только и смогла, что натянуть на себя одеяло.

— Привет! Лотс?

Дверь закрылась, с лестницы донеслись шаги, причем сразу двух человек.

Гай, покраснев, потянулся к подносу.

— Ты в пристойном виде? — раздался насмешливый голос Селии.

— Селия? — прохрипела она.

— Я привела к тебе гос... — Улыбка исчезла с ее лица, когда она открыла дверь и ошеломленно уставилась на них. — А ты что здесь делаешь?

О боже! За ее спиной стоял Джо. Лотти увидела его голову, которая тут же смущенно опустилась.

Гай сунул поднос в руки Селии:

— Я принес Лотти лимонад. Раз уж ты здесь, сама этим займись. Из меня плохая сиделка.

Селия посмотрела на поднос. Увидела два стакана.

— А я привела Джо, — сказала она, все еще не в силах прийти в себя. — Навестить Лотти.

Джо за ее спиной покашлял в кулак.

— Как... мило, — сказала Лотти. — Но я не совсем... Мне нужно привести себя в порядок.

— Я пойду... — сказал Джо.

— Уходить совсем не обязательно, Джо, — возразила Лотти. — Я... Я просто немного приберусь.

— Нет, в самом деле. Не хочу доставлять хлопоты. Зайду, когда ты поправишься.

— Хмм... Обязательно приходи, Джо.

Селия осторожно поставила поднос на столик рядом с кроватью. Потом посмотрела искоса на Гая и рассеянно пригладила волосы:

— Ты сильно разругался.

Гай поднес руку к щеке, словно удивляясь. Хотел что-то сказать, но потом передумал и молча покачал головой.

Наступила долгая, неловкая тишина, во время которой Лотти все сильнее натягивала одеяло до подбородка.

— Пожалуй, нам лучше дать тебе покой, — сказала Селия и открыла дверь, намекая Гаю, что пора уйти. Говорила она тихо, с паузами и не глядела при этом на Лотти. — Уверен, что не хочешь остаться, Джо?

Он что-то пробормотал в ответ. Наверное, совсем низко опустил голову.

Гай прошел мимо Лотти к двери. Лотти с тревогой заметила, что его рубашка сзади осталась не заправленной в брюки.

— Пока, Лотти. Надеюсь, тебе скоро станет лучше. Как ножом по сердцу эта наигранная веселость.

— Спасибо. Спасибо за лимонад.

Селия, придерживая для Гая дверь, замерла.

— А где же фрукты?

— Что?

— Фрукты. Ты же ездил на вокзал за фруктами. В холле ничего нет. Где они?

Гай на секунду смутился, но затем кивнул:

— Не приехали. Я прождал больше получаса, а их не оказалось в поезде. Наверное, прибудут с двухчасовым.

— Я слышал, вам присылают свежие кокосы, — сказал Джо, неловко переминаясь на лестничной площадке. — Странные штуковины, эти самые кокосы. Похожи на человечьи головы. Только без глаз... И всего прочего.

Селия постояла немного, затем, потупившись, прошла мимо Гая и начала спускаться по лестнице.

Через два дня Лотти стояла, дрожа, в пляжном домике под номером 87, носившем название, судя по упавшей табличке, «Саранда». Она плотнее завернулась в пальто и дернула за поводок Мистера Бинса, который отчаянно рвался вперед. Было почти темно, а внутри неосвещенного домика еще темнее и неуютнее.

Она ждала почти пятнадцать минут. Совсем скоро придется возвращаться. Миссис Холден и без того с трудом ее отпустила. Дважды щупала лоб, прежде чем нехотя позволить прогулку. Если бы ей не хотелось побыть наедине с доктором Холденом минут пятнадцать, она вообще не разрешила бы Лотти выйти.

С тропинки донеслось шипение велосипедных шин. Лотти несмело приоткрыла дверь и увидела его: Гай спрыгнул с велосипеда и с грохотом прислонил его к стене. Они торопливо обнялись, неловко целуясь.

— У меня совсем мало времени. Селия прилипла, как клей. Я выбрался только потому, что ей захотелось принять ванну.

— Она что-нибудь подозревает?

— Думаю, что нет. Она ни слова не сказала о... Ну, сама знаешь... — Он нагнулся и погладил Мистера Бинса, который что-то вынюхивал у его ног. — Боже, как все ужасно! Ненавижу лгать. — Он притянул Лотти к себе, чмокнул в макушку. Она обхватила его руками и вдохнула знакомый аромат, пытаясь запечатлеть в памяти ощущение его рук на своей талии. — Зачем им что-то говорить? Можно просто уехать. Оставить записку. — Он бубнил, уткнувшись в ее волосы, словно тоже хотел надышаться родным запахом.

— Нет. Я не могу так поступить. Они ко мне хорошо отнеслись. Самое меньшее, что я могу, — хотя бы объяснить.

— Не уверен, что это можно как-то объяснить.

Лотти отстранилась, посмотрела ему в лицо:

— Они ведь поймут, правда, Гай? Обязательно поймут. Мы не желали никому зла. Это не наша вина. Просто мы ничего не могли поделать, да? — Она расплакалась.

— Никто не виноват. Так случилось. Нельзя бороться с обстоятельствами.

— Мне ненавистна мысль, что наше счастье будет построено на несчастье других. Бедняжка Селия. Как мне ее жаль. — Теперь, когда Гай принадлежал ей, Лотти могла себе позволить душевную щедрость. Сочувствие подруге удивило даже ее саму. Лотти вытерла нос рукавом.

— Селия переживет. Найдет кого-то другого. — (Лотти почувствовала неприятный укол от деловитости в его голосе.) — Иногда мне казалось, что она любит вовсе не меня, а саму идею любить кого-то.

Лотти недоуменно уставилась на него.

— Просто временами у меня было ощущение, что ее выбор пал на меня случайно. Понимаешь?

Лотти подумала о Джордже Берне. И почему-то ощутила себя предательницей.

— Я уверена, она тебя любит, — тихо, неохотно возразила Лотти.

— Давай не будем об этом говорить. Послушай, Лотс, мы должны составить план. Давай подумаем, когда лучше всего им сказать. Я не могу все время лгать... Чувствую себя от этого по-дурацки.

— Дай мне еще немного времени, до конца недели. Я узнаю, примет ли меня к себе Аделина. Теперь, когда Френсис уехала, им понадобится помощница в доме. Я бы не возражала.

— Правда? Но это ненадолго. Пока я не улажу вопрос с родителями.

Лотти прижалась лицом к его груди:

— Поскорее бы все закончилось. Перепрыгнуть бы сразу на три месяца вперед. — Она закрыла глаза. — А то словно смерти ждешь или какой беды.

Гай выглянул за дверь:

— Пожалуй, пора. Я пойду первым.

Он наклонился и поцеловал ее в губы. Она не закрыла глаза, не желая пропустить хоть секунду. За его спиной, мигая огоньками, пересекал бухту корабль.

— Будь храброй, Лотти, дорогая. Когда-нибудь все это закончится.

Погладив ее по волосам, он ушел и начал подниматься по темной тропе, ведущей к дому.

Селия вернулась в свою комнату. Увидев ее ночную рубашку на покрывале, Лотти мысленно застонала. Когда-то она была отменной выдумщицей, теперь же, когда ее саму будто вывернули наизнанку, совершенно разучилась лгать, превратившись в краснеющую, стыдливую провинциалку.

От Селии она держалась подальше. Это было нетрудно, поскольку Селия развила почти безумную деятель-

ность. Если она не совершала налет на магазины, тратя отцовские деньги с почти религиозным пылом («Смотри, какие туфли! Я просто не могла их не купить!»), то сортировала вещи, отбрасывая все, казавшееся ей «слишком девчоночьим» или «не подходящим для столицы». За обедом, в окружении людей, Лотти могла уйти в себя, сосредоточиться на еде, поскольку в разговор ее вовлекали редко, да и то только доктор Холден, который сам почему-то казался рассеянным. Зато миссис Холден не обходила своим вниманием Гая, забрасывая его вопросами о родителях, о жизни за границей, и при этом улыбалась и кокетничала не меньше Селии. К облегчению Лотти, с Селией она столкнулась всего лишь раз, накануне вечером, когда Лотти похвалила новую стрижку подруги, а потом сказала, что ей тоже нужно подольше полежать в горячей ванне.

Поэтому, вернувшись после прогулки с Мистером Бинсом, Лотти очень удивилась, найдя Селию, завернутую в полотенце, на кровати. Она лежала и внимательно читала журнал для невест.

Комната как будто уменьшилась в размере.

— Привет, — сказала Лотти, снимая туфли. — Я... как раз собиралась принять ванну.

— Там мама, — откликнулась Селия, перевернув страницу. — Придется подождать немного. Горячей воды больше не будет. — У нее были длинные белые ноги с розовым педикюром.

— Вот как? — Лотти уселась на кровать, так и не сняв туфель и повернувшись спиной к Селии. Она лихорадочно думала, куда бы пойти. Когда-то они, лежа на кроватях, часами болтали о всяких пустяках. Теперь одна только мысль о том, чтобы остаться с Селией наедине хотя бы на минуту, была ей невыносима. Фредди и Сильвию уже уложили спать. Доктор Холден вряд ли захочет разговаривать.

«Я могла бы пойти и позвонить Джо, — подумала она. — Спрошу у доктора Холдена позволения воспользоваться телефоном».

Журнал с шумом захлопнулся, и Селия повернулась к ней лицом:

— Вообще-то, Лотти, мне нужно с тобой поговорить.

Лотти закрыла глаза.

«О боже, пожалуйста, нет!» — подумала она.

— Лотс!

Она обернулась, вымученно улыбнувшись. Аккуратно поставила туфли рядом с кроватью.

— Да?

Селия смотрела на нее твердым, немигающим взглядом. Ее глаза, как заметила Лотти, приобрели почти неестественную голубизну.

— Это... немного трудно.

Наступила короткая пауза, во время которой Лотти незаметно сунула начавшие дрожать руки под себя.

«Пожалуйста, только ни о чем не спрашивай, — молча молила она. — Я не смогу солгать. Прошу Тебя, Господи, пусть она ни о чем не спрашивает».

— Что такое?

— Я даже не знаю, как начать... Послушай... То, что я сейчас скажу... должно остаться только между нами.

Лотти с трудом дышала. Ей даже показалось на секунду, что она может потерять сознание.

— О чем ты? — прошептала она.

Селия по-прежнему смотрела на нее решительно. Лотти поняла, что не в силах оторвать от нее взгляд.

— Я беременна.

Строго говоря, это был запас на крайний случай, как, например, для того дня, когда из бухты Мер-Пойнт выловили пропавшую пятилетнюю девочку. Или когда приходилось сообщать новость, требовавшую сначала присесть. Иногда глоток крепкого виски помогал переносить несчастье чуть легче. Но доктор Холден, глядя на бутылку виски пятнадцатилетней выдержки в верхнем ящике стола, полагал, что есть дни, когда порция или две спиртного справедливо могут считаться лекарством. И не просто лекарством, а необходимостью. Потому что, если позволить себе задуматься, он не просто отец, провожающий любимую дочь к алтарю. Чувство беспокойства и неминуемого одиночества одолевало его при мысли о том, с чем он останется: с нелюбимой несчастной женой, вечно о чем-то хлопочущей. Он даже не сможет приятно проводить время с Джиллиан, поскольку она уехала в Колчестер. Резковатая она была, конечно, и даже не скрывала, что он для нее всего лишь этап на безостановочном пути наверх, зато веселая, напрочь лишенная подобострастия, с белой, как алебастр, кожей, гладкой и безупречной, но при этом теплой. Боже, какой теплой! А теперь

она уехала. И Селия, единственная красота, оставшаяся в его жизни, тоже скоро уедет. Так чего ему ждать в будущем, кроме скучных и тягучих лет среднего возраста, с бесконечными мелкими жалобами и редкими вечерами в баре гольф-клуба, где Олдерман Эллиотт или кто-нибудь еще будет хлопать его по спине, приговаривая, что его лучшие годы остались позади?

Генри Холден достал маленькую мензурку с полки за спиной, сел и медленно налил себе порцию виски. Было всего лишь десять утра, и алкоголь неприятно обжег горло. Но даже этот маленький бунт подействовал на него успокаивающе.

Она заметит. Разумеется, заметит. Потянется поправить ему галстук или под другим подходящим предлогом, а затем, уловив его дыхание, отступит назад и посмотрит на него, лишь на секунду выразив неудовольствие. Но при этом ничего не скажет. Просто наденет маску обиженной добродетели, которую он не переваривал: смотрите, мол, люди, какой крест я несу, и нет конца моим мучениям. А потом, не говоря ничего прямо, она все равно найдет какой-нибудь тонкий способ дать ему понять, что он ее разочаровал, опять подвел.

Генри Холден вновь наполнил мензурку и выпил залпом. На этот раз пошло легко, он смаковал ощущение огня после глотка.

Хозяева своих владений, как говорилось. Короли в своих замках. Какая все это ерунда. Их браком повелевали желания и потребности Сьюзен Холден, а также все ее несчастья, словно она написала их чернилами, а потом вколотила в него горящими палками. Ничто не ускользало от ее взгляда, ничто не вызывало в ней неожиданной радости. Впрочем, ничего и не осталось от той красивой, беззаботной, молоденькой дочери стряпчего, какой она

была, когда они познакомились: ни осиною талии, ни блеска в глазах, от которого когда-то внутри у него все переворачивалось. Нет, ту Сьюзен неторопливо сожрала эта несчастная матрона, это вечно встревоженное, замотанное существо, одержимое только тем, как все выглядит, а не как оно есть на самом деле.

«Посмотри на нас! — временами хотелось ему закричать. — Посмотри, во что мы превратились! Не нужны мне тапочки! И плевал я, что Вирджиния купила не ту рыбу! Я хочу вернуться в прежнюю жизнь: в то время, когда мы могли исчезнуть на несколько дней, когда мы могли заниматься любовью до рассвета, когда мы могли разговаривать, по-настоящему разговаривать, а не заниматься этой бесконечной пустой болтовней, которая в твоём мире считается беседой». Раз или два он чуть было все это не высказал. Но он знал, что она не поймет: уставится на него, округлив глаза от ужаса, а потом, незаметно передернув плечами, возьмет себя в руки и предложит ему чай. Или печенье. Чтобы «слегка взбодриться».

А в иное время ему казалось, что жизнь, возможно, никогда не была такой. Так же как с годами лето в детстве вспоминается теплым и долгим, мы вспоминаем любовь, которой не было, и страсть, которая так и не случилась. И Генри Холден ушел в себя чуть глубже. Перестал думать о потерях. Просто двигался вперед, стараясь не смотреть по сторонам. Чаще всего это срабатывало.

Чаще всего.

Но к концу сегодняшнего дня Селия с ее глупостью, переменчивым настроением и смехом покинет дом. «Прошу Тебя, Господи, — думал он, — пусть она не станет такой, как ее мать. Пусть эти двое избегнут нашей судьбы». Поначалу он не понял, почему Селия так торопится со свадьбой, почему так решительно взялась за ее подго-

товку. Он не поверил ей, когда она сказала, что октябрьские свадьбы сейчас на пике моды, но, видя, какое раздражение и даже панику вызвали в дочери попытки Сьюзен перенести свадьбу на лето, понял: девочка отчаянно мечтает покинуть дом. Убежать из этой душной атмосферы. Да и кто стал бы ее винить? Втайне он с радостью поступил бы так же.

А потом, была еще Лотти, чья грусть в связи с неминуемым отъездом Селии заставляла его молча переживать. Странная, непостижимая, наблюдательная Лотти, которая до сих пор согревала его иногда своей неожиданной улыбкой. Она всегда приберегала свою особую улыбку для него, пусть даже сама этого не сознавая. Она доверяла ему, любила его, когда была маленькой девочкой, — так его никто никогда не любил. Ходила за ним повсюду, доверчиво вложив маленькую ручку в его ладонь. И он знал, что между ними существует какая-то связь. Она все поняла про Сьюзен. Это было ясно по тому, как она за всеми наблюдала и все видела.

Лотти тоже долго не задержится. Сьюзен уже намекала со злобным шипением на дальнейшие планы, обсуждала разные варианты. А потом, после Лотти, уйдут младшие дети, и они с женой останутся вдвоем. Замкнутые каждый в своем несчастье.

Нужно взять себя в руки, приказал себе доктор Холден, лучше не задумываться об этом. И закрыл ящик стола.

Он посидел минуту, устремив взгляд в окно кабинета поверх списка больных и медицинских листовок, оставленных представителем какой-то фармацевтической компании вчера утром, поверх фотографии в рамке: уважаемый доктор с красавицей-женой и детьми. Затем, почти не сознавая, что делает, он вновь открыл ящик.

Джо последний раз прошелся замшевой тряпочкой по капоту синего «даймлера», наводя блеск, и отступил, не сумев скрыть довольную улыбку.

— Как зеркало, — сказал он.

Лотти, молча сидевшая на заднем сиденье в ожидании, когда он закончит, попыталась улыбнуться в ответ, но ей это не удалось. Она не сводила глаз со светлых кожаных кресел, представляя тех, кто будет здесь первыми пассажирами. «Не думай! — мысленно приказывала она себе. — Не думай!»

— Она волновалась, что я не успею, да? Я о миссис Холден.

Лотти сама вызвалась исполнить поручение, желая удрать из дома Холденов, где с каждой минутой росла истерия.

— Сам знаешь, какая она.

Джо протер руки чистой тряпкой:

— Бьюсь об заклад, Селия рада-радешенька уехать.

Лотти кивнула, стараясь сохранить на лице безмятежное выражение.

— Уедут сразу после церемонии? И куда же, в Лондон?

— Для начала.

— А затем, наверное, в какую-нибудь экзотическую страну. Где всегда жарко. Селии это понравится. Не могу сказать, однако, чтобы я ей завидовал. А ты?

В последнее время она научилась выдерживать любой разговор: после месяца практики держала лицо, как профессиональный игрок в покер: оно ничего не выражало, ничего не выдавало. Она вспомнила маску Аделины: благожелательная внешне, все скрывающая. Осталось всего несколько часов. Несколько часов.

— Что?

Наверное, она произнесла это вслух. С ней такое случилось.

— Ничего.

— Как поживает Фредди в своем пажеском костюмчике? Миссис Холден удалось втиснуть его в обновку? Я встретил парня в субботу на улице, так он мне признался, что собирается отпилить себе ноги, лишь бы на него не напялили те брюки.

— Он их носит.

— Черт возьми! Прости, Лотти.

— Доктор Холден пообещал ему два шиллинга, если он продержится в них до окончания приема.

— А Сильвия?

— Считает себя королевских кровей. Ждет, что придет королева Елизавета и назовет ее своей пропавшей сестрой.

— Она не изменится.

Нет, изменится, подумала Лотти. Она будет счастливой, радостной и беззаботной, но тут явится какой-нибудь мужчина и словно молотом разобьет всю ее жизнь на мелкие кусочки. Как, видимо, поступил отец Лотти с ее матерью. Как доктор Холден с миссис Холден. Счастье никогда не длится вечно.

Она подумала об Аделине, с которой виделась накануне, впервые после визита Банкрофтов. Аделина тоже куksилась, растеряв былую живость, целыми днями бродила по светлым гулким комнатам, и ничто ее больше в них не интересовало: ни смелые полотна, ни причудливые скульптуры, ни стопки книг. Джулиан уехал в Венецию вместе со Стивеном. Джордж получил грант в Оксфорде для написания какого-то экономического исследования. О Френсис Лотти не решалась спрашивать. А вскоре и Аделина тоже уедет. Она то и дело повторяла, словно уверяя саму

себя, что терпеть не может Англию зимой. Она собиралась на юг Франции, на виллу друзей в Провансе. Там она будет сидеть, пить дешевое вино и наблюдать за течением жизни. Это будет чудесный отпуск, говорила Аделина. Но голос ее звучал так, будто это не было ни чудесным, ни отпуском.

— Обязательно приезжай, — говорила она Лотти, которая делала вид, что ей все равно. — Я буду одна, Лотти. Ты должна меня навестить.

Они медленно вышли на террасу и приблизились к фреске. Там она очень нежно взяла Лотти за руку. На этот раз девушка не отпрянула.

В ушах у нее стоял такой гул, что она едва услышала, что сказала Аделина:

— Все будет хорошо, моя дорогая девочка. Просто верь.

— Я не верю в Бога. — Она сама не поняла, почему эти слова прозвучали с такой горечью.

— А я говорю не о Боге. Я просто верю тому, что иногда судьба готовит нам будущее, которое мы даже не можем представить. И чтобы помочь ей, мы просто должны верить в хорошее.

Твердая решимость Лотти чуть-чуть пошатнулась, девушка с трудом сглотнула и отвернулась, избегая пристального взгляда Аделины. Но теперь оказалось, что она смотрит прямо на фреску с двумя уличающими фигурами, и лицо ее исказили разочарование и гнев.

— Я не верю в судьбу. Я вообще ни во что не верю. Как может судьба заботиться о нас, если... если она специально все так запутывает? Ерунда, Аделина. Выдумки и вздор. Все происходит само собой. Люди, события случайно сталкиваются, затем время бежит дальше и оставляет нас самих выкарабкиваться из хаоса.

Аделина застыла на несколько секунд. Потом подняла руку и медленно погладила Лотти по волосам. Она молчала, словно решала, стоит ли говорить.

— Если он предназначен для тебя, он обязательно вернется.

Лотти отпрянула, слегка дернув плечом:

— Вы говорите совсем как миссис Холден с ее дурацкой яблочной кожурой.

— Ты должна оставаться верной своим чувствам.

— А что делать, если мои чувства не имеют ни малейшего значения во всей этой истории?

Аделина нахмурилась, растерявшись.

— Твои чувства — это самое важное, Лотти.

— О, я, пожалуй, пойду. — Лотти, сглотнув слезы, схватила пальто и, не обращая внимания на женщину, оставшуюся на террасе, быстро прошла по дому и оказалась на подъездной аллее.

На следующий день, когда она сожалела, что сорвалась, пришло письмо. В нем Аделина ни словом не обмолвилась о вчерашнем, просто сообщила адрес, где ее можно найти во Франции. Она просила Лотти не пропадать, а также написала, что единственный настоящий грех — пытаться быть тем, кем ты не являешься: «Есть утешение в сознании того, что ты осталась верна себе, Лотти. Поверь мне». Подпись в конце была необычной: «Друг».

Лотти чувствовала письмо в своем кармане, пока сидела, наблюдая за Джо, украшавшим капот «даймлера» белыми ленточками. Она сама не понимала, зачем таскала письмо с собой: возможно, мысль, что у нее есть союзник, дарила ей хоть какое-то утешение. Аделина была единственной, с кем она могла поговорить. Джо она слушала, как слушают муху, жужжащую в комнате: равнодушно, иногда с легким раздражением. Селия держалась с ней вполне

дружелюбно, но обе девушки не искали общения и не старались его продлить.

Был еще Гай, смущенное, несчастное лицо которого так и стояло перед глазами, чьи руки, кожа, дыхание заполнили все ее мысли. Ей невыносимо было находиться рядом с ним, и они не обменялись ни словом с той последней встречи в пляжном домике несколько недель тому назад. Она вовсе не сердилась на него, хотя причин гневаться было много. Они не разговаривали потому, что, если бы он стал ее упрашивать, она могла бы дать слабину. А если бы он все же захотел быть с ней, даже после всего, что случилось, она знала, что не смогла бы любить его по-прежнему. Разве можно любить мужчину, готового покинуть Селию в таком состоянии?

Когда Селия сообщила ей о своей беременности, он ничего еще не знал, но сейчас наверняка знает. Он перестал ходить за ней по пятам, перестал оставлять записочки в тех местах, где она могла на них наткнуться, — полоски бумаги с карандашными каракулями, которые буквально вопили: «ПОГОВОРИ СО МНОЙ!!» Она всегда держалась поблизости от миссис Холден, чтобы не оставаться с ним наедине. Поначалу он ничего не понимал. Теперь наверняка понимает: Селия уже рассказала то, что собиралась рассказать, и он больше не смотрел в сторону Лотти, даже отворачивал при любой встрече непроницаемое, безрадостное лицо, чтобы не видеть, насколько она несчастна, и самому не выдать своего горя.

Она старалась не думать, что все могло бы сложиться иначе. Как бы больно это ни было, она смогла бы жестоко поступить с Селией, пока у той все еще был шанс найти себе кого-то. Но разве могла она навлечь на нее позор сейчас? Навлечь позор на все семейство, которое когда-то ее спасло? В иные дни она сердилась на него безмерно:

все никак не могла поверить, что Гай разделял с Селией такую близость, чувствовал с ней то же самое. Ведь на всем белом свете только они двое могли это испытывать, только им двоим удалось заглянуть в ту тайну. Они подходили друг другу как перчатки, — он сам так сказал. И вот теперь ее предали.

— Почему? — успел прошептать он как-то раз, когда они вдвоем остались на кухне. — Что я сделал?

— Не мне о том говорить, — ответила она и внутренне содрогнулась, заметив ярость и непонимание на его лице. Но она знала, что должна оставаться холодной. Только так она сможет выдержать все это.

— Тебя подвезти домой, Лотти?

Джо заглянул в окошко, положив руку на крышу. Оживленный, веселый, раскованный, оттого что в кои-то веки попал в свою стихию.

— Но в конце дороги тебе лучше выйти. Миссис Холден наверняка захочет, чтобы машина подкатила пустой.

Лотти вымученно улыбнулась и прикрыла глаза, слушая, как хлопнула дверца и тихо заурчал мотор, когда Джо повернул ключ зажигания.

Осталось всего несколько часов, сказала она себе, чуть крепче сжимая письмо в кулаке.

Всего несколько часов.

Все невесты красивы, как говорят, но Сьюзен Холден не сомневалась, что таких красавиц, как ее Селия, Мерхем не видел уже давно. В трехслойной вуали и платье на атласе, точно подогнанном под миниатюрную фигурку, она разбила в пух и прах прошлогодние старания Мириам Ансти и Люсинды Перри. Даже миссис Чилтон, в свое время восхищавшаяся весьма смелым ансамблем фиоле-

тового цвета, в котором Люсинда Перри уехала после свадьбы, согласилась с этим.

— Ваша Селия, конечно, хорошенькая, — сказала она после церемонии, держа свой клатч под грудью и лихо сдвинув набок шляпку с пером. — Этого у нее не отнять. Очень хорошенькая.

Не только хорошенькая, они выглядели красивой парой: Селия с блестящими от слез глазами, что очень ей шло, держала под руку своего симпатичного молодого мужа, который слегка нервничал. Впрочем, как и любой на его месте. Он был строг и почти совсем не улыбался, но миссис Холден ничуть не удивилась: на ее собственной свадьбе Генри ни разу не улыбнулся, пока они не остались наверху вдвоем, да и тогда только после нескольких бокалов шампанского.

Фредди и Сильвия продержались всю церемонию без драк. Почти. Во время исполнения «Нетленный, невидимый...», правда, был один пинок украдкой, но платье Сильвии закамуфлировало последствия.

Миссис Холден позволила себе первый глоток хереса, осторожно опустившись на стул с золоченой спинкой за главным столом, и посмотрела на столики внизу, где сидели самые знатные и уважаемые представители города, как ей нравилось думать. Учитывая, как мало времени у них было, чтобы спланировать и организовать свадьбу, все прошло довольно гладко.

— Все в порядке, Сьюзен? — Гай Банкрофт-старший заговорщицки склонился к ней, и его лицо осветила широкая улыбка. — Я давно хочу сказать, что мать невесты выглядит сегодня особенно привлекательно.

Миссис Холден элегантно приосанилась. А все новая помада. «Осенняя ягода». Тюбик принес ей удачу.

— Мне кажется, вы и миссис Банкрофт тоже исключительно элегантны сегодня.

В случае с Ди Ди она не покривила душой: бирюзовый костюмчик из чесучового шелка с изящными шелковыми босоножками точно такого же оттенка. Миссис Холден весь день набиралась смелости спросить, не сделаны ли они на заказ.

— Да... Ди Ди всегда хорошо выглядит, если принарядится.

— Простите?

— Однако и в шортах с босыми ногами она смотрится не хуже. Моя жена не домоседка. И сын пошел в нее. Или мне следует сказать «ваш зять»?.. — Он расхохотался. — Наверное, к этому еще предстоит привыкнуть.

— О, мы уже считаем вас родственниками.

Если бы только Генри чуть-чуть развеселился. Он безудешно взирал на толпу друзей, ковырялся в тарелке, иногда что-то бормотал дочери. И очень часто подливал себе в рюмку. Только бы Генри не напился, молила она. Только не перед всеми этими людьми. Только не сегодня.

— Я не могла не поблагодарить мистера Банкрофта за такой восхитительный десерт. — Дейдрре Колкухоун, тяжело пыхтя в своем шикарном наряде из розового дамаста (Фредди громогласно заявил, что помнит тот старый диван, с которого она содрала обивку, поэтому теперь Сьюзен Холден украдкой удостоверилась, что сына нет поблизости), показала рукой на разваливающиеся горы экзотических фруктов и хрустальные вазы с фруктовым салатом. Там не было ни твердых яблок, ни кислых вишен, ни консервированного ананаса: в салат нарежали кумкваты, папайю и манго, карамболу и матовые личи — их мякоть по цвету и текстуре была совершенно незнакома английским гостям. (В результате они обходили экзотику, отдавая предпочтение тому, что знали. Слива. Апельсин. «Настоящие фрукты», — как прошептала Сара Чилтон на ухо миссис Ансти.)

— Как все чудесно выглядит, — восхищенно пробормотала миссис Колкухоун.

— Все свежее, все доставлено самолетом вчера утром. — Мистер Банкрофт откинулся на спинку стула и с благодушным видом закурил сигарету. — Можно даже сказать, их срезали и очистили гондурасские девственницы.

Миссис Колкухоун покрылась розовым румянцем.

— Боже мой...

— Что ты там говоришь, Гаймилый? Надеюсь, ты ведешь себя как хороший мальчик... — Ди Ди наклонилась назад, чтобы рассмотреть мужа, продемонстрировав при этом немалую часть загорелого бедра.

— Никогда не даст мне спуску, — улыбнулся мистер Банкрофт.

— Тебе и так слишком многое сходит с рук.

— Разве можно меня винить, дорогая, если ты так выглядишь? — Он послал ей громкий поцелуй.

— Хмм... Десерт смотрится великолепно. — Миссис Колкухоун качнулась, приложив руку к голове, и направилась к своему столику.

Миссис Холден повернулась к мужу. Определенно, это была уже третья порция коньяка. На ее глазах он с какой-то мрачной решимостью погонял напиток по стенкам пузатого бокала и залпом выпил. Ну почему обязательно сегодня ему нужно было встать не с той ноги?

Лотти, сидевшая между Фредди и Сильвией, поняла, что ей опять нездоровится. Уже несколько дней ей хотелось свернуться калачиком где-нибудь в сторонке и тихо умереть. Впрочем, это неудивительно. Весь последний месяц она словно двигалась в тумане, издали наблюдая за другими людьми. И это приносило какое-то облегчение. Если же ее насильно возвращали в реальность — когда,

например, Селия обхватывала Гая за шею или хихикала с матерью о чем-то, обсуждая его слова и поступки, — она испытывала почти невыносимую боль. Острую. Жгучую. Жестокую.

Но сейчас все было по-другому. Она испытывала физическую слабость, как будто кровь, словно волны, стремилась отхлынуть при любом движении. На еду она смотрела с подозрением. Еда была какая-то не такая, не доставляла никакого удовольствия. А на горы фруктов она даже смотреть не могла: такие они были яркие, словно издевались.

— Гляди, Фредди, гляди.

Сильвия широко раскрыла рот, демонстрируя пережеванное содержимое своей тарелки.

— Сильвия! — Лотти отвела взгляд и услышала довольный смешок Фредди, а затем ответное «Га-а-а», сопровождавшее показ содержимого его рта.

— Прекратите, вы оба.

Джо сидел по другую сторону от Фредди. Он не был родственником, но миссис Холден тем не менее решила усадить его за их стол. У Лотти не было сил даже возмутиться. Впрочем, за весь долгий обед она даже успела почувствовать какую-то благодарность.

— Ты в порядке, Лотти? А то какая-то бледненькая.

— Все нормально, Джо.

Ей просто хотелось вернуться домой, лечь на кровать и не шевелиться долго-долго. Правда, дом уже больше не казался домом. Наверное, он никогда им и не был. Лотти огляделась по сторонам: знакомое ощущение, что она здесь чужая, грозило накрыть ее с головой.

— Послушай, я налил тебе воды. Выпей глоток.

— Сильвия. Сильвия. Сколько виноградин ты можешь запихать в свой рот?

— Ты и вправду выглядишь неважно. Надеюсь, не сляжешь с очередной простудой.

— А у меня поместится гораздо больше. Смотри, Сильвия! Смотри!

— Ты почти ничего не съела. Ну же, выпей чуть-чуть. Тебе станет лучше. Или я мог бы достать тебе теплого молока — оно успокоит желудок.

— Пожалуйста, не уходи, Джо. Я в порядке. Правда.

Его речь была очень короткая. Он поблагодарил Холденов за гостеприимство, за то, что устроили такой роскошный пир, своих родителей — за чудесные десерты и за то, что мирились с ним последние двадцать шесть лет, а еще он поблагодарил Селию за то, что стала его женой. То, что он произнес это без особого энтузиазма и романтических прикрас, мало утешало. Она все равно стала его женой.

И Селия. Селия сидела с обворожительной улыбкой, красиво разложив фату на плечах. Лотти не могла на нее смотреть, пораженная той глубокой ненавистью, которую теперь к ней испытывала. Сознание, что она поступила правильно, не приносило никакого утешения. Верность самой себе, как выразилась Аделина, утешала еще меньше. Если бы только удалось уговорить себя, что она ничего не чувствует, можно было бы двигаться дальше.

Но она чувствовала.

Боже, где бы прилечь? В темном уголке.

— Тебе принести пирожных? — спросил Джо.

Гости начали проявлять нетерпение. Миссис Холден решила, что молодым пора удалиться и тогда пожилые дамы смогут разойтись по домам, пока еще не слишком поздно. У миссис Чартерис и миссис Годуин был немного усталый вид, а задние столы уже успели надеть пальто.

Она решила, что это все-таки задача Генри. Он почти ничего не сделал во время приема — даже его речь прозвучала как-то небрежно, — и ей не хотелось, чтобы пошли разговоры. Она встала и прошла вдоль длинного стола к мужу. Тот сидел, уставившись на стол, не обращая внимания на царившее вокруг веселье. Еще на подходе миссис Холден уловила, как от него разит алкоголем.

— Генри, дорогой, можно тебя на одно слово?

Он поднял голову, и она съезжилась под его холодным немигающим взглядом. Он смотрел на нее целую вечность тем взглядом, который напрочь лишает самообладания.

— Что я сделал на этот раз, дорогая? — поинтересовался он, буквально выплюнув последнее слово, как гнилой кусок.

Сьюзен Холден принялась озираться, не обращают ли на них внимания.

— Ты ничего не сделал, дорогой. Просто понадобился мне на минутку. — Она опустила руку на его плечо, оглянувшись на Банкрофтов, которые увлеченно беседовали.

— Я ничего не сделал. — Он посмотрел вниз, опустив обе ладони на стол, будто собираясь отжаться. — Это что-то новенькое, не правда ли, Сьюзен, дорогая?

Таким плохим она его еще не видела. Мозг лихорадочно работал, подыскивая возможность увести его отсюда без публичного скандала.

— На сей раз ты осталась довольна.

— Генри, — тихо взмолилась она.

— Не часто нам всем удается оставаться на должной высоте. Не часто мы отвечаем строгим стандартам мерхемской законодательницы хорошего тона. — Он уже поднялся из-за стола и начал хохотать. Смех был резким, горестным.

— Дорогой... Дорогой, прошу тебя, нельзя ли...

Он повернулся к ней в притворном изумлении:

— Ах вот как, я теперь «дорогой»? Ну не чудесно ли? Я стал для тебя дорогим. Боже мой, Сьюзен. Того и гляди я стану любимым.

— Генри!

— Мамочка! — Рядом появилась Селия. Она переводила взгляд то на отца, то на мать. — Все в порядке?

— Все прекрасно, дорогая, — ответила миссис Холден уверенно и похлопала ее по спине, стараясь отправить обратно. — Ты и Гай ступайте, готовьтесь. Вам скоро выезжать.

— Все прекрасно. Да, Селия, дорогая. Все прекрасно. — Доктор Холден опустил тяжелые руки на плечи дочери. — Уезжай и живи хорошо со своим прекрасным молодым человеком.

— Папочка... — Селия растерялась.

— Уезжай и всегда будь красивой, смешной и милой, как сейчас. Постарайся изо всех сил не изводить и не пилить его по всяким пустякам. Постарайся не смотреть на него как на шелудивого пса, если он будет делать то, что ему нравится... И не сидеть с чопорным видом и пить чай, думая только о том, что скажут другие.

— Генри! — Глаза Сьюзен Холден наполнились слезами. Она поднесла руку ко рту.

За спиной Селии теперь стоял Гай и явно пытался понять, что происходит.

— О, только не надо слез, Сьюзен. Избавь меня от твоих проклятых слез. Если кому и следует сейчас плакать, так это мне.

Селия громко разрыдалась. Разговоры за соседними столиками начали стихать, люди, застыв с рюмками в руках, неуверенно переглядывались.

— Папочка, почему ты говоришь такие ужасные вещи? Умоляю, ведь это особенный день для меня. — Селия попыталась оттянуть его от стола.

— Но я говорю не об этом дне, Селия, доченька. Не об этой проклятой свадьбе. Я говорю о каждом проклятом дне, что наступит после. О каждом бесконечном проклятом дне, пока смерть не разлучит вас. — Последнюю фразу он прокричал. Сьюзен Холден, к своему ужасу, увидела, что они стали центром внимания.

— Здесь все в порядке? — громогласно поинтересовался мистер Банкрофт.

Гай обнял миссис Холден за плечи:

— Да, пап. Хмм, почему бы вам не присесть, миссис Холден?

— О, не беспокойтесь, — сказал доктор Холден. — Я уйду. Можете продолжать свой чудесный прием без меня. Прошу прощения, дамы и господа, концерт окончен. Ваш любезный доктор удаляется.

— Ты чудовище, папочка, — всхлипывала Селия, пока он, пошатываясь, пробирался между столиками обеденного зала «Ривьеры». — Я никогда, никогда тебя за это не прощу.

— Коньяк, — изрек мистер Банкрофт, — иногда вытворяет с тобой такое.

— Прошу, возьми себя в руки, Селия, — сказала миссис Холден, потягивая херес для восстановления сил, и только дрожащие пальцы выдавали ее состояние. — Люди смотрят.

В устье бухты мигали три огонька. Лодки рыбаков, решила Лотти. Огоньки слишком мелкие для других судов. Тянут свои сокровища с морского дна, из прохладной чернильной тьмы, поднимая на поверхность, в душную

ночь. Она плотнее завернулась в кардиган, защищавший от промозглого осеннего воздуха, и прислушалась к шипению волн, захватывавших гальку, чтобы утащить ее на глубину. Говорят, самый приятный способ уйти из жизни — утонуть. Ей рассказал об этом один рыбак: он утверждал, что если перестанешь бороться и откроешь рот, то паника уходит и вода просто принимает тебя, окутывая мягкой, ласковой чернотой. Мирный способ уйти, говорил он. Любопытно, что он, как и она, не умел плавать. Она еще рассмеялась тогда. Впрочем, в то время смеялась она много.

Лотти заерзала на стуле, вдыхая соленый воздух и гадая, насколько он отличается от воды. Она сделала пару глотков, словно проверяя на вкус, но замена показалась ей неубедительной. Лишь раз она наглоталась морской воды, и та обожгла ей горло, заставив кашлять и отплевываться. От одного воспоминания ее снова затошнило.

Нет, ответ можно найти, только если попытаться сделать это. Глотнуть целиком, по доброй воле отдаться темному объятию. Лотти поморщилась и закрыла глаза, прогоняя подобные мысли. Дело не в том, что сегодня мне больно, думала она, спрятав лицо в ладони. Дело в том, что за сегодняшним днем последуют все дальнейшие: бесконечное повторение боли, усиливающейся при каждой нежеланной новости. Ведь мне придется все о них узнавать: об их доме, их ребенке, их счастье. Даже если я уеду отсюда далеко, это ничего не изменит. Придется видеть, как он постепенно забывает, что мы были близки, что он был моим. И каждый день я буду умирать.

Что такое одна смерть по сравнению с тысячью?

Лотти поднялась, ветер рвал ее юбку и волосы. С террасы «Ривьеры» до пляжа всего два шага. Никто даже не заметит ее ухода.

Плакать почему-то совершенно не хотелось. Она взглянула на свои ноги. Они двигались робко, одна ступала перед другой, словно вообще ей не подчиняясь.

Все равно она уже почти не существует. Осталось сделать всего лишь маленький шагок.

В устье бухты в темноте мигнули три огонька.

— Кто это?

Лотти вздрогнула, повернулась.

К ней направлялась вразвалку огромная тень, пытаясь на ходу зажечь спичку.

— А, это ты. Слава богу. А то я подумал, что сюда за явилась одна из подруг Сьюзен.

Доктор Холден тяжело опустился на край скамьи и наконец сумел зажечь спичку. Он поднес ее к сигарете, которую держал во рту, затем выдохнул, позволив пламени потухнуть на ветру.

— Тоже сбежала?

Лотти понаблюдала за огоньками, затем повернулась к нему:

— Нет. Не в этом дело.

Она теперь могла разглядеть его лицо, на которое падал свет из верхних комнат. Даже с подветренной стороны от доктора разило алкоголем.

— Отвратная вещь свадьба.

— Да.

— Вызывают во мне самое худшее. Прости, Лотти. Я перебрал.

Лотти сложила руки на груди, стараясь угадать, хочет ли он, чтобы и она присела. Подумав немного, примостилась на другом краю скамьи.

— Хочешь? — Он улыбнулся, предлагая ей сигарету.

Наверное, пошутил. Она покачала головой, едва заметно улыбнувшись.

— Не понимаю, почему отказываешься. Ты же не ребенок. Хотя жена упрямо обращается с тобой как с ребенком.

Лотти посмотрела на свои туфли.

Они посидели молча, прислушиваясь к далекой музыке и смеху, доносившимся из ночи.

— Что будем делать, Лотти? Тебя силком выталкивают в большой мир, а я отчаянно хочу туда вернуться.

Она оцепенела, услышав что-то новое в его голосе.

— Все чертовски запутано. Это точно.

— Да, вы правы.

Он повернулся к ней, слегка придвинулся. Из отеля неслись приглушенные звуки веселья на фоне голоса Руби Мюррей, певшей о счастливых днях и одиноких ночах.

— Бедная Лотти. Сидишь тут и слушаешь пьяный бред старого дурака.

Она не знала, что сказать.

— Да, так и есть. Я не питаю никаких иллюзий. Я испортил свадьбу родной дочери, оскорбил жену, а теперь вот докучаю тебе.

— Вы не докучаете.

Он снова затянулся. Искося взглянул на нее:

— Правда так думаешь?

— Вы никогда мне не докучали. Всегда... всегда были очень добры ко мне.

— Добр. Доброта. Разве могло быть иначе? Жизнь обошлась с тобой несправедливо, Лотти, а ты приехала сюда и расцвела, несмотря ни на что. Я всегда гордился тобой не меньше, чем Селией.

У Лотти защипало глаза от слез. Оказывается, доброте выносить гораздо сложнее.

— Угу. В каком-то отношении ты была мне больше дочерью, чем Селия. Ты умнее, это точно. Не забиваешь

себе голову романтической ерундой, бесполезными журналами.

Лотти сглотнула и снова уставилась на море.

— Я не меньше других склонна к романтическим мечтам.

— Разве? — В его голосе прозвучала неподдельная нежность.

— Да, — ответила она. — Только ничего хорошего это мне не дало.

— О, Лотти...

И тут неожиданно она расплакалась.

В мгновение ока он оказался рядом, обнял ее, притянул к себе. От его пиджака пахло трубочным дымом — теплый, знакомый запах детства. И она подалась навстречу ему, спрятала лицо у него на плече, скинула тяжелую, горькую ношу, которую так долго носила.

— О, Лотти, моя бедная девочка, я понимаю. Я все понимаю, — поглаживая ее по спине, как ребенка, приговаривал он.

Доктор Холден чуть отодвинулся, Лотти подняла голову и в тусклом свете увидела бесконечную печаль на его лице, тень долгой несчастливой жизни. Ее передернуло, поскольку она увидела свое будущее.

— Бедная Лотти, — прошептал он.

В следующую секунду она вся сжалась, потому что он придвинулся к ней и, взяв ее лицо руками, жадно, отчаянно поцеловал. Их слезы на щеках смешались, его губы отдавали неприятным привкусом алкоголя. Лотти, ошеломленная, попыталась отпрянуть, но он лишь застонал и притянул ее ближе.

— Доктор Холден... пожалуйста...

Прошло меньше минуты. Но когда она высвободилась, огляделась по сторонам и увидела потрясенную мис-

сис Холден в дверях отеля, то сразу поняла, что это была самая долгая минута в ее жизни.

— Генри... — дрожащим голосом тихо произнесла миссис Холден. Она протянула руку к стене, чтобы опереться, но Лотти уже скрылась в темноте.

Все прошло очень цивилизованно, если учесть обстоятельства. Доктор Холден, вернувшийся домой еще до того, как она закончила упаковывать чемодан, сказал ей, что совсем не обязательно уезжать вот так, что бы там Сьюзен ни говорила. Тем не менее решили, что ей лучше уехать сразу, как только все будет устроено должным образом. У него был друг в Кембридже, которому понадобилась помощь в присмотре за детьми. Доктор Холден не сомневался, что Лотти там будет очень хорошо, но испытал облегчение, когда она сказала, что у нее уже есть собственные планы.

Он даже не поинтересовался, какие именно.

Она уехала на следующее утро вскоре после одиннадцати, крепко сжимая в руке адрес Аделины во Франции, а также коротенькое письмецо для Джо. Селия и Гай уехали раньше. Вирджинии было все равно. Фредди и Сильвия не расплакались: им не сказали, что она уезжает навсегда. Доктор Холден, неловкий, с похмелья, украдкой сунул ей тридцать фунтов и сказал, что это на будущее. Миссис Холден, бледная и застывшая, едва кивнула на прощание.

Доктор Холден не попросил извинения. Ее уход никого не печалил, хотя она десять лет считалась членом семьи.

Выходка доктора Холдена оказалась не самым страшным моментом в жизни Лотти за последнее время. Она поняла это в поезде, по пути в Лондон, когда достала свой карманный дневник и подсчитала дни. Судьба, о которой говорила Аделина, сыграла с ней еще одну жестокую шутку.

Часть ВТОРАЯ

«**В**се три полосы на шоссе М11 вновь открыты, но внимательно следите за встречным потоком на пересечении с М25. В эту минуту к нам поступают сообщения о большом заторе на Хаммерсмит-бродвей, где машины замерли намертво, а также пробках на М4 и Фулем-Палас-роуд. Похоже, они вызваны сломавшейся машиной. Позже мы вам сообщим подробности. Время сейчас девять тринадцать, и я вновь приглашаю к микрофону Криса...»

Лебеди образуют пару на всю жизнь. Она была почти уверена, что лебеди. Но может быть, и утки. Или даже птицы киви. Неужели их действительно так называют — киви? Все равно что назвать человека картофелем. Или, как в ее случае, «сухое-печенье-и-сигарета». Дейзи Парсонс сидела не шевелясь и смотрела в окно на птиц, которые спокойно пролетали под мостом, где ярко поблескивала вода, залитая весенним солнцем. Наверняка это лебеди. Конечно лебеди. Кому какое дело до киви, даже если они и не разлучаются до конца жизни.

Она взглянула на часы. Оказалось, она просидела вот так почти семнадцать минут. Хотя время теперь не имело большого значения. Оно либо пролетало по нескольку часов сразу, или, что случалось чаще, плелось, растягивалось, как дешевая резинка... Минуты превращались в часы, а часы — в дни. И посреди этого сидела Дейзи и не знала, в какую сторону ей ехать.

Рядом в автомобильном кресле спала Элли, позевывая и размахивая ручками с растопыренными пальчиками, — видимо, приветствовала кого-то. Женщину охватила привычная тревога, что дочь проснется, поэтому она наклонилась и уменьшила звук радиоприемника. Очень важно не разбудить Элли. Это всегда было очень важно.

Она прислушалась к реву транспорта вокруг, рассеянно оценивая громкость гудящих моторов. Слишком шумно — и ребенок снова проснется. Слишком тихо — и ее разбудит даже упавшая булавка. Вот почему эти крики, доносившиеся снаружи, действовали на нервы.

Дейзи уронила голову на руль, но потом, когда стук в окошко стал чересчур громким, снова подняла ее, вздохнула и открыла дверцу машины.

На нем был мотоциклетный шлем, но он его снял, чтобы заговорить. За его спиной она смутно разглядела нескольких озлобленных людей. Они оставили свои машины открытыми. Нельзя бросать машину открытой. Тем более в Лондоне. Это одно из основных правил.

— У вас поломка, мадам?

Лучше бы он не кричал. А то разбудит ребенка.

Полицейский взглянул на своих коллег, которые в эту секунду подошли к ее машине с другой стороны. И все они пялились на нее.

— У вас поломка? Нам нужно убрать с дороги вашу машину. Она загораживает мост.

Снова появились лебеди. Они красиво летели по направлению к Ричмонду.

— Мадам! Вы меня слышите?

— Послушайте, офицер, нельзя ли ее убрать отсюда? Я не могу ждать весь день. — Он и в лучшие времена выглядел бы раздраженным типом. Толстые красные щеки, отвисшее брюхо, дорогой костюм и такая же машина. — Только посмотрите на нее. Она явно не в себе.

— Пожалуйста, пройдите к своей машине, сэр. Движение возобновится через минуту. Мадам?

Их собралось несколько сот. Быть может, тысяч. Дейзи оглянулась и заморгала при виде неподвижных машин, вытянувшихся в многоцветную ленту. И всем им надо на мост. Но они не могут проехать, потому что она своим маленьким красным «фордом» загородила дорогу.

— В чем проблема? — настойчиво поинтересовался офицер.

Только бы он не кричал. Так он действительно разбудит Элли.

— Не могу...

— Хотите, я загляну под капот? Послушайте, для начала нам нужно просто откатить ее отсюда. Джейсон, сними машину с ручного тормоза. Пора очистить проезд.

— Вы разбудите ребенка. — Дейзи напряглась, когда этот человек сел в машину, рядом с Элли, такой беззащитной во сне. Ее вдруг охватила дрожь, и теперь уже знакомая паника начала разливаться по телу.

— Мы просто подтолкнем машину к обочине. А потом снова ее заведем.

— Нет. Прошу вас. Оставьте меня в покое...

— Послушайте, отпустите ручной тормоз. Если хотите, я сам это сделаю и...

— Я собиралась к сестре. Но я не могу.

— Что, мадам?

— Не могу проехать по мосту.

Полицейский замер. Она увидела, как он многозначительно переглянулся с коллегой.

— Шевелитесь!

— Тупая корова!

Кто-то энергично нажимал на клаксон.

Она попыталась дышать. Попыталась прогнать шум из головы.

— Так в чем же проблема, мадам?

Она больше не видела лебедей. Птицы исчезли за поворотом.

— Просто... не могу. Я не могу проехать по мосту. — Она уставилась широко открытыми глазами на мужчин, стараясь заставить их понять. Но, когда роковые слова прозвучали вслух, осознала, что они все равно не поймут. — Там... Там он впервые сказал, что любит меня.

На сестре было ее лондонское пальто. Нарядное пальто женщины со средствами: синяя шерсть с золотыми пуговицами — броня против суетливого, ненадежного города. Пальто она увидела раньше, чем сестру: оно мелькнуло за приоткрытой дверью. Безразличная женщина, офицер полиции, с видом профессионального понимания угостила ее отвратительным кофе из автомата. Дейзи выпила кофе, не почувствовав вкуса, и только потом вспомнила, что кофеин ей запрещен. Нельзя пить кофе, если кормишь грудью. Одно из основных правил.

— Она здесь, — произнес приглушенный голос.

— Но с ней все в порядке?

— Абсолютно. С ними обеими все в порядке.

Элли продолжала безропотно спать в переносном авткресле, стоявшем у ее ног. Вообще-то, она так долго никогда не спала. Впрочем, ей нравилось это кресло, нравилось чувствовать себя в безопасности, защищенной со всех сторон, как объяснила патронажная сестра. Дейзи задумчиво, с завистью устремила взгляд на кресло.

— Дейзи!

Она подняла глаза.

Сестра держалась робко. Словно ей предстояло приблизиться к чему-то, что могло укусить.

— М-можно войти? — Она взглянула на Элли, будто успокаивая себя. Потом опустилась на стул рядом с Дейзи и положила руку на ее плечо. — Что случилось, дорогая?

Ей показалось, что она очнулась ото сна и увидела лицо сестры. Короткостриженные пышные каштановые волосы, которые таинственным образом никогда не отрасли. Взгляд, внимательный и встревоженный. Ее руку. Почти четыре недели ее не касалась рука взрослого. Она открыла рот, чтобы ответить, но ничего не получилось.

— Дейзи! Дорогая!

— Он ушел, Джулия, — прошептала она.

— Кто ушел?

— Даниель. Он... Он ушел.

Джулия нахмурилась, затем посмотрела вниз, на Элли.

— Куда ушел?

— От меня. И от нее. Я не знаю, что делать...

Джулия долго держала Дейзи в объятиях, пока та плакала, уткнувшись в темное шерстяное пальто, стараясь оттянуть ту минуту, когда снова придется стать взрослой. Она неосознанно слушала шаги по линолеуму, резко запахло дезинфицирующим средством. Элли захныкала во сне.

— Почему ты раньше не сказала? — прошептала Джулия, глядя ее по голове.

Дейзи закрыла глаза:

— Мне казалось... Мне казалось, если никому не говорить, он, быть может, вернется.

— О, Дейзи...

В дверь сунула голову женщина-полицейский:

— Ключи от вашей машины у дежурного. Средство передвижения мы не конфискуем. Если вы согласны отвезти дочь домой, мадам, мы все оставим как есть.

Ни одна, ни вторая даже бровью не повели: они уже привыкли. Разница в возрасте у них была двадцать лет, и с тех пор, как умерла их мать, люди часто ошибались, тем более что они вели себя как мать и дочь, а не как сестры.

— Вы очень добры. — Джулия попыталась встать. — Простите, если доставили вам хлопоты.

— Нет-нет, не торопитесь. Нам комната пока не нужна. Когда будете готовы, попросите кого-нибудь из дежурных рассказать, где парковка. Это недалеко. — И, понимаяще улыбнувшись, она ушла.

Джулия вновь обратилась к сестре:

— Дорогая моя, но что случилось? Куда он ушел?

— Не знаю. Он сказал, что не может со всем этим справиться. Что не ожидал такого, поэтому теперь даже не уверен, что это то, чего он хотел. — Она вновь разрыдалась.

— Даниель так сказал?

— Да. Чертов Даниель. А я ему сказала, что тоже не ожидала такого, но мои чувства почему-то в расчет не брались. Потом он заявил, что ему кажется, будто у него нервный срыв, и ему нужно собственное пространство. Вот и все. Я не имею от него известий уже больше трех недель. Он даже не забрал свой мобильник. — Теперь она обрела голос.

Сестра покачала головой, уставившись в пустоту:

— Так что он говорил?

— Что не может справиться. Что ему не нравится неразбериха. Хаос.

— Но когда рождается ребенок, всегда поначалу трудно. Ведь ей всего лишь... Сколько? Четыре месяца?

— Мне-то уж можешь не говорить.

— Дальше будет легче. Все знают, что со временем становится легче.

— Ну, значит, Даниель этого не знал.

Джулия нахмурилась, глядя на свои безукоризненные лодочки на высоком каблуке.

— А вы с ним?.. Понимаешь, некоторые женщины после рождения ребенка перестают уделять внимание своим партнерам. А вы по-прежнему?..

Дейзи уставилась на сестру, не веря своим ушам.

Наступила короткая пауза. Джулия передвинула сумку на коленях и посмотрела в маленькое, высоко расположенное окно:

— Я знала, что вам следовало пожениться.

— Что?

— Вам следовало пожениться.

— Это его не остановило бы. Есть такая вещь, как развод.

— Да, Дейзи, но, по крайней мере, у него были бы какие-то финансовые обязательства по отношению к тебе. А так он просто смылся.

— Ради бога, Джулия. Он оставил меня в этой проклятой квартире. С нашего общего счета почти ничего не снял. Вряд ли можно сказать, что он бросил меня, словно опозоренную деву Викторианской эпохи.

— Что ж, прости, но если он действительно ушел, то тебе придется столкнуться с практическими моментами.

Я имею в виду, на что ты будешь жить? Как ты будешь оплачивать аренду?

Дейзи в бешенстве закачала головой:

— Поверить не могу, что ты мне это говоришь. Меня покинул мужчина моей жизни, я переживаю нервный срыв, будь он проклят, а ты только и можешь думать что о чертовой аренде.

Крик разбудил ребенка. Девочка расплакалась и крепко зажмурилась, не желая смотреть на то, что помешало ей видеть сны.

— Посмотри, что ты наделала! — Дейзи отстегнула ребенка, вынула из кресла и прижала к груди.

— Незачем впадать в истерику, дорогая. Кто-то же должен быть практичным. Он согласился оплачивать аренду?

— Мы еще это не обсуждали, — ледяным голосом ответила Дейзи.

— А как ваш совместный бизнес? Что будет с тем большим проектом, о котором ты говорила?

Дейзи устроилась покормить Элли, отвернувшись от дверей. Она совсем забыла про отель.

— Не знаю. Не могу сейчас об этом думать, Джу. Единственное, на что я способна, — держаться с утра до вечера, не разваливаясь на куски.

— Ладно, думаю, нам пора домой. Я поеду с тобой, там разберемся. Сядем и спокойно решим, что нам делать с тобой и моей маленькой племянницей. А пока я позволю Марджори Винер и скажу ей прямо, что думаю о ее драгоценном сыночке.

Дейзи держала на руках свою крохотную дочь, чувствуя, как на нее накатывает усталость. Когда Элли наелась, бесцеремонно вытолкнув изо рта сосок, Дейзи встала и опустила свитер.

Сестра внимательно ее разглядывала.

— Ну и ну! Ты до сих пор не избавилась от лишнего жира после родов, — укорила она. — Вот что я тебе скажу, дорогая: когда мы с тобой дома разберемся, я запишу тебя на какие-нибудь курсы похудения. И сама за них заплачу. Станешь чуть стройнее — сама же будешь чувствовать себя гораздо лучше, обещаю.

Даниель Винер и Дейзи Парсонс прожили вместе в своей двухкомнатной квартирке в Примроуз-Хилл почти пять лет. За этот срок район стал за пределами модным и, соответственно, аренда поднялась тоже за пределами. Дейзи была бы рада уехать: их молодой бизнес по дизайну интерьеров постепенно начал оперяться, и она жаждала высоких потолков, окон в пол, подсобных помещений и кладовок. А еще собственного сада позади дома. Но Даниель настоял, чтобы они остались в Примроуз-Хилл: престижный адрес лучше воздействовал на клиентов, чем какой-нибудь просторный дом в Хэрни или Ислингтоне. «Подумай, насколько улучшилось качество нашей жизни», — аргументировал он. Элегантные дома в георгианском стиле, гастрономические пабы и рестораны, сам холм, давший название району, был чудесным местом для летних пикников. И квартира у них была прекрасная. Расположенная над магазином дизайнерской обуви, она состояла из просторной гостиной в регентском стиле и спальни с крошечным балкончиком, возвышавшимся над всеми огороженными садами, кишашими улитками. Они внесли свои оригинальные новшества: засунули стиральную машинку в шкаф, а в угловой нише приладили душ. Была у них и крошечная минималистская кухонька с изящной мини-плитой и огромной вытяжкой. Летом они часто втискивали два стула на балкон и сидели там, потяги-

вая вино и поздравляя друг друга с тем, что у них такое прекрасное жилье и они столь многого достигли. Они купались в лучах вечернего солнца и наслаждались идеей, что их дом и окружение — это отражение их самих.

Потом появилась Элли, и очарование жилья почему-то исчезло, квартира постепенно сжималась, смыкая свои стены, а оставшееся пространство с каждым днем заполнялось горами сырых ползунков, опустошенных наполовину пакетов с салфетками и яркими мягкими игрушками. Все началось с цветов: букеты прибывали один за другим в бесчисленном количестве, заполняя собой все полки. В конце концов у них закончились вазы, и пришлось укладывать цветы в ванне. Поначалу в квартире удушливо пахло цветами, а потом все пропиталось вонью затхлой воды, но у Дейзи не было сил заняться этим. Постепенно пространства для движения оставалось все меньше и меньше: они бродили по квартире, пробираясь между горами неглаженной одежды и стопками упаковок подгузников. Высокий стульчик, присланный двоюродными сестрами, так и остался стоять в упаковке, заняв место, которое они когда-то называли библиотечным уголком; у стены в прихожей разместилась пластмассовая детская ванночка, прислоненная к коляске, которая никогда не хотела полностью складываться, а кроватка Элли была придвинута вплотную к их кровати, прижатой к стене: если Дейзи хотелось ночью пойти в туалет, то она была вынуждена перелезть через Даниеля или соскальзывать вдоль кровати. Элли каждый раз просыпалась от шума спускаемой воды, а Даниель прятал голову под подушку и принимался сетовать на несправедливость жизни.

С тех пор как он ушел, она ни разу не прибралась. Дни и ночи почему-то перемешались, она, словно прикованная, не вставала с когда-то чистой бежевой софы: корми-

ла Элли и смотрела невидящими глазами пустые дневные телепередачи или рыдала, глядя на фотографию на каминной полке, на которой они были запечатлены втроем. Даниель каждый вечер мыл посуду или выносил мусор. Как бы она справилась с двумя пролетами крутой лестницы, если в одной руке мешок с мусором, а в другой — ребенок? Теперь мусор накапливался вокруг нее, так что горы закаканного белого белья и комбинезончиков в пятнах приобрели такие размеры, что простому смертному с ними не справиться. Развал стал частью обстановки, и она даже перестала его замечать. Перед лицом царившего хаоса она каждый день надевала одни и те же спортивные штаны и фуфайку — просто потому, что они висели на стуле и сразу бросались в глаза. Ела она чипсы или шоколадное печенье из ближайшей лавки и ничего не готовила, поскольку для этого пришлось бы сначала вымыть посуду.

— Ну вот. Теперь я по-настоящему встревожена. — Сестра покачала головой, не веря своим глазам. Дорогой аромат ее духов «Анаис Анаис» почти сразу утонул в резкой антисанитарной вони использованных подгузников, валявшихся повсюду, даже на полу, куда их бросили после замены. — Боже правый, Дейзи, что это такое? Как ты дошла до этого?

Дейзи не знала. Ей показалось, что они пришли в чужой дом.

— Боже мой! Боже мой!

Все трое так и остались в дверях. Элли, отдохнувшая, подпрыгивала на руках у матери и озиралась.

— Придется позвонить Дону и сказать, что я ненадолго останусь. Не могу же я бросить тебя в таком состоянии. — Джулия начала проворно обходить комнату, собирая грязные тарелки, складывая детскую одежду в стопку

у кофейного столика. — А то я сказала ему, что собираюсь купить всего лишь пару комплектов постельного белья для гостевого дома.

— Не говори ему, Джу, — попросила Дейзи.

Сестра остановилась и взглянула ей в лицо:

— От того, что Дон узнает, это не пройдет, милая. Мне кажется, ты слишком долго пряталась от проблем.

В конце концов сестра отослала ее прогуляться с Элли по парку. Услышав от Джулии, что она мешается под ногами, Дейзи догадалась, что не надо понимать это буквально. Сестра давала ей возможность подышать: впервые за несколько недель она сознавала, что делает. Правда, это не очень помогло. Боль лишь усилилась.

— Только бы он вернулся домой, — молила она, громко бормоча себе под нос, так что прохожие подозрительно на нее поглядывали. — Только бы он вернулся домой.

Тем временем сестра каким-то чудом привела квартиру в порядок, даже поставила букет свежих цветов на каминную полку.

— Если он все-таки опомнится, — пояснила она, — нужно дать ему понять, что ты и без него справляешься прекрасно. Выглядеть ты должна спокойной. — Она помолчала. — Вот засранец.

«Но мне далеко до спокойствия! — хотелось кричать Дейзи. — Я не могу ни есть, ни спать. Даже телевизор посмотреть и то не могу, потому что все время торчу в окне — вдруг он пройдет мимо. Без него я в полной растерянности».

Но говорить об этом Джулии Уоррен не было необходимости: она сама знала, что значит возродиться из пепла. После смерти первого мужа она выдержала траур,

как того требовали приличия, после чего бросилась записываться в избранные клубы знакомств (специализация — обеды вдвоем) и после пары фальстартов подружилась, а затем завоевала Дона Уоррена, бизнесмена из Уэйбриджа, с собственным домом, успешным делом по печатанию этикеток, густой шевелюрой темных волос и поджарой фигурой, что, по мнению Джулии, делало его удачной партией. («Видишь ли, дорогая, в этом возрасте все они лысые. Или с тонной жира, нависающей над брюками. А мне это никак не подходит».) С другой стороны, в то время Джулия Бартлетт сама была выгодной партией: состоятельная, всегда ухоженная (никто ни разу не видел ее ненакрашенной; она любила повторять, что в обоих замужествах вставала каждое утро на двадцать минут раньше мужа, чтобы успеть «привести себя в порядок»), владелица собственного бизнеса (в сарае она устроила нечто вроде гостевого дома, своего рода гостиницы, где подавали завтрак), который она отказывалась бросить, несмотря на то что деньги у нее были. Но, как говорится, никогда не знаешь, что ждет впереди.

И сестра подтвердила ее правоту.

— Я тут просмотрела твои банковские выписки, Дейзи. Тебе нужно что-то думать.

— Что ты сделала? Ты не имела права. Это личные бумаги.

— Если они личные, дорогая, то тебе следовало их убрать, а не держать на кофейном столике, где любой может с ними ознакомиться. Как бы там ни было, с такими расходами, как у тебя, ты продержишься еще недели три, а потом начнешь тратить сбережения. Я взяла на себя смелость открыть пару писем. К сожалению, твой хозяин, который лично мне кажется стяжателем, собирается в мае поднять аренду. Так что тебе придется подумать, сможешь

ли ты впредь позволить себе это жилье. Должна сказать, мне оно кажется неоправданно дорогим.

Дейзи передала малышку сестре. У нее не было сил спорить.

— Это Примроуз-Хилл.

— Что ж, тогда придется урезать расходы. Или связаться с той конторой, что выбивает алименты для детей.

— Думаю, до этого не дойдет, Джу.

— А как иначе ты собираешься себя обеспечивать? У Винеров денег куры не клюют. Что для них несколько тысяч — пустяк. — Она опустила на софу, смахнула невидимые крошки и с обожанием посмотрела на племянницу. — Послушай, дорогая, я тут кое о чем подумала, пока ты гуляла. Если Даниель не вернется в течение недели, то мы должны тебя устроить. Я бесплатно предоставлю тебе жилье со всеми удобствами у себя в гостевом доме, пока ты не встанешь на ноги. Ты будешь жить совершенно отдельно, зная, что мы с Доном находимся всего в нескольких шагах, в другом конце сада. В Уэйбридже множество фирм, занимающихся дизайном интерьеров. Дон непременно поспрашивает своих коллег, не найдется ли у кого вакансии.

Уэйбридж. Дейзи представила, как всю жизнь будет заниматься занавесками с фестончиками и ламбрекенами, богатыми домами в псевдотюдоровском стиле для телевизионных комедиантов.

— Это не для меня, Джу. Мои планы несколько более... урбанистические.

— Дейзи, твои планы в данный момент летят прямоком в мусорную корзину. Что ж, предложение остается в силе. Мы сейчас пообедаем, а потом я все-таки уеду вечерним поездом. Но утром вернусь и посижу с малюткой Элли пару часов. Тут через дорогу в парикмахерской ра-

ботает один чудесный мастер, он согласился втиснуть тебя в свое расписание на завтра для стрижки и укладки. Мы быстро наведем тебе красоту. — Завязывая шарф, она повернулась к Дейзи. — Придется тебе, дорогая, взглянуть правде в глаза. Я понимаю, это больно, но ты теперь не одна.

Кто-то из подруг как-то сказал: это все равно что однажды проснуться и увидеть, будто у тебя тело родной матери. Глядя в большое зеркало на свое тело после родов, Дейзи с тоской вспоминала ладную и стройную фигурку мамы. Раздалась во все стороны, мысленно поскуливая она, рассматривая заплывшие жиром бедра, складки на животе. Я легла спать и проснулась с телом бабушки.

Он признался ей, что в ту секунду, когда увидел ее, сразу понял, что не успокоится, пока не добьется ее. Ей понравилось это «добьется», подразумевавшее и близость, и конец одиночества. Но так было, когда она одевала свою миниатюрную фигурку в узкие кожаные штаны и облегающие топы, подчеркивавшие скульптурную талию и высокую грудь. Это было, когда она, беззаботная блондинка, презирала любого, кто носил одежду двенадцатого размера, за недостаток самоконтроля. И вот теперь те самые высокие грудки разбухли и поникли, покрылись синими венами и временами, в самый неподходящий момент, подтекали молоком. Глаза превратились в маленькие розовые точки над расплывшимися синяками. Она перестала спать: после рождения Элли ей удавалось поспать не больше двух часов кряду, но сейчас она лежала без сна, даже когда дочь спала. Грязные волосы она зачесывала назад, убирая под старую махровую ленту, из-под которой проступали на добрых два дюйма некрашенные темные

корни. Поры на лице так расширились, что удивительно, как в них еще не свистел ветер.

Она рассматривала себя холодным, оценивающим взглядом — в точности как сестра. Ничего странного, что он ушел. Большая горячая слеза медленно выкатилась и проделала соленую тропку на щеке. Говорят, после родов быстроходишь в прежнюю форму. Втягивай живот, бегай вверх и вниз по лестнице, чтобы вернуть тонус бедрам. Одно из основных правил. Она в тысячный раз вспомнила, что у него было несколько попыток подкатить к ней после рождения Элли, но она ему слезливо отказывала, ссылаясь на усталость. Однажды даже сердито буркнула, что он обращается с ней как с куском мяса. Элли целыми днями притязает на ее тело, а теперь и он хочет того же самого. Она помнила, как он тогда обиделся, и пожалела, что не может повернуть время вспять.

— Я просто хочу мою прежнюю Дейзи, — печально сказал он.

Ей хотелось того же. Она разрывалась между всепоглощающей любовью к ребенку и отчаянной тоской по той девушке, какой она была раньше, по той жизни, которую она когда-то вела.

По Даниелю.

Она вздрогнула, когда в гостиной зазвонил телефон: ее раздражало все, что могло разбудить ребенка. Схватив кардиган, она набросила его на себя и едва успела схватить трубку, прежде чем включился автоответчик.

— Мистер Винер?

Не он. Она разочарованно выдохнула, готовясь к совершенно другому разговору.

— Его здесь нет.

— Это Дейзи Парсонс? Говорит Джонс. Из «Красных комнат». Мы встречались несколько недель тому на-

зад по поводу моего отеля. Точнее, я встречался с вашим партнером.

— Да-да, помню.

— Вы собирались прислать мне дату начала работ. Я до сих пор ничего не получил.

— А-а.

Наступило короткое молчание.

— Я, наверное, позвонил в неудачное время? — Голос у звонившего был грубый, состаренный алкоголем или табаком.

— Нет. Простите... — Она шумно вдохнула. — Я... День был трудный.

— Понимаю. Что ж, вы можете сообщить мне в письменном виде дату начала работ?

— В отеле?

Он начал терять терпение.

— Да-с. Вы уже назначили цену.

— Просто... После нашего последнего разговора кое-что изменилось.

— Я же вас предупреждал. Та цена для меня предельна.

— Нет-нет, я не о затратах. Э-э-э... — Она не знала, сможет ли произнести это вслух и не расплакаться. Перед тем как заговорить, медленно набрала в легкие воздух. — Дело в том, что мой партнер... В общем, он... Он ушел.

Последовала тишина.

— Понятно. Ну и что это означает? Вы остаетесь в деле? Собираетесь выполнять договоренности?

— Да, — ответила она на автопилоте.

Он ведь не знал, что это был их единственный контракт.

Он подумал немного.

— Что ж, если вы сможете гарантировать мне выполнение работы, то я не вижу проблемы. О планах вы рас-

сказывали со знанием дела... — Он помолчал. — Однажды, когда я только начинал, мой партнер тоже бросил меня. Его уход, по сути, сделал из меня того, кем я стал. Но я понял это гораздо позже. — Он продолжил недовольным тоном, словно сам не ожидал от себя подобного откровения: — В общем, все остается в силе, если хотите. Мне понравилось то, что вы придумали.

Дейзи собиралась прервать его, но потом остановила себя. Она оглядела квартиру, которая больше не казалась ей родным домом. Да и та, скорее всего, недолго останется в ее распоряжении.

— Мисс Парсонс?

— Да, — медленно ответила она. — Я согласна.

— Хорошо.

— Есть только одно условие.

— Какое?

— Мы... — Она запнулась. — Я люблю жить на месте, где идут работы. Это нетрудно устроить?

— Там все сейчас довольно примитивно... Впрочем, как угодно. У вас ведь, кажется, недавно родился ребенок?

— Да.

— Так, наверное, вы захотите в первую очередь убедиться, что отопление работает. В тех краях бывает прохладно. По крайней мере еще месяц.

— Мне также понадобится аванс. Пять процентов для вас приемлемо?

— Как-нибудь переживу.

— Я сегодня же отправлю почтой необходимые цифры, мистер Джонс.

— Джонс. Просто Джонс. Увидимся на месте.

Дейзи сама поразились безумству своего поступка. Потом подумала о Хаммерсмит-бридж и Уэйбридже, о друзьях Дона, покровительственно пожимающих ей руку:

«Бедняжка Дейзи». Впрочем, ничего удивительного, если посмотреть, что с ней стало. Она подумала о сестре, которая то и дело будет «заглядывать на секундочку», желая убедиться, что она не утешается очередным пакетом печенья. Она подумала о неизвестном приморском городке, соленом воздухе и чистом небе и о том, что больше не придется просыпаться каждое утро в их прежде общей постели. У нее появится шанс дышать, вдали от хаоса и прошлого. Она не знала, как справится с работой в одиночку. Но ей казалось, что это самая маленькая из ее проблем.

В соседней комнате расплакалась Элли, тоненький скулеж быстро перерос в крещендо. Однако, направляясь к дочери, Дейзи даже бровью не повела. Впервые за несколько недель она испытывала нечто вроде облегчения.

Знаете, я в жизни не видела такого белья. Его и бельем-то не назовешь — так, отдельные кружевные лоскутки. Если его надену, подумала я, то стану старой овцой, разряженной под молоденькую. — Иви Ньюком расхохоталась, а Камилла замерла из опасения, как бы крем не попал клиентке в глаза. — Ну и вещички собраны в тех каталогах! Знаете, что я скажу, Камилла, дорогая, вы бы не захотели носить его в холодный день. И дело тут даже не в ткани. Я когда-то работала в текстильном бизнесе, как вы знаете, и уверяю вас, качество оставляло желать лучшего, а в дурацких дырках, которые они везде понаделали! Дырищи в таких местах, что даже трудно вообразить. Я взглянула на одну пару панталон, но так и не разобралась, куда там совать ноги.

Камилла убрала волосы Иви под белую хлопковую ленту и начала мягко массировать ей лоб.

— Что касается аксессуаров, или как они там называются, то я все смотрела и смотрела и все равно не поняла, для чего нужна половина из них. Кто захочет купить вещь, не зная, как ее приспособить? Так и с ума сойти недолго. Нет, спасибо, это не для меня.

— Так что, неудачный поход? — поинтересовалась Камилла, закончив накладывать маску.

— О нет, я воспользовалась вашим советом, милая. Купила в конце концов два гарнитура. — Она заговорила тише. — За тридцать два года брака впервые видела у Леонарда такое лицо. Он решил, что удача ему все-таки улыбнулась. — Она хмыкнула. — А я после думала, что просто убила его.

— Зато он больше не говорит о кабельном телевидении. С голландскими каналами.

— Нет. И мысль о боулинге он тоже оставил. Так что, Камилла, вы оказали мне огромную услугу. Огромную. Можно мне снова сделать на глаза те примочки? В прошлый раз они чудно помогли.

Камилла Хаттон подошла к шкафу и потянулась к четвертой полке, где держала примочки «Прохладные глаза». С утра ни одной свободной минуты: обычно такой наплыв клиентов случается перед свадьбой или танцами в отеле «Ривьера». Но с приближением летнего сезона все городские дамы прихорашивались в ожидании ежегодного приезда отдыхающих.

— Вам какие — чайные или огуречные? — спросила она, ощупывая коробки.

— Чайные, пожалуйста. Кстати, нельзя ли попросить Тэсс приготовить чашечку? У меня в горле совершенно пересохло.

— Без проблем, — ответила Камилла и позвала молодую помощницу.

— Но одна вещь заставила меня рассмеяться. Только между нами. Подойдите-ка поближе. Не хочу кричать на весь салон. Я рассказывала вам о перьях?

С наступлением весны у людей словно развязывались языки. Можно было подумать, что мартовский ветер,

дувший с моря, потихоньку разгонял зимний застой, напоминая людям о грядущих переменах. Дамам он обещал новый поток женских журналов.

Когда ее босс, Кей, почти девять лет назад открыла салон, женщины не торопились его посещать. Стеснялись ухаживать за собой, боялись, что это можно принять за изнеженность. Сидели напряженные и молчаливые, словно ожидая насмешки или какой-нибудь ужасной ошибки с ее стороны, пока она накладывала кремы и делала массажи. Но постепенно они стали завсегдатаями. И примерно в то время, когда адвентисты седьмого дня заняли старую методистскую церковь, дамы разговорились.

Теперь они рассказывали Камилле обо всем: о неверных мужьях, о непослушных детях, о горьких потерях младенцев и радости рождения новых. Они рассказывали такое, что не посмели бы рассказать даже викарию, и шутили: о вожделении, любви и любовном пыле, как у Леонарда, возрожденных к жизни. А она ничего не рассказывала. Не судила, не смеялась, не осуждала. Просто слушала, пока работала, а потом, весьма редко, ненавязчиво давала совет, вселяя в них уверенность. Твоя паства, шутил Хэл. Но это было давно, когда Хэл еще шутил.

Она склонилась над лицом Иви, потрогала кончиками пальцев затвердевшую маску для увлажнения кожи. Морской воздух создавал неблагоприятную среду для кожи. От соли и ветра на лицах женщин появлялись преждевременные морщинки, кожа старилась, покрывалась веснушками, и никакие увлажнители не помогали. Камилла носила свое средство для увлажнения в сумке и целый день его применяла. Терпеть не могла пересохшей кожи — ее даже передергивало.

— Сниму через минуту, — сказала она, постучав по щеке Иви. — Сначала позволю вам выпить чая. Тэсс уже идет.

— Мне уже гораздо лучше, дорогая. — Иви откинулась в кресле так, что оно запищало под внушительной тушей. — После сеанса у меня всегда такое ощущение, словно я заново родилась.

— Похоже, ваш Леонард тоже так думает.

— Вот и чай. Вы ведь пьете без сахара, миссис Ньюком? — У Тэсс была уникальная память насчет чая и кофе для клиенток. Бесценное качество для работницы косметического салона.

— Все правильно, дорогая. Чудесно.

— К телефону, Камилла. Кажется, из школы.

Звонила школьный секретарь. Говорила она твердо и в то же время елебно, как имеют обыкновение говорить те, кто привык с помощью стального обаяния добиваться своего.

— Миссис Хаттон? Здравствуйте, это Маргарет Уэй. У нас возникла небольшая проблема с Кейти, и мы подумали, что будет лучше, если вы сможете приехать и забрать ее.

— Что-нибудь серьезное?

— Нет, ничего. Просто ей нездоровится.

Ничто так не тревожит сердце, как неожиданный звонок из школы, подумала Камилла. Работающие мамы реагировали всегда одинаково: испытывали облегчение, что с ребенком ничего не случилось страшного, а затем раздражение, что им поломали весь рабочий день.

— Она говорит, что уже несколько дней испытывает недомогание. — Безобидное с виду замечание содержало легкий упрек: не посылайте своих детей в школу, если они больны.

Камилла вспомнила о книге записей.

— А ее отцу вы звонили?

— Нет. Мы предпочитаем сначала звонить матери. Ребенок всегда просится к маме.

Что ж, все ясно, подумала она.

— Ладно, буду немедленно, — сказала Камилла и повесила трубку. — Тэсс, мне нужно отлучиться, забрать Кейти. Кажется, она заболела. Я постараюсь быстро, но тебе, возможно, придется отменить несколько встреч после обеда. Мне очень жаль.

Мало кто согласится, чтобы их вместо Камиллы обслуживала Тэсс. Дамы не были расположены рассказывать Тэсс то, чем охотно делились с Камиллой. Слишком еще молода. Слишком... Впрочем, Камилла понимала, что на самом деле они имели в виду.

— Сейчас многие болеют, — подала голос Иви из-под маски. — Шейла не встает уже почти десять дней. Полагаю, зима слишком теплая. Бактерии легко размножаются.

— Мы с вами практически закончили, Иви. Не возражаете, если я отойду? Тэсс вместо меня нанесет вам на кожу сужающий поры увлажнитель.

— Ступайте спокойно, дорогая. Все равно мне тоже скоро уходить. Обещала Леонарду рыбу на ужин, а у меня закончился замороженный картофель.

Кейти уснула под одеялом. Она извинилась с необычной для восьмилетнего ребенка взрослостью за то, что прервала рабочий день матери, а потом сказала, что хочет спать. Поэтому Камилла, сидя у кровати и положив руку поверх одеяла, чувствовала бессилие, тревогу и в то же время раздражение. Школьная медсестра сказала, что девочка выглядит очень бледной, после чего поинтересова-

лась, не свидетельствуют ли темные круги под глазами, что она поздно ложится спать. Камиллу оскорбил ее тон и невысказанное предположение, что «состояние» Камиллы, как вежливо это называлось, не всегда позволяло ей следить за дочерью.

— У нее в комнате нет телевизора, если вы это имеете в виду, — резко ответила она. — Спать она ложится в половине девятого, и я читаю ей перед сном.

Но медсестра сказала, что Кейти дважды за эту неделю засыпала во время урока и вообще выглядела сонной, поникшей. А еще напомнила, что не прошло и двух недель с тех пор, как девочка болела в последний раз.

— Возможно, у нее легкая анемия, — предположила медсестра, и от ее доброжелательного тона Камилле стало еще хуже.

Когда они медленно шли домой, Камилла спросила, не из-за нее ли с папой все это случилось, но Кейти раздраженно ответила, что она «просто больна», ясно давая понять, что разговор окончен. Камилла не настаивала. Все говорили, что она хорошо справляется. Быть может, даже слишком хорошо.

Она наклонилась и поцеловала спящую дочь, потом погладила шелковую морду Ролло, их лабрадора. Пес со вздохом уселся рядом и стал тыкаться мокрым носом в ее голую ногу. Так она посидела с минуту, прислушиваясь к часам на камине и далекому гулу улицы. Придется позвонить. Она сделала глубокий вдох.

— Хэл?

— Камилла?

Она давно перестала звонить ему на работу.

— Прости, что отрываю. Просто мне нужно поговорить о сегодняшнем вечере. Ты можешь вернуться домой пораньше?

— Зачем?

— Кейти прислали домой из школы, а мне нужно уйти и обслужить пару клиенток, которых я отменила днем. Может быть, сделать перезапись.

— А что с дочкой?

Она слышала в трубке звук далекого радио — ни стука молотков, ни лязга инструмента, ни голосов, которые когда-то указывали на процветающую мастерскую.

— Какой-то вирус, наверное. Она слегка подавлена, но, по-моему, ничего серьезного.

— Тогда хорошо.

— Школьная медсестра считает, что у нее может быть небольшая анемия. Я уже купила таблетки с железом.

— Ладно. Да, она действительно в последнее время немножко бледная. — Голос его звучал спокойно. — Так с кем ты встречаешься?

Она знала, что так и будет.

— Я пока ни о чем не договорилась. Только хотела узнать, возможно ли это.

Она чувствовала, что он колеблется.

— Ладно, работу я могу принести с собой.

— Ты занят?

— Нет. По правде говоря, у меня затишье на этой неделе. Планирую, как мне сэкономить на туалетной бумаге и лампочках.

— Что ж, как я уже сказала, у меня ничего не решено. Если никто не сможет прийти, тебе не нужно будет возвращаться раньше.

Оба были очень вежливы. Очень внимательны.

— Без проблем, — сказал он. — Ты же не хочешь расстраивать своих клиенток. Нет смысла рисковать нашим единственным хорошим бизнесом. Просто... Позвони, если понадобится забрать тебя откуда-нибудь.

Я всегда смогу попросить твою маму посидеть с Кейти пять минут.

— Спасибо, дорогой, ты меня здорово выручишь.

— Без проблем. Извини, мне пора.

Камилла и Хэл Хаттоны состояли в браке ровно одиннадцать лет и один день, когда она призналась мужу, что его подозрения насчет Майкла, агента по недвижимости из Лондона, были небеспочвенны. Момент она выбрала, прямо скажем, неподходящий. Они как раз проснулись на следующий день после празднования годовщины свадьбы. Но Камилла была честным человеком — во всяком случае, такой себя считала до эпизода с Майклом, — и ее талант носить в себе чужие секреты не распространялся на нее саму.

По мнению окружающих, у них был счастливый брак. Камилла и сама так говорила в тех редких случаях, когда открывала рот. Она не принадлежала к романтичным особам, но Хэла любила с неукротимой страстью, которая, в отличие от браков ее подруг, не перешла постепенно во что-то более спокойное (по словам ее матери, так называли брак без секса). Они были красивой парой. Хэл, по общему мнению, «подтянутый», а она высокая и сильная, с густыми светлыми волосами и бюстом, как у мультяшной барменши. К тому же он со своим университетским дипломом, перспективами и умением реставрировать антикварную мебель был готов взять на себя заботы о ней. А ведь не всякий так поступил бы, несмотря на все ее обаяние. Их взаимная страсть была такой всепоглощающей и многолетней, что даже стала предметом шуток среди их друзей. Однако, когда они шутили, Камилла всякий раз слышала в их голосах еще что-то, очень похожее на зависть. Страсть была для них способом общения.

Когда он молчал или уходил в себя, а она чувствовала, что не способна навести мосты, когда они ссорились и она не знала, как вернуть его домой, всегда выручал секс. Бурный, радостный, целительный. Не угасший после появления Кейти. Если на то пошло, с годами она хотела его сильнее.

И это стало частью проблемы. Хэл начал самостоятельное дело, открыв мастерскую в Харидже, и пропадал там целыми днями. Задерживался допоздна, о чем сообщал по телефону. Первый год для нового бизнеса всегда самый сложный. Она пыталась понять, но ее физическая тяга к нему все возрастала, как и повседневные проблемы из-за его отсутствия дома.

Затем в экономику пришел спад, и реставрация мебели оказалась в самом конце списка приоритетных дел. Хэл все больше отдалялся, а иногда вообще не приходил домой ночевать. Слабый запах пота от его одежды и щетина на подбородке говорили о том, что он в очередной раз ночевал на диванчике в своем кабинете, мрачное настроение свидетельствовало о неоплаченных счетах и уволенных сотрудниках. И он больше не хотел спать с ней. Слишком устал. Слишком подавлен всем происходящим. Он не привык к неудачам. И Камилла, не зная за все тридцать пять лет своей жизни, что такое быть отвергнутой, запаниковала.

Вот тут как раз и появился Майкл. Майкл Брайант, недавно прибывший в город из Лондона, чтобы преуспеть благодаря растущему спросу на пляжные домики и прибрежные бунгалo. Он с самого начала воспыал к Камилле и не замедлил сообщить ей об этом. В конце концов, теряя разум от горя, что муж от нее вот-вот уйдет, лишенная физической любви, которая поддерживала в ней жизненные силы, Камилла сдалась.

И сразу об этом пожалела.

И совершила ошибку, рассказав Хэлу.

Поначалу он разбушевался, потом заплакал. И она подумала с надеждой, что такое проявление чувств может быть хорошим знаком, что он по-прежнему ее любит. Но затем он стал холодным, ушел в себя, перебрался в другую комнату и в конце концов переехал к себе в Керби-ле-Сокен, родную деревню.

Три месяца спустя он вернулся и с яростью, опустив голову, пробормотал, что по-прежнему ее любит. Он всегда будет ее любить. Но пройдет еще немало времени, прежде чем он начнет снова ей доверять.

Она молча кивнула, испытывая благодарность за свой второй шанс, за то, что Кейти не увеличит длинный список печальной статистики. Она надеялась, что удастся возродить ту любовь, которую они когда-то испытывали.

Прошел год, а они по-прежнему ходили на цыпочках по минному полю.

— Ей лучше?

Кейти сидела в другой комнате, уставившись в экран телевизора, на котором то и дело вспыхивали нарисованные взрывы мультфильма.

— Она говорит, что да. Мы ее закармливаем таблетками железа. Страшно подумать, что они сделают с пищеварительной системой.

Мать Камиллы хмыкнула, пряча очередную стопку тарелок в кухонный шкафчик:

— Правда, она чуть порозовела. А то ходила какая-то бледненькая.

— И ты туда же! Почему ничего не сказала?

— Ты же знаешь, я не люблю вмешиваться. — (Камилла криво усмехнулась.) — Чем займешься завтра? Кажется, Хэл собирался на выходные в Дерби.

— Там проводят ярмарку антиквариата, так что он уедет только на один день. Вернется домой ночным поездом. Если она не пойдет в школу, мне снова придется отменять встречи с клиентками. Ма, не посмотришь, готово ли яйцо для Кейти? А то у меня руки мокрые.

— По-моему, еще одна минутка... Далеко он собрался ради однодневной ярмарки.

— Знаю.

Обе помолчали. Камилла понимала, что мать догадывалась, почему Хэл не собирался оставаться там на ночь. Она засунула руки глубже в воду, чтобы отыскать убежавшую вилку.

— Мне кажется, не следует отсылать ее в школу на один день. Пусть подольше отдохнет, придет в себя. Если хочешь, чтобы я посидела с ней, то я свободна с середины утра. Если нужно, возьму девочку к себе и в субботу вечером.

Камилла закончила мыть посуду, аккуратно поставив последнюю тарелку в сушилку. Она нахмурилась и слегка повернула голову:

— Разве ты не идешь в гости к Дорин?

— Нет. Мне нужно встретиться с дизайнером. Передать ключи. Забрать остатки вещей.

Камилла замерла.

— Так он действительно продан?

— Разумеется, продан, — пренебрежительно ответила мать. — И уже давно.

— Просто... Все это так неожиданно.

— Ничего неожиданного. Я говорила, что собираюсь его продать. Этому мужчине даже не пришлось брать кредит или еще что. Не имело смысла тянуть.

— Но это был твой дом.

— А теперь это его дом. Как ты думаешь, она захочет кетчуп?

Когда мать говорила таким тоном, Камилла знала, что спорить не стоит. Она сняла резиновые перчатки и начала втирать в руки увлажнитель, думая о доме, который по-своему повлиял на все ее детство.

— Так что он собирается там устроить?

— Роскошный отель, по-видимому. Высококласное заведение для творческих личностей. Он держит клуб в Лондоне — сплошные писатели, художники, артисты — и захотел что-нибудь подобное на берегу моря. Где смогли бы отдохнуть люди его круга. Все будет очень современно, как он говорит. На грани эпатажа.

— Представляю, как отнесутся к этому в городе.

— Плевать на город. Он не собирается менять фасад дома, а что внутри — кому какое дело?

— Когда это кого-нибудь останавливало? «Ривьера» расшумится. Новое заведение помешает их бизнесу.

Миссис Бернارد прошла за спиной дочери и поставила на плиту чайник.

— У «Ривьеры» клиентов раз-два и обчелся. Отель для лондонских шишек не затронет их никаким боком. Наоборот, от него будет только польза. Городок умирает, а так, быть может, в него опять вдохнут немного жизни.

— Кейти будет скучать по дому.

— Кейти сможет приходить туда, когда захочет. Новый хозяин сказал, что собирается поддерживать связи дома с прошлым. Ему с самого начала понравилось, что дом связан с историей, — добавила она даже с каким-то удовольствием. — Он попросил меня кое-что подсказывать при восстановительных работах.

— Что?

— Я ведь знаю, как он выглядел раньше. У меня сохранились фотографии, письма и прочее. Это тебе не ка-

кой-нибудь неумелый застройщик. Он хочет сохранить характер дома.

— Похоже, он тебе понравился.

— И правда понравился. Он все называет своими именами. Но он любознателен. Не часто встретишь мужчин, которые проявляют любознательность.

— Как папочка, — не удержалась Камилла.

— Он моложе твоего отца. И совсем на него не похож. К тому же, как тебе известно, твоего отца никогда не интересовал этот дом.

Камилла покачала головой:

— По правде сказать, я не понимаю, ма. Не понимаю, почему теперь, спустя столько лет... Всю жизнь ты была тверда насчет... Даже когда папе надоело...

— Ох уж мне эти дети, — прервала ее мать. — Считают, что все обязаны им всё объяснять. Это мое дело. Мой дом, мое дело. На вас это не скажется, поэтому нечего тянуть все ту же песню.

Камилла задумчиво прихлебывала чай.

— А как ты поступишь с деньгами? Тебе, должно быть, заплатили за него немало.

— Не твое дело.

— Папочке сказала?

— Да. Он нес такую же чушь, как ты.

— И наверное, сказал, что у него есть отличная идея насчет этих денег.

Мать рассмеялась:

— От тебя, как всегда, ничто не ускользнет.

Камилла опустила голову и с безобидным видом заметила:

— Ты могла бы устроить для папочки круиз. Только для вас двоих.

— А еще я могла бы пожертвовать все деньги НАСА, чтобы выяснить, есть ли на Марсе зеленые человечки. Ладно. Сейчас пошью чая, а потом пробежусь по магазинам. Тебе что-нибудь нужно? Заодно прогуляю твоего лохматого пса, а то он толстеет.

— Ты прекрасно выглядишь. Мне нравится твоя прическа.

— Спасибо.

— Примерно такую же ты делала, когда работала в банке.

Камилла поднесла руку к голове, потрогала гладкий шиньон, который прикрепила Тэсс в конце рабочего дня. У Тэсс был дар причесывать людей. Камилла подозревала, что не пройдет и года, как Тэсс уже не будет здесь работать: слишком большой талант пропал в сонном курортном городишке.

— Да. Ты прав. Я действительно так причесывалась.

Теперь каждый субботний вечер, независимо от наличия денег и усталости, они выбирались в свет. Мать Камиллы брала к себе Кейти (это она любила), а родители девочки старались доставить радость друг другу: по совету психолога каждый раз красиво одевались, словно все еще переживая период ухаживания, и беседовали, уйдя от убаюкивающего телевизора и домашних дел. Иногда Камилла опасалась, что они не справятся, что Хэлу с трудом даются необходимые комплименты — свидетельство того, что он по-прежнему обращает внимание на ее внешность. Трудно найти свежую тему для двухчасовой беседы с тем, с кем ты разговаривал всю неделю. Особенно когда запрещено говорить все время о вашем ребенке или собаке. Но иногда, как в этот вечер, она улавливала искренность в его комплиментах и черпала уверенность

в заведенном порядке: сначала неспешное принятие ванны, потом ресторан, где Хэл по-прежнему выдвигал для нее стул. В конце вечера они изредка занимались любовью. Нужно уделять время друг другу, советовал психолог. Вам нужно построить свои будни. Им еще многое предстояло построить.

Хэл заказал вино. Она заранее знала, какое именно. Шираз¹. Скорее всего, австралийское. Она осторожно придвинула к нему ногу под столом и почувствовала ответное движение.

— Мать наконец-то продала дом.

— Белый дом?

— Ну да. Не папин же.

— Значит, все-таки продала. Интересно почему.

— Не знаю. Она ведь ни за что не скажет.

— Почему меня это не удивляет?

Она готовилась к пренебрежительному замечанию, но услышала лишь признание скрытности матери.

— Кто купил?

— Какой-то владелец отелей. Собирается превратить его в роскошное заведение.

Хэл присвистнул:

— Придется ему потрудиться. Она уже много лет ничего там не делала.

— Несколько лет назад чинили крышу. Но, думаю, для него деньги — не самое главное.

— Вот как? Набиты все карманы?

— У меня такое впечатление.

— Интересно, сколько она выручила. Участок большой. С великолепными видами.

¹ Название красного винограда сорта «Сира», употребляемое в Австралии и Южной Африке.

— Мне кажется, сработала нетронутость постройки. Сейчас все гоняются за подлинностью. По-моему, она и часть мебели продала вместе с домом.

— Я хотел бы пожить в таком домике, — одобрительно пробормотал Хэл.

— Ну нет. Слишком близко к краю обрыва.

— Пожалуй, ты права.

Иногда им удавались продолжительные беседы без упоминания случившегося. И даже в мыслях этого не было. И теперь она подавила в себе потребность сказать что-то еще о доме, чтобы продолжить разговор. Когда распадается пара, происходит еще одна вещь, о которой никто никогда не говорит: ты теряешь человека, на которого обычно вываливаешь все те малоинтересные наблюдения, которые собираешь в течение дня. Мелочи, которые не тянут на телефонный звонок приятельнице или знакомой, однако о них хочется упомянуть. Хэл никогда в этом отношении не подводил. У них всегда находились темы для разговора. И она была ему за это благодарна.

Она понюхала утку еще до того, как тарелка коснулась стола: горячая, жирная, сочная, с цитрусовой ноткой в соусе. Она не ела с самого утра — по субботам часто так случалось.

— Заглянешь к своей маме завтра?

— Нет.

— Куда же ты пойдешь? — спросила Камилла и сразу пожалела о своих словах. Они почему-то прозвучали натянуто. Она дала задний ход: — Я просто хотела узнать, нет ли у тебя каких-то особых планов.

Хэл вздохнул, словно взвешивая, как ответить.

— Ну, я не знаю, стоит ли считать это чем-то особым, но один из моих соседей в Керби устраивает завтра званый обед. Мы с Кейти приглашены. У него тоже малень-

кая дочь. На год младше, — добавил Хэл. — Если ты не возражаешь, я подумал, что мы могли бы пойти. Девочки хорошо общаются.

Камилла улыбнулась, пытаясь скрыть внезапное огорчение. Больно было сознавать, что их двоих куда-то пригласили без нее. Мысль, что Кейти завела подруг, пустила, так сказать, корни в том месте, где он родился...

— Так ты согласна?

— Конечно. Мне просто было интересно.

— Ты тоже можешь пойти, если хочешь. Уверен, они тебе понравятся. Я все равно тебя пригласил бы, но ты обычно любишь отдохнуть в воскресенье.

— Нет... Нет, обязательно пойдите. Просто... Я так мало знаю о твоей жизни там. Мне трудно представить тебя... ее...

Он отложил нож и вилку — наверное, задумался.

— Да, — наконец произнес он. — Хочешь, я отвезу тебя туда как-нибудь? Чтобы ты получила какое-то представление.

— Нет. Нет, я не уверена, что...

— Послушай. Мы никуда не поедem. Ты огорчена. Я не хочу тебя огорчать.

— Ничего подобного. Правда. Поезжайте. Все-таки это наше прошлое, приятно, что оно принесло какие-то хорошие плоды. Поезжайте.

Нужно открыто принимать то, что случилось с вашими взаимоотношениями, не прятаться от прошлого, чтобы двигаться вперед. Так говорил психолог.

Какое-то время они ели молча. Справа от них пара шепотом спорила о чем-то. Камилла не поворачивала к ним голову, улавливая напряжение в голосе женщины. Подошел официант, подлил ей вина в бокал.

— Утка выглядит аппетитно, — сказал Хэл и чуть переместился, чтобы крепче надавить ей на ногу.

— Да, — кивнула она. — Да, ты прав.

Кейти не спала, когда отец заглянул к ней в комнату. Она читала потрепанную книжку в мягкой обложке, и уже не в первый, а в третий раз. В последнее время она отказывалась читать что-то новое, просто перечитывала четыре или пять любимых книг по кругу, несмотря на то что знала, чем они закончатся, а некоторые абзацы даже помнила наизусть.

— Эй, привет, — сказал он тихо.

Она оторвалась от книги, подняв к нему ясное, бесхитростное личико. Глядя на свою восьмилетнюю красавицу, он всякий раз начинал переживать по поводу будущих обид и разбитых сердец.

— Тебе давно пора спать.

— Хорошо провели вечер?

— Чудесно.

Она, видимо, успокоилась, закрыла книгу и позволила подоткнуть со всех сторон одеяло.

— А завтра мы едем в Керби?

— Да, если все еще хочешь.

— Мама с нами поедет?

— Нет. Она хочет, чтобы мы с тобой хорошо повеселились.

— Но она не против?

— Конечно не против. Ей нравится, что у тебя появляются новые друзья.

Кейти тихо лежала, пока отец гладил ее по головке. В последнее время он часто так делал, просто радуясь возможности приголубить дочку в любой вечер, когда захочет.

Девочка заерзала, повернулась к отцу, нахмутив бровки:

— Папа...

— Да?

— Помнишь, когда ты ушел...

У него сжалось сердце.

— Да?

— Тебе надоела мама, потому что она не видит?

Хэл уставился на детское одеяльце с розовыми смешными котятами и цветочными горшками, потом опустил ладонь на руку дочери. Она накрыла ее второй рукой и пожала.

— Что-то вроде этого, милая. — Он помолчал, потом тяжело вздохнул. — Но дело не в маминых глазах. Совсем не в маминых глазах.

Традиционные курортные города снова вошли в моду. Она прочла об этом в одном из цветных приложений, в нескольких журналах по интерьерам, а также в «Индепендент», посвятившем этой теме очерк. После нескольких десятилетий, когда удовольствия от ветровок, бутербродов с песком и пятнистых посиневших ног заменили лосьонами для загара и дешевыми турами «Все включено», тенденция снова начала понемногу меняться, и семьи, в особенности молодые, возвращались теперь к традиционному отдыху в прибрежных городках, стараясь поймать мифическую наивность своей юности. Те, кто побогаче, расхватывали полуразвалившиеся коттеджи или бунгало, остальные же скупали пляжные домики, отчего цены на них взвились до заоблачных высот. Сидмут вместо Сан-Тропе, Аликанте, замененный Олдебургом... Все, кто что-нибудь собой представлял, теперь прогуливались по якобы нетронутую цивилизацией приморскому городку, обедали в семейных рыбных ресторанах и восхваляли радости доброго старого ведерка с совочком.

Только вот Мерхему никто почему-то об этом не сказал. Дейзи, медленно проезжая по маленькому городку с заполненным доверху багажником, куда она еле втиснула детскую коляску, высокий стульчик и несколько мешков для мусора, набитых одеждой, разглядывала пыльную лавку, где продавалось все для вязания, супермаркет, торговавший уцененными товарами, церковь адвентистов седьмого дня и внезапно испытала дурное предчувствие. Никакого сравнения с Примроуз-Хилл. Даже залитый молочно-ярким светом весеннего солнца городок казался поблекшим и усталым, застрявшим в непривлекательном безвременье, где все смелое и красивое обречено быть заклеянным как нежелательное и вычурное.

Она остановилась на перекрестке. Две пожилые женщины прошаркали мимо, одна из них тяжело навалилась на магазинную тележку, тем временем вторая громко сморкалась в яркий носовой платок, а на голове у нее красовался прозрачный пластиковый шлем, придавивший волосы.

Пятнадцать минут Дейзи колесила по городу в поисках дома и за это время увидела всего двух человек не пенсионного возраста. Контора по продаже автомобилей рекламировала в первую очередь сделки, предлагавшие «мобильность» людям с физическими недостатками, а единственный попавшийся ей на глаза ресторан влез между магазинчиком слуховых аппаратов и сразу трех выстроившихся в ряд благотворительных лавок, демонстрировавших на витринах унылые трофеи: допотопную посуду, мужские брюки больших размеров и никому не нужные симпатичные игрушки. Единственное, что примиряло с этим городом, насколько могла судить Дейзи, — бесконечный пляж с осыпающимися волнорезами и ухоженный городской парк во всем своем древнем великолепии.

Увидев мужчину с маленькой девочкой, Дейзи опустила стекло и позвала:

— Прошу прощения!

Он поднял на нее взгляд. Одежда выдавала в нем относительно молодого человека, но лицо за очками с тонкой оправой выглядело изможденным, преждевременно состарившимся.

— Вы местный?

Он взглянул на маленькую девочку, которая держала коробку с батарейками, отчаянно пытаясь достать оттуда одну.

— Да.

— Не могли бы вы подсказать, где здесь вилла «Аркадия»?

Он слегка дернул головой, услышав знакомое название, и присмотрелся к Дейзи внимательнее.

— Вы, наверное, дизайнер?

О боже, видимо, правду говорят об этих городках. Ей удалось улыбнуться.

— Да. Во всяком случае, буду, если сумею отыскать дом.

— Он недалеко. Вам нужно свернуть направо, доехать до кольцевой развязки, а дальше по дороге вдоль парка. Она проходит по утесу. Последний дом, до которого доберетесь.

— Спасибо.

Девчушка дернула отца за руку.

— Па... — нетерпеливо заныла она.

— Думаю, вас там ждет предыдущий хозяин. Удачи, — добавил мужчина и, неожиданно улыбнувшись, ушел, прежде чем она успела спросить, откуда он это знает.

Дом все компенсировал. Она это поняла сразу, как только его увидела: широкий, белый, с необычными углами, и почувствовала вспышку восторга, удовольствие от нового холста, стоило ему развернуться перед ней на вершине крутой дороги. Он оказался больше, чем она ожидала, длиннее и ниже, с несколькими рядами иллюминаторов и квадратных окон, смотрящих на мерцающее море. Элли крепко спала, устав от дороги, поэтому Дейзи открыла дверцу, отлипла от синтетического сиденья и ступила на гравий. Вся усталость и онемелость в теле улетучились, как только она охватила взглядом современный силуэт, смелые резкие углы здания, вдохнула свежий соленый воздух. Ей даже не нужно было заходить внутрь: дом казался огромным осколком скалы на фоне океанской бухты, под широким небесным сводом. Она и так знала, что просторные комнаты залиты светом. Даниель в свое время сделал фотографии, привез их, когда она сидела дома с маленькой Элли, и она успела поработать по ночам, кое-что придумать, набросать первоначальные эскизы. Но фотографии не отдавали ему должное: в них не было даже намек на его минималистскую красоту, строгий шарм, а планы, которые у нее были, сразу показались робкими, слишком приземленными.

Она оглянулась, проверила, спит ли Элли, и легко сбежала вниз, к открытым воротам, которые вели в сад. Мощенная плиткой и заросшая лишайником терраса с облупившейся побелкой, затем несколько ступеней с нависшей над ними сиренью, а дальше — выход на пляж. Легкий морской ветер что-то задумчиво шептал в ветвях двух сосен, целая колония перевозбужденных воробьев время от времени вылетала из непомерно разросшегося боярышника, служившего изгородью, и тут же ныряла обратно.

Дейзи осматривалась вокруг, уже полная идей, которые быстро появлялись и тут же сменялись другими под влиянием новой увиденной особенности, необычного сочетания пространства и линий. Она на секунду вспомнила о Даниеле, о том, что это когда-то был их совместный проект, но тут же отогнала эту мысль. Она сумеет справиться только в том случае, если будет относиться ко всему как к новому старту, а еще, как заметила Джулия, если возьмет себя в руки. Дом ей в этом поможет. Она прошла вдоль стен, заглядывая в окна, рассматривая его под разными углами, видя его потенциал, скрытую красоту. О боже, а ведь она смогла бы сделать из этого дома чудо. С таким перспективным объектом ей еще не доводилось работать. Она превратит его в нечто, что украсит страницы самых престижных журналов, в прибежище для любого, кто имеет представление, что такое стиль. «Дом сам себя спроектирует, — подумала она. — Он уже говорит со мной».

— Пытаетесь развить ей легкие?

Дейзи обернулась и увидела Элли, заплаканную, икающую, на руках у маленькой пожилой женщины со строгой седой стрижкой.

— Простите? — Она сделала несколько шагов навстречу.

Женщина передала ей Элли, звякнув толстыми браслетами на запястьях.

— А я уж было решила, что вы хотите сделать из нее оперную певицу, раз позволяете так орать.

Дейзи нежно провела рукой по щекам Элли, где слезки уже подсыхали. Дочка наклонилась вперед, уткнулась личиком в маму.

— Я ее не слышала. — Дейзи принялась неловко оправдываться. — Я вообще ничего не слышала.

Женщина посмотрела мимо них на море, шагнув вперед.

— Мне казалось, что в наши дни все мамочки до безумия боятся, как бы у них не украли младенца. Боятся оставить ребенка даже на минуту. — Она бросила равнодушный взгляд на Элли, которая теперь ей улыбалась. — Сколько ей? Четыре-пять месяцев? А у вас, как вижу, все наоборот. Вам все равно, что они суют себе в рот, лень пройти десять шагов — для вас лучше проехать их на машине, а потом бросить ребенка у черта на куличках. Не вижу в этом смысла.

— Вряд ли мы сейчас находимся у черта на куличках.

— Отдаете младенцев няням, а затем жалуется, когда дети к ним привязываются.

— У меня нет няни. И я не специально ее оставила. Она спала. — У Дейзи зазвенел голос от слез; в последние дни они только и ждали, как бы пролиться.

— Ладно. Вам нужны ключи. Джонс, или как там он себя называет, сможет сюда выбраться только в середине недели, поэтому он попросил меня помочь вам устроиться. Я оставила для вас старую кровать моей внучки — она хоть и с трещинами, но все еще крепкая. В доме найдется кое-что из мебели и посуда на кухне. Я также оставляю немного постельного белья и полотенца, потому что он не сказал, сколько у вас будет вещей. На кухне коробка с продуктами. Я подумала, что, скорее всего, вы приедете налегке. — Она обернулась. — Чуть позже мой муж подвезет микроволновку, поскольку мы так и не сумели починить плиту. Сможете подогревать бутылочки. Он будет здесь около половины седьмого.

Дейзи даже не знала, как отреагировать на такую быструю смену настроений — от осуждения до щедрости.

— Спасибо.

— Я буду навещивать. Постараюсь вам не мешать. Просто кое-что из вещей хочу забрать. Джонс сказал, что я могу не торопиться.

— Да. Э-э... Простите, я не уловила, как вас зовут.

— Это потому, что я не сказала. Миссис Бернард.

— А я Дейзи. Дейзи Парсонс.

— Знаю.

Дейзи прижала Элли к другому боку, а сама протянула руку, заметив, что пожилая женщина скользнула взглядом по ее безымянному пальцу.

— Будете здесь жить одна?

Дейзи тоже невольно посмотрела на свою руку:

— Да.

Миссис Бернард кивнула, словно этого и следовало ожидать.

— Пойду проверю, работает ли отопление, а потом оставлю вас. Ночью могут быть заморозки. — Подойдя к воротам сбоку дома, она обернулась и выкрикнула: — Тут некоторые уже поднимают шум насчет этого дома. Не успеете оглянуться, как они явятся и начнут вам указывать, что не так.

— Значит, буду ждать их с нетерпением, — робко пошутила Дейзи.

— Я бы на вашем месте не обращала на них внимания. Этот дом всегда был для них бельмом на глазу. Так что ваш приезд ничего не изменит.

Только устроив Элли на двуспальной кровати и обложив со всех сторон подушками, она дала волю слезам: одна, в полупустом доме, усталая, брошенная, с маленьким ребенком на руках, не имея возможности отказаться от непосильной работы, в которую впряглась, да еще и без помощника.

Поклевав разогретое в микроволновке блюдо, она закурила сигарету (прежняя привычка вернулась) и побродила по обветшалым комнатам, пахнувшим плесенью и пчелиным воском. Постепенно фантазии о глянцевых журналах и голых модернистских интерьерах вытеснились другими образами: она представила, как будет стоять с орущим ребенком на руках перед разъяренным хозяином и строптивыми рабочими, а тем временем снаружи злая толпа из местных будет требовать ее увольнения.

Что я наделала? — подумала она, впадая в уныние. Дом такой огромный, мне никогда не справиться. Да я на одну комнату потрачу целый месяц. Но о возвращении не могло быть и речи: квартиру в Примроуз-Хилл она освободила, оставшуюся мебель перевезли в гостевой дом сестры, полдюжины сообщений Даниелю, явно оставшихся без внимания, были записаны на автоответчик его матери. Расстроенная, та виновато объяснила, что тоже не знает, куда подевался ее сын. Если он не прослушает автоответчик, то не будет знать, где их найти. В том случае, конечно, если он вообще намерен их искать.

Она подумала об Элли, мирно сопящей и не подозревающей, что отец ее бросил. Как девочке жить дальше, зная, что родному отцу не хватило любви остаться с ней? Как можно было не полюбить такую крошку?

Она проплакала минут двадцать, но очень тихо, боясь потревожить ребенка даже в таком огромном доме. А потом наконец два успокоительных — усталость и далекий шум волн — заставили ее уснуть.

Когда Дейзи проснулась, на парадном крыльце стояла еще одна коробка. Там были две пинты цельного молока, подробная карта Мерхема и окружающей территории, а также несколько старых, но безупречно чистых детских игрушек.

Для ребенка, который обычно считал, что если его посадили на другой конец дивана, то этого достаточно, чтобы закатить рев, Элли привыкала к новому дому очень быстро. Она лежала на своем вязаном одеяльце и смотрела в большое окно, где по небу с громкими криками носились чайки. А если ее усаживали в подушках, следила, чем занимается мама, и искала своими маленькими ручками, что бы такое утянуть в рот. По ночам она часто спала по четыре-пять часов кряду — впервые за свою короткую жизнь.

То, что ребенок был доволен новым окружением, позволило Дейзи в первые несколько дней набросать целую серию новых эскизов, черпая вдохновение из сохранившихся рисунков на некоторых стенах и трудно различимых набросков, пролежавших нетронутыми несколько десятилетий. Она попробовала расспросить о них миссис Берnard, заинтересовавшись, кто их туда поместил, но пожилая женщина лишь сказала, что не знает, что они всегда там лежали и что, когда один друг ее дочери увидел их еще ребенком и разрисовал стены, она ему поддала как следует ручкой от швабры.

Миссис Берnard приходила каждый день. Дейзи по-прежнему не понимала почему: она явно не испытывала удовольствия от общения с Дейзи и в большинстве случаев пренебрежительно фыркала, услышав об очередной ее идее.

— Не знаю, зачем вы мне это говорите, — один раз бросила она, когда Дейзи явно расстроила ее реакция.

— Потому что это был ваш дом, — осторожно предположила Дейзи.

— А теперь он принадлежит другому. Нечего заглядывать в прошлое. Если знаете, что хотите с ним сделать, то просто действуйте. Вам не нужно мое одобрение.

Дейзи заподозрила, что миссис Бернад не хотела казаться такой недружелюбной, это получилось не намеренно.

Ее притягивала, скорее всего, малышка Элли. Каждый раз миссис Бернад приближалась к девочке робко, почти с опаской, словно ожидая услышать, что заниматься ребенком — не ее дело. Но потом, косясь на Дейзи, она брала Элли на руки, постепенно приобретая уверенность, и начинала носить ее по комнатам, показывая ей разные предметы, разговаривая с ней как с десятилетней и радуясь любой реакции малышки. А потом вдруг заявляла, даже с намеком на вызов: «Ей нравится смотреть на сосны» или «Ее любимый цвет — голубой». Дейзи не возражала: она была благодарна женщине за то, что та присматривает за ребенком, поскольку это давало ей возможность сосредоточиться на проекте. Она давно поняла, что пытаться отремонтировать это здание, когда на тебе висят заботы о пятимесячном младенце, почти невозможно.

Миссис Бернад практически ничего не рассказывала о своей причастности к истории дома, и, хотя Дейзи испытывала неугасающее любопытство, что-то в этой женщине не позволяло подступиться к ней с расспросами. Во время разговоров бывшая хозяйка немногословно поведала, что всегда владела этим домом, что ее муж никогда сюда не приходил и что причина, по которой в самой большой спальне до сих пор стояли кровать и комод, заключалась в том, что она ее использовала как убежище почти всю свою замужнюю жизнь. Больше о своей семье она не говорила. Дейзи тоже ничего не стала рассказывать. Они существовали в непрочном перемирии, Дейзи была благодарна миссис Бернад за ее интерес к Элли, хотя чувствовала скрытое неодобрение ее собственной ситуации

и планов переделки дома. Она ощущала себя почти как будущая невестка, которая непонятно почему не совсем устраивала свекровь.

В среду, однако, запас благодушия у Элли неожиданно закончился. Она проснулась без четверти пять и никак не хотела снова засыпать, так что к девяти Дейзи буквально окосела от изнеможения, совершенно не представляя, как успокоить капризного ребенка. Шел дождь, темные тучные облака скользили по небу, не позволяя выйти из дома, кустарники низко кланялись, подчиняясь ветру. А там, внизу, бурлило море, серо-грязное и беспокойное, — неприятное зрелище, способное подавить любые романтические иллюзии насчет британского побережья. Как назло, миссис Бернارد выбрала именно этот день, чтобы не прийти. И вот теперь Дейзи вышагивала по комнатам, качивая девочку, а сама пыталась расчистить место в своем затуманенном мозгу для восстановления паркета и отполированных дверных ручек из стали.

— Давай, Элли, прошу тебя, дорогая, — тщетно бормотала она под завывания ребенка, которые становились все громче и натужнее, как будто ее просьба сама по себе уже была оскорблением.

Джонс явился без четверти одиннадцать, ровно через две с половиной минуты после того, как Дейзи наконец уложила Элли спать, и через тридцать секунд после того, как она закурила свою первую сигарету в этот день. Дейзи как раз оглядывала комнату, засыпанную строительным мусором, с недопитыми чашками кофе и остатками вчерашнего блюда для микроволновки, и спрашивала себя, на что у нее хватит сил, чтобы заняться этим в первую очередь. Он, разумеется, грохнул дверь. Элли наверху тут же отреагировала возмущенным ревом. Дейзи в душе

рассердилась на своего нового босса, а тот в свою очередь с удивлением разглядывал гостиную, далекую от минимализма.

— Джонс, — сказал он, подняв взгляд к потолку, откуда доносились приглушенные вопли Элли. — Полагаю, вы забыли о моем приезде.

Он оказался моложе, чем она воображала: скорее приближался к среднему возрасту, чем уже преодолел его. Темные брови сошлись над некогда сломанным носом, придавая мужчине сердитый вид. А еще он был высокий и немного грузный, что делало его похожим на игрока в регби, лишеного всякой утонченности, но это компенсировалось парой брюк из темной шерсти и дорогой серой рубашкой: приглушенный гардероб богатого человека. Дейзи попыталась не слушать плач ребенка. Она протянула руку, хотя ей очень хотелось отчитать его за столь шумное появление.

— Дейзи. Впрочем, вы уже знаете... Она сегодня немного раскапризничалась. Обычно ведет себя спокойнее. Хотите кофе?

Он взглянул на чашки, которые стояли на полу:

— Нет, благодарю. Здесь накурено.

— Я как раз собиралась проветрить.

— Я бы предпочел, чтобы вы не курили, если это вообще возможно. Помните, зачем я здесь?

Дейзи отчаянно огляделась, стараясь вспомнить хоть что-то. Но голова была словно набита ватой.

— Должны прийти из комитета по строительству, чтобы взглянуть на планы перепланировки ванных. А еще по перестройке гаража в квартиры для персонала.

Дейзи припомнила, что было одно письмо, где упоминалось нечто подобное. Она еще сунула его в пластиковый пакет вместе с остальными документами.

— Да, — сказала она. — Конечно.

Но его не так-то просто было провести.

— Хотите, я принесу свою копию плана из машины, чтобы у нас была хотя бы видимость готовности.

А Элли наверху по-прежнему заливалась, достигая новых крещендо.

— Я готова. Понимаю, все это выглядит немного хаотично, но у меня с утра не было возможности прибраться.

Дейзи перестала кормить грудью почти три недели назад, но сейчас от плача Элли, да еще такого долгого, у нее потекло молоко.

— Я принесу папку, — поспешно пробормотала Дейзи. — Сбегаю наверх.

— А я, пожалуй, попытаюсь кое-что здесь прибрать. Мы же хотим, чтобы инспектор приняла нас за профессионалов?

Дейзи вымученно улыбнулась и промчалась мимо него к лестнице, а оттуда наверх, к Элли, бормоча на ходу ругательства. Оказавшись в спальне, она успокоила ребенка и покопалась в большой сумке, стараясь отыскать что-нибудь более подходящее для профессионала. Но под руку попадались почему-то одни фуфайки, да еще запачканные детской рвотой. Наконец она выбрала черную водолазку и длинную юбку. Втиснувшись во все это, она набила бюстгальтер бумажными салфетками, чтобы он опять не промок. Затем, собрав волосы в конский хвост (хорошо хоть сестра заставила ее покрасить корни), она спустилась вниз, прижимая к боку успокоенную Элли и держа другой рукой папку с планами ванных комнат.

— Что это такое? — Он потряс стопкой новых эскизов.

— Кое-какие идеи. Я как раз собиралась с вами обсудить...

— А мне казалось, мы уже все обсудили. Каждую комнату. Все издержки.

— Я знаю. Просто, когда я сюда попала, дом оказался таким невероятным... Он вдохновил меня на что-то новое...

— Придерживайтесь первоначальных планов. Договорились? Мы и так отстаем по срокам. Я не могу позволить себе отклоняться в сторону. — Он швырнул листы на старый диван.

Часть листов с шелестом упала на пол, и Дейзи восприняла это в штыки.

— Я и не думала увеличивать ваш бюджет, — сказала она, четко выговаривая каждое слово. — Просто мне казалось, что вы захотите самый лучший проект для этого дома.

— А у меня было впечатление, что я уже заказал лучший проект для этого дома.

Дейзи с трудом выдержала его немигающий взгляд, решив, что она хоть и уступает ему во всем, но раздавить себя не позволит. Он считал, что она не справится; это было видно по его поведению, по тому, как он вздыхал, обходя комнату, по тому, как бесцеремонно перебивал ее и оглядывал сверху вниз, как что-то неприятное, самовольно вторгшееся в комнату.

Она на секунду подумала об Уэйбридже. И в эту секунду Элли чихнула, громко заворчала и выстрелила зловонным содержимым кишечника в чистенькие ползунки.

Днем он уехал, отчасти успокоенный, поскольку чиновница из местного комитета одобрила планы перестройки. Женщину так отвлекла и очаровала вымытая симпатяга Элли, что она одобрила бы даже трехполосное шоссе из подсобки в сад, подумала Дейзи.

— Как приятно видеть, что дом оживает после стольких лет, — сказала она, когда они закончили осмотр. — А для меня вдвойне приятно, потому что редко приходится видеть такие амбициозные планы. Обычно дело ограничивается двойным гаражом или теплицей. Думаю, здесь будет чудесно, а если вы сделаете все, как задумано, то и с местным советом прихожан не будет никаких проблем.

— Мне сказали, что некоторые жители не слишком довольны грядущими переменами. — Дейзи перехватила недовольный взгляд Джонса.

Но чиновница лишь пожала плечами:

— Между нами говоря, в этом городке очень отсталое население. И сами же за это расплачиваются. Другие маленькие курорты не возражают, чтобы у них появлялись новые пабы или рестораны, — в результате процветают круглый год. А старый бедный Мерхем заботит одно: чтобы все осталось по-прежнему. Он уже сам не видит, во что превратился. — Она махнула рукой за окно, где простиралось побережье. — Посмотрите, все становится каким-то захудалым. Молодежи здесь нечего делать. Лично я считаю, если сюда потянутся новые люди, это послужит хорошим стимулом. Но только прошу нигде не ссылаться на меня.

Она еще раз ласково пощекотала Элли за щечку и ушла, пообещав быть на связи.

— Что ж, по-моему, все прошло хорошо. — Дейзи вернулась в холл, решив, что имеет право на слова благодарности.

— Правильно она сказала: городу нужен бизнес.

— И все же я рада, что она одобрила планы.

— Если вы сделали свою работу хорошо, значит не было причин их не одобрить. И мне пора возвращаться

в Лондон. В пять у меня совещание. Когда рабочие должны приступить?

Было в этом здоровяке что-то пугающее. Дейзи невольно сжалась, когда он прошел мимо нее к двери.

— Сантехники придут во вторник, а строители начнут передвигать кухонную стену через два дня.

— Хорошо. Держите меня в курсе. Загляну к вам на следующей неделе. А пока вам необходимо решить проблему с няней. Я не могу позволить вам возиться с ребенком, если это мешает делу. — Он глянул вниз. — Кстати, у вас из-под джемпера торчит туалетная бумага.

Он не попрощался. Зато, когда уходил, прикрыл за собой дверь осторожно.

В Уэйбридже для нее всегда найдется место. Она не должна об этом забывать, сказала ей сестра по телефону. Уже раза три. Она явно думала, что Дейзи сошла с ума, раз потащила свою маленькую дочку в какую-то старую развалюху, продуваемую сквозняками, на море, когда могла бы жить в лучшей комнате, с центральным отоплением и дополнительным бонусом в виде бесплатного присмотра за ребенком. Но она должна была разобраться со своими проблемами по-своему. Хорошо хоть Джулия это понимала.

— Хотя бы знай, что я всегда здесь, чтобы собрать осколки.

— Я больше не разваливаюсь на осколки. Со мной все в порядке. — В голосе Дейзи звучало больше уверенности, чем было в душе.

— Калории считаешь?

— Нет. И физкультурой не занимаюсь. Укладку феном тоже не делаю. Я слишком занята.

— Занята? Это хорошо. Полезно для мозга. А что наш Алый Первоцвет?¹ Дал о себе знать?

— Нет. — Она уже давно не звонила его матери. Чтобы не смущать ни ее, ни себя.

— Я помню, ты этого не хотела, но я все-таки нашла телефон службы, добывающей алименты на детей. Воспользуешься, когда будешь готова.

— Джулия...

— Если он захотел поиграть в игры больших мальчиков, то пусть отвечает за последствия. Послушай, я ни на чем не настаиваю. Просто сообщаю, что у меня есть телефон. Когда будешь готова. И свободная комната. Они здесь, ждут тебя.

Дейзи везла коляску с Элли по тропе вдоль берега, пыхтя четвертой сигаретой за утро. Джулия не верила, что ее ждет успех. Сестра думала, что она возьмется за проект, затем признается, что он слишком велик, откажется от всего и вернется домой. Ничего удивительного, учитывая, в каком состоянии нашла ее Джулия. К тому же, нужно признаться, последние несколько дней Уэйбридж начал казаться даже привлекательным. Сантехники не появились во вторник, как обещали, сославшись на несколько аварий. Строители начали сносить кухонную стену, но поддерживающую стальную балку до сих пор не завезли, поэтому, прорубив дыру размером с автомобиль, они остановили работы, «чтобы, не дай бог, чего не случилось». В эту минуту они сидели на террасе, наслаждались весенним солнышком и делали ставки на победу в Челтенхэмском золотом кубке. Когда же она поинтересовалась, не займутся ли они чем-то другим, рабочие расшумелись

¹ *Алый Первоцвет* — герой популярного романа Эммы Орци (1905), спасающий других от смертельной опасности.

насчет правил безопасности и стандартных двутавровых профилей. Она стиснула зубы, чтобы не расплакаться, и постаралась не думать, насколько все могло быть по-другому, если бы с ними имел дело Даниель. Наконец, проведя почти все утро на телефоне в спорах с различными поставщиками, она решила выйти подышать свежим воздухом. А заодно пополнить запасы чая. Учитывая, что она якобы стоит во главе проекта, фразу «мне с молоком и двумя кусочками сахара» ей приходилось выслушивать гораздо чаще, чем можно было предположить.

Жаль, что работа не спорилась, ведь, по правде говоря, если бы не эти неприятности с «Аркадией», в это утро она могла бы чувствовать себя почти прекрасно. Сама природа, казалось, вступила в заговор, чтобы заставить ее воспрянуть духом. Небесно-голубое море слилось с таким же небом, весенние нарциссы весело кивали ей вдоль дорожек, а тихий ветерок намекал, что грядет лето. Элли повизгивала и гукала на чаек, носившихся перед ними в надежде, что из коляски вылетит кусочек сухарика. Щечки ребенка на свежем воздухе порозовели, как яблочки. («Обветрились», — неодобрительно высказалась миссис Бернард.) И город выглядел веселее, в основном благодаря торговым лоткам, занявшим маленькую площадь, — их полосатые навесы и заваленные товарами прилавки привнесли так необходимый этому месту намек на жизнь и цвет.

— Элли, — сказала она, — сегодня мамочка может себе позволить потратиться и сварить картофель в мундире.

Она давно отказалась от блюд для микроволновки и теперь питалась хлебом с маслом или доедала за Элли детское питание из баночек. Довольно часто ей не хватало сил даже на это, и она проваливалась в сон, едва при-

сев на диван, а потом просыпалась в пять от мучительно-го голода.

У прилавка зеленщика она задержалась, запаслась морковкой, чтобы сделать пюре для Элли, и фруктами для себя. Фрукты ведь готовить не нужно. Когда она забирала сдачу, кто-то постучал ее по плечу.

— Вы та девушка, что орудует в доме актрисы?

— Что, простите?

Дейзи очнулась от мыслей о здоровом питании и увидела перед собой женщину средних лет в стеганой зеленой куртке, какие предпочитают владельцы лошадей, и бордовой фетровой шляпе, низко надвинутой на лоб. Менее заурядную часть ее туалета составляли темно-красные гетры и крепкие прогулочные ботинки. А еще она, как и ее довольно облезлого вида овчарка, стояла слишком близко.

— С виллы «Аркадия»? Та самая, что разносит ее по кирпичикам?

Говорила она достаточно агрессивно, чтобы привлечь внимание нескольких прохожих. Люди начали оборачиваться из любопытства, замерев у прилавков, где выбирали товар.

— Я ничего не «разношу по кирпичикам». Что касается первого вопроса, то да, я дизайнер и работаю на вилле «Аркадия».

— Это правда, что вы собираетесь устроить там бар? Привлечь всякую шушеру из Лондона?

— Бар там действительно будет, но ничего не могу сказать про ожидаемую клиентуру, потому что я отвечаю только за интерьер.

Лицо женщины с каждой секундой все больше багровело. А голос звучал громко, — видимо, она была из тех, кто любит быть услышанным. Ее собака, на которую ни-

кто не обращал внимания, подвигала свой нос все ближе к Дейзи, обнюхивая ей пах. Дейзи незаметно махнула рукой, чтобы отогнать псину, но та упрямо смотрела на нее своими пустыми желтыми глазами и придвинула нос еще ближе.

— Я Сильвия Роуан. Владелица «Ривьеры». И считаю своим долгом сообщить вам, что нам не нужен еще один отель. Тем более что туда будут съезжаться всевозможные нежелательные элементы.

— Я, право, не думаю...

— Наш город не такой. Вы-то этого не знаете, но мы все много трудились, чтобы сделать этот городок особым.

— Может быть, он и особый, но вряд ли вы защищаете что-то святое.

Теперь ближе подошли по крайней мере еще четверо и ждали, чем закончится дело. Дейзи почувствовала себя уязвимой, ведь в коляске лежала дочка, и от этого стала очень агрессивной.

— Все работы, которые мы выполняем в отеле, согласованы с комитетом по строительству. И любой бар, несомненно, получит одобрение соответствующих властей. А теперь прошу меня простить...

— Вы все-таки не поняли.

Сильвия Роуан встала перед коляской так, что Дейзи оставалось либо объехать ее через растущую толпу зевак, либо переехать. Псина разглядывала ее пах то ли с энтузиазмом, то ли с недобрыми намерениями.

— Я всю жизнь прожила в этом городе, и все мы боролись за то, чтобы сохранить здесь определенные стандарты, — вопила Сильвия Роуан, размахивая перед Дейзи своим кошельком. — В том числе, в отличие от многих других курортов, не позволять бесчисленным барам и кафе заполнять побережье. Вот почему здесь приятное

место для всех — и постоянных жителей, и тех, кто приезжает отдохнуть.

— А то, что в вашем отеле тоже есть бар, никак к делу не относится?

— Это не имеет значения. Я прожила здесь всю жизнь.

— Вероятно, поэтому и не видите, какое здесь захолустье.

— Послушайте, мисс Как-Вас-Там. Мы не желаем здесь видеть отребье. Не хотим, чтобы сюда хлынула пьяная публика Сохо. Здесь не такой городок.

— Но «Аркадия» не будет таким отелем. К вашему сведению, постояльцы здесь будут избранные, те, кто потратит две или три сотни фунтов за ночь. И такие люди ожидают найти в отеле стильную обстановку, уют и тишину. Советую вам для начала уточнить информацию и оставить меня в покое, чтобы я делала свою работу. — Дейзи развернула коляску, не обращая внимания на посыпавшуюся из сумки картошку, и быстро пошла через площадь, сердито моргая. Потом она повернулась и прокричала по ветру: — А собаку вам следует дрессировать лучше. Она крайне невоспитанна.

— Можете передать своему боссу, милая дама, что вы о нас еще услышите, — донесся до нее ответ Сильвии Роуан. — Мы народ Англии... И мы пока не сказали свое слово.

— Да провались ты, старая кошелка, — пробормотала Дейзи и, отойдя подальше, туда, где не было зевак, остановилась, закурила пятую сигарету, глубоко затянулась и ударилась в слезы.

Дейзи Парсонс принадлежала к тому типу молодых женщин, о которых представители старшего поколения одобрительно отзывались: «Чудесная девушка». И она действительно была чудесной: с самого раннего детства милое дитя со светлыми кудряшками, словно модель с этикетки для мыла, улыбчивое и спокойное. Она училась в частной школе, где все ее любили, и трудилась очень прилежно, чтобы сдать экзамены по архитектуре, искусству и дизайну, в котором, как утверждали наставники, у нее был «хороший глаз». В подростковом возрасте, если не считать короткого и неудачного эксперимента с растительным красителем для волос, она не доставляла беспокойства родителям, заставляя их не спать до самого утра. Все ее немногочисленные кавалеры были тщательно отобраны и производили благоприятное впечатление. Расставалась она с ними с сожалением, обычно плакала, сознавая свою вину, поэтому впоследствии почти все они вспоминали о ней без злобы, чаще всего как о «той, что сорвалась с крючка».

А затем появился Даниель: высокий темноволосый красавец из уважаемой семьи бухгалтеров, с пури-

танской трудовой этикой и взыскательностью к стилю. При знакомстве с ним девушки сразу находили кучу недостатков у своих кавалеров. Даниель пришел, чтобы защитить ее, в то время, когда она начала уставать от необходимости выживать одной, и оба тут же распределили роли в своем союзе, которые никогда не менялись. Даниель стал двигающей силой их бизнеса, проявлял упорство, настойчивость... Одним словом, защитник. Это освободило Дейзи, и она наконец стала безукоризненной версией самой себя: красивой, милой, сексуальной, уверенной в его обожании. Прелестной девушкой. Каждый видел идеальное отражение себя в глазах другого, и это им нравилось. Они редко спорили — не было причин. Оба не любили лишние эмоциональные всплески, если только они не были преддверием любовных игр.

Поэтому ничто не подготовило Дейзи к ее теперешней новой жизни, где она оказалась в центре всеобщего порицания и почти бесконечных споров со строителями, местными жителями, родителями Даниеля, да еще в то время, когда она была наиболее уязвима без своего обычного оружия — очарования, к которому можно было бы прибегнуть. Сантехники, не обращая внимания на ее мольбы, ушли работать на другой объект, потому как не могли начать установку оборудования ванных комнат, пока строители не закончили работу над новым отстойником. Строители не могли закончить работу над новым отстойником, поскольку ждали недостающие материалы. Поставщики же, видимо, эмигрировали из страны. Сильвия Роуан, судя по разговорам, планировала устроить общее собрание в знак протеста против осквернения виллы «Аркадия» и угрозы лишиться стандартов, морали и общего благополучия мерхемских жителей, если работы продолжатся.

Джонс тем временем позвонил в холодной ярости на следующий день после ее столкновения на рыночной площади и вылил на нее целый ушат недовольства, заявив, что она совершенно не справляется. Он не мог поверить, что они уже отстали по срокам. Он не мог понять, почему двутавровый профиль, который наконец был доставлен, оказался не той ширины. Он уже не верил, что они откроются, как планировалось, в августе. И, если быть до конца откровенным, он уже сильно сомневался, что Дейзи способна завершить работу так, как ему надо.

— Вы не даете мне ни единого шанса, — попробовала возразить Дейзи, глотая слезы.

— Вы даже не представляете, как много шансов я вам даю! — рявкнул он и повесил трубку.

Миссис Бернارد появилась в дверях с Элли.

— Даже не начинайте плакать, — сказала она и кивнула в сторону террасы. — Они и без того не воспринимают вас серьезно. Начнете рыдать, и они разнесут по всему городу, что вы обычная слезливая дамочка.

— Большое спасибо, миссис Бернارد. Вы мне очень помогли.

— Я просто говорю, что не хочу видеть, как они вытирают о вас ноги.

— А я просто говорю, что если мне понадобится ваше мнение, то я так и скажу, провались оно все пропадом.

Дейзи схватила со стола папку с бумагами и решительно вышла, чтобы отыгаться на строителях — всего лишь второй раз в жизни (в первый раз она впала в такую же ярость, когда Даниель признался, что выбросил ее любимую мягкую игрушку на помойку, поскольку она, видите ли, не гармонировала с их спальней). На этот раз она кричала так громко, что ее было слышно даже у церкви. Угрозы и ругательства носились в атмосфере, более при-

вычной к крикам чаек и шилоклювок. Радиоприемник пролетел по кривой траектории над тропой утеса и разбился внизу о камни. Засим воцарилась долгая тишина, после чего шестеро недовольных строителей, бормоча что-то себе под нос, медленно разбрелись во все стороны, дабы найти, чем бы себя занять.

Дейзи, разозленная, готовая вновь взорваться, прошествовала в дом, держа руки на бедрах, словно на кобуре, как позже ворчали рабочие.

На этот раз ее встретила тишина. Миссис Бернارد и Элли с улыбками исчезли в кухне.

— И как там идут дела?

Камилла нанесла парфюмированный крем на руки матери, обернула их полиэтиленом и сунула в варежки с подогревом. Это была единственная процедура, на которую та соглашалась, — еженедельный маникюр. Маски для лица, обертывания — все это она считала пустой тратой времени, но о руках всегда заботилась, давно придя к выводу, что раз прикосновение — одно из главных средств общения с дочерью, значит оно должно быть приятным.

— Идут понемножку.

— Тебе тяжело на это смотреть?

— Мне? — Мать фыркнула. — Ничуть. Мне все равно, что они там делают. Но бедной девочке приходится нелегко.

— Почему? — Камилла подошла к двери, чтобы попросить чашку чая. — Тэсс слышала, что она одна управляется с ребенком.

— Так и есть. И почти все время ходит заплаканная. Рабочие не воспринимают ее всерьез.

— Думаешь, она справится?

— В теперешнем состоянии? Видимо, нет. Слишком она мягкая. Не представляю, как ей удастся превратить тот дом в отель. И времени у нее только до августа.

— Бедняжка. — Камилла подошла и присела рядом, лицом к матери. — Нужно будет съездить к ней всем вместе. А то ей, наверно, одиноко. — Она протянула руку за спину, сразу нашла крем и принялась накладывать его себе на руки.

— Я и так к ней все время езжу.

— Ты едешь туда ради малышки. Даже я это знаю.

— Она не захочет, чтобы вы вмешивались. Она решит, будто я все о ней рассказываю.

— Ты действительно все о ней рассказываешь. Не противься, мы устроим семейную вылазку. Кейти будет в восторге. Она давно там не была.

— Разве Хэлу не нужно работать?

— Он имеет право на выходной, ма, как все мы. — (Мать лишь хмыкнула.) — Послушай, ма, ты ведь тоже не хочешь, чтобы ей стало невмоготу. Вместо нее приедет какой-нибудь идиот и начнет там устанавливать золотые пьедесталы с джакузи. А, привет, Тэсс. Как освободишься, сделай нам чаю с молоком, без сахара. На фасаде появятся спутниковые тарелки, и каждые выходные там будут проходить конференции.

— Все в порядке, миссис Бернارد?

— Отлично, спасибо, Тэсс. Моя дочь пытается сунуть нос в дела «Аркадии».

Тэсс улыбнулась:

— Знаешь, Камилла, не нужно тебе туда лезть. Тут затевается целая битва по поводу этого отеля. Утром заходила Сильвия Роуан и долго орала. «Во времена Ассоциации гостиниц такого ни за что бы не случилось», — передразнила она Сильвию.

Камилла убрала крем обратно на полку и закрыла дверцу шкафа.

— Тем более надо проявить к девушке сочувствие. А то она, бедняжка, даже не представляет, во что ввязалась.

Миссис Бернад раздраженно покачала головой:

— Так и быть. Съездим в воскресенье. Я предупрежу девушку, чтобы готовилась к вторжению.

— Хорошо. Но ты должна взять с собой папу. Ему интересно посмотреть, что там делается.

— Еще бы.

— А что такое?

— Он решил, что, раз теперь дом продан, я буду проводить все время с ним.

В результате приехали все. Бернард в полном составе, как весело заметил отец Камиллы, выгружая пассажиров из своего любимого «ягуара» на гравийную дорожку.

— Знаете, что я вам скажу, ребята, я даже не помню, когда мы все вместе выезжали в последний раз.

Дейзи, стоя на пороге в своей лучшей рубашке и прижимая Элли к боку, с интересом разглядывала мистера Бернарда. Миссис Бернад всегда казалась ей особой, предпочитавшей одиночество, поэтому теперь она с трудом представляла, как уживаются эти два совершенно разных человека. Добродушный, мягкий мужчина с виноватым взглядом и огромными ручищами был, как всегда по выходным, одет в рубашку с галстуком и до блеска начищенные туфли. Позже он поделится с ней, что о мужчине можно судить по тому, как блестят его туфли. В первый раз, когда он увидел Хэла, тот был обут в коричневую замшу, и будущий тесть решил, что перед ним коммунист. Или гей.

— На крестины Кейти, — ответила Камилла, придерживая заднюю дверцу машины, откуда выкатились Кейти и Ролло. Она махнула в сторону дома. — Привет. Я Камилла Хаттон.

— Тот раз не считается, — сказал Хэл. — Вряд ли это была вылазка.

— А я ничего не помню, — сказала Кейти.

— На День матери три года назад, когда мы возили всех женщин в ресторан Холстеда... Какой он был?

— Безумно дорогой.

— Спасибо, теща. Французский, кажется?

— Единственное, что было там французского, — запах сточных труб. Я привезла пирожные. Не хотела доставлять вам лишние хлопоты. — Миссис Бернارد протянула Дейзи коробку, которую везла всю дорогу на коленях, а взамен забрала у нее покорную Элли.

— Как чудесно, — сказала Дейзи, начиная чувствовать себя невидимкой. — Спасибо.

— Мы прекрасно провели время, — сказал мистер Бернارد, тепло пожимая Дейзи руку. — Я взял себе стейк au poivre. До сих пор не могу забыть его вкус. А Кейти заказала морепродукты. Так, милая?

— Не знаю, — ответила Кейти. — А у вас и правда нет телика?

— Теперь нет. А вы тот человек, который подсказал мне дорогу, — произнесла Дейзи, когда подошел Хэл.

— Хэл Хаттон. С Кейти вы уже знакомы. — Он выглядел моложе, спокойнее, чем в тот раз. — Спасибо, что согласились принять нас. Я слышал, время вас поджимает. — Он отступил на шаг назад. — Боже, я не видел этот дом много лет.

— Несколько стен внутри пробили насквозь, и кое-какие мелкие спальни превратились в ванные комнаты, —

сообщила миссис Бернارد, проследив за его взглядом. — Видимо, сегодня всем нужны номера с ванными.

— Хотите пройти через дом? — предложила Дейзи. — Я нашла пару стульев и выставила их на террасу, раз сегодня такой хороший день. Но можем посидеть и внутри, если хотите. Только не споткнитесь о строительный мусор.

Она придержала дверь и только тогда поняла, что светловолосая женщина не видит. И собака ее совсем не была похожа на поводыря: она не носила ни рамки, ни шлейки, за которую бы держалась хозяйка, зато оглянулась, словно подстраиваясь под ее шаг, а потом, когда Камилла направилась к двери, муж тут же взял ее за локоть, незаметно убрав руку, как только она поднялась на первую ступеньку.

— Идите прямо, хотя, наверное, вы это знаете, — сказала Дейзи, чуть смущаясь.

— О боже, нет, — ответила Камилла, поворачиваясь к ней лицом. У нее были ясные голубые глаза, быть может чуть глубже посаженные, чем у обычного человека. — Это всегда был мамин дом. Нам, по сути, тут нечего было делать.

Она отнюдь не походила на слепую. Хотя Дейзи не имела ясного представления, как выглядят слепые люди, поскольку никогда с ними близко не сталкивалась. Она лишь представляла, что они одеваются как-то неряшливо, безвкусно. Возможно, страдают от лишнего веса. И разумеется, не носят дизайнерские джинсы, не употребляют косметику, а талия у них не равна половине размера бюста.

— Разве вы не приезжали сюда часто в детстве?

— Хэл! — выкрикнула Камилла. — Кейти с тобой? — Она помолчала. — Мы иногда сюда приезжали. Думаю,

мама очень боялась, что я подойду слишком близко к краю обрыва.

— Понимаю. — Дейзи не знала, что еще сказать.

Камилла остановилась:

— Она вам не говорила, что я слепая?

— Нет, не говорила.

— Моя мама не склонна откровенничать. Но, наверное, вы уже сами заметили.

Дейзи постояла немного, разглядывая гладкую, слегка смуглую кожу, шапку светлых волос. Рука ее невольно потянулась к собственным волосам.

— Хотите... Вам нужно ощупать мое лицо?

Камилла весело расхохоталась:

— Боже, нет. Терпеть не могу ощупывать лица. Если я не на работе, конечно. — Она протянула руку, робко дотронулась до локтя Дейзи. — Вам нечего опасаться, Дейзи. Я не испытываю ни малейшего желания касаться чьих-либо лиц. Особенно бородатых. Не выношу бороды — меня от них бросает в дрожь. Всегда кажется, что я обнаружу в них еду. Так что, папе наконец удалось оторваться от своей машины хотя бы на две минуты? Он стал просто одержим ею, уйдя на пенсию, — призналась она. — А еще бриджем. И гольфом. Папочка любит свои увлечения.

Они вышли на террасу. Хэл повел жену к стулу, а Дейзи наблюдала за ними, испытывая острую зависть. Ей так не хватало защитника.

— Когда-то это был красивый дом, правда, дорогая? — Мистер Бернارد спрятал ключи от машины в карман и повернулся, чтобы взглянуть на жену, на его лице мелькнуло странное выражение.

— Никто так никогда не считал. — Миссис Бернارد пожалала плечами. — Пока он не начал меняться.

— Мне всегда казалось, что здесь не хватает араукарии чилийской.

Дейзи заметила, что Бернарды быстро переглянулись, после чего последовала неловкая пауза.

— Ну и как вам нравится Мерхем? — спросил Хэл.

Воспитанная в семье, не столько разбитой, сколько безвозвратно сломленной тяжелой утратой, Дейзи машинально считала, что все остальные семьи похожи на Винеров. Даниель говорил ей об этом не раз, когда она поражалась, попадая на семейные сборища его родственников, где шумные споры и кипящие страсти вспыхивали не реже, чем барбекю. И все же ей не удавалось наблюдать за ними хладнокровно: она невольно пыталась подстроиться, стать своей, подключиться к общей семейной истории. Она отказывалась верить, что большая семья может означать что-нибудь другое, кроме душевного покоя.

Бернарды и Хаттоны, однако, общались с какой-то нарочитой веселостью, словно чувствуя необходимость постоянно подтверждать свой статус семейства и говорить при этом только о хорошем. Им все нравилось: и погода, и окружающие виды, и наряды друг друга, и ласковые семейные прозвища, и общие шутки. За исключением миссис Бернард, которая отмахивалась от любых сантиментов с решительностью гигиениста, прихлопывающего муху. Точно так, как День матери запомнился по зловонию сточных труб, так и все прочие воспоминания сопровождалась колкостями с ее стороны, частично смягченными остроумием. Если кто-то говорил о красоте бесконечного пляжа, она тут же заявляла в ответ, что отдыхающие теперь предпочитают другие места и винить их в этом нельзя. Блестящая новая семейная машина имела такой плавный ход, что ее качивало. Хозяйка салона, где рабо-

тала Камилла, была «старой перечницей». Исключение она делала только для Кейти, которой явно гордилась, и для «Аркадии», о которой, как ни странно, мистер Бернارد вообще не желал говорить.

Дейзи, с радостным нетерпением ожидавшая визита семьи, вдруг обнаружила, что он почему-то ее утомляет. Ей никогда не приходилось общаться со слепыми, поэтому она держалась неловко с Камиллой, не зная, куда деть глаза, когда та к ней обращалась, и как подавать ей еду — класть прямо на тарелку или позволить сделать это Хэлу, который сидел рядом с женой. Она дважды наступала на пса, во второй раз он даже вежливо визгнул в знак протеста.

— Совсем не обязательно класть бутерброды буквально ей в рот, — внезапно сказала миссис Бернارد. — Она всего лишь слепая, а не инвалид.

— Дорогая... — начал мистер Бернارد.

Дейзи, вспыхнув, извинилась и шагнула назад, угодив в ракитник.

— Не будь такой грубой, ма. Она всего лишь старается помочь.

— Не будь такой грубой, ба, — эхом вторила Кейти, доедая шоколадный эклер и покачивая ногой автомобильное кресло Элли.

— Позвольте мне извиниться за мою мать, — сказала Камилла. — Она не должна была так говорить.

— Не люблю, когда люди поднимают вокруг тебя суету.

— А я не люблю, когда ты прыгаешь через мою голову. Вот тогда я действительно чувствую себя инвалидом.

Воцарилась короткая тишина. Камилла с невозмутимым видом потянулась к напитку.

— Простите, — сказала Дейзи. — Просто я не знала, как вы разберетесь между крабовой пастой и мармайтом¹.

— А я ем все подряд. Таким образом мне обычно удастся получить то, что хочу. — Камилла рассмеялась. — Или я прошу Хэла мне помочь.

— Ты и сама успешно справляешься.

— Знаю, мама. — На этот раз в голосе Камиллы прозвучало раздражение.

— Не знаю, Дейзи, как вы терпите, что она весь день путается у вас под ногами, — вмешался в разговор Хэл. — Самый острый язык на восточном побережье.

— Мамочка говорит, что бабушка способна резать бумагу своим языком, — добавила Кейти, вызвав смущенный смешок за столом.

Миссис Берnard тем не менее внезапно притихла. Какое-то время она рассматривала содержимое своей тарелки, а потом подняла взгляд на Хэла. По ее лицу ничего нельзя было понять.

— Как идет бизнес?

— Не очень, но в Уиксе нашелся один антиквар, обещавший подкинуть мне работенку.

— Думаю, ситуация, похожая на мою, — сказала Дейзи. — Когда приходится экономить, люди не тратят деньги на интерьер своих домов.

— Я уже несколько недель слышу разговоры об этом антикваре. Нельзя же вечно болтаться без дела, ожидая его звонка. Не следует ли свернуть бизнес? Попытаться найти где-нибудь работу?

— Постой, дорогая... Не здесь же... — Мистер Берnard протянул руку к жене.

¹ *Мармайт* — пряная пищевая паста, изготовленная из концентрированных пивных дрожжей с добавлением трав и специй.

— Я уверена, найдутся места, где нужны умелые столеры. Мебельные магазины и прочее.

— Я не занимаюсь заводской мебелью, ма. — Хэл старался удержать улыбку. — Я реставрирую штучный товар. Это особое мастерство. Совсем не та работа, о которой вы говорите.

— Когда мы начинали свое дело, то первые два года дела шли из рук вон плохо, — быстро добавила Дейзи.

— У Хэла есть несколько заказов на подходе, — сказала Камилла, протягивая под столом руку к мужу. — Сейчас для всех наступило затишье.

— Не такое уж и затишье, — сказала ее мать.

— Я живу одним днем, ма, но я хорошо справляюсь с тем, что делаю. У меня отличный бизнес. Я пока не готов от него отказаться.

— Да, конечно, только смотри, как бы не обанкротиться. А то потянешь всех за собой. И Камиллу, и Кейти.

Лицо Хэла окаменело.

— Не имею ни малейшего намерения обанкротиться.

— Никто никогда не собирается стать банкротом, Хэл.

— Достаточно, дорогая.

Миссис Бернارد повернула к мужу по-детски недовольное лицо.

Последовала долгая пауза.

— Кто хочет еще чего-нибудь? — спросила Дейзи, стараясь заполнить паузу.

Готовясь к встрече, она отыскала в одном из шкафов старую керамическую миску ручной работы и наполнила ее до краев фруктовым салатом.

— У вас есть мороженое? — поинтересовалась Кейти.

— Я не ем фруктов, — сказала миссис Бернارد, вставая, чтобы убрать со стола тарелки. — Приготовлю для всех нас чай.

— Не принимайте слова мамы слишком близко к сердцу. — Камилла появилась в кухне, когда Дейзи вычищала тарелки. — На самом деле она не такая вредная. Все это наносное.

— Но очень правдоподобное, — пошутил Хэл, возникшая за спиной жены.

Дейзи успела заметить, что он повсюду ходил за Камиллой. И она уже не знала, то ли он хотел защитить жену, то ли не мог без нее обойтись.

— В душе она хорошая. Правда, всегда была... резковата, что ли. Что скажешь, Хэл?

— По сравнению с твоей матерью стальное лезвие выглядит пушинкой.

Камилла повернулась лицом к Дейзи, и та устремила взгляд на ее рот.

— Вообще-то, к вам она хорошо относится. Вы ей нравитесь.

— Что? Она так сказала?

— Разумеется, нет. Но мы-то понимаем.

— По тому, как она не подстерегает вас по ночам, чтобы высосать кровь, не подкрадывается, капая слюной.

Дейзи нахмурилась:

— Как-то не верится... Вы меня удивили.

Камилла ярко улыбнулась мужу:

— Это была ее идея, чтобы мы все сюда приехали. Ей показалось, что вам одиноко.

Дейзи улыбнулась. Слабая радость, что миссис Бернارد все-таки ей симпатизировала, была омрачена мыслью, что теперь она превратилась в объект жалости. Два-

дцать восемь лет жизни ей все завидовали, и мантия сочувствия плохо на ней сидела.

— Как мило с вашей стороны, что вы сюда приехали. Я имею в виду всех.

— Мы получили удовольствие, — сказал Хэл. — Если честно, нам не терпелось увидеть дом.

Дейзи вздрогнула от его слов, но Камилла как будто ничего не заметила.

— Она, знаете ли, никогда не принимала здесь гостей, — сказала Камилла, поглаживая по голове Ролло. — Этот дом всегда был ее маленьким убежищем.

— Не таким уж маленьким.

— Мы приезжали сюда лишь изредка. Папа вообще не любил этот дом, поэтому он никогда не был семейным.

— И вы не будете о нем жалеть?

— Не буду. Большинство незнакомых домов для меня лишь серия препятствий.

— А вы не возражали? Что она от вас прячется?

Камилла повернула лицо к Хэлу и пожала плечами:

— Полагаю, мы с этим давно смирились. С тем, что у мамы должно быть собственное пространство.

— Наверное, для каждой семьи характерна чужаковость, — заметила Дейзи, чью семью в этом нельзя было упрекнуть.

— Да, но у кого-то ее больше, чем у других.

Несколько часов спустя Хэл и Камилла рука об руку неспешно возвращались домой, Ролло бежал на несколько шагов впереди, Кейти носилась туда и обратно, завязав какую-то игру с краями дорожных плит. Временами она налетала на родителей, втискивалась между ними и требовала, чтобы ее покачали, хотя была слишком высокой

и тяжелой для этого. Вечера стали чуть светлее, владельцы собак и любители вечерних прогулок выглядели менее напряженными. Они шагали с поднятой головой и уже не боролись с ветром. Хэл кивнул, здороваясь с владельцем газетного киоска, который как раз закрывался на ночь, и они свернули за угол, на свою улицу. Кейти побежала вперед, увидев какую-то подружку в конце дороги.

— Прости за маму.

Хэл обнял жену:

— Все в порядке.

— Нет. Не в порядке. Она знает, что ты работаешь изо всех сил.

— Забудь. Она просто волнуется из-за тебя. Думаю, любая мама поступила бы так же.

— Ничего подобного. Во всяком случае, они не были бы так грубы.

— Это верно. — Хэл остановился, чтобы поправить шарф на Камилле, который начал сползать вниз. — Знаешь, возможно, она права, — сказал он, пока жена застегивала воротник пальто. — Тот антиквар, скорее всего, водит меня за нос. — Он вздохнул достаточно громко, чтобы Камилла услышала.

— Что, все так плохо?

— Мы должны быть совершенно честны друг с другом, — невесело улыбнулся он, повторив слова семейного психолога. — Ладно... Дела идут неважно. Я даже думал, не перенести ли мне работу к нам в гараж. Глупо платить за мастерские, когда... когда в них ничего нет...

— Но Дейзи сказала, что попробует найти...

— Либо так, либо вообще свернуть бизнес.

— Я не хочу, чтобы ты сдался. Твое дело для тебя важно.

— Вы для меня важны. Ты и Кейти.

«Но рядом со мной ты становишься слабым, — подумала Камилла. — Я почему-то вызываю в тебе чувство приниженности. Бизнес — единственное, что держит тебя на плаву».

— Мне кажется, тебе следует подождать еще немного, — вслух сказала она.

Дейзи планировала провести вечер за разбором образцов тканей. На душе у нее стало чуть легче. Уходя, Камилла пригласила ее в салон на процедуру. Бесплатную. Если она согласна сделать что-нибудь экстравагантное. Миссис Бернارد взялась присматривать за Элли на более регулярной основе, спрятав свое явное удовольствие под длинным списком условий. Мистер Бернارد посоветовал ей не позволять всяким особам помыкать собой, мигнув в сторону жены. Элли, устав от всеобщего внимания, заснула на удивление безропотно. Дейзи уселась на террасе и завернулась в плед, спасаясь от вечерней прохлады. Она смотрела на море и лениво потягивала сигарету, пока работала, забыв на короткое время о своем одиночестве. Или почти забыв. Такого благостного состояния могло хватить на несколько дней. Поэтому ей показалось вдвойне несправедливым, что судьба в образе давно молчавшего мобильного телефона вознамерилась разрушить ее временное равновесие.

Сначала позвонил Джонс и сказал (не попросил о встрече, а поставил в известность), что желает встретиться с ней на следующий вечер и ПОГОВОРИТЬ. От этих слов сердце Дейзи буквально сжалось. Семь недель и три дня тому назад Даниель тоже сказал, что хочет ПОГОВОРИТЬ.

— Куда-нибудь сходим. Где нас... не будут отвлекать, — сказал Джонс. Она сразу поняла, что он имеет в виду Элли.

— Я присмотрю за ребенком, — с готовностью предложила миссис Бернارد на следующий день. — Вам полезно покинуть четыре стены.

— Как сказал палач висельнику, — пробормотала Дейзи.

А затем, в понедельник, незадолго до его приезда, снова зазвонил телефон. На этот раз позвонила Марджори Винер и, задыхаясь, сообщила, что наконец-то нашелся ее сынок.

— Он живет у одного из своих старых друзей по университету. Уверяет, что у него случился нервный срыв. — Голос звучал расстроено. Хотя, впрочем, Марджори Винер всегда говорила расстроено.

Если в начале разговора сердце Дейзи остановилось, то теперь в нем медленно закипал гнев. Нервный срыв? Вообще-то, если у тебя нервный срыв, то ты не способен сам это определить. Разве не об этом «Уловка-22»?¹ Как просто сослаться на нервный срыв, если не нужно заботиться о ребенке. Лично для нее нервный срыв — это роскошь, на которую нет ни времени, ни сил.

— Так что, он вернется? — Дейзи с трудом удавалось сдерживаться.

— Дейзи, ему нужно какое-то время, чтобы разобраться. Ему действительно очень плохо. Я страшно за него переживаю.

— Что ж, ладно, можете передать своему сыну, что ему станет еще хуже, если он приблизится к нам. Он хотя бы подумал, как нам выжить без него? Мы ведь даже паршивой пятифунтовой банкноты от него не получили.

¹ «Уловка-22» — роман американского писателя Джозефа Хеллера, один из самых блистательных образцов фантазмагорического произведения. Словосочетание «Уловка-22» стало в США нарицательным и обозначает абсурдную, безвыходную ситуацию.

— О, Дейзи, почему ты сразу не сказала, что тебе приходится туго? Я бы выслала денег...

— Черт побери, Марджори, дело совсем не в этом! Это не ваша обязанность. Это обязанность Даниеля. Он за нас в ответе, черт бы его побрал!

— Право, Дейзи, совсем не обязательно так ругаться...

— Он мне позвонит?

— Не знаю.

— Что? Так это он просил вас мне позвонить? После шести лет совместной жизни и ребенка он вдруг не может со мной поговорить?

— Послушай, я, конечно, им не горжусь в данной ситуации, но он сам не свой, Дейзи. Он...

— Сам не свой? Он сам не свой! Он теперь отец, Марджори. Во всяком случае, должен им быть. У него что, другая? Я угадала? Он встречается с другой?

— Думаю, никого другого нет.

— Ах, вы думаете?

— Я знаю, он так не поступил бы с тобой.

— А как же он поступил со мной? Все, что хотел, он сделал.

— Прошу тебя, не теряй самообладания, Дейзи. Я знаю, это трудно, но...

— Нет, Марджори. Это не трудно. Это невозможно. Меня без всяких объяснений оставил человек, который даже не может со мной поговорить. Мне пришлось уехать из дому, потому что он даже не подумал, как я и наш ребенок будем жить без денег. Я сижу безвылазно на строительном объекте у черта на куличках, и все из-за того, что Даниель взялся за работу, которую не собирался выполнять...

— Право, это вряд ли справедливо.

— Справедливо? Вы собираетесь говорить мне о справедливости? Марджори, не обижайтесь, но я отключаю телефон. Прямо сейчас... Нет, слушать не буду. Я сейчас отключусь... ла-ла-ла-ла-ла...

— Дейзи! Дейзи, дорогая, нам так хотелось бы повидать ребенка...

Она сидела, охваченная дрожью, сжимая в руке мертвый телефон. Робкая просьба Марджори утонула в растущей ярости. Он даже не подумал спросить, как поживает его дочь. Не видел ее больше семи недель и даже не захотел узнать, все ли с ней в порядке. Каков же этот мужчина, которого она когда-то любила? Что случилось с Даниелем? Она уронила голову на грудь, удивляясь, что душевная боль проявляется как физическая.

Она старалась сдерживать гнев и обиду на несправедливость, но подспудно спрашивала себя, следовало ли вообще так обрушиваться на Марджори. Она ведь не хотела окончательно отвратить его от себя. Что теперь Марджори ему скажет?

Внезапно почувствовав присутствие еще одного человека, она обернулась и увидела миссис Бернард, тихо стоящую в дверях с грязной одежкой Элли, переброшенной через руку.

— Я заберу с собой это сегодня вечером постирать. Вам тогда не придется идти в прачечную.

— Спасибо, — сказала Дейзи, стараясь не шмыгать носом.

Миссис Бернард продолжала стоять, глядя на нее, а Дейзи с трудом сдерживалась, чтобы не попросить ее уйти.

— Знаете, иногда просто нужно двигаться дальше, — сказала пожилая женщина.

Дейзи вскинула на нее взгляд.

— Чтобы выжить. Иногда просто нужно двигаться дальше. Это единственный способ.

Дейзи открыла рот, словно собираясь заговорить.

— Вот так. Как я уже сказала, я захвачу это с собой, когда буду уходить. Малышка уснула сразу. Я укрыла ее еще одним одеялом. Этот восточный ветер принес с собой холод.

То ли из-за ветра, то ли из-за Винеров, но Дейзи впа-
ла во что-то сродни безрассудству. Она бегом поднялась по лестнице, надела черные брюки — впервые после рождения Элли ей удалось в них влезть — и красную шифоновую блузку, подаренную Даниелем на день рождения еще до ее беременности, вынудившей наряжаться в бесформенные тряпки. Сочетание стресса и разбитого сердца способно наносить непоправимый вред душевному спокойствию, думала она, сцепив зубы, но, боже, как благотворно оно сказывается на фигуре. К этому наряду она подобрала сапоги на шпильках и щедро накрасилась. Сестра часто говорила, что губная помада творит чудеса с самооценкой. Джулию никто никогда не видел без губной помады, даже когда она лежала в постели, боля гриппом.

— Лифчик просвечивает, — заметила миссис Бернارد, когда Дейзи спустилась с лестницы.

— Вот и хорошо, — резко ответила она, решив не обращать внимания на язвительные реплики миссис Бернارد.

— Однако не мешало бы спрятать бирку под воротник. — Миссис Бернارد улыбнулась самой себе. — Пойдут разговоры.

Джонс потер лоб, направляя «сааб» на главную улицу Мерхема, и поехал в сторону парка. Голова начала болеть сразу после того, как он миновал верфь, и уже на середи-

не шоссе А12 легкая ломота над глазами превратилась в сильнейшую мигрень. Он пошарил в бардачке наудачу и обнаружил таблетки, подложенные туда Сандрой, его секретаршей. Какая же она умница, черт возьми. Нужно будет повесить ей зарплату. Если только он уже не сделал это три месяца назад.

Неожиданно найденный парацетамол — единственная удача за весь провальный месяц. Да, месяц выдался на редкость паршивый. Алекс, бывшая жена, объявила, что снова выходит замуж. Один из его старших барменов чуть не устроил драку с двумя приятелями-журналистами, решившими сыграть в твистер на бильярдном столе, причем в голом виде. Как позже рассказывал бармен, его возмутило не то, что они голые, а то, что они отказались убрать напитки с сукна. В последнее время ни дня не проходило, чтобы его клуб не фигурировал в прессе как «приходящий в упадок» или «миновавший свои лучшие дни», а его попытка задобрить журналюг ящиком виски ни к чему не привела. Напротив, они тут же написали о ней, заклеив ее «жестом отчаяния».

А через месяц в двух кварталах откроется конкурирующий клуб «Опиум», рассчитанный на ту же клиентуру. Заведение того же, что и «Красные комнаты», характера, и о его открытии уже заговорили в кругах, которые Джонс считал своими. Вот почему этот мерхемский отель стал таким важным: нужно оставаться впереди. Находить новые способы удерживать свою публику.

И вот теперь эта чертова девчонка все портила. Он сразу заподозрил, что она не годится для этого дела, когда услышал ее скулеж в телефонной трубке насчет того, что он позвонил в «неудачное время». Нужно было уже тогда прислушаться к внутреннему голосу: в бизнесе не

должно быть неудачных времен. Если ты профессионал, то впрягаешься и делаешь дело. Без всяких отговорок и проволочек. Вот почему он не любил работать с женщинами — то у них месячные, то у них неприятности с бойфрендом, а в результате не могут сосредоточиться на своем деле. А стоит нажать, они тут же ударяются в слезы. Если не считать его секретарши, то всего две женщины не вызывали у него чувства неудобства, даже спустя много лет. Одна из них — Кэрол, его давнишний агент по внешним связям, которой стоило лишь вскинуть выщипанную бровь, чтобы выразить неодобрение, чья преданность не имела границ и кто все еще мог его перепить. А вторая женщина — Алекс, которая не была о нем слишком высокого мнения и не испытывала перед ним страха. Но Алекс собралась замуж.

Когда она ему сообщила об этом, его первым наивным порывом было предложить ей снова выйти за него. Она расхохоталась.

— Ты неисправим, Джонс. Это были худшие полтора года в нашей жизни. А теперь ты захотел меня вернуть только потому, что я понадобилась кому-то другому.

Он вынужден был признать, что отчасти она права. В течение ряда лет после их развода он иногда делал ей предложения, от которых она милостиво отказывалась (чему он был втайне рад), но оба дорожили своей продолжавшейся дружбой (к досаде, насколько он знал, нового партнера Алекс). И вот теперь она решила пойти дальше. Отныне все изменится. На их прошлое будет наложена печать.

Конечно, у него всегда было на что отвлечься. Если ты хозяин клуба, всегда найдется с кем переспать. Когда он только начинал, то часто спал с официантками, обыч-

но высокими, стройными, мечтающими о карьере актрисы или певицы. Все они надеялись познакомиться с каким-нибудь продюсером и режиссером, пока разносят напитки. Но вскоре он убедился, что это ведет к соперничеству, слезливым требованиям повысить зарплату и в конечном итоге к потере хорошего персонала. Поэтому последние полтора года он вел жизнь монаха, хотя и слегка неразборчивого в связях. Изредка он знакомился с какой-нибудь девушкой, потом отвозил ее домой, но каждый такой случай дарил ему все меньше и меньше удовлетворения, и он всегда обижал их, поскольку потом никак не мог вспомнить их имен. В половине случаев игра не стоила свеч.

— Джонс, это Сандра. Прости, что беспокою, когда ты за рулем, но приближается день продления лицензии.

— Ну и? — Джонс не сразу надел на ухо наушник.

— Он совпадает с твоей поездкой в Париж.

Джонс выругался.

— Придется тебе позвонить им. Пусть изменят время встречи.

— Куда? В Париж?

— Нет. Судейским. Скажешь, что день мне не подходит.

— Я перезвоню, — после паузы сказала Сандра.

Джонс вырулил «сааб» на гравийную дорогу, ведущую к «Аркадии». Проблемы, проблемы, проблемы... Иногда ему казалось, что он все свое время тратит на то, чтобы подчищать чужие недоработки, вместо того чтобы делать свое дело, которое у него получалось лучше всего.

Он выключил мотор и посидел минуту, но голова так болела, столько в ней было разных путаных мыслей, что он даже не оценил тишину. А теперь еще одна неприят-

ность. С девушкой придется расстаться. Так будет лучше. Он всегда полагал, что лучше отрубить, прежде чем станет совсем плохо. А дело он продолжит с другой фирмой, той, что из Баттерси. Лишь бы только эта Дейзи не разревелась.

Джонс потянулся к бардачку, забросил в рот еще одну горсть таблеток от головной боли и поморщился, ибо пришлось глотать без воды. Он со вздохом выбрался из машины и подошел к парадной двери, но не успел позвонить, как ее открыла миссис Бернард. Она стояла и смотрела на него спокойным взглядом, который говорил, что она все про тебя знает, благодарю покорно.

— Мистер Джонс.

Он так и не смог заставить себя исправить ее ошибку.

— Не ожидал вас здесь увидеть. — Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Это потому, что у вас нет детей.

— Не понял.

— Надо же кому-то присмотреть за ребенком.

— А-а-а. — Он зашел в дом, оглядел полуободранные стены, горы строительного мусора. — Да.

— Дело пошло веселее.

— Вижу.

Она повернулась и зашагала по коридору, аккуратно обходя пустые поддоны из-под краски.

— Я скажу ей, что вы пришли. Она сейчас говорит по телефону с сантехниками.

Джонс присел на край стула, оглядывая незаконченную гостиную, пахнущую подсыхающей штукатуркой и отциклеванными полами. В уголке возвышалась пирамида из алюминиевых банок с краской, а через спинку старого дивана были переброшены образцы тканей. Комнату пере-

секали артерии канавок, в которых была проложена новая электропроводка. Лежавшие на полу в стопке каталоги предлагали светильники различных стилей.

— Это оставил Маккарти со своими парнями. Завтра они начинают две ваннные комнаты.

Джонс поднял глаза от каталогов и увидел женщину, которую не узнал. Она шла через комнату, держа в руке мобильный телефон.

— Я его предупредила, что еще одна проволочка — и мы начнем вычитать деньги. Я сказала, что мы имеем право на один процент за каждый потерянный день, что записано мелким шрифтом в договоре.

— Правда, что ли?

— Нет. Но я подумала, что он ленивый и проверять не станет, зато это нагнало на него страху. Он пообещал свернуть другую работу и быть у нас к девяти утра. Так мы идем? — Она выхватила из сумки на полу кошелек, ключи и большую папку.

Джонс подавил в себе желание поискать в доме ту девушку, которую помнил: апатичную, в бесформенных старых тряпках, с вечно прижатым к боку младенцем. Та, что теперь была перед ним, не выглядела психованной плаксой. Она не смотрелась бы неуместно в его клубе. Сквозь рубашку проглядывал черный бюстгальтер, а под ним пара отличных грудок.

— Есть проблемы? — спросила она, выжидая.

Глаза ее блестели, выражая то ли вызов, то ли агрессию. В любом случае это его неожиданно возбудило.

— Нет, — сказал он и пошел за ней к машине.

Они выбрали «Ривьеру» — отчасти, как объяснил Джонс, чтобы изучить противника, но главным образом потому, что в Мерхеме не было ни пабов, ни баров. Те, ко-

му хотелось пообщаться за выпивкой, делали это в отеле или в одном из двух городских ресторанов, а некоторые даже уезжали за пределы города. При обычных обстоятельствах или тех, которые могли бы считаться обычными в данный момент, Дейзи испытала бы неловкость, появившись в таком заведении. Но что-то в этом вечере и том факте, что она в своей красной шифоновой блузке вывела из равновесия Джонса (в чем она не сомневалась, несмотря на всю его бравату), придало Дейзи храбрости, и, войдя в бар, она буквально поплыла по нему — неторопливо и с гордо поднятой головой.

— Могу я увидеть карту вин?

Джонс навалился всей тушей на стойку, за которой стоял бледный прыщавый юноша с тонкой шейкой. Тот перестал нашептывать хихикающей официантке и подошел с плохо скрытым раздражением. В баре были еще четверо: пожилые люди, умиротворенно любовавшиеся морем, а также, очевидно, партнеры по бизнесу, поскольку они спорили из-за каких-то цифр в блокноте.

Пока Джонс, бормоча себе под нос, читал список вин, Дейзи осматривала помещение с окнами в пол и видом на море. Солнце клонилось к горизонту, но ничто не могло превратить этот бар в уютное местечко, где хотелось устроиться поудобнее и послушать море, на глазах менявшее окраску до чернильной. Здесь могло быть красиво, если бы не оборки и драпировки через каждый дюйм. Куда ни кинь глаз, повсюду абрикосово-цветочные мотивы: занавеси, ламбрекены, обивка стульев, даже рюши на цветочных горшках. Белые столешницы на кованых ножках. Не столько бар, сколько чайная. Хотя, подумала Дейзи, судя по клиентуре, здесь, скорее всего, продают больше чая, чем алкоголя.

— Семнадцать фунтов за подобие «Блю Нан»¹, — пробормотал Джонс, когда она снова повернулась к нему. — Неудивительно, что посетителей не густо. Простите, вы хотели вина?

— Нет, — солгала Дейзи. — Но сойдет и вино. — Она подавила желание закурить сигарету, что дало бы ему какое-то моральное превосходство.

Они уселись за угловой столик. Джонс сел сбоку от нее, разлил вино по бокалам и принялся поглядывать на нее краем глаза, словно пытаясь что-то понять.

— Ужасный декор, — сказала она.

— Первое место, куда я заглянул, знакомясь с домом. Хотел узнать, что здесь предлагают. Тех, кто занимался этим дизайном, следовало бы расстрелять.

— Закидать камнями.

Он вскинул брови.

Дейзи уставилась в свой бокал. Значит, он не в настроении шутить. Ну и черт с ним. Она подумала об Элли: спит ли ее девочка, дает ли покой миссис Бернارد. Потом она отбросила эту мысль и сделала большой глоток вина.

— Полагаю, вы знаете, зачем я здесь, — наконец сказал он.

— Нет, — снова солгала она.

Он вздохнул. Посмотрел на свою руку.

— Меня не очень радовало, как идут дела.

— Меня тоже, — перебила она. — По правде говоря, только последние несколько дней мы вновь встали на рельсы. К концу недели, полагаю, мы снова войдем в график.

¹ «Блю Нан» — немецкий винный бренд, запущенный компанией H. Sichel Söhne (Майнц) в 1923 году с урожаем 1921 года. Возможно, самый крупный международный винный бренд с 1950-х по 1980-е годы.

— Но этого недостаточно...

— Да. Вы правы. И я сказала строителям, что недовольна.

— Дело не только в строителях...

— Да, знаю. Сантехники тоже напортачили. Но я с ними разобралась, как уже говорила. Думаю, что сумею немного уменьшить их счет, чтобы мы не вышли за рамки бюджета.

Он помолчал с минуту, глядя на нее из-под темных сдвинутых бровей.

— Я так понимаю, вы не хотите облегчить мне задачу.

— Не хочу.

Они уставились друг на друга не мигая. Дейзи замерла. Она никогда не выигрывала подобные игры, даже с Даниелем: всегда первая капитулировала, всегда пыталась сгладить конфликт. Такой уж у нее характер.

— Я не могу позволить себе опоздать со сроками, Дейзи. Слишком много поставлено на этот проект.

— Для меня тоже.

Он потер лоб в задумчивости.

— Не знаю... — пробормотал он. И повторил: — Не знаю. — Неожиданно он поднял бокал. — А какого черта. Раз вы, с тех пор как мы виделись в последний раз, научились действовать по-мужски, то и мне, пожалуй, стоит поступить так же. Пока что. — Он подождал, когда она возьмет в руки бокал, затем со звоном чокнулся с ней. — Так и быть. Помогите нам Бог. Только не подведите.

Не вино, а муравьиная моча, как деликатно выразился Джонс, и тем не менее пилось оно удивительно легко. Для Дейзи, которая после родов не пила ничего крепче «Айрн-Брю»¹, алкоголь, ударивший в голову, ознамено-

¹ «Айрн-Брю» — популярный безалкогольный газированный напиток.

вал радостное возвращение к себе прежней. Другая Дейзи должна была вот-вот появиться.

Она быстро опьянела и забыла, что следует бояться человека, сидевшего рядом, поэтому начала вести себя с ним как с любым мужчиной до рождения Элли. Она попыталась флиртовать.

— И как же вас зовут? — поинтересовалась она, когда он заказал вторую бутылку.

— Джонс.

— Имя, а не фамилия.

— Я его не использую.

— Как... современно.

— Вы хотите сказать — как вычурно. — Он недовольно заворчал.

— Нет. Впрочем, да. Немного необычно называть себя только по фамилии. Как Мадонна?

— Попробуйте расти в Южном Уэльсе с именем вроде Иниго и посмотрите, куда это вас заведет.

Дейзи чуть не подавилась:

— Вы шутите! Иниго Джонс?

— Моя мать увлекалась архитектурой¹. Она рассказывала, что я был зачат в Уилтон-хаусе², западное графство... Проблема в том, что впоследствии решили, что Иниго Джонс не имеет отношения к этому чертову замку. Его проектировал племянник.

¹ *Джонс Иниго* (1573–1652) — английский архитектор, первый и крупнейший представитель палладианства в Англии.

² *Уилтон-хаус* — уилтширское поместье графов Пембруков из рода Гербертов, находящееся в их руках на протяжении 450 лет. В 1630-е годы позднеготический дворец-замок был признан безнадежно устаревшим, вследствие чего его перепланировали в палладианском стиле. Автором проекта называют Иниго Джонса, хотя основную часть работы, скорее всего, выполнял его помощник, француз Исаак Деко.

— А как звали племянника?

— Уэбб. Джеймс Уэбб.

— Уэбб, — попробовала она на язык. — Уэбби. Нет, не звучит.

— Не звучит.

— Что ж, это хотя бы объясняет, почему вы так хорошо разбираетесь в постройках.

Дейзи вела себя едва ли не нагло. Зато кто-то обязательно в нее втрескается. Пусть даже она костями ляжет.

Он взглянул на нее из-под насушенных бровей. Одна из них могла бы и приподняться.

— Получится сказочно, — уверенно произнесла Дейзи.

— Хорошо бы. — Джонс опустошил бокал. — Но только не в том случае, если вы будете настаивать на новых окнах ручной работы. Вчера я внимательно изучил цифры. Слишком дорого за окна в ванной комнате.

Дейзи резко вскинулась:

— Но они обязательно должны быть ручной работы.

— Почему? Кто вообще взглянет на окно в ванной комнате?

— Дело в другом. Тут важен стиль всего дома. Он особенный. Такие окна не купишь в строительном магазине.

— Я отказываюсь платить за ручную работу.

— Вы согласились с расценками. Одобрив их несколько недель тому назад.

— Ну да. Просто у меня не было времени взглянуть на мелкий шрифт.

— По-вашему, выходит, что я пыталась вас обмануть?

— Не устраивайте здесь мелодраму. Я только что внимательно со всем ознакомился и не понимаю, зачем мне платить за окна ручной работы, раз никто на них все равно не будет смотреть.

Теплота, возникшая между ними, моментально испарилась. Дейзи поняла это, как и то, что следует уступить, чтобы спасти все. Но она не сдержалась. Окна — это важно.

— Вы их одобрили.

— Ой, да бросьте, Дейзи. Поменяйте пластинку. Мы ведь должны работать в одной команде. Так у нас ничего не получится, если вы начнете ныть о том, что нужно сохранить все как было.

— Действительно, так у нас ничего не получится, если вы начнете отказываться от того, с чем уже согласились.

Джонс достал из кармана пиджака пачку таблеток и забросил две в рот.

— Насколько я понимаю, вы в своем прежнем партнерстве не отвечали за развлечения и гостеприимство.

Дейзи обиделась.

— Да, наняли меня не за личностные качества. — Голос ее звучал холодно и уравновешенно.

Последовало долгое молчание.

— Да бросьте вы. Не выношу подобные перепалки. Давайте пойдем и поедем где-нибудь. Я до сих пор не встречал женщины, с которой мог бы спорить на полный желудок. — (Дейзи прикусила язык.) — Ладно, Дейзи. Вы уже здесь освоились. Отведите меня куда-нибудь в хорошее место, какое, по-вашему, могло бы мне понравиться.

Террасы «Аркадии» развернулись ступенчато, их четкие углы смазаны разросшимся кустарником, мощный пол освещается мягким светом из окон. Ниже, на морской тропе, люди неспешно спускались к пляжу или поднимались, расходясь по домам, почти не замечая brutального здания над ними.

— Дом отсюда смотрится хорошо, — сказал Джонс, отправляя в рот горсть картошки. — Всегда полезно взглянуть на дом под другим углом.

— Да.

— Хотя смотреть на него отсюда я не предполагал.

Этот мужчина не из самых веселых, заключила она, когда они сидели на волнорезе. Но накормленный, напоенный и избавленный от головной боли, он уже был не так грозен. Она вдруг поняла, что старается его рассмешить, заставить восхищаться ею. Сдержанные мужчины всегда вызывали у нее подобную реакцию.

Даниель был полной его противоположностью — он никогда не скрывал своих чувств: желания, страсти взрывного характера, а вот она держалась скрытно. Но так было до появления Элли. Все это было до появления Элли. Дейзи взглянула на далекий огонек, на дом, где спал (как она надеялась) ее ребенок, и спросила себя уже не в первый раз: как бы у них все сложилось, если бы не рождение дочери? Он остался бы с ней? Или его оттолкнуло бы что-нибудь другое?

Она слегка заерзала, чувствуя, как холод от камня просачивается сквозь брюки. Она сознавала, что напилась и поэтому ее потянуло на слезливую сентиментальность. Дейзи выпрямилась, стараясь взять себя в руки.

— У вас есть дети?

Он доел картошку, скомкал пустой пакетик и положил рядом с собой.

— У меня? Нет.

— Что, никогда не были женаты?

— Был, но, слава богу, без детей. И без них хватило неприятностей. Рыба с картошкой была отличная. Сто лет не ел ската.

Дейзи помолчала. Она смотрела на море и слышала только мягкий плеск волн.

— Что у вас случилось? — спросил он немного погодя.

— Вы о чем?

— Надо полагать, у вас не все шло гладко...

— Что? Э-э-э... Нет. Старая история, полагаю. Парень встречает девушку, у нее рождается ребенок, тогда он решает, что у него ранний кризис среднего возраста, и смывается на закате.

Джонс расхохотался, а Дейзи не знала, то ли радоваться, то ли ругать себя за то, что превратила трагедию своей жизни в фарс.

— Вообще-то, это несправедливо, — неожиданно для себя самой сказала она. — Он переживает сложный момент. Я не хочу... Он хороший человек. Только, наверное, растерялся. Многим мужчинам трудно приспособиться, когда жизнь так круто меняется. Разве нет?

Из темноты вышла собака, понюхала пустой пакет Джонса. Хозяин пса, проходя по тропе, отозвал его.

— Это вы с ним открыли бизнес? Даниель, кажется?

— Он самый.

Джонс пожал плечами и посмотрел на море:

— Не повезло.

— Больше чем не повезло. — Она произнесла это с такой горечью, что сама удивилась.

Последовала долгая пауза.

Ее передернуло от вечернего воздуха, и она обхватила себя руками. Шифоновая блузка — не самая теплая одежда.

— Тем не менее... — начал он с легкой, едва заметной в лунном свете улыбкой.

Сердце Дейзи подпрыгнуло, когда он протянул руку. А он всего лишь стянул у нее нетронутый кусочек картошки.

— ...вы справляетесь. Похоже, вы справляетесь. — Он встал, потянув ее за собой. — Идемте, Дейзи Парсонс, выпьем с вами еще по одной.

Миссис Бернард стояла в пальто, когда они вернулись в дом. Джонс споткнулся в коридоре о строительный мусор.

— Я слышала, как вы шли по аллее, — сказала она, выгнув бровь. — Хорошо провели время?

— Очень... продуктивно, — ответил Джонс. — Очень продуктивно, не правда ли, Дейзи?

— Бьюсь об заклад, во время ваших деловых встреч в Лондоне вы не уминаете рыбу с картошкой, сидя на волнорезе, — сказала Дейзи.

Вторая бутылка вина превратилась из чрезвычайно плохой идеи в абсолютно необходимую.

— И не пьете алкоголя, — вставила миссис Бернард, разглядывая обоих.

— О нет, — возразил Джонс. — Вино там всегда есть, но другое... — Они с Дейзи переглянулись и начали хихикать. — Не совсем такой марки.

— Для того, кто счел вино паршивым, вы здорово набрались, — сказала Дейзи.

Джонс затряс головой, словно пытаясь прояснить ее.

— А знаете, винцо хоть паршивое, но крепкое. Я действительно немного опьянел.

— Вы пьяны. — В голосе миссис Бернард звучало осуждение. Но Дейзи было все равно.

— Я не пьянею. Никогда не пьянею.

— Да, — сказала Дейзи, подняв палец, — вы не пьянеете... Если только не глотаете в то же время таблетки от головной боли. В таком случае вы очень сильно пьянеете.

— О боже... — Джонс пошарил в карманах брюк и вытащил упаковку. — «Не принимать с алкоголем».

Миссис Берnard исчезла. Дейзи рухнула на стул, ломая голову, куда та делась. Наверное, пошла к Элли. Дейзи надеялась, что Элли не плачет: вряд ли ей удастся сейчас преодолеть лестницу.

— Приготовлю кофе, — сказала она, стараясь подняться.

— Тогда я пошла, — сказала миссис Берnard, вновь появившись в дверях. — Увидимся. Мистер Джонс. Дейзи.

— Э-э-э... Да-да, миссис Берnard. Еще раз спасибо. Я вас провожу.

Дверь тихо закрылась. Через секунду Джонс вернулся в комнату. Дейзи остро почувствовала его присутствие. Она не оставалась наедине с мужчиной с тех пор... С тех пор, как полицейский офицер переправил ее машину через Хаммерсмит-бридж. И это заставило ее тогда разрыдаться.

В комнате все еще пахло подсыхающей штукатуркой. В центре стоял диван, укрытый от пыли, горела единственная лампочка. Для строительной площадки, где шли полным ходом работы, здесь создалась неподобающе интимная атмосфера.

— Вы в порядке? — тихо спросил он.

— Все отлично. Сварю кофе, — сказала она и с третьей попытки все-таки поднялась со стула.

Почти треть чашки расплескалась между кухней и гостиной, но Джонс вроде бы не заметил, что ему досталось жиденькое пойло.

— Никак не найду ключи от машины, — сказал он, покачиваясь и все время похлопывая себя по карманам, словно ключи могли там вдруг объявиться. — Готов поклясться, я положил их на столик, когда мы пришли.

Дейзи оглядела комнату, стараясь удержать горизонталь на месте, но они все подпрыгивали, норовя лишить ее равновесия. С каждой минутой она все больше теряла устойчивость, а Джонс почему-то казался все более привлекательным, так что это даже вызывало тревогу. Впрочем, еще больше ее тревожила неспособность сохранять вертикальное положение.

— Я их не видела. — Она поставила чашку на заляпанный краской ящик.

— Мы же не выводили машину, да?

— Сами знаете, что не выводили. Возвращаясь, мы проходили мимо, и вы еще ее погладили, помните?

— Это все возраст, — пробормотал он. — Начинаешь видеть красоту в собственной машине. Так, глядишь, и до кожаных курток докатишься.

— И краски для волос. И юных подружек.

После этого он как-то притих.

Дейзи оставила его обыскивать комнату, а сама отправилась на поиски своего мобильного телефона, который пищал у нее в пиджаке. Так поздно никто не стал бы звонить. Только Даниель. Она размахивала пиджаком, пытаясь отыскать нужный карман, и почему-то испытывала при этом страх, не понимая, как это Даниель догадался, что у нее в доме мужчина.

— Алло?

— Это я. — (Дейзи сникла.) — Можете передать мистеру Джонсу, что я верну его ключи от машины утром. Нельзя ему сейчас садиться за руль, а вы не в том положении, чтобы говорить ему об этом. Вы его подчиненная. —

(Дейзи сползла по стенке, прижимая телефон к уху.) — Я приду где-то около восьми. Бутылочки Элли в холодильнике.

— Но где он будет спать?

— Пусть прогуляется обратно до «Ривьеры». Или переночует на диване. Он уже большой мальчик.

Дейзи отключила телефон, рывком поднялась с пола и вернулась в гостиную. Джонс тем временем прекратил поиски и развалился на диване, вытянув перед собой ноги.

— Ваши ключи унесла миссис Бернард, — сообщила Дейзи.

Он не сразу понял.

— Не по ошибке, — добавила она.

— Вот чертовка. О боже! — произнес он, потирая лицо. — У меня, черт возьми, совещание без четверти восемь! Как теперь прикажете добираться до Лондона?

Дейзи внезапно почувствовала непомерную усталость: праздничная, веселая атмосфера почему-то улетучилась с телефонным звонком. Уже несколько недель она не ложилась позже десяти, а сейчас время приближалось к полуночи.

— Она предложила, чтобы вы сняли номер в «Ривьере». — Дейзи опустила на краешек стула, уставившись на диван перед собой. — Или можете остаться здесь. Я буду рада поспать на диване.

Он посмотрел на диван.

— Вы на нем не поместитесь, — добавила она. — Элли просыпается рано, поэтому мы можем вас разбудить. — Она зевнула.

Он взглянул на нее чуть протрезвевшим взглядом.

— Не собираюсь я идти ни в какую «Ривьеру» и стучаться там в двери. И выгнать вас из собственной постели я тоже не могу.

— А я не могу позволить вам спать на диванчике. Вы в два раза больше его.

— Вы когда-нибудь перестаете спорить? Допустим, вы уляжетесь здесь, а я в вашей комнате, что будет, если ваш ребенок проснется ночью?

Об этом она не подумала.

Он наклонился вперед, уронив голову на руки, потом поднял ее и улыбнулся широкой пиратской улыбкой:

— Господи, Дейзи, какие мы с вами пьяные дураки. — Улыбка преобразила его лицо: в нем появилось озорство распутного дядюшки. Она снова расслабилась. — Я ведь приехал, чтобы уволить вас. И что из этого вышло? Напились как дураки...

— Вы босс. Я лишь исполняла ваши приказы.

— Исполняла приказы. Да... — Он поднялся, тяжелыми шагами направился к лестнице. — Послушайте, — сказал он, оборачиваясь, — поправьте меня, если я ошибаюсь, но там, наверху, двуспальная кровать. Верно?

— Верно.

— Вы ляжете на одной стороне, я — на другой. Никаких глупостей, раздеваться не будем, а утром об этом ни слова. Только так мы сможем нормально выспаться.

— Отлично, — сказала Дейзи и снова зевнула так, что глаза увлажнились. Она едва держалась на ногах от усталости и согласилась бы лечь спать даже в кроватку Элли.

— И еще одно... — пробормотал Джонс и повалился на кровать, скидывая туфли и ослабляя галстук.

Дейзи легла с другой стороны, понимая, что его присутствие должно было бы вызвать у нее чувство неудобства и стеснения, но выпитое вино и утомление этому помешали. Ей было все равно.

— Что такое? — буркнула она в темноту, вспомнив, что забыла смыть косметику. Но ей снова было наплевать.

— Раз вы моя подчиненная, утром готовить кофе вам.

— Только если вы согласитесь на окна ручной работы.

Он тихо ругнулся.

Дейзи улыбнулась, сунула руки под подушку и вырубилась.

Когда-то она думала, что возвращение Даниеля заставит ее вспыхнуть, что, увидев его, она буквально взорвется от радости, зашипит, как огненное колесо, от нее разлетятся искры, как от ракеты. Но теперь Дейзи поняла, что все совсем не так: возвращение Даниеля в ее жизнь оказалось наступлением глубокого покоя, излечившего боль, которая пронизывала ее всю до костей. Все равно что возвращение домой. Когда-то кто-то описал так приход любви, но Дейзи, лежавшая сейчас в его объятиях, поняла, что это верно и для возрождения любви. Как возвращение домой. Она пошевелилась, и рука, крепко ее обнимавшая, переплетя с ней пальцы, тоже чуть подвинулась. Как ей не хватало ощущения на себе этой тяжести. Во время беременности рука казалась чересчур тяжелой, и Дейзи придерживалась своей половины кровати, обкладывая себя подушками. После рождения Элли рука ее успокаивала, напоминая, что он рядом. Что он все еще здесь.

Но Даниеля рядом не было.

Дейзи открыла глаза, позволив расплывшимся пятнам медленно приобрести резкость в промозгом свете утра. В глаза будто насыпали сухого песка, а язык во рту распух. Она с трудом сглотнула, понимая, что комната, где она находится, все та же. В нескольких шагах стояла детская кроватка, и в ней пошевелилась Элли, почти сразу переходя от глубокого сна к бодрствованию, а свет, просочившийся сквозь щель в шторах, весело подмигивал на ее

одеяльце. За окном хлопнула дверца машины, раздался чей-то голос. Кто-то из рабочих, скорее всего. Дейзи подняла голову и увидела, что часы показывают четверть восьмого. Рука заскользила по ее боку и наконец упала на кровать.

Даниеля рядом не было.

Дейзи рывком села, способность думать вернулась к ней на секунду позже. Рядом с ней на подушке лежала темная голова со встрепанной шевелюрой. Дейзи сидела не шевелясь и не отрывая взгляда смотрела на нее, на смятую рубашку, с трудом вспоминая, что было вчера, стараясь продрагаться сквозь мешанину слов и образов. И наконец медленно, не сразу до нее дошло, что это не Даниель. И эта мысль ударила, как ударяет боксер в солнечное сплетение. Рука была не Даниеля. Он не вернулся.

К ней не пришел покой.

Дейзи громко разрыдалась.

Даже нечего гадать, что там случилось, все ясно и так, подумала миссис Бернارد, глядя, как «сааб» исчезает вдали, сердито взметнув веер гравия. Не нужно быть ясно-видящей, чтобы это понять. Эти двое даже смотреть не могли друг на друга, когда она пришла. Дейзи, зареванная и бледная, держала ребенка перед собой, как щит. А ему, видимо, все надоело и не терпелось поскорее убраться отсюда. К тому же его мучило сильнейшее похмелье, что неудивительно после такого количества дурацких таблеток от головной боли.

Вчера вечером между ними так и носились искры, когда они обменивались шуточками. Можно подумать, они знали друг друга не несколько дней, а несколько лет. И на диване, как она заметила, когда вошла, никто не спал.

— Всегда приходится расплачиваться, если смешиваешь дело с удовольствием, — сказала она ему, отдавая ключи от машины. Она имела в виду выпивку, но он смерил ее сердитым взглядом — тем самым, каким, видимо, привык нагонять страх на своих подчиненных. Миссис Бернард просто улыбнулась. Она была крепким орешком, и такие, как он, ее не пугали. — До скорой встречи, мистер Джонс.

— Сомневаюсь, что она будет скорой, — ответил он, сел в машину, даже не бросив взгляда в сторону Дейзи, и был таков. Вполне возможно, что, заводя мотор, он буркнул себе под нос: «Женщины!»

— Какая же глупая у тебя мамочка, — тихо сообщила она Элли, когда они гуляли по саду. — Кажется, она чересчур буквально восприняла мой совет. Неудивительно, что сегодня она сама не своя.

А ведь действительно жаль. Вчера, когда она уходила, Джонс в подвыпившем состоянии, провожая ее до дверей, признался, что открыл для себя новую Дейзи, не унылую клушу, какой он ее считал, и даже не крутую девицу, какой она старалась выглядеть, а просто, как он выразился, удивленно покачивая головой, «преlestную девушку».

Камилла разгладила слой водорослей на туше миссис Мартины, проводя ладонями по животу и спине для ровного покрытия. Местами масса начала подсыхать, пришлось добавить грязевой мази — примерно так же бросают ложку томатного соуса на испеченную лепешку для пиццы. Действуя быстро, она отмотала нужное количество прозрачной пленки и закрыла ею живот миссис Мартины, обернула каждое бедро, а сверху укрыла двумя теплыми полотенцами, пока еще достаточно свежими, чтобы источать запах кондиционера для белья. Действовала Камилла уверенно и ловко, выдерживая точный ритм. Эту работу она могла бы выполнять во сне. Что было очень кстати, потому что мысли ее витали далеко: она все еще перемалывала разговор, состоявшийся несколько часов назад.

— Помощь нужна? — поинтересовалась Тэсс, сунув голову в приоткрытую дверь и впустив заодно непрерывно транслируемые крики китов и электронную музыку для расслабления. — У меня есть десять минут, прежде чем проявится мелирование миссис Форстер.

— Нет, у нас все в порядке. Если только... Миссис Мартиньи, не хотите чая или кофе?

— Не хлопочи, Камилла, дорогая. Я блаженствую и так.

Камилла не нуждалась в помощи. В скором времени ей понадобится работа. Она закрыла дверь, за которой осталась миссис Мартиньи с ее двадцатиминутным антицеллюлитным обертыванием, в очередной раз вспомнила утренние извинения Кей и почувствовала, что темные тучи, которые она так долго держала на расстоянии, все-таки сгустились над головой.

— Мне очень жаль, Камилла. Я знаю, ты любишь это место... И ты одна из лучших косметологов из тех, с которыми мне доводилось работать. Но Джон всегда хотел вернуться в Честер, и теперь, когда он ушел на покой, я уже не могу сказать ему «нет». Откровенно говоря, я считаю, что перемена пойдет нам на пользу.

— Когда планируешь продать? — поинтересовалась Камилла, стараясь сохранить спокойствие.

— Я пока не говорила ни Тэсс, ни другим, но хочу выставить салон на продажу на этой неделе. Надеюсь, мы сможем продать его как действующее предприятие. Но между нами говоря, Камилла, думаю, что Тэсс здесь не задержится. Ей уже сейчас не терпится сменить работу. Это заметно.

— Да. — Камилла попыталась улыбнуться. Ни одна из них не высказалась по поводу ее собственных перспектив найти работу.

— Прости, дорогая. Я так боялась тебе признаться. — Кей дотронулась до руки Камиллы, как бы извиняясь.

— Что за глупости. Делай то, что считаешь нужным. Какой смысл задерживаться здесь, если предпочитаешь жить в другом месте?

— Там мой сын, как тебе известно.

— Всегда хорошо быть рядом с родными.

— Мне очень его не хватало. А сейчас его жена, Дебора, ждет пополнения. Я тебе говорила?

Камилла правильно отреагировала, заинтересованно похмыкав. Она слышала свой голос, но он словно принадлежал другому человеку, который одобрял, удивлялся, успокаивал, пока она сама лихорадочно подсчитывала в уме, во что им обойдется ее увольнение.

Худшего времени, чтобы потерять работу, и быть не могло. Вчера вечером Хэл сообщил ей, что, если не получит заказа в ближайшие десять дней, придется признать поражение и свернуть бизнес. Все это он сказал на удивление спокойно, бесстрастно, но, когда она потянулась к нему в ту ночь, пытаясь утешить, он мягко ее оттолкнул и повернулся спиной в молчаливом укор. Она не настаивала. Она теперь вообще ни на чем не настаивала. «Пусть он возвращается к вам постепенно» — так советовал семейный психолог. Он не сказал, что Камилле делать, если муж все-таки не вернется.

Камилла неподвижно сидела перед процедурной, вполуха слушая звуки, которые обычно дарили ей покой: тихое жужжание фена, шарканье мягких туфель по деревянному полу, обрывки болтовни.

То, что она потеряет работу, — не его вина, но он воспользуется этим обстоятельством для очередного самобичевания, очередного повода еще больше увеличить расстояние между ними. «Нельзя ему сейчас говорить, — подумала она. — Я не могу с ним так поступить».

— Все в порядке, Камилла?

— Все отлично. Спасибо, Тэсс.

— Только что записала миссис Грин на ароматерапию для лица на вторник. График у тебя заполнен, поэтому я

предложила обслужить ее сама, — но нет, оказалось, что я не подойду... Она сказала, что хочет поговорить с тобой о чем-то. — Тэсс добродушно рассмеялась. — Как бы я хотела узнать, что эти женщины тебе рассказывают, Камилла. Полагаю, однажды ты станешь сенсацией для «Мировых новостей».

— Что?

— Я имею в виду все их романы, откровения. Я знаю, ты очень осторожна, но, бьюсь об заклад, наш городишко — рассадник дурного поведения.

В четверти мили от дома, на берегу, Дейзи сидела на небольшой площадке, поросшей дерном, в нескольких футах над бухтой. Элли спала в коляске. Небо было ярким и безоблачным, волны вежливо плескались, тихо перекатываясь взад и вперед по пляжу. В руке Дейзи держала письмо.

Ты, наверное, в ярости на меня. Я бы не стал тебя винить. Но, знаешь, Дейзи, у меня было время подумать, и одно я понял: у меня не было возможности захотеть ребенка. Меня просто поставили перед фактом. И хотя я люблю ее, мне не нравится то, как ее появление повлияло на нас, на наши жизни...

Она не плакала. Холод, сковавший сердце, не позволял ей плакать.

Я скучаю по тебе. Мне очень тебя не хватает. Но я по-прежнему растерян и пока не знаю, что со мной творится. Не могу спать. Доктор прописал мне антидепрессанты и посоветовал обратиться к специалисту, чтобы выговориться, но, мне кажется, это будет очень больно. Мне ужасно хочется тебя увидеть... Но я пока не уверен, что эта встреча что-то прояснит...

В письмо он вложил чек на пятьсот фунтов. Сумма была списана со счета его матери.

Просто дай мне время. Я свяжусь с тобой, обещаю. Но мне нужно больше времени. Я очень виноват перед тобой, Дейзи, и чувствую себя полным ничтожеством, понимая, что причинил тебе боль. Иногда я себя ненавижу...

И далее в том же духе. Только о себе самом, своей травме, своей борьбе. Ни одного вопросительного знака: как там поживает его дочурка? Перешла ли на прикорм? Спокойно ли спит по ночам? Держит ли игрушки своими маленькими розовыми пальчиками? И как со всем этим справляется она? Если он и упоминал Элли, то только в связи с собой. Его эгоизм, думала Дейзи, сравним только с полным отсутствием самоосмысления. «Я хотела, чтобы у тебя был отец, — мысленно сказала она дочери. — Я хотела, чтобы ты знала, что такое родительское обожание, на которое ты имеешь полное право. А вместо этого ты получила заикленную на себе медузу».

И все же в письме улавливалась манера его речи, призрачное эхо эмоциональной несдержанности, которую она так долго в нем любила. А еще честности, которой она, видимо, не ожидала. Он не знал, готов ли к ребенку. И прямо об этом говорил. «Когда бизнес наладится, детка», — обычно отмахивался он. Или: «Когда мы немного подкопим денег». Даниэль, наверное, пришел в ярость, когда она сообщила ему, что беременна, однако хорошо скрыл свои чувства. Делал вид, что поддерживает ее, ходил на все занятия и УЗИ, говорил правильные вещи. В конце концов, это не ее вина, не раз повторял он. Они вместе несут ответственность. «Для танго нужны двое», — добавляла Джулия.

Но, как оказалось, не всегда.

Дейзи, сидя на траве, впервые позволила себе виновато заглянуть в прошлое. Еще до Элли. Когда она взяла упаковку таблеток, посмотрела на нее и выбросила. Это произошло четырнадцать месяцев тому назад.

— Две комнаты закончены. Хотите взглянуть?

Миссис Бернارد вынула проснувшуюся Элли из коляски, когда Дейзи, вернувшись, закрывала за собой большую белую дверь.

— Кровати подвезут завтра, и тогда у них будет вполне жилой вид. Звонили насчет жалюзи. Мастер перезвонит позже.

Дейзи, замерзшая и усталая, стянула с себя пальто и бросила на стол будущего администратора. Этот стол тридцатых годов прошлого века она отыскала в Камдене, его доставили на прошлой неделе, но она до сих пор не сняла с него защитную пузырчатую пленку. Хотела показать стол Джонсу, но они ни разу не поговорили за десять дней, что прошли после их последней встречи. Миссис Бернارد, пребывая в необычном для нее веселом расположении духа, позвала Дейзи за собой:

— А теперь, глядите, они начали работу в саду. Я хотела вам позвонить, но подумала, что вы скоро вернетесь.

Дейзи взглянула на террасный сад, где отобранные деревья и кустарники высаживались в свежесудобренную землю. Разросшиеся кусты сирени и глицинии дипломатично подрезали, отодвинули на задний план, оставив намек на дикорастущие заросли и волшебство. Сами террасы отдраили и восстановили, и теперь они блестели чистотой на фоне окружавшей их зелени. Запах шалфея и чабреца с новых травяных грядок смешивался с ароматом буддлеи, чьи длинные тонкие ветви сгибались под тяжестью цветов.

— Совсем другое дело, правда? — Миссис Бернارد сияла, показывая изменения малышке Элли.

Ей нравилось это, успела заметить Дейзи и подумала с болью, что с Камиллой у нее не было такой возможности.

— Дело спорится, — сказала Дейзи, озираясь вокруг не без удовольствия, которое вытеснило черную безысходность, куда в последнее время проваливалось все хорошее. Они по-прежнему отставали по срокам, но все постепенно налаживалось.

Комнаты, где требовалось прорубить двери, стояли открытые и яркие, а недавно установленные электронные жалюзи позволяли свету проникать сквозь застекленную крышу, когда требовалось, и спасали от слепящей жары в полдень. По крайней мере в три спальни осталось только завезти мебель. Их заново отштукатуренные стены источали пьянящий запах свежей краски, а натертый паркет в елочку был покрыт слоем строительной пыли, которая исчезнет только с уходом строителей. На кухне установили оборудование из нержавеющей стали, а также промышленные холодильники и морозильники, и все ванные комнаты, кроме одной, уже были оснащены сантехникой. Покончив с основной работой, Дейзи теперь продумывала детали. Это занятие у нее всегда получалось лучше всего. Она часами изучала единственный лоскут старинной ткани или просматривала справочную литературу, чтобы узнать, как развешивались картины или хранились книги, и была при этом счастлива. На следующей неделе, говорила она себе, они усядутся с миссис Бернارد и посмотрят все фотоальбомы. Эту роскошь она себе не позволяла до тех пор, пока «работа Даниеля», как она ее называла, не будет закончена.

— Ой, забыла. Они уберут оттуда угловую скамейку. Древесина прогнила насквозь. Но столяр уверяет, что

сможет сделать такую же. Я решила, что не стоит заказывать ее по каталогу. Жасминовые кусты придется разрешить, так как они душат сточную канавку. Я не возражаю. Я сама их посадила, когда Камилла была маленькая. Запах, знаете ли. Она любила все, что хорошо пахло.

Дейзи нахмурилась, глядя на пожилую женщину:

— Вам действительно все равно?

— Вы о чем?

— Обо всех этих переменах. Этот дом много лет был ваш, а теперь я разрушаю его, переделываю по-своему. От прежнего ничего не останется.

Миссис Бернард сразу помрачнела.

— А с чего бы мне возражать? — раздраженно спросила она, пожав плечами. — Какой смысл оглядываться назад? Незачем держаться за то, чего уже нет.

— Но это ваша история.

— Неужели вы предпочли бы, чтобы я ходила здесь темнее тучи и ныла целыми днями, указывая вам, что «в мое время все было не так»?

— Нет, конечно... Просто...

— Просто старики вечно сокрушаются о прошлом. Так вот, я не подкрашиваю волосы синькой, у меня нет проездного на автобус, и мне абсолютно все равно, как вы покрасите стены — в горошек или в полоску... Поэтому делайте что хотите. Я все время вам это говорю. И перестаньте искать у всех одобрение.

Дейзи поняла, что разговор окончен. Прикусив губу, она вернулась в дом, чтобы приготовить чай. На кухне уже хозяйничал Эйдан, прораб. За его спиной тихо мурлыкало радио.

— Она сказала вам о собрании? — Он выжал чайный пакетик пальцами. Его худое лицо было забрызгано бледной бирюзовой краской.

— О каком собрании?

— Хозяйка «Ривьеры» созывает собрание насчет вашего заведения. Хочет, чтобы совет остановил работы.

— Вы шутите?

— Какие тут шутки. — Он бросил пакетик в полиэтиленовый мешок, заменявший мусорное ведро, и прислонился к новой плите. — Вам стоило бы туда сходить сегодня вечером. Я бы и прежнего хозяина захватил с собой. Вы же знаете, какие в таких местах бывают женщины. Просто ужас.

— Одна такая запугала меня до жути, — вмешался в разговор Тревор, сантехник, зашедший в поисках печенья. — Лет под шестьдесят, с собакой на поводке — верно? Прихватила меня у газетного киоска, когда я покупал курево, и завела старую песню. Мол, я не знаю что делаю, открываю ящик Пандоры или еще там чего.

— Все дело в баре, — заявил Эйдан. — Не желают они иметь бар.

— Ну разве бывает отель без бара?

— Не спрашивайте меня, милая. Я просто передаю, чем они все недовольны.

— О черт! Что же нам теперь делать? — Надломленное самообладание Дейзи, едва собранное по кусочкам, вновь развалилось.

— Что значит — делать? — В дверях стояла миссис Бернارد, покачивая Элли. — Тут нечего делать. Нужно просто пойти туда, выслушать все, что она хочет сказать, затем встать и объяснить им, что все они отсталые дураки.

— Они прекрасно это воспримут, — усмехнулся Тревор.

— Тогда скажите им, чем на самом деле занимаетесь. Завоюйте их.

— Выступить на публике? — У Дейзи округлились глаза. — У меня не получится.

— Что ж, тогда вызовите сюда мистера Джонса. Пусть он выступит.

Дейзи вспомнила два разговора, состоявшиеся после его отъезда. Она сразу поняла, что он воскресил свое предыдущее мнение о ней: психованная, дерганая, не заслуживающая никакого доверия. И говорил он с ней как-то пренебрежительно, хотя и осторожно. Разговоры обрывал резко, бросая трубку. А когда Дейзи, все еще переживая по поводу своего срыва, спросила его, как ей казалось, примирительным тоном, когда он снова приедет, то в ответ услышала: «Зачем? Разве вы не считаете, что способны самостоятельно справиться?»

— Нет, — с жаром отрезала она. — Мне он здесь не нужен.

— А мне кажется, он сможет их уговорить, в отличие от вас.

— Мы никуда не пойдем. Пусть наш отель говорит за себя.

— О, вот это храбрость! Пусть Сильвия Роуан беспрепятственно обливает вас грязью на каждом углу.

Презрительный тон миссис Бернард вызвал у Дейзи глубокую досаду. Что-то слишком часто она прибегала к этому тону.

— Послушайте, я не выступаю на публичных собраниях.

— Ну и глупо.

— Что такое?

— Вы отказываетесь вступить за свою работу. Вы отказываетесь позвонить Джонсу, потому что свалили с ним дурака. Вы предпочитаете сидеть здесь и позволять другим вытирать о вас ноги. Это глупо.

Дейзи решила, что с нее довольно.

— А вы в своей жизни, наверное, ни разу не ошибались. Вышли замуж за приличного мужчину, завели семью,

со временем стали играть заметную роль в обществе. Ни разу не мучились сомнениями. Что ж, браво, миссис Берnard.

— Это лишний раз доказывает, что ничегошеньки вы не знаете. Я просто говорю, что в ваших обстоятельствах вам необходимо уметь постоять за себя.

— В моих обстоятельствах? У меня нет позорного клейма на лбу, миссис Берnard. За пределами благообразного Степфорда с его женами есть люди, которые самостоятельно растят детей, и никто не считает, что у них какие-то особые «обстоятельства», как вы выразились.

— Я хорошо сознаю...

— Это был не мой выбор, понятно? Я думала, что создаю семью. И никак не предполагала, что стану матерью-одиночкой. Или вы полагаете, что у меня было в планах поселиться на строительной площадке с малышкой, чей отец даже не знает, как она теперь выглядит? И жить среди горластых теток? Вы думаете, я именно этого хотела?

Тревор и Эйдан переглянулись.

— Зачем же впадать в истерику?

— Так перестаньте ко мне придираться.

— А вы не будьте такой обидчивой.

Наступила короткая пауза.

— И что вы имели в виду, сказав, что я сваяла с Джонсом дурака?

Миссис Берnard бросила взгляд на мужчин:

— Я не уверена, что мне следует это говорить.

— Что говорить?

— Не обращайтесь на нас внимания. — Эйдан снова прислонился к плите, держа в руке кружку с чаем.

Впервые миссис Берnard выглядела несколько смущенной.

— Что ж. Вы, наверное, думали, что поступаете правильно... Не стойте на месте...

— Вы это о чем?

— О вас и о нем. В то утро.

Дейзи, нахмурившись, ждала.

Мужчины замерли, прислушиваясь.

— Молодые люди в наше время другие... Все теперь другое...

— О боже! Так вы решили, что я с ним переспала? Ушам своим не верю!.. — Дейзи невесело рассмеялась.

Миссис Бернارد прошагала мимо нее и принялась показывать в окно малышке Элли что-то чрезвычайно интересное.

— К вашему сведению, миссис Бернارد, хотя это никоим образом вас не касается, мы с мистером Джонсом и пальцем не коснулись друг друга. Он остался в доме только потому, что вы забрали его ключи от машины. Другой причины не было.

— А он видный мужчина, — вмешался Тревор.

— Видный. Будь я девушкой, обязательно пошел бы с ним на свидание, — поддакнул ухмылявшийся Эйдан.

Миссис Бернارد развернулась и пошла к двери, ни на кого не глядя.

— Я никогда не говорила ничего подобного, — заявила она. — Я просто подумала, что вам не следовало напиваться в его присутствии, только и всего. Он ведь ваш начальник. Но я не буду больше высказывать свое мнение, если вам оно не интересно.

— Вот и хорошо. По правде говоря, я хочу одного: чтобы меня оставили в покое.

— Это очень легко. Вот, держите ребенка. А мне пора. Нужно еще пройтись по магазинам. — Она сунула ребенка в руки Дейзи и вышла из дома.

— Дейзи? Все в порядке?

— Нет. Да. Не знаю. Просто мне хотелось услышать родной голос.

— Что случилось, дорогая?

— Ничего особенного. Обычные трудности со строительством. — Она провела по трубке пальцем. — Пришло письмо от Даниеля.

— А вот это плохо. Я надеялась, он умер. Так что же он пишет?

— У него душевный разлад. Он несчастен.

— Бедняжка Даниель. Какое благородство. И что он теперь намерен делать?

Дейзи поняла, что звонить Джулии не стоило.

— Ничего. Он... Он пока разбирается в себе.

— А какая тебе отводится роль?

— Забудь об этом, Джу. Давай поговорим о другом. Элли прекрасно себя чувствует. Она хорошо усваивает прикорм и уже пытается самостоятельно сидеть. От морского воздуха у нее розовые щечки. Как только разберусь с делами и когда станет теплее, собираюсь отнести ее поплескаться.

— Господь ее благослови... Может быть, мне приехать и навестить вас обеих? Я так скучаю по крошке.

Дейзи терпеть не могла это слово.

— Пусть пройдет эта неделя. Я тебе позвоню.

— Тебе совсем не обязательно это делать, Дейзи. Ты можешь вернуться к нам. В любое время, когда захочешь. Дон сказал, что мне не следовало отпускать тебя туда одну.

— Со мной все в порядке.

— Обещай, что подумаешь. Если станет невмоготу. Не хочу, чтобы ты страдала от одиночества.

— Я подумаю, Джу.

— Кроме того, Дейзи, это все-таки Эссекс.

Общественный центр Олдермана Кеннета Эллиотта отменил вечер бинго, и те несколько пенсионеров, которые прибыли на игру, не обрадовались перспективе собрания. Некоторые остались стоять снаружи, безутешно обмениваясь громкими репликами, словно не зная, то ли оставаться, то ли возвращаться домой, тогда как другие заняли свои заплесневелые пластмассовые стулья, держа карточки наготове — так, на всякий случай. Ведущий бинго, бывший диджей, лелеявший надежду получить работу на круизных кораблях, стоял перед зданием, остервенело курил и думал о пятнадцати фунтах, которые теперь не лягут к нему в карман. Все это могло объяснить плохое настроение тех жителей Мерхема, которые, не побоявшись внезапных ливней, все-таки пришли.

Центр размещался в низком темном здании, воздвигнутом в конце семидесятых без каких-либо эстетических соображений как внутри, так и снаружи, — простой, плохо отапливаемой коробке, в которой дневной клуб для молодых мам, «Встречи по вторникам» и бинго вежливо сражались за дни посещения и место, чтобы расставить стулья и подавать апельсиновый напиток, дешевое сухое печенье и чай из капризного огромного самовара.

На стенах вестибюля висели ксерокопии формата А4, рекламирующие автобусную службу по вызову, анонимное общество по борьбе с наркотиками и новые игровые сеансы для детей с умственными или физическими недостатками. Тут же висело объявление размером поменьше, не замеченное бывшим диджеем, которое сообщало об отмене вечера бинго в этот четверг. Но всех затмевал новый плакат, в два раза больше, чем остальные, со словами «SOS — Спасите Наши Стандарты», выведенными по трафарету сиреневыми чернилами. Плакат убеждал жителей Мерхема остановить пагубную реконструкцию

объекта, по неизвестной причине названного «Дом актрисы», чтобы защитить молодежь и традиционный образ жизни Мерхема.

Дейзи посмотрела на все это, взглянула на публику, состоящую в основном из пожилых людей, которые, шаркая, рассаживались по местам, выжидаяще глядя на сцену, и подавила желание повернуться и направиться обратно в «Аркадию», где было относительно безопасно. Ее остановила лишь мысль, что оба, и Джонс и миссис Бернارد, правы: она действительно слабая, бесхребетная размазня. Непригодная для дела. Дейзи вынула из коляски Элли, одновременно освобождая ее от тысячи одежек, напаяленных миссис Бернارد, задвинула коляску в угол и незаметно устроилась в конце зала, в то время как местный мэр, маленький толстенький человечек, с явным удовольствием перебирая массивную цепь на груди — символ власти, без всяких преамбул представил Сильвию Роуан.

— Дамы и господа, я постараюсь быть краткой, так как знаю, что вам всем не терпится разойтись по домам. — Миссис Роуан, принаряженная, в красном пиджаке свободного покроя и юбке в складку, стояла перед залом, сложив руки под грудью. — Хочу поблагодарить вас за такую великолепную явку — свидетельство того, что дух общности еще жив в некоторых частях нашей любимой страны! — Она улыбнулась, словно ожидая аплодисментов, но, услышав лишь жиденький рокот одобрения, продолжила: — Как вам известно, я созвала это собрание потому, что мы долгие годы защищали Мерхем от пути, по которому пошли Клактон и Саутенд. Несмотря на значительное сопротивление, нам всегда удавалось ограничить возможности для свободной продажи алкоголя в этом городе. Возможно, некоторые считают нас отсталыми, но мне больше нравится думать, что мы в Мерхеме

сохранили определенное чувство семьи, некий стандарт нашего маленького городка, не позволив появиться на его улицах бесчисленным пабам и ночным клубам. — Она улыbnулась, услышав сдержанное «верно, верно» с задних рядов. Дейзи тихонько покачивала Элли. — Мерхем, как мне кажется, один из самых приятных приморских городков Англии. И для тех, кто желает выпить, есть ресторан мистера и миссис Дельфино, присутствующих здесь, индийский ресторан и наше заведение в отеле «Ривьера». Этого всегда было более чем достаточно для жителей нашего города. Нам удавалось сдерживать наплыв... как бы точнее выразиться... нежелательных элементов, которых традиционно привлекают приморские города. Но теперь... — Она оглядела зал. — Над нами нависла угроза.

Зал молчал. Тишину лишь временами нарушало шарканье ног или звонок мобильного телефона.

— Несомненно, мы все рады видеть обновление одного из наших красивейших зданий, — продолжала Сильвия Роуан. — К тому же представитель местного строительного комитета заверил меня, что все изменения не противоречат истории дома. Те из нас, кому эта история известна, наверное, удивятся: что бы это значило? — Она нервно хихикнула, и ее смехок подхватили несколько стариков из зала. — Но, как вам известно, дом восстанавливают не для частного использования. «Дом актрисы», как называют его старожилы, должен превратиться в отель для лондонцев. Всем заправляет, ни больше ни меньше, как владелец ночного клуба в Сохо, которому понадобилось место для таких же типов, как он, что будут приезжать сюда из города на отдых. Так спросим же себя: действительно ли нам нужны выходцы из Сохо, которые превратят Мерхем в частную площадку для своих игр? Мало того, новый владелец добивается разрешения на... — Она

сверилась с листком, который держала в руке, — на устройство взлетно-посадочной полосы. Можете представить, какой будет стоять шум, если в любое время дня и ночи здесь будут приземляться вертолеты. И речь идет не об одном, а о двух барах, работающих глубоко за полночь. Так что городок наводнят всевозможные типы, которые будут бродить здесь в пьяном виде, привезут с собой наркотики и бог знает что еще. Итак, дамы и господа, лично я этого не потерплю. Думаю, нам следует повлиять на нашего местного члена парламента, а также нашего чиновника по строительству и заставить их отозвать разрешение на открытие отеля. Мерхеми этот отель не нужен! Город против! — Она закончила на высокой ноте, размахивая мятым листком над головой.

Дейзи увидела одобрителные кивки, и сердце ее упало.

Вперед вышел мэр, поблагодарил раскрасневшуюся миссис Роуан за ее «эмоциональную речь» и спросил у присутствующих, не хочет ли кто-нибудь еще высказаться. Дейзи подняла руку и мгновенно оказалась под прицелом двух сотен пытливых глаз.

— Э-э-э... Меня зовут Дейзи Парсонс. Я дизайнер, который...

— Громче! — раздался возглас с передних рядов. — Мы вас не слышим.

Дейзи вышла в проход между рядами и набрала в легкие побольше воздуха. Он оказался дымным, со смесью нескольких дешевых ароматов.

— Я дизайнер, отвечающий за реставрацию виллы «Аркадия». Я внимательно выслушала все, что сказала миссис Роуан. — Она смотрела поверх голов и не вглядывалась в лица, боясь, что иначе просто замолчит. — Я понимаю ваши чувства насчет дома, и это достойно восхищения. Дом прекрасен. Если кто-нибудь хочет прийти...

— Громче! Мы по-прежнему вас не слышим!

Дейзи продолжила:

— Если кто-нибудь хочет прийти и посмотреть, что мы делаем, то встретит радушный прием. Я бы очень хотела выслушать любого, кто знаком с историей дома или с его предыдущими обитателями, поскольку мы хотим вернуть элементы прошлого в новый декор. Хотя об этом не говорится в проекте, на самом деле мы очень стараемся сохранить прежний дух и характер здания.

Элли, прижатая к боку, зашевелилась, ее яркие круглые глазки сияли, как стеклянные пуговицы.

— Миссис Роуан права, мы действительно подали заявку на строительство вертолетной площадки. Но она не испортит городскую панораму, будет действовать только ограниченный период времени в течение дня, и, если честно, я думаю, что у нас вообще не дойдут до нее руки. Уверена, большинство гостей воспользуются машиной или поездом. — Она оглядела бесстрастные лица. — Мы на самом деле запросили лицензию на два бара: один снаружи и один внутри. Но в «Аркадию» будут приезжать не какие-нибудь молокососы, которые накачиваются дешевым сидром и устраивают драки на пляже. Это все состоятельные, цивилизованные люди, которым нужна порция джина с тоником и бутылка вина к обеду. Скорее всего, вы даже не заметите их присутствия.

— Из этого дома доносится шум, — перебила Сильвия Роуан. — Устройте бар снаружи — начнет грохотать музыка, а если с той стороны задует ветер, то ее придется слушать всему городу.

— Я не сомневаюсь, что мы найдем выход из положения, если вы поделитесь своими опасениями с хозяином.

— Вы не понимаете одного, мисс Парсонс. Мы все это видели раньше. В доме устраивались вечеринки, все-

возможное веселье, и нам еще тогда это не нравилось. — По залу прокатился шепот одобрения. — Не говоря уже о том, как это скажется на наших ресторанах.

— В них появится больше клиентов. Как и во всем городе.

Элли ни с того ни с сего расхныкалась. Дейзи переложила ее на другую руку и, несмотря на раздражающий плач ребенка, попыталась сосредоточиться на полемике.

— Зато прежние клиенты уйдут.

— Мне кажется, они из разных кругов. — Стоя посреди зала, Дейзи впервые в жизни чувствовала себя такой одинокой.

— Вот как? И к какому же кругу, по-вашему, принадлежит наша клиентура?

— Ради всего святого, Сильвия, тебе прекрасно известно, что те люди, которые приходят на воскресный чай в твой драгоценный отель, вряд ли будут играть на барабанах и трубах, или как там это называется, в каком-нибудь современном баре.

Дейзи взглянула налево и увидела миссис Бернард, которая поднялась из рядов. Муж сидел по одну сторону от нее, а Камилла с Хэлом — по другую. Пожилая женщина развернулась, вглядываясь в лица вокруг себя.

— Этот городок умирает, — произнесла она, медленно и четко выговаривая каждое слово. — Он на последнем издыхании. И это всем нам известно. Школу грозятся закрыть, половина магазинов на главной улице заколочена или отдана под благотворительность, а наш рынок уменьшается с каждой неделей, потому что не хватает покупателей, чтобы удержать продавцов на плаву. Исчезают даже заведения, предоставляющие ночлег с завтраком. Нам нужно перестать оглядываться назад, перестать противиться любым изменениям и впустить немного свеже-

го воздуха. — Она взглянула на Дейзи, которая сунула мизинец в рот Элли и раскачивалась, приподнимаясь на цыпочки. — Нам не хочется принимать новшества в нашу среду, но, если мы хотим, чтобы наш бизнес выжил и молодежь смогла бы строить свое будущее здесь, придется привлечь новых людей. Лучше богатые клиенты из Лондона, чем вообще никаких клиентов.

— Ничего бы этого не случилось, если бы сохранилась Ассоциация владельцев гостиниц, — высказалась пожилая дама из первого ряда.

— А что произошло с этой ассоциацией? Она перестала существовать, потому что для нее не нашлось достаточно гостиниц. — Миссис Бернад повернулась и презрительно взглянула на Сильвию Роуан. — Сколько из вас могут похвастать увеличением прибыли за последние пять лет? Ну же, смелее!

Все дружно покачали головами, неразборчиво бормоча.

— Вот именно. А все потому, что мы превратились в отсталых и негостеприимных людей. Спросите у хозяев больших домов. Мы теперь даже не способны привлечь на отдых семьи, наш хлеб насущный. Нам бы радоваться изменениям, а не отвергать их. Ступайте по домам и подумайте хорошенько, прежде чем начнете выбивать почву из-под ног наших начинаний.

Раздались робкие аплодисменты.

— Ну да, конечно, что же вам еще говорить?

Миссис Бернад повернулась лицом к Сильвии Роуан, которая вперила в нее суровый взгляд.

— Новый хозяин, вероятно, щедро заплатил вам за дом. И по всей видимости, продолжает платить. Поэтому вряд ли вас можно считать беспристрастной.

— Если ты до сих пор не усвоила, Сильвия Холден, что я всегда твердо знаю, чего хочу, тогда ты стала еще глупее, чем была девчонкой. Вот и весь сказ.

В конце зала раздалась смешки.

— Да, что ж, зато мы все знаем, какой девушкой...

— Дамы, дамы, довольно! — Мэр, видимо испугавшись, как бы пожилые дамы не устроили кулачный бой, втиснулся между двумя женщинами. Дейзи поразилась, с какой неприкрытой враждебностью они смотрели друг на друга. — Благодарю вас, благодарю. Вы обе дали нам пищу для размышлений. Пожалуй, теперь нам следует проголосовать...

— Ты же не думаешь, что все забыто? Сейчас уже никто об этом не говорит, но мы все равно помним.

— Миссис Роуан, прошу вас, посчитаем голоса и посмотрим, как обстоят дела, прежде чем двигаться дальше. Поднимите руки те, кто против... или не совсем за перестройку «Аркадии».

— Перестань жить прошлым, глупая женщина, — громким шепотом сказала миссис Бернард и села рядом с мужем. Тот сказал ей что-то на ухо и похлопал по руке.

Дейзи, затаив дыхание, оглядела зал. Руку подняли почти три четверти голосовавших, как ей показалось.

— Кто «за»?

Она подошла к коляске и усадила туда протестующую дочь. Она сделала то, что обещала. Час был поздний, Элли пора спать, а ей хотелось оказаться в том месте, которое она начала считать своим домом. За отсутствием иного выбора.

— Ну что, предаешься тоске? — В дверях гостиной возникла миссис Бернард, держа под мышкой стопку папок.

Дейзи лежала на диване с письмом Даниеля в руке, слушала радио и действительно предавалась тоске, как выразилась миссис Бернард. При появлении пожилой женщины она рывком села и подвинулась к краю, освобождая для нее место.

— Совсем немножко, — призналась она, слегка улыбувшись. — Я даже не представляла, сколько у этого дома противников.

— Сильвия Роуан.

— Но и другие против. Все это здорово действует на нервы... — Она тяжело вздохнула.

— И теперь ты думаешь, стоит ли игра свеч.

— Да.

— Не обращай внимания на эту публику, — усмехнулась миссис Бернард. — Не забывай, на собрание явились только местные кумушки. И те, кто рассчитывал сыграть в бинго. А те, кому все равно, сидели дома. К тому же отобрать уже выданное разрешение не так-то просто, что бы ни думала та дуреха. — Миссис Бернард взглянула на Дейзи не то вопросительно, не то с тревогой и принялась задумчиво разглядывать свои руки. — Моему конфликту с той семейкой скоро сорок лет. Удивительно, как долго живет неприязнь в маленьком городке. Разумеется, все они общаются с Камиллой, но она знает, что меня эти люди не интересуют, поэтому ничего мне не рассказывает. Как бы там ни было... — Она вздохнула. — Я пришла сказать, чтобы ты даже не думала бросать начатое. Только не сейчас.

Они помолчали. Элли наверху тихо застонала во сне, и на детском мониторе появилась рябь из цветных огоньков.

— Наверное, вы правы. Спасибо... А еще спасибо за то, что пришли на собрание и выступили. Это было... здорово.

— Вовсе нет. Просто я не хотела позволить той несчастной думать, что все будет, как она захочет.

— Тем не менее у нее сильная поддержка. Жителям действительно не нравится перспектива появления чужих людей. Разве я не права?

Пожилая женщина хмыкнула. Лицо ее смягчилось.

— Никогда ничего не меняется, — сказала она спокойно. — Все как было, так и есть. — Она вынула из стопки одну папку. — Вот что. Ступай-ка и принеси мне бокал вина, а я покажу тебе, каким этот дом был раньше. Тогда ты поймешь, что я имею в виду.

— Фотографии!

— Приличного вина. Французского. Если это будет «Блю Нан» или то, о котором вы говорили с мистером Джонсом в ту ночь, можешь не беспокоиться.

Дейзи поднялась, чтобы принести бокал. На пороге она замерла и обернулась:

— Надеюсь, я не покажусь вам излишне любопытной, но мне хотелось бы спросить... Как получилось, что вы стали хозяйкой такого дома? Ведь не благодаря вашему мужу. Немного найдется женщин, которые используют архитектурный шедевр как личное убежище.

— Тебе не нужно влезать во все это.

— Нет, нужно. Иначе я бы не спрашивала.

Миссис Бернард провела пальцем по краю папки:

— Я получила его по завещанию.

— Вы получили его по завещанию?

— Да.

— Вот так просто.

Последовала затянувшаяся пауза.

— И больше ничего вы мне не расскажете?

— Что еще тебе нужно знать?

— Мне не нужно ничего знать... Но стоит ли скрывать? Ну же, миссис Бернард. Оттайте немного. Обо

мне вам известно гораздо больше, чем я знаю о вас. Что за государственные тайны? Я никому ничего не скажу. Да мне и некому говорить.

— Я же принесла фотографии.

— Но там не вы. Там дом.

— Возможно, это одно и то же.

— Сдаюсь. — Дейзи исчезла в кухне, затем вернулась и примирительно пожала плечами. — Я понимаю, когда проигрываю. Раз так, давайте обсудим образцы тканей.

Пожилая женщина откинулась на спинку дивана и смерила ее долгим, немигающим взглядом. Дейзи подумала, что в этот вечер что-то в ней переменялось. Она всем своим видом как будто говорила: «Ладно, раз мы зашли так далеко...»

Дейзи молча ждала, а миссис Бернارد снова занялась папками и через какое-то время открыла одну, держа ее на коленях.

— Хорошо, — кивнула она. — Если это тебя так волнует, я расскажу, как получила дом, но только ты должна обещать, что не станешь болтать об этом всем и каждому. Для начала выпью. И хватит тебе заниматься ерундой, называя меня миссис Бернارد. Если уж я собираюсь выложить тебе все мои «государственные тайны», можешь обращаться ко мне по имени. Лотти.

Дорогой Джо!
 Спасибо за письмо и фотографию, где ты со своей новой машиной. Выглядит она, конечно, шикарно, очень приятный оттенок красного. Сразу видно, что ты ею гордишься. Я поставила фото на маленький столик, рядом с фотографией матери. Их у меня немного, так что спасибо за подарок.

О своей жизни здесь сообщить мне почти нечего. Я теперь не занимаюсь домашней работой, а читаю книжку, одолженную Аделиной. Больше всего мне нравятся книги по истории искусств. Она говорит, что сделает из меня библиофила. А еще она заставляет меня заниматься живописью, чтобы я удивила Френсис, когда та придет. У меня не очень хорошо получается: акварели почему-то расплываются, а когда я пишу углем, то его остается больше на пальцах, чем на листе бумаги. Но мне нравится. В школе мы не так рисовали. Аделина все время твердит, чтобы я научилась «выражать себя». Когда приезжает Джулиан, он говорит, что я «делаю успехи» и что в один прекрасный день он поместит мою работу в рамку и продаст для меня. По-моему, он так шутит.

Впрочем, шутки здесь звучат не так часто. В деревне тебя считают ветреной, если ты осмелишься приколоть к платью брошь в будний день. Есть, правда, одна женщина — она держит хлебную лавку (хлеб здесь пекут палками, длинными, что твоя нога!) — очень приятная, любящая с нами поболтать. Зато мадам Миго, своего рода доктор, всегда с нами очень сурова. Впрочем, она со всеми держится сурово. Но со мной и Аделиной особенно.

Не помню, рассказывала ли я, где находится наша деревня. На середине склона горы Фарон, но на горы со снежными вершинами, как в книжках, она совершенно не похожа. На этой горе очень жарко и сухо. Здесь расположен военный форт, а когда Джордж в первый раз отвез нас с Аделиной по узкой тропе на вершину, меня чуть не стошнило от страха. Стоя на вершине, я должна была держаться за дерево. Ты знал, что здесь растут сосны? Не такие, как дома, но все равно мне было приятно на них смотреть. Аделина передает привет. Она сейчас собирает травы в саду. Здесь они очень пахучие от жары, не то что в старом саду миссис Х.

Надеюсь, ты здоров, Джо. И спасибо, что пишешь мне письма. Иногда мне, по правде говоря, бывает одиноко, и тогда твои весточки служат утешением.

Твоя...

Лотти лежала на боку на прохладных плитах, подперев бедра одной подушкой, а вторую сунув под голову, в ожидании того момента, когда кости зануют от несгибаемой твердости пола. Суставы теперь долго не выдерживали: даже на мягкой перине начинали болеть через несколько минут неподвижного лежания, требуя, чтобы она сменила позу. Она отдыхала, чувствуя, как в левом бедре появляются первые признаки онемелости, и закрыла глаза в раздражении. Ей не хотелось шевелиться: пол был самым

прохладным местом — фактически единственным прохладным местом в доме испепеляющей жары, колючих обивок и огромных жужжащих тварей, которые врезались в мебель и злобно бились об оконные стекла.

Она видела, как Аделина в огромной соломенной шляпе медленно бродит по желтеющему заросшему саду, срывает травки и нюхает их, прежде чем положить в маленькую корзинку. Когда она повернула к дому, ребенок сильно толкнулся, и Лотти, сердито буркнув, запахнула полы шелкового кимоно, чтобы не смотреть на свой разбухший живот.

— Хочешь попить, Лотти, дорогая? — Аделина переступила через нее, направившись к раковине. Она давно привыкла, что Лотти лежит на полу.

Она также привыкла к ее мрачному расположению духа.

— Нет, спасибо.

— Вот досада, у нас нет гранатового сиропа. Надеюсь, та злосчастная женщина из деревни скоро придет, а то припасы почти закончились. И постельное белье пора постирать — на этой неделе возвращается Джулиан.

Лотти рывком села, подавив желание извиниться. Сколько бы Аделина ни ругала за это, она все равно чувствовала вину за то, что в последние недели беременности стала толстой, неповоротливой и бесполезной. Первые несколько месяцев после приезда Лотти удавалось выполнять всю работу по дому и готовить («У нас была прислуга из деревни, но она оказалась совершенно негодной»), постепенно наводя порядок в обветшалом французском домишке. Она превратилась в некий гибрид миссис Холден и Вирджинии, взяв на себя роль экономки в качестве платы за гостеприимство Аделины. Аделина, конечно, никакой платы не требовала, но Лотти так было

спокойнее. Если ты платишь за свое содержание, людям труднее попросить тебя уехать.

Аделина тем временем посчитала своим долгом убедить Лотти (вопреки, как казалось Лотти, очевидным фактам), что ее отъезд из Мерхема был только на пользу. Аделина превратилась в своего рода наставника, поощряя ее быть «храброй» в попытках заняться живописью. Поначалу стесняясь и не желая браться за это, Лотти в скором времени с удивлением обнаружила, что для того, кто вроде бы нигде больше не существовал, она создает на бумаге вполне понятные образы. Похвалы Аделины вселили в нее редкое чувство уверенности, что она чего-то может добиться (единственным, кто когда-то ее за что-то хвалил, был доктор Холден), чувство, что в ее жизни может быть цель. Постепенно, не сразу, она была вынуждена признать зарождающийся интерес к этим новым мирам. Они хотя бы предлагали возможность убежать от ее нынешнего мира. Но теперь она расплылась. Стала ничемной. Если она слишком долго оставалась в вертикальном положении, у нее начиналось головокружение и отекали лодыжки. Если она слишком много двигалась, у нее выступала испарина, а те части тела, которые теперь терлись друг о друга, краснели и болели. Ребенок беспокойно шевелился, вытворяя в ее животе неизвестно что, толкаясь во все стороны, не давая спать ночью и лишая сил днем. Поэтому она сидела или лежала на полу, погруженная в невеселые мысли, и ждала, когда прекратится жара или успокоится ребенок.

Аделина, к счастью, ничего не говорила о ее депрессии и дурном настроении. Миссис Холден на месте Аделины обязательно бы рассердилась, заявив, что Лотти заражает всех своей тоской зеленой. Но Аделина не обращала внимания, если Лотти не желала разговаривать или

реагировать. Она просто продолжала напевать, обходя Лотти, интересуясь без всякого раздражения, не хочет ли та пить, не подать ли ей еще одну подушку, или просила написать очередное письмо Френсис. Аделина отправляла Френсис много писем.

Но, видимо, ответов не получала.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как Лотти уехала из Англии, и семь — как покинула Мерхем. Но, если судить по расстоянию, могли пройти и все десять лет.

Еще не оправившись от шока, Лотти по наивности поехала к матери, которая, с гладко залакированной головой и ярко накрашенным ртом, велела дочери и не мечтать о возвращении домой. Ей даже не верится, говорила она, размахивая сигаретой, что Лотти не извлекла урока из ее собственного примера. Лотти профукала все шансы, что дал ей Господь, а их было немало, не то что у матери, и уехала от Холденов, оставив о себе самое плохое мнение.

Кроме того (тут ее мать почему-то перешла на жеманный, почти примирительный тон), теперь, когда она обхаживает приличного вдовца, ее жизнь начала налаживаться. Человек высоких моральных устоев, он не поймет. Он не то что другие, сказала она, бросив на Лотти взгляд, в котором промелькнуло что-то похожее на вину. Он из приличных. Еще не допив свою чашку чая, Лотти уже поняла, что ее не только не приглашают остаться, но и, как в Мерхеме, о ней больше знать не хотят.

Мать вообще не рассказывала этому мужчине, что у нее есть дочь. Когда Лотти еще жила в этом доме, там было несколько ее фотографий, теперь же не осталось ни одной. Над камином, где когда-то стояла фотография с ней и тетей Джинной, покойной маминой сестрой, теперь красовалась другая фотография в рамке: пожилая пара

стоит под руку перед сельским пабом, оба при этом шуряются, а мужчина отсвечивает лысиной.

— Я ни о чем не прошу. Просто хотелось повидать тебя.

Лотти собрала вещички, не в силах даже почувствовать обиду: по сравнению с тем, что она пережила, отказ этой женщины казался пустяком.

Мать, состроив страдальческую мину, как будто сдерживая слезы, прошлась по лицу пуховкой, потом протянула руку и вцепилась в Лотти:

— Дай мне знать, где ты будешь. Обязательно напиши.

— И как подписаться? Лотти? — Лотти повернулась к двери. — Или ты предпочтешь «твоя верная подруга»?

Мать, поджав губы, сунула ей в ладонь десять шиллингов. Лотти посмотрела на них и чуть не расхохоталась.

Несмотря на все усилия Аделины, Франция решительно не понравилась Лотти. Еда, кроме хлеба, так себе. Жирное рагу, отдававшее чесноком, и мясные блюда с тяжелыми соусами заставляли ее с тоской вспоминать успокаивающую лаконичность жареной рыбы с картошкой и бутербродов с огурцом, а когда она впервые нюхнула на рынке крепко пахнувший французский сыр, то ее вывернуло на обочине дороги. Ей не нравилась жара, еще более изнуряющая, чем в Мерхеме, да еще без благотворного влияния моря и бриза, ей не нравились комары, бессовестно атаковавшие, словно завывающие бомбардировщики, по ночам. Ей не нравился пейзаж, засохший и недружелюбный: потрескавшаяся почва и угрюмо свернувшаяся зелень под палящим солнцем. Не нравились сверчки, неугомонно трещащие повсюду. И она ненавидела французов: мужчин, которые пристально и задум-

чиво разглядывали ее, и женщин, которые делали то же самое, когда она начала полнеть, только на этот раз с осуждением и даже иногда с явным отвращением.

Мадам Миго, местная повитуха, дважды приходила осматривать ее по просьбе Аделины. Лотти ее ненавидела: повитуха грубо ощупывала ей живот, словно месила тесто, затем замеряла давление и гаркала рекомендации Аделине. Но та почему-то сохраняла невозмутимость. Беременной мадам Миго никогда ничего не говорила, даже не смотрела ей в глаза.

— Она католичка, — каждый раз бормотала Аделина после ухода старухи. — Другого от нее нельзя ожидать. Тебе, как никому, известно, каковы нравы в маленьких городках.

Это была правда. Но, несмотря ни на что, Лотти скучала по своему маленькому городку. Ей не хватало запаха Мерхема, этакой смеси морской соли с гудроном, шума сосен на ветру, открытых причесанных лужаек городского парка и осыпающихся волнорезов, которые, казалось, уходили в бесконечность. Ей нравилась миниатюрность городка: каждый знал его пределы, которые вряд ли когда-нибудь будут расширены. Ее, в отличие от Селии, никогда не обуревала страсть к путешествиям, не мучило желание достичь новых горизонтов. Она просто была благодарна за пребывание в приятном чистеньком городке, очевидно предчувствуя, что оно продлится недолго.

Больше всего она скучала по Гаю. Днем ей еще как-то удавалось гнать прочь мысли о нем, воздвигать воображаемый барьер, задергивать занавеску перед его лицом. А по ночам он, не обращая внимания на ее мольбы о покое, появлялся в ее снах: его кривоватая улыбка, худые загорелые руки, нежность притягивали и дразнили ее одновременно. Иногда она просыпалась, выкрикивая его имя.

Ей было невдомек, как получается, что, находясь вдали от моря, она все время тонет.

Весна превратилась в лето, гости, сменяя друг друга, сидели на террасе в соломенных шляпах, пили красное вино и спали в жаркие полуденные часы. Часто друг с другом. Приезжал Джулиан. Вежливость не позволила ему прокомментировать ее расплывшуюся талию или поинтересоваться, как такое случилось. Он был беспощадно очарователен, опасно расточителен. Судя по всему, он снова делал деньги. Аделина получила от него в подарок мерхемский дом и страшно дорогой бюст женщины, который напомнил Лотти опустевший муравейник. Дважды приезжал Стивен. Еще какой-то поэт по имени Си, который с сильным акцентом выпускника частной школы не уставал повторять, что у него «заскок», что он «зависнет» здесь, только пока не найдет себе «нору», и что Аделина «просто супер», раз «подкинула» ему комнатенку. Джордж над ним подтрунивал.

Джордж бывал наездами. Только тогда Аделина оживлялась, с жаром что-то с ним обсуждала, переходя на шепот, пока Лотти делала вид, будто ее там нет. Но она знала, что они говорили о Френсис.

Однажды, когда, напившись, он взглянул на живот Лотти и отпустил какую-то шутку насчет пестиков и тычинок, Аделина ударила его.

— А знаешь, я, вообще-то, восхищаюсь тобой, малышка Лотти, — сказал он, когда Аделина не могла их слышать. — Ты, наверное, самое опасное, что когда-либо случилось в Мерхеме. — (Лотти мрачно взглянула на него из-под полей огромной шляпы.) — Я всегда считал, что из вас двоих твоя сестренка скорее попадет в беду.

— Она мне не сестра.

Но Джордж как будто не слышал. Он развалился на траве, покусывая кусочек заплесневелой острой саями, которую частенько покупал на рынке. Вокруг них продолжали стрекотать сверчки, но и те временами замолкали от жары.

— Ты ведь серьезная. Как-то все это несправедливо. Что, любопытство одолело? Или он пообещал быть твоим навеки? Стать светом очей твоих? Фу, Лотти, мадам Холден наверняка ни разу не слышала, чтобы ты произносила такие слова... Очень зрелое выражение, я бы сказал... Ладно, ладно... Так ты будешь есть этот инжир? Иначе я съем.

То ли из-за депрессии, то ли из-за разрыва с прежней жизнью Лотти трудно было радоваться ребенку, испытывать нежность, ожидая его появления. Ей вообще было трудно думать о нем. Иногда по ночам она терзалась чувством вины, что приводит его в мир без отца. На него всегда будут с отвращением смотреть все эти мадам Миго, а остальные — с подозрением. Иной раз ее обжигало негодование: теперь она никогда не избавится от присутствия Гая, а значит, от боли. Она не знала, что ее больше пугало: перспектива невзлюбить дитя из-за него или, наоборот, полюбить по той же причине.

О том, как дальше жить, она практически не думала. Аделина посоветовала не беспокоиться.

— Такие вещи утрясаются сами собой, дорогая, — говорила она, похлопывая ее по руке. — Только держись подальше от монахинь.

Лотти, огромная, утомленная, надеялась, что Аделина права. Она не плакала, не бушевала. Узнав о своих затруднительных обстоятельствах, она уже через несколько недель перестала волноваться. Все равно ничего не изменится. Легче приглушить эмоции, загнать их внутрь, чем пе-

реживать снова и снова. По мере увеличения срока она становилась все более спокойной, отстраненной, могла часами сидеть в саду, наблюдая за кружащими над ней стрекозами и осаами, или, когда становилось слишком жарко, лежать в доме на холодных плитах, словно тюлень в кимоно, греющийся на камнях. Возможно, она умрет при родах, думала Лотти. И, как ни странно, эта мысль ее утешала.

Видимо, понимая, что депрессия Лотти растет обратно пропорционально дням, оставшимся до родов, Аделина начала силой вывозить ее на «экскурсии», как она их называла, хотя эти прогулки редко ограничивались чем-то большим, чем покупка красного вина или анисового ликера, а иногда яблочного пирожного или сладкого торта «Тропезьен» с заварным кремом. Остерегаясь липкой, с бензиновыми испарениями городской жары близлежащего Тулона, Аделина заставляла Джорджа везти их дальше вдоль побережья, до Санари. Лотти соскучилась по морю, вслух аргументировала Аделина. Приморский городок, обсаженный пальмами, с тенистыми мощеными улочками и очаровательными домиками с неяркими ставнями будет приятной сменой обстановки. Санари знаменит своими художниками и мастерами, рассказывала Аделина, устраивая Лотти за столиком уличного кафе, поближе к приятно журчащему каменному фонтану. Здесь жил Олдос Хаксли, когда работал над своим «Дивным новым миром»¹. Все южное побережье вдохновляло художника в течение многих лет. Однажды они с Френ-

¹ «О дивный новый мир» («Прекрасный новый мир») — антиутопический сатирический роман английского писателя Олдоса Хаксли (1932). В заглавие вынесена строчка из трагикомедии Уильяма Шекспира «Буря».

сис проехали от Сан-Тропе до Марселя, и к концу путешествия в багажнике их машины собралось столько холстов, что пришлось багаж переключивать в салон и ехать с ним на коленях.

Джордж, сославшись на встречу внутри, у барной стойки, прошептал что-то Аделине и ушел.

Лотти, не обращая внимания на женщину в черной юбке, поставившую перед ними корзинку с хлебом, ничего не сказала. Отчасти потому, что уснула в машине и теперь, еще окончательно не проснувшись, туго соображала. Отчасти потому, что беременность заставляла ее заниматься только собой. Постепенно ее личность уменьшилась до нескольких простых симптомов: распухшие лодыжки, ноющая боль, растянутый живот, гудящие ноги, отчаяние. Она с трудом покидала свою оболочку, замечая хоть что-то вокруг. В данном случае Аделину, которая наконец оставила ее в покое, чтобы прочесть письмо, но вот уже несколько минут сидела окаменев.

Лотти сделала глоток воды и взгляделась в лицо Аделины:

— Все в порядке?

Аделина не ответила.

Лотти с трудом выпрямилась, сидя на стуле, и оглядела людей за соседними столиками. Многие сидели так часами, ничего не делая. Она старалась не оставаться на солнце, иначе от перегрева к горлу подступала тошнота.

— Аделина!

Она, держа в руке наполовину сложенное письмо, посмотрела на Лотти, словно только сейчас осознала, что та рядом. Лицо у нее, как обычно, ничего не выражало, глаза скрывались за темными очками. Иссиня-черные пряди упали на мокрые щеки.

— Она попросила меня больше не писать ей.

— Кто?

— Френсис.

— Почему?

Аделина бросила взгляд в конец мощеного двора. Две собаки грызлись из-за находки в канаве.

— Она говорит... Она говорит, что я не могу сообщить ничего нового.

— Это чересчур сурово, — проворчала Лотти, поправляя шляпу от солнца. — Трудно найти что-то новое для каждого письма. Здесь ничего не происходит.

— Френсис не сурова. Мне кажется, она не имела в виду... О, Лотти...

Они никогда не обсуждали ничего личного. Когда Лотти приехала, то начала в слезах извиняться, объяснять что-то насчет ребенка, но Аделина лишь отмахнулась бледной рукой, заверив, что ей всегда рады. Она никогда не расспрашивала Лотти, видимо полагая, что та сама расскажет, если захочет, но и о себе почти ничего не говорила. Аделина щебетала, как птичка, заботилась, чтобы у подружки было все необходимое. Единственное, что вносило дисгармонию в их жизнь, — упоминание о Френсис.

— Что же мне делать? — Аделина казалась такой печальной, смирившейся с горем. Никто другой для нее не существовал. — Ей нельзя оставаться одной. Френсис никогда не умела жить одна. Она становится чересчур... меланхоличной. Я нужна ей. Что бы она там ни говорила, я нужна ей.

Лотти откинулась на спинку плетеного стула, понимая, что через несколько минут он отпечатается на ее теле. Закрывшись ладошкой от солнца, она внимательно вглядывалась в лицо Аделины, гадая, правильно ли та все поняла.

— Почему она с вами так сурова?

Аделина взглянула на нее, потом посмотрела на свои руки, все еще сжимавшие неприятное письмо. Затем снова подняла взгляд:

— Потому... что я не люблю ее так, как ей бы хотелось. — (Лотти нахмурилась.) — Она считает, что мне не следует быть с Джулианом.

— Но он ваш муж. Вы любите его.

— Да, люблю... Но как друга.

— Друга? — после недолгого молчания переспросила Лотти, вспоминая тот послеполуденный час, который провела с Гаем. — Всего лишь друга? — Она уставилась на Аделину. — Но... как же он это терпит?

Аделина потянулась за сигаретой, закурила. Она делала это только во Франции. Затянувшись, Аделина отвела взгляд:

— Джулиан тоже любит меня как друга. Он не испытывает ко мне страсти, Лотти, физической страсти. Но мы с Джулианом подходим друг другу. Ему нужна основа, определенная... творческая среда, респектабельность, а мне нужна стабильность, люди вокруг, способные... ну, не знаю... развлекать меня. Мы понимаем друг друга.

— Но... Никак не возьму в толк... Зачем вы вышли за Джулиана, если не любили его?

Аделина тщательно сложила письмо, наполнила свой бокал.

— Мы долго ходили с тобой вокруг да около. Теперь я расскажу тебе одну историю, Лотти. Про девушку, безнадежно полюбившую мужчину, который был для нее недостижим. Они познакомились во время войны, когда она жила другой жизнью. Таких красивых людей она прежде не видела: зеленые кошачьи глаза и печальное, очень печальное лицо из-за всего, что ему довелось пережить. И они обожали друг друга, даже поклялись, что если один

умрет, то и второй не станет жить, чтобы они могли соединиться где-то там. Это была неукротимая страсть, Лотти, ужасная вещь. — (Лотти сидела, на время позабыв о ноющих суставах и крапивнице.) — Но, видишь ли, Лотти, этот человек не был англичанином. Из-за того, что шла война, он не мог остаться. Его отослали в Россию, откуда пришло два письма — и все, больше никаких вестей. Знаешь, дорогая Лотти, это сводило ее с ума. Она, как безумная, рвала на себе волосы, кричала, глядя на отражение в зеркале, часами бродила по улицам, даже когда вокруг падали бомбы. В конце концов, спустя долгое время, она решила, что должна жить, а для этого нужно научиться чуть меньше чувствовать, чуть меньше страдать. Она не могла умереть, как бы ей этого ни хотелось, потому что где-то там он мог оказаться живым. И она знала, что, если судьбе будет угодно, она и ее мужчина снова найдут друг друга.

— И они нашли?

Аделина отвела взгляд и выдохнула. Дым в неподвижном воздухе вышел ровной длинной струей.

— Пока нет, Лотти. Пока нет... Хотя я не думаю, что это случится в этой жизни.

Какое-то время они помолчали, слушая ленивое гудение пчел, разговоры за другими столиками, далекий звон церковного колокола. Аделина налила Лотти бокал разбавленного водой вина, и Лотти потягивала его, стараясь не выдать смущения.

— Я все же не пойму... Почему Френсис нарисовала вас в виде той греческой женщины?

— Лаодамией? Она обвиняла меня в том, что я будто бы цепляюсь за что-то ненастоящее — за образ любви. Она знала, что я предпочту спокойную жизнь в браке с Джулианом, чем рискну снова полюбить. Каждый раз,

видя Джулиана, она расстраивалась. Говорила, будто он ей напоминает о том, что я лгу сама себе. — Аделина повернула лицо к Лотти. Глаза ее были мокрыми от слез, но она улыбалась. — Френсис такая... Она полагает, я убила свою способность любить, для меня безопаснее быть с Джулианом, любить то, чего не существует. Она думает, что раз любит меня так сильно, то может вернуть меня обратно к жизни, что одной силой воли она способна заставить меня полюбить ее тоже. И знаешь, Лотти, я ведь люблю Френсис. Я люблю ее больше, чем любую другую женщину. Больше, чем кого-либо... Кроме него... Однажды, когда мне было особенно плохо, я позволила... она была такая милая... но... ей было мало. Она не такая, как Джулиан. Она не способна жить полулюбовью. В искусстве, в жизни она требует честности. А я никогда не люблю никого, будь то мужчина или женщина, как любила Константина...

«Вы уверены, что не любите ее?» — хотела спросить Лотти, которая помнила многочисленные письма Аделины, нехарактерное для нее отчаяние из-за отсутствия Френсис.

Но Аделина продолжила:

— Вот почему я сразу поняла, Лотти. — Аделина протянула руку и крепко пожала ее запястье. Несмотря на жару, Лотти невольно вздрогнула, как от холода. — Когда увидела тебя и Гая вместе, я поняла. — Она впиалась взглядом в Лотти. — Я увидела себя и Константина.

Дорогой Джо,

извини, если письмо окажется коротким, но я очень устала, да и времени писать нет. Вчера у меня родился ребенок, очень красивая крошечная девочка. Такую прелесть даже трудно себе представить. Я постараюсь ее сфотографировать

и прислать снимок, если тебе интересно. Может, попозже, когда ты перестанешь из-за меня переживать.

Жаль, конечно, что ты узнал о моем положении от Вирджинии. Я сама хотела тебе обо всем рассказать, честно, но это оказалось слишком сложно. Кстати, что бы эта злобная корова ни говорила, ребенок не от доктора Холдена. Прошу, Джо, поверь. И сделай так, чтобы остальные тоже об этом узнали. Мне все равно, что ты скажешь.

Скоро напишу тебе.

Лотти

Ночь для рождения ребенка была не самая подходящая. Хотя, как позже думала Лотти, вряд ли для нее вообще нашлась бы подходящая ночь. Она даже не подозревала, что способна выносить такую адскую боль. Ей казалось, что эта боль ее развратила, как будто была непорочная Лотти и Лотти, познавшая нечто столь ужасное, что ее разрывало на части, калечило на всю оставшуюся жизнь.

Вечер, однако, она начинала почти спокойной, лишь слегка раздраженной, как ласково выразилась Аделина. Ей надоела собственная неуклюжесть, жара, отсутствие сил и то, что она больше не могла надеть ни одну вещь, кроме экстравагантных просторных халатов Аделины и рубашек, забытых Джорджем. Аделина, наоборот, предыдущие три дня провела в хорошем настроении. Она послала Джорджа на поиски Френсис. Поручила не просто передать письмо, а привезти ее во Францию. Аделина верила, что нашла способ вернуть Френсис, заставить ее почувствовать себя любимой, не предавая при этом собственную вечную любовь к Константину. «Но тебе придется разговаривать со мной, — писала Аделина. — Можешь уйти навсегда, если по-прежнему считаешь, что мне

нечего тебе сказать, но тебе придется разговаривать со мной».

— Джордж не примет «нет» в качестве ответа! — воскликнула она, довольная своим решением. — Он может быть очень настойчив.

Лотти, вспомнив Селию, кисло пробурчала:

— Знаю.

Джордж не желал возвращаться в Англию. Он хотел остаться на День Бастилии. Но, не в силах отказать Аделине, решил, что хотя бы оставит вместо себя на праздники замену. Несколько минут он рассматривал кандидатуру Лотти, затем, видимо, передумал, увидев ее высунутый язык, и обратился к Си, поэту, чтобы тот сделал фотографии для него новой цейсовской камерой. («Круто», — согласился Си.)

— Игра стоит свеч, — сказала Аделина, целуя на прощание Джорджа.

Лотти слегка удивилась, заметив, что это был поцелуй в губы.

Семьдесят два часа спустя Лотти думала, что уже никогда и ничему не удивится в своей жизни.

Она лежала в кровати, почти не ощущая жары. Вокруг летали комары, привлеченные запахом крови. Боль все еще тихо напоминала о себе, но она не сводила глаз с крошечного безупречного личика перед собой. Дочка как будто спала, — во всяком случае, глазки были закрыты, но ротик шептал в ночи маленькие секреты.

Впервые в жизни Лотти испытывала подобное: неумную радость, пришедшую после неопишуемой боли, и неверие, что она, простая девушка, Лотти Свифт, которая даже больше уже не существовала, смогла создать нечто столь совершенное, столь прекрасное. У нее появилась

причина жить — самая весомая из всех, что можно только вообразить.

Она похожа на Гая.

Она похожа на Гая.

Лотти наклонила голову к дочке и заговорила очень тихо, чтобы только она одна услышала:

— Я стану всем для тебя. Ты ни о чем не будешь жалеть. И у тебя будет все. Обещаю, я сделаю все, чтобы ты не знала нужды.

— У нее кожа цвета камелий, — сказала Аделина, и на глаза ее навернулись слезы.

И Лотти, которой никогда не нравились все эти Джейн, Мэри и любые другие имена из журналов Аделины, дала имя своей дочери.

Аделина не ушла спать. Вскоре после полуночи дом покинула мадам Миго, утром должен был приехать Джордж — возможно, с Френсис. Все равно отдохнуть не удастся. Они просидели вместе ту первую долгую ночь: Лотти, удивленная и радостная, Аделина, тихо дремавшая в кресле рядом. Время от времени она просыпалась и гладила невероятно мягкую головку ребенка или руку Лотти, как будто поздравляя.

На рассвете Аделина с трудом подняла из кресла затекшее тело и объявила, что приготовит чай. Лотти, все так же державшая ребенка на руках и давно хотевшая горячего сладкого чая, обрадовалась: стоило пошевелиться, как ее тут же пронзала боль, начиналось кровотечение, спазмы напоминали об ужасных часах, проведенных в муках. С затуманенным взором, но счастливая, несмотря ни на что, она подумала, что хорошо бы никогда не покидать постель.

Аделина открыла ставни, впуская яркий голубой рассвет, и потянулась, подняв обе руки, словно салютуя.

Комнату заполнили мягкие тени и звуки: на холм медленно взбирались коровы, кукарекал петушок, и все это сопровождалось стрекотанием сверчков, словно крошечных заводных механических игрушек.

— Там прохладнее, Лотти. Чувствуешь ветерок?

Лотти закрыла глаза и подставила лицо ласковому бризу. На секунду ей почудилось, что она снова в Мерхеме.

— Теперь все будет хорошо, вот увидишь.

Аделина повернулась к ней, и в какой-то момент Лотти подумала, что ничего прекраснее в жизни не видела: похоже, сказались слабость и усталость. Лицо Аделины сияло, пронзительные зеленые глаза излучали нежность и нехарактерную для нее уязвимость после всего, чему она недавно стала свидетелем. Лотти, глотая слезы, не в силах выразить внезапно нахлынувшую любовь, лишь протянула дрожащую руку.

Аделина взяла ее и поцеловала, потом прижала к прохладной гладкой щеке:

— Ты счастливица, дорогая Лотти. Тебе не пришлось ждать всю жизнь.

Лотти взглянула на спящую дочь и окропила тяжелыми слезами горя и благодарности светлую шелковую шаль.

Тут до них донесся шум приближающейся машины, и они, как перепуганные дикие зверьки, вскинули голову. Не успела хлопнуть дверь, как Аделина встрепенулась.

— Френсис! — воскликнула она, на время позабыв о Лотти, и наскоро попыталась пригладить растрепанные волосы, одернуть помятое шелковое платье. — Боже мой, у нас ведь не осталось еды, Лотти! Что мы дадим им на завтрак?

— Я уверена... Она согласится немного подождать... Как только узнает... — Лотти было абсолютно наплевать

на завтрак. Ее малышка зашевелилась, взмахнула крошечной ручкой.

— Да-да, конечно, ты права. У нас есть кофе, со вчерашнего дня осталось еще немного фруктов. Скоро откроется булочная — я схожу, как только они устроятся. Быть может, они захотят поспать, если ехали всю ночь...

Аделина суетливо закружилась по комнате; привычная вальяжность уступила место какому-то детскому волнению, неспособности угомониться или сосредоточиться на чем-то одном.

— Думаешь, справедливо с моей стороны просить ее об этом? — внезапно произнесла Аделина. — Думаешь, я поступила эгоистично, заставив ее вернуться?

Лотти, онемев, сумела лишь покачать головой.

— Аделина! Ты здесь? — нарушил молчание громкий голос Джорджа, прозвучавший в доме как выстрел.

Лотти невольно вздрогнула, уже испугавшись, как бы не разбудить ребенка.

Джордж показался в дверях, мрачный и небритый, в своих любимых льняных брюках, измятых, как старые капустные листья. При его появлении Лотти пронзило дурное предчувствие: одним своим видом он разогнал красоту и тишину нового рассвета.

Аделина, ни о чем не подозревая, подбежала к нему:

— Джордж, как чудесно! Как чудесно! Ты ее привез? Она с тобой? — Аделина приподнялась на цыпочках, чтобы взглянуть за его плечо, и замерла, прислушиваясь, не раздадутся ли другие шаги. Потом отступила, вглядываясь в его лицо. — Джордж?

Лотти, увидев черноту в его глазах, похолодела.

— Джордж? — уже тише, чуть дрогнувшим голосом повторила Аделина.

— Она не приедет, Аделина.

— Но я написала... Ты сказал...

Джордж, не обратив внимания на Лотти и новорожденную, обнял Аделину за талию, взял ее руку в свою:

— Тебе нужно присесть, дорогая.

— Но почему? Ты же говорил, что найдешь ее... Я знала, что после такого письма она не смогла бы...

— Она не приедет, Аделина.

Джордж усадил ее на стул рядом с Лотти. Сам опустился на колени и зажал обе ее руки в своих ладонях.

Аделина пытливо взгляделась в лицо Джорджа, и постепенно до нее дошло то, что Лотти поняла сразу.

— Что случилось?

Джордж с трудом сглотнул:

— Несчастный случай, дорогая.

— За рулем? Она такой ужасный водитель, Джордж. Ты же знаешь, ей нельзя доверять руль.

Лотти уловила растущий ужас в болтовне Аделины и начала дрожать, но двое людей рядом с ней этого не заметили.

— Чья машина на этот раз? Ты ведь все уладишь, Джордж, правда? Ты всегда все улаживаешь. Я заставлю Джулиана снова расплатиться с тобой позже. Она пострадала? Ей что-нибудь нужно? — (Джордж опустил голову на колени Аделины.) — Тебе не следовало приезжать, Джордж! Нельзя было ее оставлять! Одну. Ты же знаешь, она не умеет быть одна. Я поэтому и послала тебя за ней.

Он заговорил, и голос его звучал хрипло, надрывно.

— Она... Она мертва.

Наступило долгое молчание.

— Нет, — твердо заявила Аделина.

Лица Джорджа не было видно, он зарылся ей в колени. Но его пальцы сжимали ее руки крепче, как будто удерживая от движения.

— Нет, — снова повторила она.

Лотти с трудом сдерживала слезы, прижав руку ко рту.

— Мне очень жаль, — прохрипел Джордж, не поднимая головы.

— Нет, — сказала Аделина, а затем повторила громче: — Нет! Нет! Нет!

Она вырвала руки и принялась, как безумная, колотить его по голове. Лицо ее исказилось, глаза смотрели в никуда. «Нет-нет-нет-нет!» — звучал бесконечный крик. Джордж плакал, извинялся и цеплялся за ее колени, а Лотти, заливаясь слезами, ничего перед собою не видя, наконец нашла силы сползти с кровати, взять ребенка, не обращая внимания на боль, всего лишь физическую, и медленно пересечь комнату, оставляя на полу кровавый след. Дверь тихо закрылась за ней.

Это не был несчастный случай. Береговой спасатель был уверен в этом, потому что находился среди тех, кто видел ее, кричал ей. Какое-то время спустя он и еще двое мужчин вытягивали ее из воды. Но в основном они знали это благодаря миссис Колкухоун, которая присутствовала там с самого начала и неделю спустя все еще переживала приступы депрессии.

Прошло несколько часов после приезда Джорджа, когда оба подкрепились коньяком, и Аделина устало заявила, что хочет знать все. Он рассказал все, что знал. Она попросила Лотти посидеть с ней. Лотти согласилась, хотя предпочла бы спрятаться наверху вместе с ребенком. С неподвижным лицом, напряженная от того, что должно было последовать, села рядом и позволила Аделине вцепиться ей в руку, которую та периодически трясла.

Хаотичная при жизни, в смерти Френсис проявила организованность. Ушла из «Аркадии» на удивление при-

бранной, так что Марни, вызванная на опознание, с легкостью подтвердила ее личность. На Френсис была длинная юбка с ивовым принтом, волосы она собрала в аккуратный узел. «Простите, — написала она в письме, — но я не в силах больше выносить эту пустоту. Простите». Она спокойно и целенаправленно прошла по тропе к морю и с высоко поднятой головой, словно разглядывая какую-то удаленную точку на горизонте, вошла, не раздеваясь, в воду.

Миссис Колкухоун, поняв, что это не обычный утренний заплыв, закричала. Она знала, что Френсис ее услышала, ибо оглянулась и посмотрела вверх на тропу, а затем пошла быстрее, словно опасаясь, что ее попытаются остановить. Миссис Колкухоун проделала весь путь до домика портового инспектора бегом, стараясь не спускать глаз с Френсис, а та тем временем брела все дальше, погружаясь в воду по пояс, по грудь. На глубине волны стали выше, одна чуть не сбила ее с ног и расплела узел в длинные мокрые пряди. Но Френсис продолжала идти. Миссис Колкухоун сломала каблук и охрипла от крика, колотя в дверь, а фигурка Френсис все удалялась, придерживаясь одной ей ведомого курса.

Шум привлек внимание двух рыбаков, которые кинулись за ней в лодке. К этому времени собралась небольшая толпа, все кричали, чтобы Френсис остановилась. Позже некоторые выразили тревогу, что бедняжка могла подумать, будто они сердятся, и лишь ускорила шаг, но береговой охранник их успокоил, сказав, что она сознательно так поступила. Он-то на своем веку повидал таких немало. Успеешь вытянуть его из воды — глядишь, через пару дней он уже болтается на рее.

В этом месте Джордж заплакал. Аделина держала в ладонях его лицо, словно отпускала грехи.

Френсис не вздрогнула, уйдя под воду. Просто продолжала идти. Над ее головой прошла одна волна, вторая, а в следующую секунду ничего нельзя было разглядеть. К тому времени, как лодка вышла из бухты, течение успело подхватить тело. Его нашли два дня спустя в устье реки, юбку с ивовым рисунком обмотали длинные водоросли.

— Мы должны были встретиться за ужином, но мне пришлось задержаться в Оксфорде. Я позвонил ей сказать, что меня пригласил член совета колледжа, и она ответила, что мне следует пойти. Аделина, она сама сказала, чтобы я пошел на встречу. — Грудь его вздымалась, когда он всхлипывал, закрыв лицо руками. — Но мне следовало уехать, Аделина, мне следовало быть там.

— Нет, — сказала Аделина отстраненно. — Это мне следовало быть там. О, Джордж, что я наделала!

Только позже, вспоминая этот разговор, Лотти осознала, что в тот момент у Аделины пропал акцент. Она больше не говорила как француженка. Она говорила вообще без акцента. Возможно, из-за потрясения. Миссис Холден уверяла, что так бывает. Она знавала одну женщину, у которой брат погиб на войне, а на следующий день та проснулась, и каждый волосок на ее голове был седым. Причем не только на голове, добавила миссис Холден, покраснев от собственной дерзости.

Лотти едва успела оправиться после родов, как стала матерью уже двоих детей. В первые несколько недель своей детской жизни Аделина как будто чуть-чуть умерла. Отказывалась есть, спать, бродила по саду перед домом и плакала дни и ночи напролет. Однажды она прошла весь пыльный путь на вершину горы, и обратно ее, обожженную солнцем и ничего не понимающую, привел старик,

который держал буфет на вершине. Она плакала во сне в те редкие случаи, когда засыпала, и была совершенно на себя не похожа: невымытые волосы, некогда фарфоровое лицо в грязи и морщинах от горя.

— Почему я не поверила ей? — рыдала Аделина. — Почему я не слушала? Она всегда понимала меня лучше кого-либо другого.

— В том нет вашей вины. Вы не могли знать, — бормотала каждый раз Лотти, понимая, что все это пустые слова, банальности. Боль Аделины слишком напоминала ее собственную боль, такую же открытую рану, которую ей почти удалось залечить.

— Но почему она решила доказать это мне таким способом? — стонала Аделина. — Я не хотела любить ее. Я никого не хотела любить. Ей следовало знать, что требовать от меня любви несправедливо.

Лотти была чересчур морально измотана заботами о дочке. Девочка была, как говорится, хорошим ребенком. Впрочем, у нее не было иного выбора. С отчаявшейся Аделиной на руках Лотти не всегда успевала вовремя проснуться, чтобы успокоить плачущее дитя. Если она пыталась готовить и убирать в доме убитой горем подружки, Камилле приходилось подстраиваться под мать: моргать глазками, лежа в импровизированной перевязи, или спать под шум выбиваемых ковров и свист чайников.

Недели проходили одна за другой, а Лотти все больше изматывалась и впадала в отчаяние. Приезжал Джулиан, но и он не сумел справиться с эмоциональным хаосом, творившимся в доме. Он в очередной раз отписал какую-то сумму жене, отдал Лотти ключи от своей машины и уехал на художественную ярмарку в Тулузу, забрав с собой бледного, молчаливого Стивена. Поток гостей иссяк. Джордж, оставшийся на два дня и напившийся до

бесчувствия, уехал, пообещав вернуться. Но обещания не сдержал.

— Присматривай за ней, Лотти, — сказал он перед отъездом. Глаза его были налиты кровью, а подбородок покрывала пробившаяся борода. — Не позволяй ей сделать какую-нибудь глупость.

Она так и не поняла, за кого он боялся — за Аделину или за себя.

В какой-то момент, после того как Аделина проплакала целые сутки, Лотти в отчаянии обыскала ее спальню, надеясь найти хоть какое-то упоминание о ее семье, о ком-то, кто мог бы приехать и помочь вывести ее из депрессии. Она рылась среди ярких нарядов, вдыхая аромат гвоздичного масла, и кожу ее ласкали перья, шелка и атлас. Похоже, Аделины, как и Лотти, не существовало на этом белом свете: если не считать одной-единственной театральной программки, которая свидетельствовала, что несколько лет назад Аделина выступила во второстепенной роли в театре Харрогейта, не было ничего — ни фотографий, ни писем. Кроме писем Френсис. Лотти швырнула их обратно в коробку, вздрогнув от мысли, что причастна к прошлому Френсис. Наконец в чемодане нашелся паспорт Аделины. Она пролистала его, думая, что, быть может, узнает адрес родственников или отыщет какую-нибудь зацепку, куда обратиться за помощью, чтобы умерить горе Аделины. Вместо этого она наткнулась на фотографию Аделины.

С другой стрижкой, но безошибочно она. Только вот в паспорте стояло имя Ады Клейтон.

Траур длился четыре недели без одного дня. Однажды утром Лотти проснулась и застала Аделину на кухне за разбиванием яиц в миску. О паспорте она не обмол-

вилась ни словом: иногда людей, как спящих собак, лучше не трогать.

— Я еду в Россию, — сказала Аделина, не поднимая глаз.

— Вот как? — откликнулась Лотти. Ей хотелось спросить: «А как же я?» Но вслух она произнесла: — А как же атомная бомба?

*Дорогой Джо,
прости, но домой я не вернусь. Во всяком случае, в Мерхем. Все это немного сложно, но для меня будет лучше поехать в Лондон и попытаться найти работу. Как ты знаешь, живя у Аделины, я следила за домом. В Лондоне у нее есть друзья-художники, которые ищут кого-то вроде меня и против ребенка не возражают. Маленькая Камилла будет расти вместе с их детьми, что пойдет ей только на пользу. Что бы ты там ни говорил, нет причины, почему мне не следует самой зарабатывать себе на жизнь. Я дам тебе знать, когда устроюсь, и тогда ты сможешь приехать навестить нас.*

Спасибо за вещички для девочки. Передай благодарность миссис Ансти за то, что помогала тебе их выбрать. Я сейчас рисую портрет Камиллы, которая чудесно выглядит, особенно в чепчике.

Твоя...

За три дня до отъезда Лотти и Аделины явилась мадам Миго, чтобы в последний раз помучить Лотти: помесить ее живот и осмотреть все остальное. Лотти, переставшая считать себя хозяйкой собственного тела, после того как оно приютило другое человеческое существо, тем не менее с трудом терпела посягательства на него старухи, которая ощупывала и тыкала в него, как в кусок мяса на рынке. В прошлый свой приход с целью якобы проверить, как проходит кормление Камиллы, она без всякого пре-

дупреждения засунула руку под свободную блузку Лотти, завладела грудью и, двумя пальцами ухватив за сосок, пустила струю молока, прежде чем Лотти успела воспротивиться. Видимо удовлетворенная, она пробормотала что-то Аделине и без всяких объяснений перешла к ребенку, чтобы проверить его вес.

На этот раз, однако, она лишь поверхностно ощупала живот Лотти и сразу умело подхватила Камиллу на руки. Какое-то время подержала, весело приговаривая что-то по-французски, осмотрела пупок, пальчики на ручках и ножках и ласково продолжала говорить, как никогда не говорила с Аделиной или Лотти.

— Мы уезжаем, — сказала Лотти, показывая открытку из Англии. — Я увожу ее домой.

Не обращая на нее внимания, мадам Миго заговорила тише и в конце концов умолкла.

Потом она подошла к окну и несколько минут рассматривала личико Камиллы. В комнату вошла Аделина с картой в руках, и повитуха гаркнула ей несколько слов. Погруженная в собственные мысли, Аделина не сразу поняла. Потом покачала головой.

— Что на этот раз? — раздраженно поинтересовалась Лотти, испугавшись, что опять допустила ошибку.

То пеленки не того цвета — не пеленки, а позор для деревни, то запеленает малышку так, что вызывает гоме-рический хохот у всех французов.

— Она хочет знать, не больна ли ты, — сказала Аделина и нахмурилась, пытаясь вслушаться в слова мадам Миго. — Друг Джулиана в посольстве говорит, что мне придется получать какую-то визу для поездки в Россию, но это почти невозможно без помощи дипломатов. Он считает, мне следует вернуться в Англию и уладить этот вопрос. Какая досада.

— Конечно, я не больна. Скажите ей, она бы тоже так выглядела, если бы ребенок не давал ей спать по ночам.

Аделина что-то ответила по-французски, затем, сделав паузу, снова покачала головой:

— Она хочет знать, есть ли у тебя сыпь.

Лотти собиралась ответить грубостью, но, увидев лицо француженки, примолкла.

— Non, non, — повторяла женщина, крутя рукой перед своим животом.

— Она имеет в виду, до того, как ты залетела. Она хочет знать, была ли у тебя сыпь, прежде чем ты... понесла... На ранней стадии беременности? — Аделина вопросительно взглянула на повитуху.

— Крапивница, что ли? — Лотти постаралась вспомнить. — У меня часто случалась крапивница. Я не очень хорошо переношу такую жару.

Но повитуху это не устроило. Она выпалила еще несколько вопросов на французском и посмотрела на Лотти.

Аделина повернулась:

— Ей нужно знать, болела ли ты. Была ли у тебя сыпь в начале беременности. Она думает... — Аделина что-то переспросила по-французски у старухи, и та кивнула в ответ. — Ей нужно знать, не переболела ли ты случайно краснухой.

— Не понимаю. — Лотти подавила неумемное желание взять дочь на руки и прижать к себе. — У меня была крапивница. Когда я только сюда приехала. Я считала, что это крапивница.

Впервые за все время лицо повитухи смягчилось.

— Votre bébé? — сказала она, жестикулируя. — Ses yeux... — Она помахала рукой перед лицом Камиллы, затем посмотрела на Лотти и снова помахала. Потом еще раз.

— О, Лотти, — сказала Аделина, поднеся руку ко рту. — Что мы теперь будем с тобой делать?

Лотти окаменела, чувствуя, как несезонный холод пробирает ее до костей. Ребенок спокойно лежал на руках у женщины, светлые волосики образовали мягкий нимб, ангельское личико было освещено солнцем.

Девочка ни разу не моргнула.

— Я вернулась в Мерхем, когда Камилле было десять недель от роду. Семья в Лондоне от меня отказалась, как только все узнала. Я написала Джо, а он, едва я сошла с поезда, предложил мне выйти за него замуж. — Лотти вздохнула, сложив руки на коленях. — Он всем рассказал, что ребенок от него. Был целый скандал. Родители Джо очень рассердились. Но он умел быть сильным, когда это требовалось. И сказал им, что они пожалеют, если заставят его выбирать между нами.

Вино давно закончилось. Дейзи сидела и ничего не замечала — ни позднего часа, ни того, что у нее затекли ноги.

— Думаю, его мать до конца жизни не простила мне это замужество, — продолжала Лотти, погрузившись в далекие воспоминания. — Во всяком случае, она точно не успокоилась из-за того, что я наградила ее драгоценного сыночка слепой дочерью. Я ненавидела ее за это. Я ненавидела ее за то, что она не любила Камиллу так, как я. Но теперь, став старой, я чуть лучше понимаю ее.

— Она пыталась его защитить.

— Да-да, именно так.

— Камилла все это знает?

Лотти замкнулась.

— Камилла знает, что Джо — ее отец. — В голосе Лотти прозвучал вызов. — Они всегда были очень близки. Она папина дочь.

Последовала короткая пауза.

— Что случилось с Аделиной? — прошептала Дейзи со страхом, опасаясь того, что может услышать. Слушая историю о самоубийстве Френсис, она не могла сдержать слезы, ей припомнились собственные темные дни сразу после ухода Даниеля.

— Аделина умерла почти двадцать лет тому назад. Она не вернулась в этот дом. Я присматривала за ним на всякий случай, но она так и не приехала. Думаю, она не смогла бы вынести напоминания о Френсис. Она ведь любила Френсис. Мне кажется, мы все это знали, даже когда она отказывалась это признать. Она умерла в России. Под Петербургом. Она была весьма состоятельной женщиной, даже если не считать подарков, которые дарил Джулиан. Мне нравилось думать, что она осталась там, потому что нашла Константина. — Лотти застенчиво улыбнулась, словно смущенная собственным романтизмом. — А затем, когда она умерла, оказалось, что она оставила мне «Аркадию» по завещанию. Я почти уверена, что ее огорчало мое замужество. Мне кажется, она думала, что подвела меня, исчезнув в тот момент.

Лотти пошевелилась и начала собирать вещи вокруг себя, поставив пустой бокал на пол рядом со стулом.

— Почему?

Лотти посмотрела на Дейзи так, словно та была тупой:

— Если бы у меня появились дом и деньги в то время, то мне вообще не нужно было бы выходить замуж...

В свой медовый месяц я проплакала целых шесть дней. Странно, как потом говорила мамочка, для особы, которая так рвалась покинуть дом, особенно в качестве замужней дамы. Тем более странно, если принять во внимание наш чудесный круизный лайнер с роскошной каютой первого класса, оплаченной Банкрфтами.

Но меня замучила морская болезнь, причем настолько, что Гаю приходилось часами одному бродить по палубам, пока я лежала в нашей каюте, отвратительно себя чувствуя. Я по-прежнему переживала из-за папы. И, как ни странно, меня особенно доканывало то, что я оставила мамочку и детей. Видишь ли, я понимала, что теперь все изменится. И хотя тебе кажется, что именно этого ты хочешь, когда оно в действительности происходит, ты с ужасом осознаешь, что теперь все кончено.

И вели мы себя совсем не как молодожены, хотя, конечно, я не говорила родителям или кому-то еще. Нет, я отсылала открытки с потрясающими видами, описывая шикарные балы, дельфинов, обеды за капитанским столом, нашу каюту, отделанную ореховым деревом, с огромным трюмо и лампочками по периметру зеркала, а еще бесплатные шампуни и лосьоны, которые пополнялись каждый день.

Гай тоже был сам не свой почти все время. Он объяснил это тем, что предпочитает воде открытые пространства. Я сначала немного расстроилась и заявила ему, что мы потратили бы впустую гораздо меньше времени, если бы он заранее меня предупредил. Но мне не хотелось слишком на него давить. Я никогда так не делаю. И в конце концов он успокоился. И, как сказала та приятная дама, миссис Эрхардт, которая вся в жемчугах, нет ни одной пары, которая бы не ссорилась в свой медовый месяц. Просто об этом никогда не рассказывают. Впрочем, о других вещах тоже не рассказывают. Но на этот раз она не пояснила своих слов.

Не все было так плохо. Когда на корабле узнали, что мы молодожены, оркестр сыграл «Look At That Girl», ну, знаешь, песня Гая Митчелла, и каждый раз начинал играть ее, когда мы входили в обеденный зал. На третий раз Гаю, как мне кажется, это поднадоело. А мне нравилось. Нравилось, что все знали: он мой.

Чуть позже пришло письмо от Сильвии насчет Джо. Мапочка сохраняла поразительное спокойствие по этому поводу. Она даже не захотела узнать, действительно ли ребенок от него, что меня удивило. Мне казалось, что она просто с ума сойдет, если не узнает. Но на деле она вышла из себя, когда я упомянула об этом. Наверное, в тот момент с нее было довольно папочки, который пил не переставая.

Гаю я ничего не рассказала. Как-то раз, когда я начала перечислять новости Мерхема, он меня оборвал, назвав их «бабьими сплетнями». Больше я об этом не заговаривала.

Часть
ТРЕТЬЯ

Почти десять дней Дейзи ломала голову, как ей извиниться перед Джонсом, какими словами объяснить, что взгляд, полный ужаса, и дурацкие слезы в то утро были реакцией не на него, а на того, кем он не был. Она подумывала, не послать ли цветы, но Джонс вроде бы был не из тех мужчин, кто любит получать цветы; к тому же она не знала, что означает каждый конкретный цветок. Потом она решила позвонить и высказаться прямо, без обиняков, в его стиле: «Джонс, простите. Я вела себя как полная дура». Но она понимала, что у нее так не выйдет: все равно будет нести вздор, бляеть и заикаться, пытаясь сбивчиво что-то объяснить, так что он станет презирать ее еще больше. На ум пришли и другие варианты: послать открытку, оставить сообщение, даже попросить Лотти сделать это за нее. Она теперь не боялась обращаться к ней, а вот он до сих пор побаивался бывшей хозяйки дома.

Но она ничего не предприняла.

Возможно, случайно, но ей помогла фреска. Однажды, когда она грызла ручку, перебирая спецификации, к ней подошел Эйдан и сообщил, что один из маляров,

счищая лишайник с наружной стены террасы, обнаружил краску под известью. Они из любопытства расчистили небольшой участок, и на стене проступили два нарисованных лица.

— Мы дальше не стали ничего делать, — пояснил он, выводя ее из дома на яркий солнечный свет, — чтобы не содрать случайно красочный слой.

Дейзи внимательно рассмотрела лица на стене, одно из которых, кажется, улыбалось. Маляр, молодой человек из Вест-Индии по имени Дейв, сидел на террасе и курил сигарету. Он заинтересованно кивнул, показывая на стену.

— Вам нужно пригласить реставратора, — сказал Эйдан, отступая на шаг. — Того, кто в этом разбирается. Может, она ценная.

— Это зависит от того, кто ее нарисовал, — заметила Дейзи. — На первый взгляд очень мило. Похоже на Брака. Интересно, она большая?

— Ну, в левом углу просматривается кусочек желтого, а вон там, справа, что-то синее, поэтому я не удивлюсь, если она занимает добрых шесть футов. Спросите у вашей женщины, что она думает. Вполне возможно, она была где-то поблизости, когда это рисовали. Наверняка что-то знает.

— Она ни разу об этом не упомянула, — пожалала плечами Дейзи.

— Удивительно, — сказал Эйдан, счищая с брук задохшую штукатурку. — Если помните, она и словом не обмолвилась ни о подгузниках на стройплощадке, ни о тихом часе, когда запрещается сверлить. — Он хитро улыбнулся, когда Дейзи повернулась, чтобы идти в дом. — Послушайте, вы случайно не собираетесь поставить чайник?

Лотти как раз гуляла с Элли, поэтому Дейзи позвонила Джонсу, чтобы рассказать ему о фреске. Ей не терпелось сделать так, чтобы она ассоциировалась у него с чем-то хорошим.

— В чем проблема? — раздраженно спросил он.

— Никакой проблемы, — ответила Дейзи. — Я.. э-э-э... просто хотела узнать, собираетесь ли вы приехать в четверг.

— Почему в четверг? — Там далеко звонили еще два телефона, какая-то женщина вела важный разговор. — Скажите ему, что я освобожусь через минуту, — проорал Джонс. — Дайте ему бокал вина или еще что.

— Придут из санитарной инспекции. Насчет кухонь. Вы говорили, что хотите присутствовать.

— Так дайте ему кофе! Алло? О боже, я действительно так говорил. — Он застонал и, прикрыв ладонью трубку, прокричал что-то секретарю, как она поняла. — В котором часу они появятся? — спросил он через секунду.

— В половине двенадцатого. — Она сделала глубокий вдох. — Послушайте, Джонс, останьтесь потом на обед. Я хотела бы показать вам пару вещей.

— Я не обедаю, — отрезал он и бросил трубку.

До этого разговора она успела позвонить Камилле, вспомнив, что Хэл имеет какое-то отношение к искусству, но не желая обращаться к нему непосредственно. Когда ты одинокая женщина, приходится беспокоиться о таких вещах. Но Камилла пришла в восторг и сказала Дейзи, что ей следовало сразу ему позвонить. И не нужно искать реставратора — Хэл все сделает. Он изучал разные виды реставрации в художественной школе, и не только мебели, в чем Камилла не сомневалась. Хэл говорил не

так убежденно, полагая, что его знания могли несколько устареть.

— Но вы же можете разузнать о новых технологиях. Это ведь не холст, всего лишь наружная стена. — Дейзи успела понять из разговора с Камиллой, как важна эта работа для них обоих. — Не настолько она ценна, если ее закрасили толстым слоем известки.

Хэл поначалу засомневался, но потом без особых восторгов согласился, словно не мог поверить, что ему бросили спасательный жилет, пусть даже маленький и, возможно, с проколом.

— У меня есть один друг, который понемногу занимается реставрацией живописи. Я мог бы проконсультироваться у него. Если, конечно, для вас не важно, что я не профессионал.

— Если как следует выполните работу, мне все равно, будь вы даже профессиональный борец в грязи. Но мне необходимо, чтобы вы приступили к работе немедленно. К четвергу хотелось бы очистить уже приличный кусок.

— Договорились, — согласился Хэл, не желая показывать, как он доволен. — Хорошо. Отлично. Я сделаю несколько телефонных звонков, раздобуду какой-никакой инструментарий и сразу приступлю.

Это ее шанс, подумала Дейзи, выходя в сад. Это покажет Джонсу, что она способна не только отреставрировать интерьер дома самостоятельно, но и подняться над той персоной, за которую, видимо, ее здесь все принимают: над Дейзи, вызывающей у нее самой жалость и презрение. Нелепое качество, как-то раз сказал ей Даниель, эта отчаянная потребность всем нравиться, но она все равно не могла отказаться от этой слабости. В тот вечер, когда приезжал Джонс, она радовалась, что он увидел ее

с другой, лучшей стороны. Потому что, как она осторожно призналась самой себе, она тоже начала одобрять новую Дейзи, вместо того чтобы оплакивать потерю старой. Она чувствовала себя теперь уже не такой сломленной недавними событиями. Дети помогают, сказала Лотти, когда Дейзи спросила, как ей удалось справиться одной. Приходится быть сильной.

Вспоминая Примроуз-Хилл, Дейзи не могла с этим согласиться, однако поняла, что пережитое постепенно делало ее толстокожей, как Лотти. Она без конца думала, как молодая Лотти решилась на роды, почти без поддержки, в чужой стране, далеко от дома, и как она не позволила себя запугать, когда опозоренная, без гроша в кармане вернулась. И вот теперь постаревшая Лотти легко проходила по жизни, как нож сквозь масло, вызывая уважение у всех вокруг просто благодаря своей уверенности и язвительному остроумию. Она ожидала, что люди будут отдавать ей должное и все будет происходить так, как она пожелает. А кто она такая, если на то пошло? Домохозяйка пенсионного возраста, мать неполноценной дочери, жена владельца гаража в маленьком городке. У нее никогда не было ни работы, ни карьеры — ничего. Естественно, сказать это Лотти в лицо Дейзи никогда бы не решилась. Тем временем она по-прежнему оставалась прежней Дейзи (хотя несколько прибавившей в весе) — все еще привлекательной, умной, почти платежеспособной и, как выразился ее бухгалтер, была индивидуальным предпринимателем. «Я индивидуальный предприниматель», — сообщила она себе после того, как повесила трубку. Звучало гораздо лучше, чем «мать-одиночка».

Она тосковала по нему. Временами все еще плакала. И считала достижением, если за пару часов ни разу о нем не вспоминала. Иногда по-прежнему читала его горос-

коп — вдруг тот подскажет, когда он вернется. Но прошло почти три месяца после его ухода, и Дейзи, по крайней мере, могла представить то время, где-то через год, плюс-минус месяц или два, когда она справится со своей болью.

О том, справится ли Элли с потерей отца, она старалась не думать.

Понаблюдав за Хэлом, неустанно трудившимся над «фреской», Эйдан заявил, что нет ничего удивительного в том, что бизнес у него не идет. Нельзя так корпеть часами над чем-то за фиксированную плату, поделился он с Дейзи, когда они пили чай на кухне и следили в окно за Хэлом, который, согнувшись пополам у стены, тщательно очищал кисточкой крошечный участок старой краски. Уж кому-кому, а Дейзи следовало бы это знать. Мелкие бизнесмены не могут позволить себе быть перфекционистами.

— Мелкие бизнесмены вообще не смогут ничего себе позволить, если не закончат верхние коридоры ко вторнику, как было обещано, — выразительно заметила Дейзи.

Эйдан сделал вид, что не слышит.

— А вот если бы ваш хозяин платил ему почасовые...

— Мне кажется, ему нравится, — сказала Дейзи, не обращая внимания на тот факт, что почти все время Хэл выглядел обеспокоенным.

— Так пойдет? — интересовался он у нее по три или четыре раза на день, когда она выходила полюбоваться на проступающие образы. — Не хотите нанять профессионала? — И не очень-то успокаивался, когда Дейзи отвечала, что не хочет.

Но Камилла, которая приходила дважды в день в перерывах между клиентками, приносила чай с бутербродами, утверждала, что дома он полон энтузиазма.

— Лично я считаю, что это здорово, — сказала она, видимо ничуть не переживая по поводу долгих отлучек мужа. — Хорошо, что фреска была спрятана. Мне нравится, что теперь Хэл возвращает ее к жизни.

Они держались за руки, когда он думал, что никто не видит. Дейзи с легкой завистью поймала их в тот момент, когда Хэл рассказывал жене о фреске, затем умолк, привлек к себе и поцеловал.

Единственной, кто был недоволен фреской, оказалась Лотти. Она уезжала в город по очередному таинственному делу. И ни за что не хотела рассказывать, куда едет и зачем. Если же кто-то интересовался, то она стучала пальцем по носу и велела «не лезть в чужие дела». Вернувшись и застав Хэла за работой, она взорвалась и потребовала, чтобы он немедленно прекратил.

— Это я закрасила фреску! Ее нельзя показывать! — возмущалась она, размахивая руками перед носом Хэла. — Закрась обратно!

Дейзи и рабочие, исследовавшие часть стока, оторвались от дела, чтобы узнать причину крика.

— Она не для показа!

— Но это же фреска, — возразил Хэл.

— Я сказала тебе! Не следовало снимать с нее побелку. Прекрати работу, слышишь?! Я бы рассказала о ней, если бы она предназначалась для людских глаз.

— Интересно, что под известкой? — пробормотал Эйдан Дейву. — План, где она захоронила тела?

— Я не могу теперь остановить реставрацию, — удивленно оправдывалась Дейзи. — Джонс специально приезжает, чтобы посмотреть на нее.

— Она не твоя, чтобы ее демонстрировать. — Лотти совершенно вышла из себя, что было так на нее не похоже.

Камилла, поившая Хэла чаем, когда появилась Лотти, замерла, держа кружку в руках, ничего не понимая.

— Мам?

— Эй, что случилось, ма? Что вас так расстроило? — Хэл, протянув руку, положил ее на плечо Лотти.

Она с яростью ее сбросила:

— Ничего меня не расстроило. Впрочем, нет, расстроило. Меня расстроило то, что ты тратишь зря время, скovyривая со стены известку, чтобы показать всем какую-то ерунду. Тебе бы следовало думать о своем бизнесе, а не возиться с ничего не стоящим граффити. Почему бы тебе не сделать что-то полезное, например попытаться спасти собственный бизнес?

— Но фреска прекрасна, Лотти, — сказала Дейзи. — Наверняка вы видели ее раньше.

— Ерунда, — отрезала Лотти. — И вашему глупому боссу я тоже скажу, что это ерунда. Я здесь консультант по истории, или как вы там это называете, поэтому он со мной согласится. — И она ушла, всем своим видом выражая неудовольствие, а они так и остались стоять с открытыми ртами.

Но Джонс не согласился.

Дейзи тайком привела его к фреске, когда Лотти отлучилась.

— Закройте глаза, — велела она, когда он вышел на террасу.

Он закатил глаза к небу, словно имел дело с дурочкой и был вынужден ей потакать. Она взяла его за руку и на-

правила вокруг банок с краской к тому месту, которое Хэл недавно расчистил.

— Теперь открывайте.

Джонс открыл глаза. Дейзи не сводила взгляда с его лица и увидела, как он удивленно заморгал под темными сведенными бровями.

— Это фреска, — сказала Дейзи. — Ее реставрирует Хэл. Фреску обнаружили строители под слоем извести.

Джонс посмотрел на Дейзи, сразу позабыв о своем раздражении, и подошел ближе, чтобы как следует разглядеть изображение. На нем были самые ужасные вельветовые брюки, какие только можно представить.

— Что это? — спросил он немного погодя. — Что-то вроде «Тайной вечери»?

— Не знаю, — сказала Дейзи, виновато озираясь, не едет ли коляска. — Лотти... то есть миссис Бернارد... отказывается о ней говорить.

Джонс продолжал рассматривать фреску, затем отошел:

— Что вы только что сказали?

— Она не рада, что мы ее расчищаем, — ответила Дейзи. — Она не говорит почему, но явно расстроена.

— Но ведь это так красиво, — сказал Джонс. — Здорово смотрится. Фреска придает террасе законченность. — Он отошел в дальний конец террасы, чтобы посмотреть оттуда. — Мы же расставим здесь стулья, да? — (Дейзи кивнула.) — Она старая?

— Определенно этого века, — сказала Дейзи. — Хэл считает, что она сороковых или пятидесятых годов. Но никак не раньше тридцатых. Видимо, Лотти покрасила ее во время войны.

— Я понятия не имел... — пробормотал Джонс самому себе, поднеся руку к затылку. — Итак... Можно поин-

тересоваться, сколько я за это заплачу? Я имею в виду реставрацию.

— Намного меньше, чем это стоит.

Он улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ.

— Надо полагать, вы не обнаружили заодно еще какой-нибудь бесценный антиквариат?

— Не-а, — ответил за Дейзи Дейв, появляясь за их спинами и закуривая сигарету. — Она ушла купить молока для ребенка.

Все кончено. Хэл сидел в своем автомобиле перед «Аркадией», рассматривая последнюю пачку счетов, намного превышающих будущий гонорар за фреску, и почему-то испытывал облегчение, что теперь он не в силах ничего изменить и то, о чем он догадывался уже несколько недель или даже месяцев, неизбежно превратилось в реальность. Последний счет, знакомство с которым он отложил до обеда, оказался таким непомерным, что у него не осталось выбора. Теперь он свернет бизнес, а затем, как только закончит реставрацию фрески, начнет искать работу.

Хэл на секунду закрыл глаза, позволив надежде и напряжению последних недель наконец утихнуть, а на их место пустить что-то вроде беспросветного серого тумана. Это просто бизнес. Он давно твердил эти слова про себя, словно мантру. И если, распродав имущество, он сумеет предотвратить банкротство, то хотя бы у них у всех появится будущее. Впрочем, оно и так у них есть. Его отношения с Камиллой за последние несколько недель это убедительно подтверждали.

Думайте о хорошем — так, кажется, говорил психолог на последнем сеансе? Будьте благодарны за то, что у вас есть. А у него есть жена и дочь. Здоровье. И будущее.

Тишину нарушил звонок мобильного, и Хэл порывлся в бардачке, стараясь проморгать то, что подозрительно напоминало слезы.

— Это я.

— Привет, я. — Он откинулся на спинку кресла, радуясь звуку ее голоса.

Ничего срочного. Ей просто захотелось узнать, когда он придет домой, захочет ли он цыпленка на ужин, а одно сообщить, что у Кейти сегодня плавание; приятные мелочи домашней жизни.

— У тебя все в порядке? Ты какой-то тихий.

— Все отлично, — ответил он. — Если хочешь, я принесу домой вина.

Она несколько насторожилась, поэтому он постарался прикинуться оживленным. Он не стал говорить то, что ей нужно было узнать, — это подождет, а вместо этого принялся рассказывать то, что она хотела бы услышать: что случилось «на работе» в тот день. Какую часть фрески он очистил. Последние шуточки строителей. Он упомянул, что ее мать теперь едва с ним разговаривает, если он работает над фреской, но, как только они покидают «Аркадию», болтает запросто, словно ничего не случилось.

— Быть может, тебе стоило спросить у нее. Выяснить, что ее так беспокоит.

— Бесполезно, Хэл. Ты же знаешь, нет никакого смысла о чем-нибудь ее расспрашивать. Она никогда мне не расскажет, — ответила Камилла с печалью и досадой. — Иногда я не понимаю, что не так с моей матерью. На следующий день у них с отцом юбилей, но она заявила, что нужна в «Аркадии». Ты слышал что-нибудь подобное? Папа очень разочарован. Он уже заказал ресторан, хотел устроить праздник.

— Они могут пойти в другой вечер, — сказал Хэл.

— Но ведь это будет не то же самое, правда?

— Да, — ответил он, вспоминая прошлое. — Правда.

— Мне надо бежать, — сказала она, оживляясь. —

А то миссис Халлиган жалуется на пупырчатость.

— Что-что?

Она поднесла грубку ближе ко рту:

— Это то, что случается с кожей после восковой эпиляции. У нее появилось воспаление на чувствительном участке, и теперь она не может свести ноги.

Хэл расхохотался. Кажется, впервые за несколько месяцев.

— Я очень тебя люблю, — сказал он.

— Знаю, — ответила она. — Я тоже тебя люблю.

Дейзи привела Джонса в комнаты, которым в будущем предстояло обрести название «люкс Моррелла», а пока строители называли их между собой «синее болото» — по цвету ванной комнаты. Это была самая традиционная спальня во всем доме, к тому же законченная. Кровать, как и вся прочая обстановка, была получена благодаря знакомому в Индии, который специализировался на старой колониальной мебели. Рядом с ней располагался военный сундук, с четкими углами, обитыми медью, из старинного красного дерева, мерцавшего на фоне светло-серой стены. В дальнем конце комнаты, которая на самом деле состояла из двух комнат, соединенных вместе, стояли удобные стулья и низкий резной столик. Именно на нем Дейзи разместила поверх скатерти тарелки с крабовыми бутербродами, вазу с фруктами и бутылку воды.

— Я знаю, вы не обедаете, — сказала она, когда он устался на натюрморт, — но подумала, что если вы действительно не будете голодным, то оставшуюся половину я съем на ужин.

На нем были разные носки. Ее почему-то это подбодрило.

Он медленно обошел комнату, разглядывая декор, мебель. Потом остановился прямо перед Дейзи.

— Вообще-то, я... Я хотела извиниться, — сказала она, сложив ладони перед собой. — Насчет того утра. Я тогда спятила. Даже больше чем снятила. Не могу объяснить. Скажу только, что к вам это не имело отношения.

Джонс взглянул на свои ноги и смущенно зашаркал.

— Ой, да ладно вам. Пожалуйста, присядьте, — беспомощно сказала она, — или я буду чувствовать себя совсем глупо. Хуже того, начну трещать как сорока. А вам это не нужно. Как и мой рев.

Джонс наклонился к бутербродам.

— Знаете, я о том случае почти не вспоминал, — сказал он, косясь на нее, и опустился на стул.

— При обычных обстоятельствах я бы не стала угощать вас в спальне, но это единственная комната, где тихо, — объяснила она после того, как они приступили к еде. — Было бы славно накрыть стол на террасе, возле фрески, но я подумала, что тогда придется довольствоваться бутербродами, закапанными красками или скипидаром. — Нет, она все-таки трещала. Можно подумать, она никак не контролирует того, что срывается у нее с языка. — К тому же Элли спит в соседней комнате.

Он кивнул с непроницаемым лицом. Но ей показалось, что он расслабился.

— Я удивлен, что вы продолжили работу без меня, — в конце концов сказал он. — Я имею в виду фреску.

— Я знала, она вам понравится, если вы ее увидите. А если бы я начала интересоваться по телефону, что с ней делать, у вас появилась бы лишняя причина для волнения.

Он замер с бутербродом у рта, затем опустил руку и внимательно посмотрел на Дейзи. Очень внимательно, настолько, что она невольно покраснелась.

— А вы странная, Дейзи Парсонс, — сказал он вполне дружелюбно.

Тогда она тоже расслабилась, принялась рассказывать историю каждого предмета обстановки, объяснять решения, стоявшие за каждым оттенком краски, за каждым обивочным лоскутком. Он кивал, не переставая жевать, все слушал и мало что говорил. Дейзи с трудом сдерживалась, чтобы не поинтересоваться, доволен ли он. Если бы не был доволен, то сказал бы, уговаривала она себя.

Постепенно она начала приукрашивать истории, шутить, желая расшевелить его немного. Приятно все-таки оказаться в компании, городской компании. С тем, кто знает французский ресторан на Грин-стрит. С тем, с кем можно поговорить не только о каталогах краски и состоянии соседних гостиниц, предоставляющих полупансион. Она даже накрасилась ради его приезда. Сорок минут ушло только на то, чтобы найти косметичку.

— ...и причина, по которой они сделали такую скидку, заключалась в том, что он из-за своих размеров простоял на складе три года, — просто не нашлось комнаты, где он мог бы поместиться. — Она расхохоталась, подлив себе воды.

— От Даниеля есть вести? — поинтересовался он. Дейзи умолкла и покраснела. — Простите. Зря я спросил. Это меня не касается.

Дейзи, глядя на него, отставила бутылку:

— Да. Да, есть. Но это ничего не меняет.

Они посидели молча, и в течение всей паузы Джонс внимательно изучал угол стола.

— Почему вы интересуетесь? — спросила она, и на несколько секунд комната погрузилась в вакуум — так ей не хватало его ответа.

— Я встретил одного его старого друга, которому захотелось что-то с ним обсудить... — Джонс поднял на нее глаза. — Вот и подумал, вдруг у вас есть его номер.

— Нет, — ответила Дейзи почему-то с раздражением. — Я не знаю его номера.

— Ладно. Никаких проблем, — буркнул он, уткнувшись носом в грудь. — Придется им самим разбираться.

— Да.

Дейзи посидела с минуту, не понимая, откуда взялась эта растерянность. Сквозь открытое окно она услышала, что ее зовут. Голос Эйдана. Видимо, вопрос о красках.

— Пожалуй, посмотрю, что ему надо, — сказала она, едва ли не радуясь возможности прерваться. — Я на минутку. Берите фрукты. Прошу вас.

Вскоре она вернулась и замерла в дверях при виде раскрасневшейся после сна Элли на руках у Джонса. Увидев Дейзи, Джонс сразу стал неловким и шагнул вперед, словно собираясь отдать ребенка.

— Она проснулась, пока вас не было, — пояснил он, будто оправдываясь. — Я не мог допустить, чтобы она плакала.

— Конечно, — сказала Дейзи, глядя на него во все глаза. Она впервые увидела своего ребенка на руках у мужчины, и это ее потрясло, задев в душе до сих пор неизвестные струны. — Спасибо.

— Общительная малышка, правда? — Джонс подошел и передал девочку, каким-то образом умудрившись запутаться в ее ручках и ножках. — Я не привык к малышам.

— Я не знала этого, — сказала Дейзи, не покривив душой. — Она сидит на руках только у меня и миссис Берnard.

— А я прежде ни разу не держал вот так ребенка.

— Я тоже. Пока не родила собственного.

Он смотрел на Элли, словно никогда раньше не видел ребенка. Заметив, что Дейзи за ним наблюдает, он слегка дотронулся до головки Элли и отступил назад.

— Что ж, пока, — попрощался он с девочкой. — Пожалуй, мне пора. — Он глянул на дверь. — А то меня в конторе уже хватились. Спасибо за обед.

Дейзи переложила Элли на другую руку.

Джонс направился к двери.

— Все здесь смотрится хорошо. — Он повернулся к ней лицом. — Молодец. — Он вымученно улыбнулся и казался на удивление несчастным. — Послушайте. На следующей неделе... — резко начал он. — Думаю, вам следует приехать в Лондон. Мне нужно обговорить с вами организацию открытия, но чтобы под рукой были все мои папки и вещи. И раз уж вы приедете, то, может быть, мы сходим на тот рынок, где торгуют строительными материалами повторного использования, о котором вы рассказывали. Присмотрим там что-нибудь для террасы и сада.

У него ногти на больших пальцах такие же, как у Даниеля, подумала Дейзи.

Джонс склонил голову набок:

— Вы можете приехать в Лондон? Я угощу вас обедом. Или ужином. В моем клубе. Посмотрите, как там все устроено.

— Я знаю, как там все устроено, — ответила Дейзи. — Я бывала там. — Она улыбнулась. Своей прежней улыбкой. — Впрочем, спасибо. Звучит заманчиво. Назовите день.

На Пите Шератоне была рубашка, какие носили в восьмидесятих годах биржевые маклеры: в яркую тонкую полоску, с белым воротничком и накрахмаленными белыми манжетами. Такая рубашка говорила о деньгах, сделках в прокуренных комнатах, такая рубашка всегда вызывала у Хэла вопрос, действительно ли Пит доволен своей судьбой управляющего провинциальным банком (персонал — трое кассиров, один менеджер-стажер и миссис Миллз, убиравшая по вторникам и четвергам) или только делает вид.

Жесткие манжеты, направившие Хэла в кабинет, в тот день скрепляли крошечные запонки в виде фигуры обнаженной женщины.

— Жена придумала, — пояснил Пит, взглянув на них, когда Хэл устроился напротив. — Говорит, они не позволяют мне... окончательно превратиться в банковского чинушу.

Хэл улыбнулся, дернул кадыком.

Они с Питом были знакомы уже много лет, с тех пор, как Вероника Шератон заказала Хэлу рамку для семейного портрета на сороковой день рождения Пита. Портрет был поистине ужасен — Вероника в бальном платье с пышными рукавами, слегка не в фокусе, и Пит за ее спиной, на несколько футов выше, чем он был на самом деле, и загорелый до безобразия. На торжественном «открытии» глаза мужчин встретились, они сразу поняли друг друга, и между ними завязалась особая, бесхитростная мужская дружба.

— Полагаю, ты пришел не для того, чтобы договориться об очередной игре в сквош?

Хэл глубоко вздохнул:

— Как это ни печально, но не в этот раз, Пит. Я... Я пришел поговорить с тобой о сворачивании бизнеса.

Пит сразу сник:

— О боже! О боже, дружище, как жаль! Не везет тебе.

Хэл предпочел бы, если бы Пит проявил чуть больше объективности насчет всего дела. Ему вдруг показалось, что, приди он к старомодному несгибаемому и недружелюбному управляющему, разговор пошел бы легче.

— Ты абсолютно уверен? Ты разговаривал со своим бухгалтером? Все как следует обдумал?

Хэл сглотнул:

— Окончательный вердикт я еще не сообщал ему, но давай говорить прямо: он не удивит никого, кто видел мои счета.

— Что ж, я знал, что дела у тебя идут не лучшим образом... но все же... — Пит полез в ящик стола. — Выпить хочешь?

— Нет. Лучше сохранять голову ясной. Мне еще предстоит сделать много звонков.

— Насчет меня можешь не беспокоиться. Все, что смогу, сделаю, только дай знать. Если захочешь рассмотреть вопрос о кредите, я уверен, что добьюсь для тебя льготного тарифа.

— Думаю, мы уже перешли ту грань, когда берут кредиты.

— И все-таки какая жалость. Столько денег было вложено...

Хэл нахмурился.

Наступила короткая пауза.

— Что ж, ты лучше знаешь, как поступить. — Пит поднялся и обошел стол. — Но послушай меня, Хэл, не принимай сегодня никаких решений. Тем более что ты еще не разговаривал со своим бухгалтером. Почему бы тебе не подумать хорошенько, а завтра ты вернешься и мы с тобой поговорим. Как знать, может быть...

— Ничего не изменится, Пит.

— Ну, как угодно. Все равно подумай. У вас с Камиллой все в порядке? Отлично, отлично... А как маленькая Кейти? Вот что самое главное, правда? — Пит обнял Хэла за плечи, потом вернулся на свое место. — Чуть не забыл. Слушай, я понимаю, сейчас неподходящее время, но ты не мог бы передать это своей хозяйке? А то лежит у меня в столе уже целую вечность — я все хотел отдать тебе на следующей игре в сквош. Это, конечно, не совсем по правилам, но для тебя делаю исключение...

Хэл держал в руках конверт с чем-то твердым.

— Что там?

— Всего лишь шаблон с шрифтом Брайля для ее новой чековой книжки.

— Но у нее уже есть такой.

— Не для нового счета.

— Какого нового счета?

Пит недоуменно взглянул на него:

— Того, что... Я предполагал, что это какой-нибудь страховой полис, который ты обналичил. Вот почему я немного удивился, когда ты сказал насчет своего бизнеса...

Хэл стоял посреди кабинета, качая головой:

— Она получила деньги?

— Я думал, ты знаешь.

У Хэла пересохло во рту, в голове раздался тоненький звон, совсем как в прошлом году.

— Сколько?

Пит всполошился:

— Слушай, Хэл, я и так сказал, видимо, слишком много. То есть я думал, что в ситуации с Камиллой... В общем, ты всегда ведешь ее финансовые дела.

Хэл не сводил глаз с конверта и чувствовал, будто кто-то медленно отводит воздух из его легких.

— Отдельный счет? Сколько?

— Не могу тебе сказать.

— Это же я, Пит.

— А это моя работа, Хэл. Слушай, ступай домой, поговори с женой. Уверен, что найдется какое-то простое объяснение. — Он начал чуть ли не физически подталкивать Хэла к двери.

Хэл пересек комнату, спотыкаясь:

— Пит?

Пит выглянул в открытые двери, потом снова посмотрел на своего друга. Вынув листок бумаги, написал на нем цифры и на секунду показал Хэлу:

— Что-то около того, ясно? Ступай домой, Хэл. Больше не скажу ни звука.

Нетрудно было догадаться, откуда взялись эти деньги. Вся семья давно ломала голову, как Лотти собирается распределить доходы от «Аркадии». Его другое мучило — преследовало, завязывало в узел внутренности, превращало еду в прах на языке: почему она умолчала, затаилась, в то время как его бизнес постепенно разрушался? Она ведь даже утешала его, а у самой все время была нужная сумма, чтобы наладить дело, единственное дело, в которое она, по ее же собственным словам, верила, единственное дело, к которому у него лежала душа, как они оба знали. Если бы только у него было время. И немного везения. А так она опять соврала, и от этого ему делалось совсем плохо. Это было даже хуже, чем узнать о ее неверности, потому что на этот раз он снова ей поверил, заставил себя преодолеть свой страх, недоверие и отдал себя в ее руки. На этот раз произошедшее нельзя было приписать ее подавленному настроению или чувству, что у нее отсутствует надежный тыл. Значит, так она к нему относится.

Если бы хотела ему рассказать, давно бы рассказала. И к этому неопровержимому факту Хэл возвращался час

за часом, именно этот факт не позволил ему обратиться к ней прямо и потребовать ответа. Если бы она хотела, чтобы он знал, то сказала бы хоть что-то. Господи, какой он все-таки дурак!

Последние несколько дней она была сдержанна с ним, ее лицо выражало какую-то новую настороженность. Не имея возможности видеть, как чувства людей отражаются на их лицах, она свои чувства никогда не скрывала. А он следил за ней, едва справляясь с досадой и яростью.

— Ты в порядке? — часто интересовалась она, подразумевая, не очень ли он переживает, лишившись бизнеса. Не нужно ли его обнять? Поцеловать? Сделать то, что должно было бы его успокоить. Он смотрел на ее растерянность с примесью вины и удивлялся, как она вообще может с ним говорить.

— Со мной все прекрасно, — обычно отвечал он, тогда она начинала заниматься дочкой или возвращалась на кухню готовить ужин.

Самое плохое заключалось в том, что все это означало. Поскольку деньги и ее решение скрыть их от него могли означать только одно. Он понимал, год для них выдался не из легких, многое по-прежнему оставалось неестественным, ощущалась напряженность. Он понимал, что отстранялся от нее в тех случаях, когда в этом не было необходимости, что какая-то маленькая гаденькая частичка его существа все еще наказывала ее. Но он считал, что она могла хотя бы намекнуть...

Впрочем, какого намека он мог ожидать? Это была женщина, которая изменила ему в то время, когда он лишился опоры, когда его бизнес умирал, да и он сам был не лучше. Таким неожиданным было ее признание в то утро, когда она ему все рассказала, что он почувствовал

невероятно острую боль в груди и на секунду решил, что умирает. Она тогда ничего не объяснила.

Но что бы там ни было, он по-прежнему ее любил. Последние недели ему дышалось легче, возникло ощущение, что к ним возвращается что-то ценное. Он если не простил ее, то, во всяком случае, начал видеть возможность простить. Говоря штампами того проклятого психолога, их брак мог бы стать прочнее.

При одном условии — честности.

Она слушала и кивала. Взяла его руку и сжала. Это был их последний сеанс.

Хэл подвинулся к краю кровати, смутно сознавая, что в кармане его пиджака лежит пластмассовый шаблон, расцвет медленно освещал их комнату, словно говоря, что прошла еще одна ночь, отданная на размышления, а впереди еще один день, предвещавший метания, ярость и страх.

Камилла спала, а ее рука соскользнула с его бока и упала, бессильная, рядом на кровать.

Поезд идет только до Ливерпуль-стрит, объявили по громкой связи и на всякий случай повторили еще раз. Дейзи придвинулась к окну, наблюдая, как плоские болота долины Ли постепенно сливаются с грязными и несимпатичными предместьями Восточного Лондона. Проведя два месяца в маленьком мирке «Аркадии» и Мерхема, она почему-то почувствовала себя провинциалкой, почти опасаясь большого города. Лондон, казалось, был неразрывно связан с Даниелем. А потому вызывал боль. В Мерхеме ей жилось спокойно: никакого прошлого, никаких ассоциаций. Но только когда поезд приблизился к городу, она осознала, что дом дарил ей больше душевного покоя, чем можно было себе представить.

Лотти сказала бы, что все это глупости.

— Тебя ждет чудесный день, — прокомментировала она, отправляя в раскрытый ротик Элли ложку подслащенной овсянки. — Тебе полезно пропшырнуться. Быть может, ты даже найдешь время встретиться с подружками и узнать все новости.

Дейзи, как ни старалась, не вспомнила ни одной. Она всегда дружила больше с мальчиками, чем с девочками: наверное, так бывает, когда парни других девушек находят тебя чересчур привлекательной. Видимо, она плохо старалась, потому что сейчас из настоящих подруг у нее остались только сестра («Ты наконец подала на алименты?») и Камилла («Я не чувствую никаких растяжек. Ты в прекрасной форме»). И вот теперь появилась Лотти, которая, приоткрыв немного свое прошлое, стала держаться более расслабленно, высказываться не так строго, с большой долей юмора.

— Надеюсь, ты выберешь что-нибудь нарядное, — сказала она, когда Дейзи направилась наверх переодеваться, — чтобы не выглядеть, как мешок с картошкой. Вдруг он поведет тебя в какое-нибудь шикарное место.

— Это не романтическое свидание, — ответила Дейзи.

— Ну, какое уж есть, — парировала Лотти. — Я бы на твоём месте воспользовалась случаем. Что с ним не так, если на то пошло? Симпатичный, неженатый. Явно при деньгах. Давай действуй, надень свой топик, сквозь который просвечивает белье.

— У меня только что произошел разрыв серьезных отношений. Самое меньшее, что мне сейчас нужно, — другой мужчина. — Дейзи остановилась на лестнице, стараясь скрыть румянец.

— Почему?

— Да так. Все это знают. Нельзя от одного сразу кидаться к другому.

— Почему же нет?

— Потому... Я могу оказаться неготовой.

— Да откуда ты знаешь?

— Не знаю... Такие метания приводят к депрессии.

Нужно подождать немного. Годик или больше. Чтобы не тащить за собой весь эмоциональный багаж.

— Эмоциональный багаж?

— Просто нужно войти в то состояние, когда ты готова встретить кого-то еще. Когда ты окончательно подвела черту под прошлым.

— Подвела черту? — повторила Лотти, словно пробуя слова на язык. — Кто это говорит?

— Не знаю. Все. Журналы. Телевидение. Психологи.

— А тебе нечего их слушать. Своего ума разве нет?

— Есть, но я тоже думаю, что мне не мешало бы притормозить немного. Я пока не готова впустить кого-то нового в свою жизнь.

Лотти взмахнула руками:

— Какие вы, девушки, все-таки разборчивые. То вам время не подходит. То одно нужно, то другое. Ничего удивительного, что столько много из вас остаются одни.

— Но ко мне это не относится.

— Разве?

Дейзи посмотрела ей прямо в глаза:

— Из-за Элли. И Даниеля... Я хочу сказать, что было бы справедливо дать ему немного времени одуматься. Так у нее будет шанс вырасти в полноценной семье.

— Вот как? Сколько же времени ты собираешься ему дать? — (Дейзи пожала плечами.) — И сколько хороших мужчин ты собираешься за это время отвергнуть?

— Ой, бросьте, миссис Бер... Лотти. Прошло всего несколько месяцев. И особой очереди из кавалеров я не замечала.

— Тебе нужно двигаться дальше, — с жаром произнесла Лотти. — Бессмысленно цепляться за прошлое, и не важно, есть у тебя ребенок или нет. Ты должна построить собственную жизнь.

— Он отец Элли.

— Его здесь нет, — фыркнула Лотти. — А если его здесь нет, значит он теряет право называться отцом.

Только сейчас Дейзи поняла, что Лотти так и не сказала ей, кто отец Камиллы.

— Вы сильнее меня.

— Не сильнее, — возразила Лотти, поворачиваясь, чтобы уйти в кухню, и снова замыкаясь в себе. — Просто практичнее.

Дейзи отвернулась от окна, наклонилась вперед и потеряла сандалию о голень другой ноги. Не нужен ей новый мужчина. Она еще не отошла от прежнего, нервы слишком напряжены. Одна мысль, что кто-нибудь увидит ее обнаженное тело, изменившееся после родов, приводила ее в ужас. А перспектива снова оказаться покинутой была невыносимой, даже думать о ней не хотелось. К тому же оставался еще Даниель. Она просто обязана приоткрыть для него дверь. Ради Элли.

Если, конечно, он когда-нибудь решится в нее войти, черт бы его побрал.

— Камилла?

— Ой, привет, мама.

— Я хочу сгонять в супермаркет. Возьму с собой малышку Элли. Тебе что-нибудь купить?

— Нет. У нас все есть... А Хэл там?

— Да, он снаружи. Выпил лишь чашку чая. Хочешь, я его позову?

— Нет. Нет... Мам, как тебе кажется, с ним все в порядке?

— Почему ты спрашиваешь? Что-нибудь случилось?

— Ничего. По-моему, ничего. Просто он... в последнее время какой-то странный.

— Что значит «странный»?

Камилла помолчала, потом ответила:

— Он меня сторонится. Кажется... будто он ушел в себя. Не хочет со мной разговаривать.

— Он только что свернул свой бизнес. Он имеет право погрустить.

— Знаю... Знаю... Просто...

— Что?

— Он и раньше знал, что дела идут плохо. Мы оба понимали, что ему придется закрыть мастерскую. И все равно отношения между нами наладились. Так хорошо уже не было сто лет.

Мать Камиллы задумалась:

— Нет, со мной он держится как всегда... Я надеюсь, тут не... Ты ничего от меня не скрываешь?

— О чем это ты?

— О том, что случилось раньше. С вами обоими. У вас не было... повторения прошлого?

— Нет, мам, конечно нет. Я бы никогда не... С прошлым покончено. Мы давно так решили. Я просто беспокоюсь, потому что Хэл... как-то изменился. Ладно, забудь. Забудь, что я сказала.

— А с ним ты об этом говорила?

— Забудь, мама. Ты права, он, скорее всего, расстроен из-за бизнеса. Я дам ему возможность подышать. Послушай, мне пора, нужно снять обертывание водорослями с Линды Поттер.

Лотти посмотрела на свою сумку, внезапно убедившись, что поступила правильно. Она пока не станет общаться Камилле о деньгах: подождет, пока они дочке действительно понадобятся. И похоже, это время не за горами, хотя Лотти надеялась на обратное.

— Знаешь, что ему нужно?

— Что?

— Подвести черту. Ему самому станет легче.

Под ногами водителя и пассажира в машине Джонса валялось восемнадцать пустых упаковок от мятных лепешек. Сосчитать их незаметно, не совершая слишком явных телодвижений, было задачей не из легких: многие были частично скрыты другим машинным хламом, таким как дорожные карты, листки с наспех нацарапанными адресами и старыми чеками заправочных станций. Но у Дейзи было предостаточно времени сосчитать все до единой, если учесть, что первые семнадцать минут пути, пока они ползли в пробках, Джонс почти не переставая орал в свой мобильный телефон, причем очень раздраженно:

— Так ему и скажите. Пусть присылает кого угодно. Весь кухонный персонал прошел специальную подготовку по профилактике перекрестного заражения продуктов. Мы ведем записи по температурам доставки, температурам хранения, качеству поставки и всему, чему угодно, пропади оно все пропадом. Если он хочет прислать чертову комиссию из «Пищевых стандартов», то передайте ему, что в моих морозильниках имеются восемнадцать чертовых индивидуальных отсеков — по одному на каждое блюдо, что мы готовим. И мы, разрази нас гром, можем отослать образцы на анализ... — Он махнул в сторону бардачка, давая понять Дейзи, что нужно его

открыть. — Да, мы знаем. Нет ни одного пункта в перечне гигиенических требований к продуктам, который мой персонал не знал бы наизусть. Спросите любого. Послушайте, он утверждает, что ел утку. Утку, верно?

Она открыла бардачок, откуда выпало несколько рулеток, а также бумажник, пакетик мятных лепешек и несколько электрических шнуров непонятного назначения. Дейзи сунула руку в оставшийся хаос и выуживала по одному предмету для инспекции Джонса.

— Нет. Нет, не ел. Двое моих работников готовы подтвердить, что он ел устрицы. Подождите минутку. — Он прервал разговор, чтобы помахать рукой, указывая на бардачок, и одними губами произнес: — Таблетки от головной боли. — Потом продолжил разговор: — Вы слушаете? Да. Именно устрицы. Нет, вы не слушаете меня. Просто послушайте. Он ел устрицы, а если вы взгляните на его счет из бара, то увидите, что он выпил по крайней мере три порции алкоголя. Да, верно. У меня есть показание кассы. — Он выхватил упаковку из руки Дейзи, пробил фольгу и закинул таблетки в рот. — Пищевое отравление? Черта лысого! Он просто не знал, что в таких случаях алкоголь не употребляют. Придурок какой-то.

Дейзи смотрела в окошко на проезжавшие машины и старалась подавить раздражение, появившееся после того, как Джонс небрежно поздоровался с ней, махнув рукой, и возмраставшее с каждым из трех телефонных разговоров, которые он вел с тех пор, как она села к нему в машину.

— Простите. Я на секунду, — сказал он, а затем забыл о ее существовании. — А мне наср... — орал он так, что Дейзи закрыла глаза. Джонс мужчина крупный, и потому крепкие выражения, вырывавшиеся у него в замкнутом пространстве автомобиля, звучали по-особому вырази-

тельно. — А вы передайте ему, пусть присылает своих долбан... — Тут он повернулся и заметил страдальческое лицо Дейзи. — Передайте ему, что пусть присылает своих адвокатов, инспекторов и кого угодно прямо ко мне. Я засужу его задницу за дискредитацию моего заведения. Да. Верно. Любые записи, какие они захотят увидеть. Они знают, где меня найти. — Он нажал кнопку на приборной доске и сорвал наушник. — Да пошел он... — Джонс поджал губы. — Чертов мерзавец. Мерзкий торгаш пытается выбить из меня компенсацию. В этом все дело. Обжирается устрицами, накачивается алкоголем под завязку, а потом удивляется, почему на следующий день у него болят кишки. Можно подумать, я виноват. Насылает на меня всяких инспекторов, а те собираются закрыть меня для полной проверки, которая продлится до скончания века. Нет, они по-настоящему вывели меня из себя.

— Я вижу, — сказала Дейзи.

Он даже бровью не повел в ее сторону. Таким шумным и оживленным ей еще не доводилось его видеть, но все это было направлено не на нее. Она приехала такая красивая, впервые ощущая это с тех пор, как у нее появился ребенок: в новой футболке и юбке, со свежим цветом лица после масок у Камиллы, вытерпев мучительную эпиляцию воском, став если не прежней Дейзи, то, по крайней мере, обновленной Дейзи. А он? Что он заметил, когда смотрел на ее длинные загорелые ноги? Что она ступает на стрелки, указывающие, где находится строительная свалка?

— Это все его подруга науськивает, — продолжал Джонс, пригибаясь к рулю. — Она уже не раз пыталась выкинуть с нами подобный фокус. Последний случай — вывихнула лодыжку в туалете, кажется. Разумеется, никакого медицинского освидетельствования не предостави-

ла. Я бы близко не подпустил ее к клубу. Но в тот вечер меня не было.

— Вот как?

— А всё эти американцы. Так и норовят устроить тяжбу, черт бы их побрал! Каждый хочет урвать что-то просто так. И все кругом виноваты. Боже! — Он ударил кулаком по рулю, заставив Дейзи подпрыгнуть. — Если этот козел явится снова, я его действительно отравлю. Который час?

— Простите?

— Эддридж-стрит, Минерва-стрит... Это где-то здесь. Который час?

Дейзи взглянула на свои часики:

— Двадцать пять двенадцатого.

— Вот и приехали. Чертов маленький... Ну и где здесь парковаться?

Хорошее настроение Дейзи растворилось быстрее, чем таблетки от головы, которые принял Джонс. Наконец, потеряв терпение, она с шумом вылезла из «сааба» и оказалась на площадке со всяким архитектурным хламом. Прохладу автомобильного салона с кондиционером тут же поглотила душная жара городского лета.

Дейзи не привыкла, чтобы на нее не обращали внимания. Даниель всегда подчеркивал, как она прекрасно выглядит, высказывал пожелания по поводу того, что ей надеть, касался ее волос, держал за руку. Если они выходили из дому, он тоже о ней заботился: проверял, тепло ли она оделась, интересовался, не хочется ли ей чего-нибудь съесть или выпить, — в общем, старался, чтобы ей было хорошо. Хотя, с другой стороны, у них ведь сейчас не свидание. Да и Даниеля рядом не оказалось в самое нужное время.

Мужчины. Дейзи невольно выругалась, совсем в духе Джонса, и тут же себя возненавидела, что становится одной из желчных и дерганых мужененавистниц, которых всегда презирала.

Рынок казался огромным и усталым: на высоких полках громоздились пиломатериалы, каменные плиты были сложены в зловещего вида башни, кладбищенские скульптуры пялились невидящими глазами куда-то вдаль. А за воротами из рифленого железа шумел лондонский транспорт, изрыгая сизый дым и сердито сигналил. При других обстоятельствах знакомство с новым архитектурным рынком наполнило бы ее радостным возбуждением, ожиданием чего-то приятного, как случается со старлетками, сидящими в первом ряду на модном показе. Но настроение Дейзи было испорчено — и все из-за отвратительного поведения Джонса. Она всегда зависела от чужого настроения, никогда не умела абстрагироваться. Если Даниель пребывал в мрачном расположении духа, она пыталась его развеселить, терпела поражение, сердилась на себя за неудачу и в конце концов тоже начинала кукситься. А на него, как нарочно, ее настроение не влияло.

— Никак не мог найти проклятый парковочный счетчик. Он оказался на двойной желтой.

Джонс прошел в ворота и направился к ней, хлопывая себя по карманам и всем своим видом излучая недовольство. Не буду ему отвечать, сердито подумала Дейзи, пока он не сбросит с себя это настроение и не начнет говорить по-человечески. Она отвернулась и зашагала к секции окон и зеркал, сложив руки на груди и втянув голову в плечи. Отошла на несколько шагов и услышала, как зазвонил его мобильный телефон, громко, на всю площадку, а затем точно так же прозвучал его взрывной ответ. Единственный покупатель, оказавшийся поблизости в

этой части рынка, мужчина средних лет, в очках с тонкой оправой и в твидовом пиджаке, оглянулся, чтобы посмотреть, откуда столько шума, и она тоже сердито взглянула, как будто не имела никакого отношения к нарушителю спокойствия.

Дейзи продолжала идти, пока не оказалась в крытой части торговой площадки, как можно дальше от его голоса, и в ярости, что на нее так повлиял недостаток внимания со стороны Джонса, она едва обращала внимание на викторианскую сантехнику и зеркала с гравировкой. Как всякий выходец с юга с глубоко укорененным чувством превосходства, она тут же заклемила его невежественным типом с дурными манерами — в духе своей сестры. Не важно, сколько у тебя денег, если ты не умеешь вести себя в обществе. «Вспомни Аристотеля Онассиса, — сказала бы Джулия. — Разве он не отругивал и не пукал, как босяк?» Видимо, все богачи — грубияны, рассуждала Дейзи, не имеющие обыкновения изменять своим привычкам ради других. Впрочем, она не была уверена: других по-настоящему богатых людей, кроме Джонса, она не знала.

Она остановилась перед небольшим витражным окном с улыбающимся херувимом. Она любила витражи: они редко попадались, но почти всегда очень удачно становились центром композиции. Сразу позабыв о своем дурном настроении, она принялась прикидывать, где бы его применить, мысленно перебирая все внутренние двери, окна и ширмы. Через несколько минут до нее дошло, что в «Аркадии» этот витраж ей не нужен. Она хотела купить его для себя. Уже несколько месяцев она почти ничего себе не покупала, кроме туалетных принадлежностей и продуктов. А ведь когда-то Дейзи считала посещение

магазинов таким же необходимым для своего благополучия, как пища или воздух.

Она наклонилась, чтобы лучше рассмотреть витраж в приглушенном свете павильона. Ни один сегмент не разбит, все детали на месте, что было необычным для витража такого размера. Присев на корточки, она искала цену, а когда нашла, сразу выпрямилась и осторожно наклонила витраж обратно на стойку.

— Простите, — раздался голос за ее спиной. Дейзи обернулась. У входа в павильон стоял Джонс, по-прежнему держа в руке телефон. — Утро выдалось не лучшее.

— Я вижу, — сказала Дейзи.

— Так что там у вас?

— Вы о чем?

— Что вы рассматривали?

— Это просто витраж. Для «Аркадии» не годится.

Он отвел взгляд.

— Который час? — в конце концов поинтересовался он.

Дейзи со вздохом взглянула на часы:

— Пять минут первого. А что?

— Не важно. Просто не хочу опаздывать на обед. Я заказал столик.

— Но это же ваш клуб.

— Да... — Несколько минут он разглядывал пол, затем, когда его глаза привыкли к тени, начал озираться по сторонам. — Все равно простите. За поездку. За все. Вам не следовало все это выслушивать.

— Да, — согласилась Дейзи и вышла на солнце.

Джонс не сразу понял, что она не собирается его ждать, поэтому догнал ее через несколько минут.

— Вас что-то расстроило? — Он отставал от нее на полшага, когда протянул руку, чтобы взять за локоть.

Дейзи остановилась:

— С какой стати мне расстраиваться?

— Только не надо так. Бросьте свои дамские штучки.

У меня нет времени играть в двадцать вопросов, угадывая, что случилось.

Дейзи покраснела от гнева, усугубленного подозрением, что если выразит свои чувства вслух, то прозвучит это смешно.

— В таком случае забудьте. — Она продолжала идти, почему-то чувствуя комок в горле.

— Что забыть?

Она поняла, что сама толком не знает.

— Ой, бросьте, Дейзи...

Она обернулась к нему в бешенстве:

— Послушайте, Джонс. Я ведь не должна была ехать сюда сегодня, верно? Я могла бы остаться дома, греться на солнышке, работать, играть с дочкой и вообще отлично проводить время. В конце концов, вы сами твердите мне, что некогда отвлекаться. Но я подумала, что мы сделаем хорошие закупки, а потом прилично пообедаем. Я думала, эта встреча... будет полезна для нас обоих. Я никак не предполагала, что проведу целый день, застряв на раскаленной свалке и слушая вопли невежественного свинтуса с нервным тиком.

По справедливости следует заметить, что она не ожидала подобной резкости от самой себя.

Последовала короткая пауза.

Дейзи на время упустила из виду тот факт, что он все еще ее босс.

— Итак. Дейзи... — Он загородил ей дорогу. — Размышляете, как пощадить мои чувства?

Она подняла на него взгляд.

— Как насчет перемирия? Если я выключу телефон?

Она была не из тех, кто долго дуется. При обычных обстоятельствах.

— А как насчет второго телефона, спрятанного в пиджаке?

— За кого вы меня принимаете? — Он полез во внутренний карман, откуда достал второй мобильник, и тоже его выключил.

— Чертовы валлийцы, — сказала она, не сводя с него немигающего взгляда.

— Чертовы женщины, — сказал он и протянул ей руку.

С той минуты настроение Джонса значительно улучшилось, а вместе с ним и она воспряла духом. Он расслабился, внимательно выслушивал все ее предложения, даже почти не возражал, когда она выбирала нечто совсем причудливое, и протягивал кредитную карту с приятной регулярностью.

— Вы уверены, что хотите потратить столько денег? — спросила она, когда он согласился приобрести по явно завышенной цене аптечку для одной из ванных комнат. — Эта площадка не из самых дешевых.

— Скажем так: я получаю от сегодняшнего дня больше удовольствия, чем рассчитывал, — ответил он и не заинтересовался снова, который час.

Незадолго до отъезда, видимо заразившись беспечностью Джонса, с которой тот обходился со своей кредиткой, Дейзи приняла решение насчет витражного окна. Чересчур дорогое. Ей даже некуда было его установить. Но она хотела приобрести это окно, понимая, что если не сделает этого, то будет переживать потом несколько месяцев. Точно так, как ее подруги сожалели о потерянных

ных кавалерах, она до сих пор вспоминала одну венецианскую люстру, упущенную на аукционе.

Она подошла к Джонсу, когда тот оплачивал счет у кассира и договаривался о доставке.

— Я отойду на пять минут, — сказала она, показывая на павильон. — Хочу купить кое-что для себя.

И чуть не расплакалась, услышав, что вещь продана. Надо было сразу ее купить, как только увидела, отчитывала она себя: все хорошее нужно сразу хватать. Если не умеешь разглядеть достойную вещь, то ты ее не заслуживаешь. Дейзи с тоской смотрела на херувима, все больше сожалея, что теперь витраж уйдет в другие руки.

Однажды она все-таки спасла приглянувшийся диванчик, умудрилась отыскать торговца мебелью, который увел диван прямо у нее из-под носа, пока она осматривала всякую ерунду в лавке, и предложила перекупить у него. Он зарядил ей почти двойную сумму от первоначальной цены, и хотя в то время деньги ее не волновали, а получить диванчик хотелось отчаянно, спустя несколько месяцев она пришла к выводу, что заплаченная цена каким-то образом испортила все удовольствие от вещи. Теперь, когда она смотрела на него, она видела не с трудом добытый антиквариат, а непомерную сумму, которую ее заставили заплатить.

— Все в порядке? — спросил Джонс, стоя у штабеля запакованных дверей. — Купили что хотели?

— Нет, — ответила Дейзи, небрежно прислонившись к одной из дверных панелей с матовым стеклом. Она решила про себя, что не станет ныть. Этот случай послужит ей уроком. — Упустила момент, — призналась она, потом ойкнула и повалилась вбок, когда стекло треснуло и рассыпалось.

Они провели два часа сорок минут в приемной «скорой помощи», где она получила двенадцать швов, марлевую перевязь и несколько чашек подслащенного чая из автомата.

— Думаю, обед мы не потянем, — сказал Джонс, когда позже помогал ей сесть в машину, — но пара глотков чего-нибудь крепкого, вероятно, придется кстати. — Он вложил ей в здоровую руку коробочку с обезболивающим. — Да, их можно принимать с алкоголем. Это первое, что я проверил.

Дейзи молча сидела на пассажирском месте, вся забрызганная кровью, в разобранных чувствах и гораздо больше потрясенная, чем ей хотелось бы признать. Джонс повел себя на удивление прекрасно: терпеливо сидел с ней во всех очередях, пока дежурные сестры, а потом и врачи обрабатывали ей раны и зашивали руку, так что в конце концов она стала походить на тряпичную куклу. Джонс отлучался дважды, чтобы поговорить по телефону. Один звонок, как он позже признался в машине, он сделал Лотти, предупредив, что Дейзи вернется позже, чем предполагалось.

— Она рассердилась? — спросила Дейзи, в ужасе глядя, как пятна крови на светлой кожаной обивке становятся коричневыми.

— Ничуть. С девочкой все в порядке. Лотти заберет ее с собой, так как обещала мужу поужинать с ним дома. А вы не в состоянии сесть за руль.

— Вот мистер Бернард обрадуется.

— Послушайте, это несчастный случай. Со всеми бывает. Не переживайте.

Он весь день был таким — спокойным, уверенным, — словно никуда не спешил и ни о чем не волновался. Они очень сблизились за то время, что провели на пластико-

вых стульях в больничном коридоре: ей приходилось опираться на него, а ему — бинтовать ей руку и ждать врачебной помощи. И говорил он с ней тихо и ласково, как говорят с больными. Иногда ей даже не верилось, что это тот самый человек, который утром посадил ее в машину у Ливерпульского вокзала.

— Я испортила вам день?

Он рассмеялся на это и, не отрывая взгляда от дороги, покачал головой.

Дейзи, старавшаяся не обращать внимания на боль в руке, перестала разговаривать.

Когда они доехали до «Красных комнат», настроение у него ухудшилось — отчасти потому, что их никто не встретил, когда они вошли. За такое увольняют, позже пояснил он, когда она спросила, в чем проблема.

— Каждого, кто сюда заходит, следует приветствовать как старого друга. Я плачу своим служащим за то, чтобы они запоминали имена и лица, а не за то, чтобы обедали во внеурочное время.

Он держал ее за здоровую руку, пока она поднималась по деревянным ступеням, проходила мимо баров, где под работающими вентиляторами сидели люди, незаметно вытягивая шею, когда приходил кто-то новый, — вдруг это окажется кто-то более известный, чем они. При виде Джонса они махали или радостно его приветствовали. Раньше она сочла бы такой интерес зевак забавным, но, когда Джонс сказал, что столик им накроют на террасе перед его кабинетом, у нее отлегло от сердца: не придется сидеть на виду у завсегдатаев лондонских баров в окровавленной одежде и с рукой на перевязи.

Она не ожидала такого возвращения в большой город, где ее смущал оглушающий шум транспорта, раскатистый грохот дорожных работ, орущие люди. На нее

давили высотные здания. Она успела забыть, как пробираться сквозь толпу, и все время отходила не в ту сторону. Ее вдруг пронзила тоска по ребенку, чего она никак не ожидала: глубокое чувство беспокойства, когда она представила, сколько миль их сейчас разделяет. Но хуже всего, что ей все время попадались на глаза мужчины, похожие на Даниеля, и каждый раз внутри у нее все сжималось.

Джонс попросил дать ему пять минут, чтобы «уладить кое-какие дела». Девушка, подававшая напитки, красавица-амазонка с темным загаром и длинными черными волосами, искусно уложенными в узел, удивленно на нее посмотрела.

— Прошла сквозь дверь, — пояснила Дейзи, с трудом улыбнувшись.

— А-а-а, — незаинтересованно отозвалась девушка и неспешно отошла прочь, оставив Дейзи сокрушаться, что сказала такую глупость.

— Джонс, мне очень жаль, но я бы хотела вернуться домой, — заявила она, когда он наконец появился на террасе. — Не могли бы вы подвезти меня до вокзала?

Он нахмурился, медленно опустил на стул напротив нее:

— Плохо себя чувствуете?

— Небольшая слабость. Думаю, мне лучше вернуться... — Она умолкла, осознав, как только что назвала отель.

— Для начала поешьте. Вы целый день не ели. Поэтому у вас и слабость. — Прозвучало как распоряжение.

Она слегка улыбнулась, приставив руку козырьком к глазам, чтобы закрыться от света.

— Как скажете.

Она заказала бифштекс и сидела, смущаясь, пока он, забрав тарелку, разрезал для нее мясо, чтобы она могла обойтись одной рукой.

— Я чувствую себя идиоткой, — периодически повторяла она.

— Поешьте, и вам станет лучше. — Сам он есть не стал, пробормотав слегка неловко, что пытается сбросить несколько фунтов. — Всю жизнь занимаюсь развлечением других, — сказал он, бросив взгляд на свой живот. — Раньше все перегорало быстрее.

— Это возраст, — прокомментировала Дейзи, допивая второй коктейль с белым вином.

— Слышу, что вам уже лучше, — съязвил он.

Они обсудили фреску и лица, которые Хэл старательно и осторожно открыл всему свету. Лотти, как рассказала Дейзи, по-прежнему не радовалась реставрации. Но, убедившись, что так, как она хочет, не получится, она начала, правда без особого восторга, опознавать кое-какие персонажи. Один из них, Стивен Микер, жил в нескольких милях вдоль побережья, в домике на берегу. (Они не дружили, как сказала Лотти, но он был очень мил с ней, когда родилась Камилла.) Накануне она показала Дейзи Аделину, и Дейзи еще долго стояла перед фреской, любясь этой женщиной, похожей на куклу, чье скандальное поведение в прошлом теперь считалось нормой. Она и Френсис узнала. Но лицо оказалось частично стертым. Дейзи подумала, не попытаться ли им отыскать фотографию Френсис — может быть, в каких-нибудь художественных архивах, чтобы вернуть ее к нарисованным друзьям.

— Несправедливо, что именно она будет отсутствовать на фреске, — произнесла Дейзи.

— Быть может, она этого и хотела, — ответил он.

Она не стала рассказывать ему о предыдущем вечере, когда выглянула в окно и увидела Лотти, замершую перед фреской и погруженную в собственные мысли. Потом

Лотти медленно подняла руку, словно собираясь до чего-то дотронуться, но резко повернулась и ушла прочь.

Он поделился с ней планами открытия отеля, продемонстрировал несколько папок с подробным описанием и фотографиями предыдущих мероприятий, которые проводил. Почти на всех, как она заметила, его окружали высокие гламурные красавицы.

— На этот раз я хочу сделать что-нибудь другое, хочу отразить историю дома. Но ничего не могу придумать, — признался он.

— Это будет съезд знаменитостей? — спросила Дейзи, почему-то чувствуя свою причастность к будущему мероприятию.

— Надеюсь, мы увидим несколько известных лиц, — признался он. — Но мне не нужен заурядный прием с канapé. Весь смысл создания подобного отеля в том, что он другой, чуть выше остальных, если хотите, — слегка смутившись, договорил Джонс.

— Интересно, найдется ли кто-нибудь из них в живых, — сказала Дейзи, глядя на папку.

— Кого вы имеете в виду?

— Людей с фрески. Мы знаем, что Френсис и Аделины больше нет. Но если фреску создали в пятидесятых, то есть шанс, что многие персонажи еще живы.

— Ну и что?

— Мы найдем их, соберем вместе. В вашем отеле. В день открытия. Вам не кажется, что это будет потрясающий рекламный ход? Подумайте сами, если эти люди в свое время считались *enfants terribles*, как утверждает Лотти, то прессу мы получим фантастическую. Изображение на стене, фреска... Думаю, это будет здорово.

— Если они живы.

— Вряд ли я смогу их пригласить в противном случае. Зато местных это может немного успокоить: все-таки речь пойдет об их истории.

— Надеюсь, это сработает. Я подключу Кэрол.

Дейзи оторвала взгляд от бокала:

— Это кто еще такая?

— Она устраивает все мои вечеринки. У нее собственное пиар-агентство, и она организует все мои мероприятия. — Он нахмурился, глядя на Дейзи. — А в чем проблема?

Дейзи взяла в руки бокал и сделала большой глоток:

— Дело в том... Дело в том, что мне самой хотелось бы все устроить.

— Вам?

— Ну да. Это же моя идея. И потом, я нашла... Мы нашли фреску. Я чувствую, что тоже имею к этому отношение.

— Где вы найдете время?

— Мне понадобится сделать всего несколько телефонных звонков. Послушайте, Джонс... — Она почти бессознательно протянула руку через стол. — Я действительно считаю эту фреску особой. Может быть, даже важной. Вам не кажется, что подобную новость лучше держать в секрете, хотя бы первое время? Так вы получите лучшее освещение в прессе, если новость не просочится по каплям. А вы знаете, каковы пиарщики: совершенно не умеют держать рот на замке. Я не сомневаюсь, что ваша Кэрол — отличный работник, но если мы сейчас никому не расскажем о фреске, хотя бы до окончания работ, то новость в результате прозвучит громче.

Она раньше думала, что у него черные глаза, но теперь убедилась, что на самом деле они синие.

— Если вы считаете, что это не будет для вас дополнительной нагрузкой, то конечно, — согласился он. — Можете передать им, что я поселю их, заплачу за дорогу, пойду на другие расходы. Но не питайте великих надежд. Некоторые из них могут оказаться слабыми, больными или выжившими из ума.

— Они не намного старше Лотти.

— Мм-да.

Они улыбнулись друг другу. Почему-то как заговорщики. Дейзи почувствовала, что ей стало гораздо лучше, и тут же встревожилась, потому что это было неправильно.

Он собрался отвезти ее обратно в Мерхем. Не стал слушать никаких возражений. Времени это займет немного, так как час пик уже прошел, а кроме того, ему захотелось посмотреть фреску.

— Но будет темно, — сказала Дейзи, выпившая так много, что рука перестала болеть. — Что вы там разглядите?

— В таком случае мы включим все освещение. — Он исчез в кабинете. — Дайте мне две минуты.

Дейзи сидела на освещенной террасе в накинутом на плечи кардигане, слушая далекие звуки веселья и шум улицы внизу. Ей больше не казалось, что она здесь как белая ворона. И в обществе Джонса она больше не испытывала неловкости, будто пытаясь что-то ему доказать, убедить, что в данный момент он видит не лучшую ее сторону. Здесь все было по-другому, пока она наблюдала за ним в его привычном окружении, легко передвигающимся в толпе уважительных, жаждущих общения с ним людей. Ужасно, что власть делает человека более привлека-

тельным, думала Дейзи, в то же время борясь с тайным радостным ожиданием того момента, когда они снова окажутся вдвоем в пустом доме.

Она достала из сумки мобильный телефон, чтобы проверить, как там Элли, и тихо выругалась, обнаружив, что сел аккумулятор. В Мерхеме она почти не пользовалась мобильником, так что, вполне вероятно, он разрядился еще неделю назад.

— Уже закончили? — Официантка начала собирать со стола пустые бокалы.

— Да, спасибо. — То ли помог алкоголь, то ли внимание Джонса, но Дейзи перестала перед ней робеть.

— Джонс просил передать вам, что задержится еще на пять минут. Застрял на телефоне.

Дейзи понимающе кивнула, прикидывая, удобно ли будет одолжить потом у него телефон, чтобы позвонить Лотти.

— Как еда?

— Все чудесно, спасибо. — Дейзи протянула руку и взяла с десертной тарелки последний кусочек шоколадного торта.

— Во всяком случае, Джонс выглядит лучше. А то утром у него было совсем поганое настроение. — Девушка складывала тарелки в стопку быстрыми, точными движениями. Использованные салфетки она засунула в бокалы и все это водрузила сверху. — Хорошо, что он смог отвлечься сегодня.

— Почему? Что такое?

— Его жена. То есть бывшая жена. Второй раз вышла замуж — сегодня днем, кажется. Он просто не знал, куда себя деть.

Шоколадный торт почему-то сразу прилип к нёбу.

— Ой, простите. Вы же не встречаетесь с ним?

Дейзи проглотила и улыбнулась, глядя на встревоженное лицо девушки:

— Нет. Конечно нет. Всего лишь оформляю его новое заведение.

— То, что у моря? Здорово. Скорее бы там побывать. Но все равно. — Девушка наклонилась, бросив взгляд на дверь. — Мы все его любим до смерти, пусть он будет здоров, но он самый настоящий потаскун. По-моему, успел переспать с половиной работающих здесь девушек.

Джонс оставил все попытки завязать разговор где-то в районе Колчестера. Поинтересовавшись, устала ли она, и получив подтверждение, он сказал, что даст ей возможность поспать, если угодно. Дейзи отвернулась и устала на дорогу, несущуюся мимо, а сама думала, как вместить столько противоречивых чувств в одной маленькой, весьма потрепанной душе.

Он нравился ей. Вероятно, понравился с той секунды, как посадил в свою машину и сразу перестал обращать на нее внимание, чем вызвал в ней досаду. Она призналась в этом себе, когда он повел себя непривычно нежно и заботливо после инцидента со стеклом. Прямо побелел, увидев, как сильно хлещет кровь из ее руки, и тут же начал решительно отдавать распоряжения, а потом мигом домчал ее до больницы. После ухода Даниеля ее никто так не защищал. (Дейзи хоть и стала другой, но по-прежнему нуждалась в защите.) Но слова официантки о повторном браке ударили по ней, как кувалдой. Она ревновала. Ревновала к бывшей жене за то, что та когда-то была за ним замужем, ревновала к любой, кто был способен довести его до такого взвинченного состояния. А потом официантка упомянула других девушек.

Дейзи сползла немного с сиденья, чувствуя досаду и отчаяние. Это было неприлично. Он сам неприличен. Бессмысленно цепляться за того, кто, как красноречиво выразилась официантка, «настоящий потаскун». Дейзи принялась украдкой его рассматривать. Она знала этот тип. «Тайфун, а не мужчина, — говорила о таких Джулия. — По-своему неотразим, но лучше от него держаться подальше. Проезжай мимо и моли Бога, чтобы он тебя не задел». Но если бы она захотела быть задетой, что было, разумеется, не так, Джонс совершенно ей не подходил, даже на роль «клин клином». Его стиль жизни, его прошлое — все указывало на патологическую неверность и неспособность к серьезным отношениям.

Дейзи содрогнулась, словно испугавшись, что он услышит ее мысли. Потому что все это основывалось на предположении, что она ему нравится, в чем, откровенно говоря, она не была уверена. Ему нравилась ее компания, да, ее идеи, но ее с той официанткой разделяла целая генетическая ступень, как и с остальными стройными загорелыми девушками, населявшими его мир.

— Вам тепло? Пиджак на заднем сиденье, если хотите.

— Не нужно, — коротко бросила Дейзи.

Несмотря на поздний час и возобновившуюся дергающую боль в руке, она пожалела, что не поехала поездом. «Нельзя этого делать, — думала она, закусив губу. — Я не могу позволить себе что-то чувствовать. Слишком это больно и слишком сложно». Она ведь начала выздоравливать, пока не провела время с Джонсом. И теперь рана снова открылась.

— Ментоловую лепешку? — предложил Джонс.

Она покачала головой, и он наконец оставил ее в покое.

К «Аркадии» они подъехали без четверти десять, машина громко захрустела гравием, а когда остановилась, то тишина прозвучала еще громче. Небо было безоблачным. Дейзи вдохнула чистый соленый воздух, слушая далекий рокот моря внизу.

Она скорее почувствовала, чем увидела, что Джонс смотрит на нее. Решив, вероятно, ничего не говорить, он вышел из машины.

Дейзи ощупывала дверцу, пытаясь ее открыть, но ей не удавалось из-за перебинтованной руки, и она снова была близка к слезам. Нет, в его присутствии опять расплакаться никак нельзя. День и без того был полон неприятностей.

Миссис Бернард оставила кое-где гореть свет, чтобы дом выглядел более дружелюбно, и из окон на гравий лился желтый свет. Дейзи подняла взгляд к верхнему этажу, остро сознавая, что проведет очередную ночь одна.

— Вы в порядке? — рядом оказался Джонс. Он держался уже не так весело — скорее, задумчиво. Она подумала, что он собирается сказать что-то серьезное.

— Да, — ответила Дейзи, вылезая из машины и прижимая при этом пострадавшую руку к груди. — Я справлюсь.

— Когда миссис Бернард принесет ребенка?

— Рано утром.

— Хотите, я съезжу за ней? Это займет пять минут.

— Нет. Возвращайтесь. Вы, наверное, нужны в Лондоне.

Он пристально на нее посмотрел, и она покраснела, устыдившись своего тона и радуясь, что на плохо освещенной подъездной аллее он, скорее всего, не может видеть цвет ее лица.

— Во всяком случае, спасибо, — сказала она, вымученно улыбнувшись. — И простите... Простите за все.

— Это не составило мне никакого труда. Правда.

Он стоял перед ней, загораживая проход своей огромной фигурой. Она уставилась на свои сандалии, всем сердцем желая, чтобы он поскорее ушел. Но он, как видно, не торопился.

— Я расстроил вас, — сказал он.

— Нет, — поспешила заверить его Дейзи. — Абсолютно нет.

— Уверены?

— Я просто устала. Рука немного болит.

— Сами справитесь?

Она взглянула ему в лицо:

— Справлюсь.

Они стояли на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Джонс, пытаясь скрыть неловкость, перебрасывал ключи от машины из одной руки в другую. «Почему же вы не уходите?» — хотелось закричать Дейзи.

— Ах да, — сказал он. — Вы забыли кое-что в багажнике.

— Что?

— Вот. — Он обошел машину и с помощью устройства в виде брелока открыл багажник.

Дейзи пошла за ним, придерживая на плечах кардиган. Перевязь натирала ей шею, и она подняла здоровую руку, чтобы поправить узел. Когда она закончила, Джонс по-прежнему смотрел в багажник. Она проследила за его взглядом. Там, на большом сером одеяле, лежало витражное окно, едва различимое в тени от крышки багажника.

Дейзи замерла.

— Я видел, как вы смотрели на него, — смущенно проговорил Джонс, переминаясь с ноги на ногу. — Вот

и купил для вас. Мне показалось... что ангелок немного похож на вашу девочку.

Дейзи услышала ветер, шумевший в соснах, и тихий шепот травы в дюнах. Но эти звуки почти утонули в звоне, стоявшем у нее в ушах.

— Это знак благодарности, — сурово произнес он, по-прежнему глядя в багажник. — За все, что вы сделали. За дом и все остальное.

Потом он поднял голову и внимательно на нее посмотрел. И Дейзи, небрежно держа сумку здоровой рукой, перестала слушать. Она видела перед собой темные грустные глаза и лицо, уже казавшееся не грубым, а очень даже милым.

— Мне очень нравится, — сказала она тихо, не отрывая от него взгляда.

Она шагнула к нему и невольно протянула перебинтованную руку, не в силах дышать. Но остановилась, потому что в эту секунду распахнулась дверь и вылившийся наружу свет упал на них обоих.

Дейзи обернулась и заморгала, пока ее глаза привыкали к силуэту, возникшему в дверном проеме, силуэту, который никак не мог принадлежать и не принадлежал Лотти Бернارد. Дейзи закрыла глаза и тут же открыла снова.

— Привет, Дейз, — произнес Даниель.

На этот раз она исполнила угрозу. Лотти строила для Элли башню из кубиков, поглядывая на террасу, где стояли двое. Она повернулась к Эйдану и поднялась с пола:

— Кто?

Она успела забыть, сколько раз за день приходится опускаться на пол и подниматься, если в доме маленькие дети. С Камиллой ей почему-то было легче. И даже с Кейти. Спина так не болела.

— Твоя любимица, что живет в конце улицы, мадам Шерстяные Гетры, или как там ее зовут. Ты это видела? — Он подошел к ковру и протянул местную газету, открытую на странице писем. — Призывает всех здравомыслящих людей пикетировать отель. Чтобы не позволить мильяге Джонсу торговать алкоголем.

— Что такое? — Лотти читала заметку, рассеянно протягивая цветные кубики девочке. — Чертова дуреха, — сказала она. — Можно подумать, несколько калек-пенсионеров с плакатами что-то изменят. Ей нужно проверить голову.

Эйдан взял кружку чая, не замечая, какая она горячая, из-за слоя штукатурки на пальцах.

— Огласка, однако, пойдет нехорошая. Вряд ли хозяин обрадуется, если ему придется расчищать себе дорогу сквозь толпу покрашенных синькой пенсионеров.

— Это просто смешно, — сказала Лотти, пренебрежительно возвращая газету. — Несколько порций джина с тоником ничего для нашего городка не изменят.

Эйдан наклонился в сторону, когда заметил Дейзи с неизвестным ему мужчиной.

— Ого! — воскликнул он. — А у нашей Дейзи появился новый кавалер в ночную смену.

— Тебе что, делать нечего? — огрызнулась Лотти.

— Это как сказать, — отозвался он, выдержал длинную паузу, чтобы окончательно разозлить Лотти, и только потом не спеша ушел.

Это был отец ребенка. В этом она не сомневалась, сразу поняла, как только открыла ему дверь вчера вечером: такие же темные волосы и глубоко посаженные карие глаза, как у Элли.

— Что вам угодно? — спросила она, догадываясь, что сейчас скажет незнакомец.

— Могу я видеть Дейзи Парсонс? — В руках он держал сумку с вещами. Лотти сочла, что при данных обстоятельствах это наглость. — Я Даниель.

Она намеренно даже бровью не повела.

— Даниель Винер. Я... отец Элли. Мне сказали, что Дейзи здесь.

— Ее сейчас нет, — ответила Лотти, окидывая взглядом его напряженное лицо, модную одежду.

— Разрешите войти? Я только что с поезда. Кажется, здесь нет поблизости ни одного паба, где я мог бы подождать.

Она молча провела его в дом.

Разумеется, это было не ее дело. Она не могла указывать девушке, что делать. Но если бы решать предстояло ей, то она велела бы ему сматывать удочки. Лотти сцепила руки, сознавая, что безмерно сердита на этого человека из-за Дейзи. Сначала бросил ее с ребенком совсем одних, а потом решил, что может просто так вернуться, словно ничего не произошло. Дейзи и без него прекрасно обошлась, это каждый скажет. Лотти посмотрела на девочку, задумчиво кусавшую уголок деревянного кубика, потом перевела взгляд на террасу, где две фигуры стояли неподвижно на расстоянии нескольких шагов друг от друга — она что-то внимательно рассматривала на горизонте, а он — на своих туфлях.

«Я должна пожелать тебе жить с отцом, Элли, — мысленно произнесла Лотти. — Я, как никто другой».

Дейзи сидела на скамейке под фреской, между банками с кистями разного размера, а Даниель стоял спиной к морю и разглядывал дом. Она украдкой посматривала на него, испытывая неловкость, что он может это заметить.

— Ты отлично поработала над домом, — сказал Даниель. — Я бы его не узнал.

— Мы все много работали. Я, бригада строителей, Лотти, Джонс...

— Как мило с его стороны, что он подвез тебя из Лондона.

— Да, действительно. — Дейзи глотнула чая.

— А что с тобой случилось? Что с рукой? Я хотел спросить вчера вечером, но...

— Порезалась.

Он побелел.

Она не сразу догадалась, о чем он подумал.

— Нет-нет. Ничего подобного. Я упала сквозь стеклянную дверь. — Ее кольнула досада, что он все еще полагал, будто так важен для нее.

— Болит?

— Немного, но мне дали обезболивающее.

— Хорошо. Это хорошо. Я не про руку. Про таблетки.

А начиналось все не так напряженно. Увидев его вчера вечером, она на секунду подумала, что сейчас лишится сознания. Затем, когда Джонс быстро выгрузил витражное окно и сразу уехал, она прошла в дом и, ухватившись за перила, ударилась в слезы. Он обнял ее, извиняясь, тоже разрыдался, а она еще сильнее расплакалась, потрясенная, что его объятие, такое знакомое, сейчас казалось чужим.

Появление Даниеля было таким неожиданным, что она даже не знала, что чувствовать. Вечер, проведенный с Джонсом, все всколыхнул в ее душе, а потом вдруг перед ней предстал Даниель, чье отсутствие омрачало чуть ли не каждую минуту прошлых месяцев и чье появление теперь вызвало столько противоречивых чувств, что она могла только смотреть на него и плакать.

— Я очень виноват, Дейз, — сказал он, хватая ее за руки. — Очень, очень виноват.

Она не сразу пришла в себя, но, когда наконец немного успокоилась, налила здоровой рукой по большому бокалу вина. Закурила сигарету, заметив его удивленный взгляд и попытку спрятать удивление. Потом она сидела, глядя на него и не зная, что сказать, что спросить.

На первый взгляд он не изменился: такая же стрижка, те же брюки, те самые кроссовки, которые перед уходом он носил по выходным. Те же манеры: он то и дело про-

водил рукой по макушке, словно удостоверяясь, что она еще там. Но она присмотрелась внимательнее, и он показался ей другим — старше, что ли? Изможденным — да, без сомнения. Ей стало интересно, изменилась ли она.

— Тебе лучше? — наконец решилась она спросить. Вопрос показался ей самым безопасным.

— Я больше не... не растерян, если ты это имеешь в виду, — ответил он.

Дейзи сделала большой глоток вина. На вкус кисло-ватое: видимо, она уже чересчур много выпила.

— Где ты живешь?

— У брата. У Пола.

Она кивнула.

Он не сводил глаз с ее лица, со встревоженных, моргающих глаз. Тусклый свет не скрывал глубокие морщины под ними.

— Не думал, что ты здесь живешь, — сказал он. — Мама почему-то решила, что ты поселилась у кого-то в городе.

— У кого это, интересно? — резко спросила она, едва сдерживая гнев. — Мне пришлось оставить квартиру.

— Я съездил туда, — сказал он. — Там теперь живут другие люди.

— Ну да, мне было не по силам оплачивать аренду.

— На счете оставались деньги, Дейз.

— Их все равно не хватило бы на то время, что ты отсутствовал. К тому же мистер Спрингфилд неожиданно поднял цену.

Даниель покорно склонил голову.

— Ты хорошо выглядишь, — произнес он с надеждой.

Она вытянула ноги, стерла с коленки засохшее пятнышко крови.

— Во всяком случае, лучше, чем тогда, когда ты ушел. Впрочем, в то время я еще не успела оправиться от родов.

Наступила продолжительная, напряженная тишина.

Она смотрела на его густую темную шевелюру и думала, как часто плакала, проснувшись по утрам и не обнаружив ее на подушке. Каково это было — запустить в нее всю пятерню. Но сейчас она не испытывала острой потребности коснуться его волос. Она испытывала только холодную ярость. А под ней, свернувшись, лежал страх, что он снова уйдет.

— Прости, Дейз, — сказал он. — Я... Я не знаю, что со мной случилось. — Он пересел на край стула, словно собираясь начать речь. — Я принимаю антидепрессанты. Они помогают немного, я хотя бы больше не чувствую полной безнадежности, как раньше. Но я не хотел бы к ним привыкать. Не хочется стать от них зависимым. — Он сделал глоток вина. — А еще я ходил к психотерапевту. Недолго. Она была немного с деревенской придурью. — Он посмотрел на Дейзи, стараясь понять, как она примет старую общую шутку.

— Так что она тебе сказала? Насчет тебя, я имею в виду.

— Там было немного не так. Она задавала мне вопросы и ожидала, что я сам найду на них ответы.

— Неплохой способ зарабатывать на жизнь. Ну и как, находил?

— На некоторые. — Он не стал уточнять.

Дейзи слишком устала, чтобы выяснять, что это могло значить.

— Ну ладно. Переночуешь сегодня?

— Если позволишь.

Она еще раз сильно затянулась сигаретой и выпустила дым.

— Не знаю, что тебе сказать, Дан. Я слишком устала, и все это так неожиданно... Мысли путаются. Поговорим утром.

Он кивнул, по-прежнему не сводя с нее глаз.

— Можешь устроиться в люксе «Вулф». Одеяло там до сих пор в коробке. Воспользуйся.

Возможность для него переночевать где-то еще, видимо, не пришла в голову ни одному из них.

— Где она? — спросил он, когда Дейзи собралась уходить.

«А, наконец-то вспомнил», — подумала Дейзи.

— Ее принесут рано утром, — сказала она.

Ночью Дейзи не сомкнула глаз. Да и как могло быть иначе, когда она знала, что он лежит за стеной и тоже, наверное, не спит? В какой-то момент она отругала себя за такую реакцию, за то, что эффективно саботировала славное воссоединение. Ей ничего не следовало говорить сегодня, нужно было просто обнять его, притянуть к себе, вернуть беглеца домой. А потом вдруг она удивлялась, почему вообще позволила ему остаться здесь на ночь. Злость поселилась где-то внутри холодным и твердым комком и периодически выплескивала вопросы, словно желчь: где его носило? Почему он не звонил? Почему ему понадобился почти час, чтобы поинтересоваться дочерью?

Она поднялась в шесть и умылась холодной водой. Перед глазами стоял туман, голова раскалывалась. Жаль, что Элли не было рядом — она бы сосредоточилась на привычных обязанностях. А так она бесцельно бродила по дому, наслаждаясь чувством защищенности, которое он дарил. До последнего времени. Отныне она не сможет думать о нем и не вспоминать при этом Даниеля, который оставил свой отпечаток на всем, что раньше не было

с ним связано. Она не сразу поняла, что потеряла душевное равновесие, вновь ожидая его очередного ухода.

Он проснулся после возвращения Лотти. Она передала Элли с рук на руки и поинтересовалась у Дейзи, все ли в порядке. Элли явно не переживала разлуку с матерью накануне вечером.

— У меня все отлично, — сказала Дейзи, зарываясь лицом в шейку Элли. От дочки теперь пахло чужим домом. — Спасибо, что приглядели за ней.

— Она не доставила никаких хлопот. — Лотти понаблюдала за ней с минуту, выгнув бровь, когда ее взгляд упал на руку Дейзи. — Пойду приготовлю чай, — сказала она и ушла на кухню.

Через несколько минут спустился Даниель, припухшие глаза и серый цвет лица указывали на то, что он провел беспокойную ночь. Увидев Дейзи и Элли в холле, он замер посреди лестницы.

Сердце у Дейзи перестало биться. Ночью она несколько раз спрашивала себя, не явился ли к ней накануне призрак.

— Она... Она такая большая, — прошептал он.

Дейзи едва удержала саркастическое замечание, готовое сорваться с губ.

Он медленно спустился со ступенек и подошел к ним, по-прежнему не сводя глаз с дочери.

— Привет, милая, — сказал он дрогнувшим голосом.

Элли, с присущей всем детям способностью разрядить обстановку, едва посмотрела на него и тут же принялась колотить ладошкой Дейзи по носу, приговаривая при этом что-то свое.

— Можно ее подержать?

Дейзи, увертываясь от сильной ручки Элли, посмотрела Даниелю в лицо, увидела неприкрытую тоску и сле-

зы в его глазах и удивилась, почему в эту секунду, ту самую секунду, о которой она мечтала несколько месяцев и жаждала, чтобы та настала, ее первым инстинктом было прижать дочку к себе. И не отдавать никому.

— Держи, — сказала она, протягивая ему Элли.

— Привет, Элли. Какая ты стала! — Он привлек ее к себе медленно, робко, как человек, не привыкший держать на руках детей.

Она подавила в себе желание сказать, что он держит Элли так, как ей не нравится, попыталась не обращать внимания на протянутые к ней ручки.

— Я скучал по тебе, — ворковал Даниель. — Ты моя милая, папочка скучал по тебе.

Дейзи захлестнули противоречивые чувства, и, не желая, чтобы Даниель понял это, она быстро ушла на кухню.

— Чай? — спросила Лотти, не поднимая взгляда.

— Да, пожалуйста.

— А... ему?

Дейзи смотрела на спину Лотти, прямую и ничего не выражающую, пока Лотти ловко сортировала чашки и пакетики с чаем, передвигаясь вдоль кухонной стойки.

— Даниель. Да, он тоже будет. С молоком, без сахара.

С молоком, без сахара, подумала она, уцепившись за стойку, чтобы унять дрожь в руках. Я знаю его вкусы лучше собственных.

— Хочешь, чтобы я ему отнесла? Когда он наиграется с ребенком?

Дейзи уловила в тоне Лотти сердитую нотку, но только потому, что уже хорошо ее знала.

— Спасибо. Свой чай я выпью на террасе.

Он появился одиннадцать минут спустя. Дейзи невольно засекала время, следила, как долго он продержится с ребенком до того, как недовольные вопли или плаксивое настроение выведут его из себя и он отдаст ребенка в любые руки. Продержался он дольше, чем она ожидала.

— Твоя подруга забрала ее наверх. Сказала, что девочке нужно поспать. — Он вышел с чашкой чая и теперь стоял напротив нее, глядя на море внизу.

— Лотти присматривает за ней, пока я работаю.

— Это удобно.

— Нет, Даниель, это необходимо. Боссу не нравилось, что я веду переговоры с чиновниками по планированию и прочими, держа на руках ребенка.

Он никуда не делся, этот гнев, все время закипал, ожидая момента, чтобы выплеснуться, обжечь его. Дейзи потерла лоб, усталость сделала ее раздраженной и растерянной.

Даниель помолчал несколько минут, потягивая чай. Запах жасмина в полном цвету был почти удушающим, ветерок гнал его в их сторону через всю террасу.

— Я не ожидал приема с расprostертыми объятиями, — произнес Даниель. — Я прекрасно сознаю, что натворил.

«Ты понятия не имеешь, что натворил!» — хотелось ей закричать. Однако вслух она лишь сказала:

— Не хочу это обсуждать, мне нужно работать. Если ты можешь остаться еще на день, то поговорим об этом вечером.

— Я не собираюсь никуда уезжать. — Он виновато улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ. Но его последние слова ее не успокоили.

День прошел. Дейзи радовалась возможности отвлечься на работу: кое-где дверные ручки были плохо приделаны, а окна не закрывались, и эти обыденные неприятности вернули ей равновесие. Даниель ушел в город, якобы за газетой, но в основном, как подозревала Дейзи, потому, что ему было трудно не меньше, чем ей. Эйдан и Тревор заинтересованно следили за ней: перед их глазами разворачивалась домашняя драма эпического масштаба, отвлекшая их даже от первых матчей какого-то футбольного чемпионата по радио.

Лотти лишь молча наблюдала.

Утром она предложила поручить ежедневную заботу об Элли Даниелю «на столько, сколько он здесь пробудет». А она покажет ему, как все делать, — например, готовить ей еду, усаживать на высокий стульчик, укрывать одеяльцем до подбородка, как любила девочка.

— Если он будет неумело суетиться, это ее расстроит, — пояснила Лотти, и что-то в ее лице подсказало Дейзи, что это не самая лучшая идея, если она хочет, чтобы Даниель остался.

В обед пришла Камилла и, поболтав немного с матерью, осторожно поинтересовалась у Дейзи, все ли у нее хорошо.

— Заходи к нам домой вечером на массаж головы или другую процедуру, если хочешь. Мама посидит с Элли. Это отлично помогает при стрессе.

Будь на ее месте кто-то другой, Дейзи послала бы его куда подальше. Привыкнув к жизни в Лондоне, где ты никого не знаешь и тебя никто не знает, она возненавидела аквариумный аспект деревенской жизни. Приезд Даниеля, очевидно, стал предметом всеобщих пересудов. Но Камиллу, скорее всего, не интересовали сплетни: возможно, она выслушала столько сенсационных историй

в своем кабинете, что давно выработала к ним иммунитет. Ей просто захотелось улучшить настроение подружки, решила Дейзи. Или ей понадобилась компания.

— Не забудь, загляни к нам, — напомнила Камилла, когда собралась уходить с Ролло. — Если честно, когда Кейти проводит время у подружек, мне хочется с кем-то поболтать. Хэл в последнее время предпочитает своих нарисованных дам. — Она сказала это в шутку, но лицо было грустным.

Единственный, кого не интересовала романтическая дилемма Дейзи, был Хэл. Вероятно, потому, подумала она, что он полностью ушел в работу, расчистив фреску почти на три четверти. Он был задумчив, отвечал односложно. Больше не делал перерыва на обед, принимал бутерброды от жены без всяких романтических излишеств, как раньше, и чаще всего они оставались нетронутыми.

Джонс не позвонил.

Она тоже ему не звонила. Она не знала, что сказать.

Даниель остался. На второй вечер они тоже не поговорили: целый день ни о чем другом не думали, а когда дом оказался в полном их распоряжении, сил на разговор, сотни раз прокрученный в голове, уже не осталось. Они поели, послушали радио и разошлись спать по разным комнатам.

На третий вечер Элли плакала не переставая: то ли животик болел, то ли зубик резался. Дейзи ходила с ней по верхнему этажу. В отличие от квартиры на Примроуз-Хилл, плач Элли, всегда натягивавший в ней какую-то невидимую струну, готовую вот-вот лопнуть, не вызывал здесь никакой тревоги, что они кого-нибудь беспокоят — соседей наверху и внизу, людей на улице, Даниеля. Она привыкла к изолированности и простору.

— В «Аркадии», — ласково говорила она дочери, — никто не услышит твои крики.

Она ходила по коридорам, Элли меньше плакала, оказываясь в разных комнатах, а ее мама старалась не слишком задумываться, как там реагирует Даниель внизу. В конце концов, именно поэтому он ушел, не выдержав шума, хаоса, непредсказуемости. Она даже думала, что не найдет его, когда спустится вниз.

Но Даниель невозмутимо читал газету.

— С ней все в порядке? — спросил он и успокоился, когда Дейзи кивнула. — Я не хотел... вмешиваться.

— Она иногда плачет до изнеможения, — пояснила Дейзи, протягивая руку к бокалу с вином и усаживаясь напротив него. — Ей нужно выпустить пар, прежде чем снова уснуть.

— Я столько всего пропустил. Совершенно не понимаю, что она хочет. В этом я отстал от тебя.

— Ну, знаешь, это не ядерная физика, — усмехнулась Дейзи.

— А для меня это такая же наука, — сказал он. — Но я научусь, Дейз.

Вскоре после этого она ушла спать. Но, покидая комнату, испытала неожиданное желание поцеловать его в щеку.

— Джулия?

— Привет, дорогая. Как дела? Как моя чудесная малышка?

— Даниель вернулся.

Последовала короткая пауза.

— Джулия?

— Понятно. Когда же произошло это маленькое чудо?

— Два дня назад. Он просто появился на пороге.

— И ты его впустила?

— Вряд ли я могла отправить его ловить последний поезд. Было почти десять вечера.

Сестра хмыкнула, дав понять Дейзи, как бы она поступила на ее месте.

— Надеюсь, ты не...

— Здесь восемь люксов, Джулия.

— Это уже кое-что. погоди минутку. — Она зажала трубку рукой, и Дейзи услышала приглушенный крик: — Дон! Прикрути, пожалуйста, картофель, дорогой. Я разговариваю по телефону.

— Не стану тебя задерживать. Мне просто хотелось поделиться с тобой новостью.

— Вернулся навсегда?

— Что? Даниель? Не знаю. Он пока не сказал.

— Ну конечно. Глупо ожидать от него, что он поделится своими планами.

— Дело не в этом, Джу. Мы... до сих пор не поговорили. Вообще ни о чем не поговорили.

— Как это удобно для него.

— Но в этом не он виноват.

— Когда ты перестанешь его защищать, Дейзи?

— Я не защищаю. Нет, правда. Видимо, я только хочу посмотреть, что получится... если мы побудем рядом. Есть ли в этом смысл. А уже потом мы серьезно поговорим.

— Он предложил тебе деньги?

— Что?

— За проживание. Ведь ему теперь негде жить.

— Он мне...

— Он живет в роскошном отеле. В номере люкс. Бесплатно.

— Ой, Джулия, прояви к нему хоть немного уважения.

— Нет, Дейзи. Я не собираюсь этого делать. С какой стати мне проявлять к нему уважение, после того как он с тобой обошелся? С тобой и своим ребенком? Он ничемный человек, если хочешь знать мое мнение.

Дейзи фыркнула, не зная, что сказать.

— Только не позволяй ему снова командовать, Дейзи. Ты прекрасно справилась и без него. Просто помни об этом. Ты тоже ушла, только в другую сторону.

«Разве?» — подумала Дейзи после разговора. Она перестала быть беспомощной, бесспорно. Она сумела подстроить Элли под свое расписание, а не наоборот. Она вновь открыла себя, но стала чуть лучше прежней Дейзи, как ей временами казалось. Обновляя «Аркадию», она достигла чего-то важного и неожиданного и сделала это сама. Но она мучилась одиночеством. Она не принадлежала к тому типу людей, которые умеют жить одни.

— А ты изменилась, — сказал Даниель, понаблюдав какое-то время, как она работает.

— Каким образом? — настороженно поинтересовалась она.

Там, где дело касалось Даниеля, все ее перемены до сих пор оказывались к худшему.

— Ты не такая слабая, как раньше. Не такая уязвимая. Ты теперь лучше справляешься с проблемами.

Дейзи взглянула за окно, где Лотти дула на яркую детскую мельницу из фольги, вызывая у Элли восторженный визг.

— Я мать, — сказала она.

На четвертый день прибыла Кэрол, владелица пиар-агентства, и принялась восхищаться красотой дома и делать снимки поляроидом в каждой комнате, чем действовала на нервы Дейзи и Лотти.

— Джонс рассказал мне о вашей идее. Очень хорошая идея. Очень хорошая, — сказала она как заговорщик. — Получится отличная статья для какого-нибудь гламурного журнала. Я подумываю об «Интерьерах» или, может быть, о «Домах и садах». Дай вам Бог здоровья.

Дейзи рассердилась на Джонса за то, что он проговорился этой женщине, но быстро успокоилась, поняв, что теперь ее таланты будут признаны в печати.

— До тех пор, однако, мы должны хранить молчание. — Она театрально прижала палец к губам. — В конце концов, для нас самое главное — новизна.

Она решила нарушить личное правило и провести тематическую вечеринку: выходной на морском берегу в стиле пятидесятых. Может получиться что-нибудь замечательно вульгарное — с осликами, мороженым и глупыми открытками. Когда Дейзи заметила, что дом не относится к пятидесятым годам, Кэрол это даже не услышала.

— Джонс собирается приехать до открытия? — поинтересовалась Дейзи, провожая Кэрол к ее автомобилю с низкой посадкой и удивляясь, что женщина за пятьдесят предпочитает ездить в японской двухместной машине.

— Он собирался встретиться с вами сегодня днем, — ответила Кэрол, нажимая кнопки на мобильнике, чтобы прочесть сообщения. — Но вы же знаете, какой он, дай ему Бог здоровья. — Она закатила глаза, как это делали все дамы из окружения Джонса. — Приятно было познакомиться, Дейзи. Я в восторге, что мы будем работать вместе. У нас получится чудесная вечеринка.

— Да, — сказала Дейзи. — Скоро увидимся.

Началось нашествие других людей. Явился какой-то молодой фотограф серьезного вида, который сказал, что делал все брошюры Джонса, а затем довел до сумасшест-

вия строителей тем, что выгнал их из комнат и воспользовался их силовыми кабелями для своих дуговых ламп. Потом приехал шеф-повар из лондонского клуба Джонса с целью проверить кухни, а сам sloпал на обед три упаковки свиных шкварок. Время от времени без всякого предупреждения заходил кто-нибудь из строительного комитета и уходил, так ничего и не проверив. А еще под вечер заглянул мистер Бернард — узнать, не хочет ли Хэл пойти с ним пропустить по стаканчику. Он постучал в дверь, но не вошел, хотя дверь была открыта и рабочие сновали туда-сюда, не задерживаясь.

— Лотти нет, мистер Бернард, — сообщила Дейзи, когда заметила его. — Она увезла Элли в город. Хотите войти?

— Я знаю, дорогая, и я не думал вас беспокоить, — ответил он. — Захотелось повидать зятя.

— Он работает на заднем дворе, — сказала она. — Пройдите через дом.

— Если я никому не помешаю. Большое спасибо.

Он выглядел немного смущенным, просто проходя по дому. Шагал, опустив взгляд, словно боялся показаться чересчур любопытным.

— Дело движется? — единственное, что он спросил, и кивнул, довольный, когда Дейзи ответила утвердительно. — Вы чудесно справляетесь. Хотя я мало что смыслю в интерьере.

— Спасибо, — кивнула Дейзи. — Я рада, что нашлось хотя бы несколько людей, кто так думает.

— Не обращайтесь внимания на Сильвию Роуан, — посоветовал он, когда она привела его на террасу. — Эта семейка всегда точила зуб на Лотти. Так что все эти неприятности, скорее всего, из-за нее, а не из-за перестройки дома. Люди здесь надолго затаивают злобу.

Он похлопал ее по руке и пошел к Хэлу, который отмывал кисти. Дейзи смотрела ему вслед, вспоминая вечер, когда Лотти рассказала ей о рождении Камиллы. Джо, слегка сутулый, в галстук и рубашке с воротничком даже жарким летним днем, мало напоминал рыцаря в сверкающих доспехах. Несколько минут спустя, когда Дейзи развешивала и перевешивала старые фотографии в коридоре, он вновь показался в дверях:

— Хэл занят сегодня. Ничего, в другой раз выпьем. Не могу же я настаивать, а то вдруг сроки нарушу. — Похоже, он привык за многие годы к разочарованию и уже смирился с ним.

— Ему совсем не обязательно работать допоздна, если у вас что-то запланировано, — возразила Дейзи.

— Да ничего особенного. Если честно, Лотти попросила меня поговорить с ним. — (Дейзи ждала.) — Ничего срочного, ничего срочного, — добавил он, направляясь к машине. — Просто он свернул свой бизнес и теперь переживает. Хотел удостовериться, что с ним все в порядке. В общем, мне пора. Еще увидимся, Дейзи.

Она махала ему, пока он не скрылся из виду.

Она все-таки отправилась к Камилле в гости. Сказала Даниелю, что у нее деловая встреча, что было отчасти правдой, и ему придется посидеть с дочкой (при этих словах Лотти побледнела). Короткое расстояние до дома Камиллы она прошла пешком. Идя неторопливо по солнечным улицам Мерхема, обходя утомленных родителей и маленьких детей, выделяющих зигзаги на шатких велосипедах, она поняла: если не считать поездку в Лондон, она не покидала дом с прилегающей территорией уже несколько недель. Вопреки ее ожиданиям, Даниель совсем не испугался, а, наоборот, выглядел довольным, словно

если ему позволили посидеть с собственным ребенком, то это какая-то привилегия, что-то вроде почетного значка за хорошее поведение. Она даст ему время до девяти вечера и только тогда позвонит: она не сомневалась, что услышит в трубке его мольбу поскорее вернуться домой.

Дом Камиллы и Хэла был большим, рассчитанным на две семьи, — с широкими окнами и крыльцом в стиле тридцатых годов, на котором Дейзи разглядела весело лающего Ролло. Она услышала, потом увидела, как по коридору на удивление быстро идет Камилла.

— Это Дейзи, — выкрикнула она, чтобы избавить Камиллу от необходимости спрашивать, кто там.

— Как раз вовремя, — сказала Камилла. — Я только что откупила бутылку вина. Будем делать всю голову?

— Что?

— Я о массаже. — Она закрыла дверь за Дейзи и вернулась в коридор, левой рукой ведя по стене.

— Как хочешь, — пожала плечами Дейзи, которая на самом деле пришла поговорить.

Дом оказался обставленным лучше, чем она ожидала. Впрочем, если подумать, она сама не знала, чего именно ожидала, — во всяком случае, не эту легкость и освещенность. Без картин на стенах, возможно. И явно без сотен фотографий в рамочках, расставленных на всех поверхностях. В основном это были старинные серебряные рамочки. На снимках Хэл и Камилла катались на водном велосипеде, карабкались в гору, Кейти сидела верхом на пони, все трое, нарядные, на каком-то празднике. На каминной полке — большой портрет Хэла и Камиллы в день свадьбы. То, как он, молодой, смотрел на нее, с гордостью и нежностью, заставило Дейзи на секунду опечалиться.

— Чудесные фотографии, — сказала она.

— Маленькая акварель написана с меня. Хочешь верь, хочешь не верь, это мама нарисовала мой портрет, когда я была ребенком. Жаль, она больше не рисует. Мне кажется, хобби пошло бы ей на пользу.

— Очень милый портрет. И снимки.

— Разглядываешь наше свадебное фото? — Камилла, видимо, угадывала, где находится Дейзи, по голосу. Она уверенно подошла к камину и взяла в руки фотографию. — Моя любимая, — сказала она с нежностью. — День был прекрасный.

Дейзи не удержалась.

— Откуда ты знаешь? — спросила она. — Что на снимке, я имею в виду.

Камилла вернула фото на полку и убедилась, что оно стоит далеко от края.

— В основном благодаря Кейти. Она любит фотографии. Подробно описывает мне каждую. Я могла бы рассказать тебе почти обо всех фото в наших альбомах. — Она помолчала с легкой улыбкой на губах. — Не волнуясь, я этого не сделаю. Пойдем в кухню. У меня там стоит старое массажное кресло. Кейти любит в нем сидеть.

Дейзи плохо знала Камиллу, можно сказать, почти совсем не знала: ни ее прошлого, ни ее вкусов и предпочтений. Если на то пошло, Камилла казалась ей слишком сдержанной, Дейзи легче общалась с людьми, которых можно было читать как книгу, которые не скрывали своих эмоций. Но что-то в этой женщине внушало Дейзи спокойствие. Она с ней не соревновалась, как очень часто случалось в обществе других привлекательных женщин. И дело тут было вовсе не в слепоте Камиллы. Было в ней что-то располагающее, умиротворяющее. Некая врожденная добродетель, не вызывавшая у других тошноту и

не заставлявшая Дейзи чувствовать себя ущербной за неимением таковой.

А может быть, помог массаж: надавливание на какие-то точки по всей голове и шее, снимавшее физическое напряжение и внушавшее легкость мыслей. Она могла больше не думать о Даниеле. Она могла больше не думать вообще ни о чем.

— Как здорово у тебя получается, — мечтательно произнесла Дейзи. — Кажется, я сейчас усну.

— Ты будешь не первой. — Камилла сделала глоток вина. — Впрочем, мужчин я больше не массирую. Иногда этот массаж оказывает на них прямо противоположное воздействие.

— Да, такая репутация тебе не нужна.

— Они думают, раз ты не видишь, то и не понимаешь. Но все сразу понятно. По дыханию. — Она прижала ладонь к груди и часто задышала, имитируя желание.

— В самом деле? О боже! Что ты делала в таких случаях?

— Звала Ролло из-под стола. Присутствие большого вонючего старого пса обычно помогало.

Они дружно рассмеялись.

— Вечером в «Аркадию» заходил твой отец.

— Папа? А зачем?

— Он пригласил Хэла сходить куда-нибудь выпить. — Руки Камиллы замерли. — Но Хэл, кажется, предпочел продолжить работу. Он... ужасно добросовестный.

— Папа приглашал Хэла выпить?

— Так он сказал. О боже, я опять попала впросак?

— Нет, не беспокойся. — В голосе Камиллы послышались стальные нотки. — Папа тут ни при чем. Это мама опять вмешивается.

Приятная дымка последних минут испарилась.

— Может быть, речь шла действительно только о выпивке, — осмелилась предположить Дейзи.

— Нет, Дейзи, если замешана мама, то все не так просто. Ей хочется знать, что происходит с Хэлом, почему он принимает так близко к сердцу закрытие бизнеса.

— Понятно.

— Сначала она донимала его, считая, что он должен свернуть бизнес, а теперь снова донимает, потому что он, по ее мнению, чересчур переживает.

— Я уверена, она действует из лучших побуждений. — Дейзи попыталась найти оправдание для Лотти.

— Я знаю, она всегда действует из лучших побуждений. И никогда не может оставить нас с Хэлом в покое, чтобы мы сами разобрались. — Камилла тяжело вздохнула, не скрывая отчаяния.

— Единственный ребенок?

— Точно. Это только все усугубляет. Думаю, отцу хотелось бы иметь еще детей, но я досталась маме очень тяжело, и это убило в ней всякое желание завести других. В то время не использовали обезболивающие.

— Ой-ой, — сказала Дейзи, вспомнив собственную эпидуральную анестезию. — Прости, что ляпнула не то. Мне бы лучше помолчать.

— Не беспокойся, Дейзи. Это не в первый раз. И конечно, не в последний. Наверное, так всегда бывает, если живешь слишком близко от родителей. Вероятно, нам с Хэлом следовало уехать сразу, как только мы поженились, но мы остались, а потом родилась Кейти, и пошло-поехало... Я нуждалась в помощи.

— Мне понятно это чувство. Я тоже не знаю, что бы делала без твоей мамы.

Руки Камиллы снова начали мягко массировать.

— А ведь ты напряжена, — сказала она. — И неудивительно: скоро открытие, много дел. Даже не представляю, как ты справилась.

— Пока не справилась.

— Тебе не легче теперь, когда рядом отец Элли?

Тонкий подход. У Дейзи даже появилась мысль: это Лотти могла подослать Камиллу, чтобы выведать что-то об их отношениях.

— В общем-то, нет, если быть честной. Лотти наверняка тебе рассказала, что он бросил нас, когда Элли исполнилось всего несколько месяцев. Я пока не привыкла, что он вернулся.

— Так вы снова вместе?

— Не знаю. Пока что он здесь.

— Ты говоришь как-то неуверенно.

— Ты права. Я действительно не знаю, как к этому отнестись.

Она была благодарна Камилле, что та не старалась предложить какой-то выход, план действия. Джулия, например, никогда не могла, выслушав проблему, не предложить решения и обычно обижалась на Дейзи, если та не следовала ее советам.

— Если бы Хэл когда-нибудь поступил с тобой плохо, если бы он когда-нибудь взял и ушел, например, ты смогла бы принять его обратно? С распростертыми объятиями?

Руки Камиллы замерли, она опустила ладонь на лоб Дейзи.

— Хэл никогда не делает ничего плохого, — сказала она сухо. — Но если бы дело дошло до этого, то, учитывая, что у нас ребенок и все остальное, наверное, мое решение зависело бы от уровня счастья. Если все будут

гораздо счастливее, живя вместе, пусть даже это трудно, тогда, вероятно, стоит побороться.

Дейзи почувствовала, как руки Камиллы снова начали двигаться.

— Не знаю, — продолжила она. — Когда ты молода, то говоришь себе, что не станешь ни с чем мириться. Если твой брак недостаточно страстный, если муж не отвечает твоим ожиданиям, ты порвешь с ним и найдешь себе другого. А потом ты становишься старше, мысль о том, чтобы начать сначала... превращается в кошмар... Я, наверное, смирилась бы со многим, прежде чем пойти на разрыв. Наверное, со временем привыкаешь к компромиссам. — Она словно говорила сама с собой. Камилла помолчала. А когда заговорила снова, ее голос зазвучал по-другому: — Но если невозможно сделать кого-то счастливым, как бы ты ни старалась, то, наверное, в конце концов все равно придется признать свое поражение.

Лотти поставила сумку на стул в прихожей, с раздражением отметив, что пальто Джо висит на вешалке.

— Я думала, ты пойдешь сегодня выпить, — прокричала она, услышав радио в гостиной.

Из комнаты вышел Джо, поцеловал жену в щеку:

— Он не захотел идти.

— Почему? Не может же он все время работать над этой фреской.

Джо помог Лотти снять пальто.

— Нельзя же было вести его силком, дорогая. Можно привести коня на водопой, но заставить его...

— Да. Ладно. С ним что-то не так. Он уже несколько дней какой-то странный. А еще этот бойфренд Дейзи слоняется весь день по дому, бездельничает. Можно подумать, он там хозяин.

Джо придержал дверь в гостиную, пропуская жену. Она заметила, что ему хотелось обнять ее за плечи, но еще несколько месяцев тому назад она предупредила, что этот жест всегда вызывает у нее неловкость.

— Он отец ребенка, любимая.

— Да? По-моему, он понял это немного поздно.

— Пусть Дейзи решает. Давай поговорим о другом, ладно?

Лотти резко вскинула голову. Муж потупился, затем снова взглянул на нее:

— Я о доме... Мне... не нравится, что происходит, Лотти. Все снова всколыхнулось. Ты на нервах.

— Ничего подобного.

— Ты настраиваешь себя против Сильвии Роуан, тогда как давным-давно избегаешь эту семейку.

— Я не просила ее начинать свару.

— А тут еще эта фреска. Я не против, дорогая, ты знаешь. Я никогда не возражал, чтобы ты туда ходила. Но ты сама не своя последнюю пару недель. Мне не нравится видеть, как ты доводишь себя до нервного срыва.

— Ничего подобного. Это ты доводишь меня до нервного срыва тем, что затеял этот разговор. Я в порядке.

— Что ж, хорошо. Как бы там ни было, я хотел кое о чем поговорить. Насчет того, что будет после.

Лотти опустила на стул.

— После чего? — подозрительно спросила она.

— После открытия отеля. Дейзи вернется в Лондон — разве не так? Со своим другом или без него. И твоя помощь больше не понадобится.

Лотти взглянула на него, не понимая. Она не думала о том, как изменится жизнь после того, как «Аркадия» вновь откроет свои двери. Ее охватила холодная дрожь. Она ни разу не подумала, что будет делать без этого дома.

— Лотти!

— Что? — Она видела, какая жизнь теперь пойдет: собрания «за круглым столом», с угощением и танцами, пустые разговоры с соседями, бесконечные вечера в этом доме...

— Я принес для нас несколько брошюр.

— Что ты сказал?

— Я принес для нас несколько брошюр. Я подумал, что мы могли бы воспользоваться случаем и попробовать что-то новое.

— Что именно?

— Мы могли бы отправиться в круиз или...

— Терпеть не могу круизы.

— Но ты не была ни в одном. Послушай, а что, если нам совершить путешествие вокруг света? Будем останавливаться, где захотим. Много чего повидаем. Мы же с тобой никуда не ездили. А теперь у нас нет обязанностей, мы свободны.

Он не произнес слов «второй медовый месяц», но Лотти почувствовала, что он имел в виду именно это, и сорвалась:

— Как это на тебя похоже, Джо Бернارد!

— Что?

— Никаких обязанностей — вот что. А кто присмотрит за Кейти, пока Камилла на работе? И кто поможет Камилле?

— Ей поможет Хэл. — (Лотти презрительно фыркнула.) — У них теперь все хорошо, любимая. Вспомни, как они ворковали у фрески. Настоящие голубки. Ты сама мне рассказывала.

— Вот-вот, много ты знаешь. Дело в том, что между ними кошка пробежала. Лично я считаю, что он на грани

того, чтобы снова ее бросить. Именно поэтому я хотела, чтобы ты повел сегодня вечером Хэла выпить, а заодно выяснил, что творится в его дурацкой голове. Но нет, ты слишком занят, обдумывая круизы и прочие развлечения.

— Лотти...

— Я собираюсь принять ванну, Джо, и обсуждать это больше не намерена.

Она тяжело поднялась по ступенькам, направляясь в ванную комнату, не понимая, почему слезы так легко подступают к глазам. Уже второй раз за эту неделю.

Шум наполнявшейся ванны не позволил ей услышать шаги Джо по ступеням. Неожиданно возникшая в дверях фигура заставила ее подпрыгнуть.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты не подкрадывался! — завопила она, прикрыв рукой грудь, в ярости, что он застал ее врасплох.

Джо на секунду замер, увидев, что лицо жены залито слезами.

— Я не часто тебе возражаю, Лотти, но теперь я выскажусь.

Лотти уставилась на мужа, заметив, что он стоит прямее, чем обычно, а в голосе его звучит чуть больше уверенности.

— Я поеду путешествовать. После открытия отеля. Закажу билет и объеду вокруг света. Время идет, дело к старости, а я не хочу стареть и чувствовать, что ничего не сделал, ничего не видел. — Он помолчал. — И не важно, поедешь ты со мной или нет. Конечно, я бы предпочел, чтобы ты поехала, но хотя бы раз я поступлю так, как хочу. — Он выдохнул, словно его короткая речь потребовала огромных внутренних усилий. — Вот и все, что

я хотел сказать. — Он повернулся, чтобы уйти, оставив свою жену в удивленном молчании. — Крикни, когда захочешь, чтобы я сунул отбивные в гриль.

На пятый вечер Даниель и Дейзи поговорили. Повезли Элли прогуляться на пляж, засунув в коляску и укутав хлопковым одеяльцем, хотя вечер был теплым и безветренным. Дейзи призналась ему, что в последние дни ей трудно ясно мыслить в доме. Он теперь казался ей даже не домом или отелем, а списком проблем, нуждавшихся в решении: оторвавшийся крючок на окне, незакрепленная доска в полу, неисправная розетка, а срок окончания работ неумолимо приближался. На свежем воздухе ее голова пусть медленно, но все-таки прояснялась.

Я ведь этого хотела, думала Дейзи, глядя на них со стороны: красивая молодая пара с прелестным ребенком. Настоящая семья, крепкая, дружная, неповторимая. Засомневавшись, она все-таки взяла его под руку. Он сразу прижал ее к себе, и рука согрелась теплом тел.

А потом Даниель заговорил.

В первый раз он осознал, что с ним что-то не так, когда один из его старых коллег показал фотографию своего ребенка и его прямо распирало от гордости. А Даниель не только не носил с собой фотографии, но и не испытывал десятой части того, что было дано его коллеге.

Как бы это ни было больно, он все-таки признал, что загнан в угол. Угодил в ловушку, но не в собственную. Его красавица-подруга исчезла, а ее место заняли плаксивое бесформенное существо (он так не сказал, но Дейзи поняла, что он имел в виду) и этот вечно орущий ребенок. В его жизни больше не было места красоте и порядку. А без красоты и порядка Даниель не мог существовать. Однажды он глаз не сомкнул, заметив, что картина

висит на стене чуть криво. Дейзи проснулась в четыре утра и застала его за перевешиванием картины с помощью двух спиртовых уровней и нескольких кусков бечевки. Но младенцам наплевать на порядок. Им все равно, что их зловоние, шум и пеленки загрязняют маленький рай Даниеля. Им все равно, что своими требованиями они отрывают матерей от больших сильных рук, нуждавшихся в этих женщинах не меньше. Им все равно, в котором часу они вас разбудили или что вам нужно поспать не меньше четырех часов подряд, чтобы потом зарабатывать деньги на жизнь.

— А самое главное, Дейз, тебе не позволено жаловаться. Ты должен просто принимать это и верить каждому, кто твердит: «Дальше будет легче», хотя тебе самому кажется, что с каждым днем становится все труднее, и вместо того, чтобы любить их слепо, ты видишь уродливых орущих троллей и не можешь поверить, что они имеют к тебе какое-то отношение. Если бы я сказал... Если бы я произнес вслух все, что думал в те первые недели, выложил всю правду, то, скорее всего, угодил бы под арест.

Но последней каплей была распашонка. Однажды утром он вошел в гостиную на нетвердых ногах, с затуманенной головой после бессонной ночи и наступил на выброшенную распашонку, которая хлюпнула под ступней. Он сел, поставив испачканную ногу на когда-то чистейший ковер, и понял, что с него хватит.

— Но почему ты ничего не сказал? Почему держал все в себе?

— Потому что видел, что ты не выдержишь. Ты и так едва справлялась. Как бы ты восприняла мои слова, услышав, что отец твоей дочери считает ее большой ошибкой?

— Я бы справилась гораздо лучше, если бы отец моего ребенка не исчез.

Заметив, что Элли уснула в коляске, они опустились на песчаную дюну. Даниель наклонился и подоткнул одеяльце под маленький подбородок.

— Видишь, я теперь знаю это. Я многому научился.

И в ту минуту она его простила. Та неприятная правда, которой он поделился, не вызвала в ней злости. А все потому, что теперь он любил Элли: это было видно в каждом его жесте...

— Мне нужно знать, можем ли мы начать сначала, — сказал он, беря ее за руку. — Мне нужно знать,пустишь ли ты меня обратно в свою жизнь. Можем ли мы забыть прошлое. Мне очень тебя не хватало, Дейз. И малышки тоже.

По пляжу бегал лохматый черный пес, носился восторженно кругами, подпрыгивал и переворачивался в воздухе, ловя деревяшки, выброшенные морем, которые подбрасывал в воздух его хозяин. На песке оставались длинные замысловатые следы. Дейзи наклонилась к Даниелю, и он обнял ее одной рукой.

— Совсем как раньше, — прошептал он ей на ухо.

Дейзи крепче прижалась, стараясь прояснить голову и осознать, что он снова рядом. Стараясь не прислушиваться к внутреннему голосу, твердившему, что не все так просто.

— Идем домой, Дейзи, — сказал он.

Джонс наблюдал, как двое с коляской неторопливо бредут по тропинке вдоль берега, рука мужчины обнимала за плечи девушку, а их ребенок, видимо, спал в коляске, раз его не было видно, и вечернее солнце поблескивало на колесах.

Он подождал несколько минут, пока они скроются из виду, потом развернул машину. Ему предстояла трехчасовая поездка обратно в Лондон. Некоторые могли бы сказать, что он с ума сошел, раз проделал весь этот путь, даже ни разу не остановившись, чтобы размяться. Но он пропустил встречу с Кэрол, как он сказал сам себе, проезжая мимо аллеи, ведущей в «Аркадию», держа путь к железнодорожному вокзалу и не сводя взгляда с дороги. Нет никакого смысла здесь болтаться. В конце концов, это была единственная причина, по которой он приехал.

— После рождения ребенка всегда наступает сложное время.

— Наверное, нам придется снова привыкать друг к другу.

— Да.

Они лежали рядом, оба не спали, глядя в темноту.

— Наверное, мы немного напряжены. Эти несколько дней были какие-то странные. — Даниэль протянул к ней руку, и она положила голову ему на грудь.

— Знаешь что, Дан? Мне кажется, нам даже не стоит говорить об этом. А то получится, будто у нас проблема...

— Ладно.

— Но ты прав. Мне действительно кажется, что я напряжена.

Он взял ее за руку, и она лежала так, переплетя пальцы с его пальцами и стараясь не задумываться о предыдущих тридцати минутах. Ей хотелось выпить, но она понимала, что для него важно теперь ее присутствие рядом и любая попытка пошевелиться будет неверно истолкована.

— В самом деле, Дейз?

— Да.

— Мне нужно кое-что с тобой обсудить. Теперь, когда мы снова откровенны.

Почему-то перед ее мысленным взором промелькнул образ Джонса.

— Ладно, — сказала она, стараясь скрыть настороженность.

— Думаю, нам необходимо до конца высказаться, прежде чем мы сможем забыть о прошлом.

Она промолчала, услышав, что он старается говорить небрежно, но все его попытки провалились, и ее охватило дурное предчувствие, как бывает при звуке далекого свистка, когда приближается поезд.

— Насчет того, что произошло, когда мы жили врозь.

— Ничего не произошло, — сказала Дейзи. Чересчур поспешно.

Он громко сглотнул:

— Тебе хочется в это верить. Но что случилось, то случилось.

— Кто это говорит?

Разумеется, Лотти — кто же еще? Она знала, что Лотти против их примирения.

— Всего лишь поцелуй, — сказал он. — Ничего особенного. Произошло это, когда я оказался на дне пропасти и не знал, вернусь ли к тебе.

Дейзи отпустила его руку и рывком села, опершись на локоть:

— Что ты сказал?

— Всего лишь поцелуй, Дейз, но я подумал, что должен быть честным до конца.

— Ты кого-то поцеловал?

— Когда мы жили врозь.

— Погоди-ка, мы все считали, что у тебя нервный срыв из-за того, что ты не можешь привыкнуть к отцовству, а ты, оказывается, зажигал по всему городу.

— Все было не так, Дейз...

— А как было? Я тут выслушиваю от твоей мамочки, что ты чуть ли не кидаешься под автобусы, даже не способен поговорить со мной, а ты все это время целовался и миловался. Кто она, Дан?

— Послушай, тебе не кажется, что ты перегибаешь палку? Речь идет об одном поцелуе.

— Нет, не кажется. — Она откинула одеяло и выбралась из постели, не желая признаться самой себе, что ее бурная реакция каким-то образом связана с тем, что у нее самой рыльце в пушку. — Я буду спать в другой комнате. Не ходи за мной и не шатайся по коридорам, — прошипела она. — А то разбудишь ребенка.

Бунгало, обитое крашеной белой доской и окруженное маленьким садом ржавеющих скульптур, стояло на гальке в ста или более футах от ближайших соседей.

— Мне здесь нравится, — сказал Стивен Микер, когда они оба рассматривали в окно уходящее за горизонт побережье. — У людей нет предлога заглядывать сюда. Терпеть не могу, когда кто-нибудь считает, будто имеет право так поступать. Можно подумать, в старости тебе следует радоваться любому визиту, прерывающему бесконечный скучный день.

Они сидели и пили чай в скудно обставленной гостиной, где на стенах висели превосходные картины, никак не подходившие к мебели и обивке. Снаружи не было ни души, море пусто поблескивало под августовским небом, семьи и отдыхающие предпочитали побережье в Мерхеме, где было песчаное дно. Уже второй раз на неделе Дейзи прервала его бесконечный скучный день, но он был рад ее приходу — отчасти из-за подборки журналов, которую она принесла ему в дар, отчасти из-за того, что время, о котором она хотела поговорить, было одним из

нескольких периодов его жизни, когда он был по-настоящему счастлив.

— С Джулианом было весело, знаете ли, — сказал он. — Он был совершенно невыносим, если дело касалось финансов, но у него был талант собирать людей, почти такой же, как талант собирать предметы искусства. В этом отношении они были похожи с его женой. Пара сорóк.

По его собственному признанию, он полюбил Джулиана на всю жизнь. Он сообщил это с восторгом, который странно было видеть у чопорного старика. В шестидесятых годах, когда Джулиан и Аделина развелись, Стивен и Джулиан переехали вместе в маленькую квартирку на Бейсуотер.

— Мы по-прежнему говорили людям, что мы с ним братья. Мне было все равно, а Джулиан всегда переживал по этому поводу.

Несколько картин на стене были подарком Джулиана. По крайней мере одна из них принадлежала кисти Френсис, получившей запоздалую славу после того, как ее «причислила к своим» одна феминистка-искусствовед.

Дейзи, молча поразившаяся при виде некоторых подписей на холстах, с тревогой отметила потемневшие углы, покоробленную от соленого воздуха бумагу.

— Не следует ли их хранить... где-нибудь в сейфе? — тактично осведомилась она.

— Но там их никто не увидит, — возразил Стивен. — Нет, дорогая, они останутся в моей маленькой лачуге со мной, пока я не отброшу копыта. Милая дама, эта Френсис. Ужасно жаль, что все так случилось.

Он оживился, когда Дейзи продемонстрировала ему снимки поляроидом почти законченной фрески, с грустью восхищаясь собственной красотой в молодости, на-

зывая имена тех людей, которых вспомнил. Джулиан, сообщив ей с грустью, на открытие не придет.

— С ним бесполезно связываться, дорогая. Он живет в доме престарелых в пригороде Лондона. Совершенно впал в детство.

Нинетт, как он последний раз слышал, проживает в Уилтшире, в какой-то коммуне; Джордж стал «какой-то шишкой» в экономике, преподает в Оксфорде.

— Женился, кажется, на виконтессе. Настоящей аристократке. О, а вот и молодой человек Лотти. Или ее сестры... не помню. Джордж звал его принцем ананасов. Я постараюсь вспомнить его имя, если потерпите немного.

Дейзи ушам не поверила, когда экзотическая длинноволосая богиня на фреске оказалась Лотти.

— В те дни она отличалась красотой, но не шаблонной, разумеется. А еще строптивостью. Впрочем, некоторым мужчинам это нравилось. Между нами, никто особенно не удивился, когда она попала в беду. — Он поставил чашку и тихонько посмеялся. — Джулиан всегда говорил: «*Elle est plu haut que sa cul...*» А знаете, как это переводится? — Он наклонился вперед и произнес тоном заговорщика: — «Она пукает выше, чем ее задница...»

Дейзи медленно шла вдоль пляжа, возвращаясь в «Аркадию», полуденное солнце припекало неприкрытую голову, ноги то и дело сходили с тропы. Утро явилось приятным отвлечением от того, что происходило в «Аркадии», где атмосфера накалялась с каждым часом. Работы в отеле шли в ускоренном темпе, приближаясь к завершению, комнаты приобретали задуманное великолепие, новую мебель расставляли и переставляли, подыскивая наилучшее эстетическое решение. Само здание теперь чуть ли не гу-

дело, словно радуясь новой жизни, новой крови будущих обитателей.

Можно было бы ожидать, что люди, находящиеся в доме, тоже охвачены волнением и радостью по поводу достигнутого, теперь, когда дело близилось к концу. Но Дейзи редко чувствовала себя такой несчастной. За прошедшие двое суток Даниель почти с ней не разговаривал. Хэл закончил работу над фреской, а потом исчез, не сказав ни слова. Лотти нервничала и огрызалась, как собака, которая слышит приближение грозы. И все это время снаружи доносился отдаленный рокот недовольства деревни. Местная газета опубликовала на первой полосе материал под заголовком «Ссора с отелем „Красные комнаты“», и его перепечатали несколько национальных газет — как типичную историю, когда храбрые жители борются с предстоящими изменениями, — и проиллюстрировали публикации снимками женщин в откровенных нарядах, любивших посещать «Красные комнаты». Дейзи за это время переадресовала несколько звонков в офис Джонса, отчасти жалея, что ей не хватает храбрости поговорить с ним самой.

Да и завсегдатаи лондонского заведения Джонса тоже вставляли палки в колеса. Несколько его ближайших приятелей-собутельников — среди них парочка актеров — явились в «Аркадию», чтобы «оказать поддержку». Однако, обнаружив, что отель еще не готов и не может разместить их на ночь, а самое главное, что в бар Джонса не завезли еще ни одной бутылки, они быстро переправились с помощью одного из декораторов в «Ривьеру», откуда несколько часов спустя их выставила Сильвия Роуан, как она объяснила позже газетчикам, за «непристойное и постыдное поведение» по отношению к одной из ее официанток. Официантка, которая оказалась не так расстроена,

продала свою историю одному из таблоидных изданий и сразу уволилась, заявив, что заработала таким образом больше, чем Роуаны заплатили ей за год. Тот же самый таблоид напечатал фотографию Джонса во время открытия какого-то бара в центре Лондона. Женщина, которая на снимке стояла рядом, буквально вцепилась в его руку.

Дейзи остановилась, чтобы передохнуть, и долго смотрела на бледно-голубой морской простор. С болью вспомнила, что вскоре она уже не сможет любоваться этим видом. Что ей придется вернуться с ее хорошеньким ребенком в город выхлопов, духоты, шума и суеты. А ведь я даже не соскучилась по Лондону, подумала она. Во всяком случае, не так, как ожидала.

Лондон по-прежнему был связан для нее с дурными предчувствиями и несчастьем, а ведь здесь она почти избавилась от этой напасти. Но жить в Мерхеме? Уже сейчас она представляла время, когда жизнь здесь, со всеми ее ограничениями, станет невыносимо удушливой, а соседский интерес к любому обитателю будет восприниматься как вторжение. Мерхем все еще держался за свое прошлое, а ей, Дейзи, нужно смотреть и двигаться вперед.

Она внезапно подумала о Лотти и сразу повернула к дому. Сначала нужно разобраться с приемом, решила она, а потом уже размышлять об отъезде. Отличное средство не думать о том, к чему она вернется.

Она обнаружила Даниеля в одной из ванных комнат со строителем. Он прижимал к стене плитку кафеля, подложив под нее кусок темной бумаги. Строитель, Нев, юноша с тициановскими кудрями, безутешно рассматривал банку с белым раствором. Дейзи замерла в дверях.

— Что ты делаешь? — спросила она, стараясь изобразить спокойствие.

Даниель повернул к ней голову:

— А, привет. Они ставили плитку на белый раствор. Я сказал им, что он должен быть черным.

— А что тебе подсказало так действовать?

Дейзи стояла не шелохнувшись, а Нев переводил взгляд с одного на другого. Даниель выпрямился и осторожно положил плитку:

— Первоначальные планы. Эта рифленая плитка должна иметь черный фон. Мы с тобой пришли к выводу, что так смотрится лучше, если помнишь.

Дейзи невольно стиснула зубы. Она никогда ему не возражала, всегда капитулировала перед его видением.

— С той поры планы поменялись, и я думаю, что для всех будет лучше, если ты не станешь вмешиваться в дела, которые тебя больше не касаются.

— Я пытался помочь, Дейз. — Он бросил взгляд на юношу. — Глупо, что я провожу здесь день за днем и ничего не делаю. Я просто захотел помочь.

— Не нужно помощи, — ответила Дейзи.

— Мне казалось, мы с тобой партнеры.

— Надо же! Мне тоже так казалось.

Даниель выглядел испуганным: это был уже второй мятеж Дейзи за последние несколько дней, и, видимо, остальные договоренности для нее уже не существовали.

— Я не могу все время извиняться. Если мы собираемся двигаться дальше, значит нужно отделить то, что происходит между нами, от того, что происходит в бизнесе.

— Все не так просто.

— Ой, да ладно, Дейз...

Она набрала в легкие воздуха:

— Компания, частью которой ты являлся, больше не существует.

Даниель нахмурился:

— Что?

— «Винер и Парсонс». Я свернула ее деятельность, когда взялась за этот проект. Компании больше нет. Я индивидуальный предприниматель, Даниель.

Наступила долгая тишина. Нев начал нервно посвистывать, внимательно рассматривая засохшую краску на руках. А снаружи разбирали леса, и стойки периодически падали, глухо ударяясь о землю.

Даниель покачал головой, потом посмотрел на Дейзи, плотно сжав губы, и вытер руки о джинсы:

— Знаешь что, Дейзи? Мне кажется, ты высказалась предельно ясно.

Камилла сидела в потрепанном стареньком «форде» и слушала, как звуки Мерхема в разгар лета просачиваются сквозь пассажирское окошко и смешиваются с возней Кейти на заднем сиденье. С дороги волнами поднимались запахи бензина и теплого асфальта. Ролло сидел на полу, втиснувшись между ее коленей, — он только так предпочитал передвигаться на транспорте. Хэл на месте водителя даже ни разу не скрипнул старым кожаным сиденьем, и эта его тишина впивалась ей в кости. Она собиралась рассказать ему насчет работы. Еще три недели, предупредила Кей, и выходное пособие меньше, чем зарплата за месяц. Никто так и не попытался выкупить бизнес, и, как ни жалко, Кей собиралась закрыть чертов салон.

Новость давила Камиллу холодным камнем. Она могла бы справиться с мыслью, что придется нелегко, но в конце концов работа все-таки найдется, для нее и для него тоже. Скучные сбережения плюс гонорар за фреску помогут им дожить до тех времен. Но с Хэлом в послед-

нее время стало так сложно: он совершенно замкнулся в себе. Любой невинный вопрос тут же наталкивался на яростное отрицание или какой-нибудь обидный саркастический ответ, после которого она чувствовала себя в лучшем случае беспомощной, а в худшем — глупой.

А все потому, что она не могла понять происходящее. Она знала, как он относился к бизнесу, что ему будет тяжело свернуть свое дело, но думала, даже надеялась, что он обопрется на нее и они вместе все преодолеют. А он заставил ее чувствовать себя ненужной. Она чувствовала это всю жизнь, начиная со школьных лет, когда присутствовала на всех мероприятиях, но не участвовала в них (Лотти настаивала, чтобы ее включали везде), до нынешнего времени, когда ей приходилось интересоваться у продавщиц, подходящую ли одежду подобрала для себя Кейти или, как часто случалось, вещи больше подходят девушке на десять лет старше.

Машина остановилась. Она услышала, как Кейти рванула к двери, потом обратно, чтобы поспешно чмокнуть ее в щеку: «Пока, мам». Камилла перегнулась назад, но лишь дотронулась рукой до сиденья, не успев поймать свою резвую дочь, которая уже выбралась из машины и бежала по садовой тропинке к школьной подруге.

— Привет, Кейти, проходи в дом. Она у себя. — Камилла услышала голос Мишель, потом Хэл нервно зазвонил ключами, когда та направилась к машине. — Привет, Камилла. Я просто хотела поздороваться. Жаль, что на прошлой неделе пропустила школьное собрание: ездила на курсы. — Легкое прикосновение к плечу. Голос Мишель звучал на одном уровне с головой Камиллы: она, должно быть, пригнулась к окошку. От нее шел легкий запах ванили.

— Куда именно?

— Озерный край. Дождь лил каждый день. Я даже не поверила, когда Дейв сказал, что здесь стояла прекрасная погода.

Камилла улыбнулась, остро сознавая, что Хэл даже не поздоровался. Она уловила вопрос в молчании Мишель и попыталась заполнить паузу:

— А мы собрались по магазинам.

— За чем-то особенным?

— Просто за новым платьем для открытия отеля. Хэл там работал, мама тоже...

— Вот бы скорее увидеть, как там все получилось. Не пойму, почему все так волнуются. Ведь половину из них дальше порога не пустят. — Мишель презрительно хмыкнула. — Матушка Дейва, например, настроена против отеля. Говорит, если мы пустим сюда лондонцев, вслед за ними потянутся беженцы в поисках политубежища... Глупая старая перечница.

— К отелю привыкнут. Через какое-то время.

— Ты права. Ладно, больше не стану вас задерживать, поезжайте. Как тебе повезло! Я бы никогда не смогла заставить Дейва ходить со мной по магазинам... — Мишель неловко замолчала, вспомнив, почему Хэл сопровождал жену в такой поездке.

— О, Хэл поступает так из милости, — пошутила Камилла. — Я потом кормлю его обедом. И пресмыкаюсь.

Они расстались, договорившись забрать Кейти в шесть и пообещав встретиться на неделе, чтобы выпить кофейку. Камилла слышала свой голос так, словно он звучал изда- лека. Она улыбалась, пока шаги Мишель не стихли, а потом, когда Хэл завел мотор, протянула руку и не позволила ему тронуться.

— Все, — сказала она в тишину. — Я больше так не могу. Ты решил меня бросить?

Она не собиралась ничего спрашивать — вопрос вырвался сам собой.

Она почувствовала, как он повернулся к ней. На этот раз сиденье закрипело.

— Это я тебя бросаю?

— Я больше не могу ходить вокруг тебя на цыпочках, Хэл. Не знаю, что я делаю не так, а еще я не знаю, что с тобой происходит, и не могу все время пресмыкаться. Не могу стараться делать вид, будто все в порядке.

— Это ты стараешься?

— Что ж, видимо, не очень хорошо. Ради бога, поговори со мной. Выскажись. Что бы это ни было. Разве мы не решили оставить прошлое? Разве мы не решили быть честными?

— И ты будешь абсолютно честной?

Камилла убрала руку:

— Конечно буду.

— И даже расскажешь про свой банковский счет?

— Какой счет?

— Твой новый банковский счет.

— Нет у меня нового счета. Да и при чем тут это? —

Она напрасно ждала ответа и потому продолжила: — Ради всего святого, Хэл, я понятия не имею, о чем ты говоришь. Ты же просматриваешь все отпечатанные выписки с моих счетов. Ты знаешь все мои счета. Ты бы первый узнал, если бы я открыла новый.

На этот раз его молчание было наполнено почему-то другим смыслом. А затем прозвучало:

— О господи!

— Что? Хэл, в чем дело?

— Лотти. Это все твоя мать.

— Что моя мать?

— Она открыла на твое имя счет. И перевела на него двести тысяч фунтов.

Камилла так резко повернулась, что Ролло взвыл.

— Что?!!

— От продажи «Аркадии». Она открыла этот счет на твое имя, и я подумал... Бог мой, Камилла, я подумал... — Он начал хохотать.

Она почувствовала, как он трясется от смеха, а вместе с ним ритмично вибрирует вся машина. Словно он плакал.

— Двести тысяч фунтов? Но почему она мне ничего не сказала?

— Это очевидно. Ей кажется, что мы разбежимся. Вот она и захотела обеспечить тебя, пока я буду катиться в пропасть. Беспольный муж, который не в состоянии даже сохранить свой бизнес... Как же он в таком случае позаботится о ее маленькой дочке?

Он говорил с горечью. Но доля правды в его словах была. Она замотала головой, закрыв лицо руками и представляя, что он, должно быть, думал и как близко они подошли к...

— Но она... Эти деньги... Господи, Хэл, прости...

Ролло под ногами заскулил, просясь на волю. Хэл обнял ее одной рукой, притянул к себе и тут же заключил ее в кольцо второй рукой. Она чувствовала его дыхание на своем виске.

— Нет, милая. Это я должен просить прощения. Я очень виноват. Мне бы сразу следовало поговорить с тобой. А я повел себя как дурак...

Они сидели так какое-то время, не догадываясь о любопытных взглядах прохожих и о том, что Кейти с подружкой Дженнифер тоже с любопытством наблюдают за ни-

ми из верхнего окна. Когда им это занятие наскучило, девочки скрылись в комнате.

Камилла неохотно отстранилась, почувствовав, что ей становится жарко от такого крепкого объятия.

— Все еще хочешь пробежаться по магазинам? — Хэл сжал ей руку, словно не желая отпускать от себя.

Камилла убрала прядь волос с лица и завела ее за ухо.

— Нет. Отвези меня в «Аркадию», Хэл. С меня хватит.

Дейзи проверила стены и пол главной гостиной, бар, номера и кухни. Затем проверила все шторы в доме, правильно ли они висят, ровно ли падают складки, не смята ли ткань. Потом настала очередь лампочек и выключателей — все ли работают, все ли на месте. Она составила список незавершенных работ, завершенных, но неправильно, доставленных предметов обстановки и тех, что предстояло вернуть. Она работала спокойно, методично, наслаждаясь прохладой от вентиляторов (было решено не устанавливать кондиционеры) и морским ветерком, свободно проникавшим через многочисленные открытые окна. Эта рутинная работа дарила ей ощущение покоя. Теперь она лучше понимала Даниеля с его неодолимой тягой к порядку и гармонии вокруг себя.

Он приготовил ей кружку чая, общались они вполне вежливо и даже обсудили, что Элли предпочитает белый хлеб всем другим видам, а также как лучше всего очищать для нее виноградины. Он повез девочку в город, сумев без подсказок собрать в дорогу подгузники, водичку, сухари и помазать ее кремом от солнца. Элли визжала от восторга, а затем принялась жадно грызть деревянную палочку с колокольчиками. Он же спокойно с ней болтал, ловко пристегивая ее к коляске.

Между ними выстраиваются отношения, подумала Дейзи, наблюдая с порога, и сама удивилась, почему ее радость была неполной.

— Куда это он ее везет? — Расстаться со своей подопечной для Лотти, видимо, оказалось не так просто.

— Прогуляться в город.

— Нечего им делать в парке. Там повсюду псы.

— Даниель присмотрит за ней.

— Глупо, что люди позволяют собакам везде бегать без поводков. Тем более когда там же гуляют дети. Не понимаю, зачем люди берут псов в отпуск.

Последние несколько дней Лотти была сама не своя. Огрызнулась на Дейзи, когда той захотелось узнать про символизм в одежде и предметах, которые держали на картине персонажи. Дейзи не передала ей слова Стивена Микера насчет соблазна и Старого Завета. На фреске, по его мнению, все было отражено верно, если знать, что она пыталась соблазнить отца семейства, принявшего ее в эвакуации. Не сказала Дейзи и то, что среди его старых фотографий была одна, на которой юная Лотти, уже на конечных сроках беременности, спала полуобнаженной на каменном полу.

— Ты просила старые фотографии, чтобы развесить в рамочках. — Лотти протянула ей коробку, которую до этого держала под мышкой.

— Да, но я приму только те, с которыми вы готовы расстаться. Не нужно отдавать дорогие для вас снимки.

Лотти пожала плечами, словно не ожидала услышать подобное.

— Разберу их наверху. Там тихо.

Она снова сунула коробку под мышку, и Дейзи долго слушала эхо ее шагов по коридору, потом повернулась, когда Эйдан прокричал ее имя из передней.

— К тебе пришли, — сообщил он, не вынув гвоздей изо рта и сунув руки в глубокие карманы замшевого фартука. Когда она проходила мимо, он многозначительно вскинул бровь, и у нее неожиданно сжалось сердце от перспективы увидеть Джонса.

Почти не сознавая, что делает, она поднесла руку к волосам, чтобы поправить прическу.

Но это оказался не Джонс.

На пороге стояла Сильвия Роуан, затмевая все вокруг ярким пиджаком и гетрами. У ее ног, распустив слюни, сидела собака с пустыми глазами.

— Я сказала вашему работнику, что он может больше не стучать молотком, — сообщила она с улыбкой, словно герцогиня, вышедшая к толпе.

— Простите? — опешила Дейзи.

— Я насчет строителей. Они должны прекратить работу.

— Это мне судить... — Дейзи умолкла, не договорив, поскольку Сильвия Роуан замахала перед ее носом листком бумаги. Слишком близко замахала.

— Распоряжение о консервации работ. Ваш отель теперь внесен в список архитектурных достопримечательностей до особого распоряжения. Это означает, что на ближайшие полгода любые работы должны быть приостановлены.

— Что?

— Это делается для того, чтобы помешать вам портить здание дальше. Распоряжение обязательно к выполнению.

— Но работа практически завершена.

— Что ж, вам придется подать заявление на новую лицензию. И восстановить все, что найдут нужным пред-

ставители строительного комитета. Какие-то стены, возможно, или окна.

Дейзи в ужасе подумала о гостях, которые уже собирались в дорогу. Представила, как они будут разбирать сумки под грохот строительных работ.

— Но я не добивалась для дома статуса архитектурной достопримечательности. И Джонс тоже. То, что дом не входил в список охраняемых зданий, и было его преимуществом.

— Любой может подать такое заявление, дорогуша. По правде говоря, вы сами подали мне идею, когда выступили на собрании и рассказали, чем тут занимаетесь. Тем не менее в наших общих интересах сохранить архитектурное наследие. Не так ли? Держите официальный документ, и я советую вам позвонить своему боссу и сказать, что придется отложить открытие. — Она посмотрела на перебинтованную руку Дейзи. — И раз уж я этим занимаюсь, то заодно позвоню в охрану труда.

— Мстительная старая корова, — изрек Эйдан. — Удивительно, как она еще не слопала твоего младенца.

— Вот черт! — ругнулась Дейзи, пытаясь пробиться через мириады пунктов и подпунктов врученного документа. — Послушай, Эйдан, окажи мне услугу.

— Какую?

— Позвони Джонсу. Скажешь, что я вышла или еще что. И расскажи ему об этом вместо меня.

— Ай, брось, Дейзи, это не мое дело.

— Пожалуйста. — Она постаралась изобразить мольбу.

Эйдан вскинул бровь:

— Милые бранятся?

Дейзи очень хотела, чтобы он позвонил, поэтому не выругалась.

Она не заглядывала в коробку с тех пор, как умерла Аделина. И то, что она почти десять минут сидела, рассматривая крышку, говорило о нежелании делать это сейчас. Чтобы все снова всколыхнулось. Так, кажется, говорил Джо? Воспоминания об «Аркадии», о лете, проведенном здесь, яркими искрами вращались по орбите вокруг радужного солнца. Легче не смотреть, подумала Лотти и вздохнула, не убирая руки с коробки. Легче не пробуждать глубоко захороненные чувства. Она умела прятать свои чувства. И вот теперь Дейзи захотела снова все открыть, вроде той фрески. В минуту слабости, когда ее отвлекали Камилла с Хэлом или мысли о круизах и способах избежать их, она пообещала достать из закровов старые вещи. Дейзи планировала поместить в рамочки как можно больше фотографий и рисунков, заполнить ими всю стену напротив бара — как наглядное напоминание о том, что гости когда-то были частью великой традиции артистического убежища.

Артистическое убежище, усмехнулась Лотти, открывая коробку. Кроме Френсис, почти никто из них не имел отношения к искусству. Впрочем, нет, упрекнула она себя, вспомнив Аду Клейтон. С каким артистизмом они сами себя создавали, делая вид, что они не те, кем были на самом деле.

Лотти удивилась, что, едва сняв крышку с коробки, она ощутила головокружение, словно стояла на краю пропасти. Смешная старуха, подумала она про себя. Ведь это всего лишь картинки.

Но рука, когда она протянула ее к фотографиям, подрагивала.

Сверху, слегка порыжевший от времени, лежал снимок Аделины, переодетой в раджу из Раджастана, ее глаза блестели из-под тюрбана, мальчишеская фигурка была

завернута в мужской шелковый кафтан. Рядом сидела Френсис и смотрела мудро — видимо, уже тогда догадывалась, какая судьба ее ждет. Лотти положила фотографию на натертый деревянный пол. На следующем фото Аделина и Джулиан над чем-то смеялись, за ним последовал снимок Стивена и незнакомого ей мужчины. Рисунок перевернутой лодки, выполненный углем, — работа, скорее всего, Френсис. Еще один, потрескавшийся и пожелтевший в местах, где был сложен: спящий на траве Джордж. Все эти фотографии и рисунки она разложила аккуратными рядами на полу. Ее собственный рисунок, изображавший французский дом. В то время она была уже на таком большом сроке, что спокойно размещала коробку с красками на собственном животе.

А вот и сама Лотти. Глаза смотрят искоса из-под пелены темных волос, украшенных, словно съедобный деликатес, мелкими бутонами роз.

Лотти устала на себя молодую, чувствуя, как на нее нахлынула волна глубокой печали. Она подняла голову и устремила взгляд в окно, смагивая слезы, а потом снова повернулась к коробке.

И сразу ее захлопнула. Но опоздала. Все равно заметила худую длинноногую фигуру, отросшие каштановые волосы с металлическим отблеском от солнца.

Она положила руки на крышку, прислушиваясь к перебоям сердца и не глядя на коробку, словно один только взгляд мог вновь отпечатать в ее воображении образ, который она не желала видеть.

Не было в ее голове ни одной мысли — только образы, непоследовательные, как снимки из коробки.

Она сидела тихо, не шевелясь. Потом, словно очнувшись ото сна, поставила коробку рядом и устремила взгляд на фотографии, разложенные на деревянном полу. Реши-

ла, что отдаст их Дейзи. Пусть делает с ними все, что захочет. Через неделю она все равно сюда больше не придет.

Лотти давно привыкла к толпе строителей и декораторов, которые появлялись без всякого предупреждения в различных частях дома, поэтому она едва подняла взгляд, когда открылась дверь. Она как раз опустилась на колени, чтобы начать собирать фотографии и складывать обратно в коробку.

— Мам?

Лотти вскинула голову и увидела восторженную морду Ролло.

— Здравствуй, дорогая. — Она шмыгнула носом, вытерла лицо. — Дай мне секунду подняться с пола. Хорошо? — Она с трудом наклонилась вперед, чтобы опереться о подлокотник кресла.

— Что, по-твоему, ты творишь, мам?

Лотти, собиравшаяся встать, вместо этого тяжело опустилась на пятки. Лицо дочери было суровым и напряженным от огромного внутреннего усилия.

— Ты о чем, Камилла?

— О деньгах, мам. Что, интересно, ты думала? — Камилла шагнула вперед, наступив на две фотографии. Лотти хотела запротестовать, но слова замерли у нее на языке, когда она увидела, как дрожит рука, держащая поводок. — Я никогда с тобой не спорила, мам. Ты знаешь, я всегда была благодарна за все, что ты делаешь, за твою помощь с Кейти и прочее. Но сейчас ты перешла все границы. Эти деньги... Это уже перебор.

— Я собиралась сказать тебе, дорогая.

— Но не сказала. — Камилла говорила ледяным тоном. — Ты просто вмешалась без всяких церемоний и попыталась организовать мою жизнь, как делаешь это всегда.

— Это не...

— Правда? Несправедливо? Хочешь поговорить? Всю свою жизнь я от тебя слышу, что способна делать все то, что делает любой зрячий человек. Но ты сама в это не веришь. И все время пытаешься подстелить соломку.

— Это не имеет никакого отношения к твоему зрению.

— Черта с два!

— Любая мать поступила бы так же.

— Нет, мам. Нет. — Камилла сделала шаг вперед, заставив Ролло, глядевшего на фотографии под ногами хозяйки, поволноваться. — Любая мать оставила бы распоряжение в своем завещании. Поговорила бы с семьей. Любая мать не стала бы тайно переводить деньги, считая себя единственной, кто способен позаботиться о дочери.

— Ой, ну мне просто захотелось удостовериться, что ты будешь в порядке, если... если Хэла не будет рядом.

— Но Хэл всегда рядом, — взорвалась Камилла.

— Пока что.

— У нас все хорошо, мам. Мы стараемся сохранить брак. По крайней мере, старались, пока ты не вмешалась. Что, скажи на милость, он мог почувствовать? Он решил, что я планирую снова уйти от него. Тебе это известно? Он подумал, что я ухожу, и чуть не оставил меня первым. — Она тяжело выдохнула. — Господи, если бы ты уделяла хотя бы половину внимания, что уделяешь другим, своей собственной семье, то она была бы гораздо счастливее. Почему бы тебе ради разнообразия не подумать об отце, а? Вместо того, чтобы вести себя так, будто его вообще, черт возьми, не существует.

Лотти закрыла лицо руками, и потому, когда заговорила, голос ее звучал приглушенно.

— Прости, — тихо сказала она. — Я просто хотела убедиться, что ты не пропадешь. Я хочу, чтобы ты была независима.

— На тот случай, если Хэл оставит меня. Именно так. И хотя это у меня случился роман, это я чуть не довела наш брак до разрыва, ты до сих пор не доверяешь Хэлу, думая, что он уйдет.

— С чего бы мне так думать?

— Потому что где-то в глубине души, мам, ты не веришь, что с такими, как я, остаются.

— Нет! — вскинулась Лотти.

— Ты не можешь поверить, что кто-нибудь захочет себе в пару слепую женщину. Ты полагаешь, что даже Хэлу это в конце концов надоест.

— Нет.

— Так как же на самом деле, мам?

— Камилла, дорогая, все, что я для тебя хотела, — немного независимости.

— Каким образом деньги сделают меня независимой?

— Они подарят тебе свободу.

— А что, если мне не нужна свобода? Что плохого в замужестве, мам?

Лотти взглянула на дочь:

— Ничего. Ничего плохого в замужестве нет. Если только ты... — Она с трудом подыскивала слова. — Если только ты идешь на это по любви.

Дейзи сидела у телефона, ни на секунду не забывая, что наверху куксится Даниель. Он не спускался поест, а сидел в своей комнате и слушал радио, вежливо сообщив Дейзи, что хочет побыть один. Она подозревала, что ему нужен перерыв от всего: от накаленной атмосферы, от

заново строящихся отношений. Она не возражала — ей самой хотелось отдохнуть от этого.

Дейзи никогда не считала себя человеком, для которого работа служит спасением, но она сидела и обзванивала людей по списку, составленному Стивеном, радуясь, что есть на что отвлечься. Список был не очень длинный. Двое умерли, один впал в детство, несколько человек оказались недоступны. Да, не такое воссоединение она первоначально задумывала.

Джордж Берн принес свои извинения и передал через секретаршу, что он и его жена уже приглашены на выходные. Художница Нинетт Шарлеруа, разведенная дама, известная под именем Ирэн-Дорогая, а также Стивен согласились приехать. Нинетт также помогла связаться с еще несколькими художниками того времени, которые не были изображены на фреске, но, видимо, посещали «Аркадию» в период ее расцвета в пятидесятых годах. Лотти она ничего не сказала, помня, что бывшая хозяйка, по собственному признанию, не выносит вечеринок, поэтому остался всего один персонаж с фрески, которому предстояло позвонить.

Дейзи закурила сигарету, пообещав себе, что бросит сразу после открытия отеля, и тут же закашлялась, когда на том конце сняли трубку гораздо быстрее, чем она предполагала, учитывая, что это международный звонок. «Hola?» — произнесла она и расслабилась, услышав британский говор. Удостоверившись, что это тот, кто ей нужен, она продолжила свою теперь уже хорошо отрепетированную речь насчет торжественного открытия нового отеля.

Господин оказался очень вежливым. Он дождался, пока она закончит, прежде чем сказать, что он польщен таким вниманием, но приехать, видимо, не сможет.

— То был... Очень недолгий период моей жизни.

— Но вы женились на ком-то из Мерхема — так? — спросила Дейзи, просматривая свои записи. — Это делает вас важным участником нашего... Мы обнаружили фреску, знаете ли, и вы на ней изображены.

— Что?

— Фреска. Работа Френсис Делахей. Вы знали ее? В трубке помолчали.

— Да-да. Я помню Френсис.

Дейзи крепче прижала трубку к уху, размахивая второй рукой.

— Вам обязательно нужно ее увидеть. Фреска отреставрирована и станет ключевым моментом нашего вечера. Будет чудесно, если мы соберем всех, кто на ней изображен. Прошу вас. Я пошлю транспорт, все устрою. Можете привозить с собой жену и детей. Наверняка им тоже понравится. Да что там, привозите даже внуков. Мы заплатим и за них. — С Джонсом улажу этот вопрос позже, подумала она, морщась. — Ну же, мистер Банкрофт. Всего лишь один день из вашей жизни. Один день.

На этот раз молчание продлилось дольше.

— Я подумаю. Но приеду только я, мисс Парсонс. Моя жена Селия скончалась в недалеком прошлом. — Он умолк, тихо прокашлявшись. — И детей у нас никогда не было.

Когда до открытия виллы «Аркадия», превращенной в отель, оставалось семь дней, Камилла и Хэл приняли решение выставить свой дом на продажу. Он слишком большой, уговаривали они друг друга, для семьи из трех человек, а детей у них вряд ли прибавится («Хотя это не было бы катастрофой», — сказал Хэл, обнимая жену). Они начали подыскивать жилье поменьше, расположенное рядом со школой Кейти, но с мастерскими или двойным гаражом, чтобы Хэл, занявшись другим делом, все же мог бы продолжать реставрировать, до тех пор пока экономический климат не позволит ему возобновить бизнес. Они встретились с агентом по недвижимости, тактично обратившись в контору, где не работал Майкл Брайант. Дочке они сказали, что позволят ей выбрать всю обстановку для ее новой комнаты и что, разумеется, для Ролло там тоже места хватит. Потом они отдали распоряжение в банк закрыть счет, открытый Лотти, и вернуть ей деньги.

Лотти звонила дважды. Оба раза Камилла не снимала трубку, дожидаясь, когда включится автоответчик.

За шесть дней до открытия «Аркадии» явилась комиссия из Департамента национального наследия, чтобы дать заключение о незамедлительном внесении виллы в список охраняемых объектов. Джонс, предупрежденный заранее, прибыл со своим юристом и заявлением на получение свидетельства о том, что данное здание не соответствует категории охраняемого объекта, которое, по его словам, было отправлено государственному секретарю еще во время оформления покупки, когда авторитетнейшие источники его заверили, что оно будет подписано и, следовательно, защитит их от финансовых потерь, вызванных процедурой попадания в список охраняемых объектов. Но, несмотря на все это, заявил юрист, они будут рады, если представители Департамента национального наследия внимательно ознакомятся с проведенной работой и оговорят приблизительные сроки любых восстановительных мероприятий, а также побеседуют с Дейзи, у которой находится вся информация и документация, относящаяся к реставрации и состоянию здания до начала строительных работ.

Дейзи почти ничего из этого не слышала, не говоря уже о том, чтобы понимать, ибо не сводила глаз с Джонса. Он обратился к ней всего два раза: поздоровался и попрощался. И в том и в другом случае смотрел куда-то мимо.

За пять дней до открытия Камилла пришла в дом к родителям в тот час, когда точно знала, что матери не будет, и застала отца, листающего туристские буклеты. По дороге она очень нервничала, опасаясь, что мать могла повторить ему те ужасные слова, которые сказала про их брак, но отец пребывал в необычно приподнятом настроении. Он раздумывал, не отправиться ли ему в Кота-Ки-

набалу¹, сообщил он, зачитав ей абзац из брошюры. Нет, он понятия не имел, где это, знал лишь, что где-то на Востоке. Ему просто понравилось название. Хорошо вернуться домой и сказать: «Я только что побывал в Кота-Кинабалу».

— То-то все в гольф-клубе удивятся, а? Это тебе не Ромни-Марш, чуть интереснее.

Камилла поинтересовалась, планирует ли поехать с ним мама.

— Я пока работаю над этим, дорогая, — ответил он. — Ты же ее знаешь.

Поддавшись порыву, она обняла его так крепко, что он погладил ее по волосам и спросил, что случилось.

— Ничего, — ответила она. — Я просто тебя люблю, па.

— Чем раньше этот отель откроется, тем лучше, — заметил он. — А то в последнее время все чего-то нервничают.

За четыре дня до открытия на широком белом крыльце «Аркадии» появился Стивен Микер, разгоряченный, в соломенной шляпе, и объявил, что взял на себя смелость поговорить со своим другом с Корк-стрит, которого чрезвычайно заинтересовала их фреска. Тот попросил разрешения прийти на открытие и, если можно, привести с собой еще одного друга из «Дейли телеграф», который специализировался на статьях по живописи. Дейзи разрешила и пригласила обоих посмотреть фреску заранее, еще до открытия.

Стивен долго рассматривал свое изображение в юности, потом перевел взгляд на Джулиана и заметил, что

¹ *Кота-Кинабалу* — город в Малайзии, столица штата Сабах. Город расположен в северо-западной части острова Борнео, на побережье Южно-Китайского моря.

фреска запомнилась ему по-другому. Перед уходом он опустил костлявую руку на локоть Дейзи и посоветовал никогда не делать то, что она считает своим долгом.

— Делайте только то, что по-настоящему хотите, — сказал он. — Так у вас никогда не будет сожалений. Потому что к тому времени, когда вы достигнете моего возраста, весь этот груз будет чертовски давить.

За три дня до открытия приехала Кэрол вместе с Джонсом, чтобы пробежаться по списку именитых гостей, проверить состояние кухонь, парковки, аппаратуру для музыкантов и хвалебно отозваться обо всем, причем с таким восторгом, что Дейзи была готова кинуться тут же исполнять ее распоряжения. Джонс сообщил, что доволен, но таким тоном, что она засомневалась в его искренности, затем выстроил в ряд весь персонал нового бара и кухонь, произнес перед ними краткую, лишённую энтузиазма речь, опросил трех уборщиц и смылся так быстро, что Кэрол назвала его бедняжкой, дай Бог ему здоровья. Вскоре после этого позвонила Джулия, сообщила, что они с Доном тоже приедут на вечеринку, и поинтересовалась, не нужно ли привезти для Дейзи какой-нибудь наряд? Она даже не представляет, какой прекрасный выбор в этом маленьком городке. В Эссексе, подумала Дейзи, услышав подразумевавшийся курсив. Нет, прозвучало в ответ. Она сама справится, спасибо.

— Он вернется? На открытие? — поинтересовалась Джулия, перед тем как дать отбой.

— Он никуда не уезжал, — возмутилась Дейзи.

— Надо же, — удивилась Джулия.

За два дня до открытия местная газета опубликовала статью о фреске и без спроса сделанную фотографию, чем, как подозревала Дейзи, они были обязаны одному из строителей. Лотти, всю неделю не дававшая никому

спуску, обвинила Сильвию Роуан. Ее с трудом убедили не ходить туда, чтобы лично объясниться с глазу на глаз.

— Какая разница? — Дейзи усадила Лотти на террасе с чашкой чая и старалась говорить спокойнее, чем она была на самом деле. — Это всего лишь местная газетенка.

— Дело в другом, — сердито ответила Лотти. — Не хочу, чтобы повсюду раструбили об этой истории. Чтобы на картину пялились все кому не лень. Люди ведь знают, что это я.

Дейзи решила не упоминать о журналисте из «Дейли телеграф».

В самом Мерхеме, если верить разведке, местное Общество трезвости вместе с Ассоциацией хозяек гостиниц и остатками адвентистов седьмого дня готовились пикетировать открытие отеля на глазах у нескольких репортеров и одного оператора из региональных телевизионных новостей. Дейзи пыталась дозвониться до офиса Джонса, предупредить его, но секретарь перевела ее звонок на Кэрол.

— О, не беспокойся, — небрежно бросила та. — Мы пригласим их в дом выпить и сфотографироваться, дай Бог им здоровья. Всегда срабатывает — разоружим их капелькой обаяния. А не получится, так выставим за ворота.

Когда в тот же день, ближе к вечеру, Дейзи пошла прогуляться с Элли в город, компания пожилых дам перестала разговаривать и уставилась на нее. Дейзи захотела купить газету, и владелец магазинчика вышел из-за прилавка, чтобы пожать ей руку.

— Вы молодец, — сказал он, озираясь, словно кто-то мог их подслушать. — Бизнес порождает бизнес. А люди этого не понимают. Но как только вы встанете на ноги

и окрепнете, все тут же будет забыто. Просто они столько лет всему сопротивлялись, что ничего другого уже не умеют.

За день до открытия, после того как строители и работники кухни ушли, после того как Джонс уехал с Кэрол на ее нелепой спортивной машине, а Дейзи понесла Элли наверх купаться, Лотти задержалась. Когда в доме все стихло, она обошла каждую комнату. Сентиментальный человек мог бы сказать, что она прощалась. Она же заверила себя, что всего лишь проверяет порядок. У Дейзи и без того забот хватало с ребенком, открытием и бесполезным папашей, а Джонс, видимо, сам еще не знал, в какую сторону ему двигаться, так что кому-то нужно было приглядеть за порядком. Она дважды это повторила для большей убедительности.

Лотти заходила в каждую комнату, вспоминая, какой она была прежде, и ей помогали в этом фотографии на стенах, которые она иногда позволяла себе рассмотреть. Лица, застывшие во времени, смотрели на нее и улыбались, словно незнакомцы. Из этих людей уже почти никого не осталось, говорила она себе. А фотографии в рамках — всего лишь часть внутреннего декора, чтобы добавить атмосферу подлинности приморскому дому какого-то богача.

Гостиную она оставила напоследок. Каждый ее шаг по новому паркету отдавался гулким эхом. Лотти вошла и села на диванчик точно так, как сидела Аделина почти полвека тому назад, когда Лотти впервые ее увидела. Дом, огромный и белый, больше не казался «Аркадией», его комнаты перестали быть молчаливыми свидетелями ее секретов. Восковая полировка и свежесрезанные цветы заглушили прежние запахи соленого моря и возможно-

стей. Блестящие кухонные плиты, чистая обивка и светлые идеальные стены почему-то казались бессмысленными, они изгнали дух этого места.

И все же кто я такая, чтобы высказываться? — подумала Лотти, озираясь. В любом случае, здесь всегда было слишком много боли. Слишком много тайн. Теперь будущее дома принадлежит другим людям. Она внимательно оглядела комнату, и взгляд ее остановился на фотографии Селии в ярко-алой юбке, которая теперь сочеталась с обивкой. Она вспомнила, как на нее с озорством смотрели понимающие глаза, а стройные ножки всегда готовы были вскочить и умчаться. Моя история — как эти фотографии, подумала Лотти. Всего лишь часть внутреннего декора.

Несколько минут спустя из ванной комнаты вышла Дейзи с завернутой в полотенце Элли и направилась в кухню, чтобы согреть девочке молоко. Но, спустившись до середины лестницы, она взглянула в гостиную, затем медленно повернулась и снова ушла наверх, несмотря на протесты Элли.

А Лотти осталась сидеть внизу, погруженная в глубокое раздумье. Она почему-то казалась маленькой, хрупкой и очень одинокой.

Накануне открытия, вечером, Джонс подровнял шаткую стопку документов на столе, закрыл дверь в кабинет, куда доносился громкий смех из бара «Красных комнат», допил остатки кофе, затем поискал рабочий номер бывшей жены и позвонил ей. Алекс удивилась, услышав его голос: вероятно, она предполагала, впрочем, как и он, что после ее замужества характер их дружбы изменится.

Он терпеливо выслушал ее рассказ о медовом месяце, а она тактично ограничилась описанием красот острова, невероятного цвета морских волн и собственных солнечных ожогов. Она сообщила ему новые номера телефонов, понимая, что он вряд ли когда-нибудь позвонит ей домой. Только потом она спросила, все ли у него в порядке.

— Да. Превосходно... Хотя... Нет, не совсем.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Есть одна проблема... Довольно сложная. — (Она ждала.) — Даже не знаю, можно ли с тобой ее обсуждать.

В ее вопросительном «Да?» прозвучала настороженность.

— Ты же знаешь меня, Алекс. Я никогда не умел говорить.

— Это точно.

— А... послушай... забудь.

— Да будет тебе, Джонс. Говори, раз начал.

Он вздохнул:

— Просто я... кажется, привязался к одному человеку. Раньше она была одна, а теперь — нет.

На другом конце провода молчали.

— Я ничего ей не сказал. А ведь следовало. Прямо не знаю, что делать.

— Она была одна?

— Ну да. И в то же время нет. Я точно знаю, что к ней чувствую, но теперь не могу сделать шаг. Слишком поздно.

— Слишком поздно?

— Ну, не знаю. Ты думаешь, еще не поздно? Считаешь, можно признаться? В данных обстоятельствах?

Еще одна затянувшаяся пауза.

— Алекс?

— Джонс... Даже не знаю, что сказать.

— Прости. Мне не следовало тебе звонить.

— Нет-нет. Хорошо, что мы говорим о таких вещах.

Но... Я теперь замужем.

— Знаю.

— И думаю, твои чувства ко мне не совсем... уместны. Ты же знаешь, как Найджел к этому относится...

— Что?

— Я польщена. Честно. Но...

— Нет-нет, Алекс. Я говорю не о тебе. О боже, что я сказал?

На этот раз тишина наступила от смущения.

— Ал, прости. Я не так выразился. Как всегда.

Она поспешно рассмеялась, изображая равнодушие:

— О, не беспокойся, Джонс. Для меня это большое облегчение. Я просто неверно истолковала твои слова. — Она говорила как учитель младших классов, решительно и оживленно. — Так кто эта девушка на этот раз?

— В том-то все и дело, что она не такая, как все.

— В каком смысле? Блондинка ради разнообразия? Из каких-нибудь экзотических краев? Или ей уже за двадцать?

— Нет. Я с ней работаю. Она дизайнер.

— Хоть что-то новое, а то все одни официантки.

— И мне кажется, я ей нравлюсь.

— Тебе кажется? Так ты еще с ней не спал?

— Вот только отец ребенка взял и вернулся.

Короткая заминка.

— Ее ребенка?

— Ну да, у нее ребенок.

— У нее ребенок? Ты полюбил женщину с ребенком?

— Я не сказал, что полюбил. И тебе совсем не обязательно говорить таким тоном.

— После всего, что ты мне наговорил о детях? Какой еще тон у меня может быть, Джонс?

Он откинулся на спинку стула.

— Ушам своим не верю! — Голос на том конце провода звучал резко, возмущенно.

— Алекс, прости. Я не хотел тебя обидеть.

— Ты меня не обидел. Я теперь замужем. Ты не можешь меня обидеть. Для меня все это давно в прошлом.

— Я просто хотел выслушать какой-то совет, а ты единственная, кого я знаю...

— Нет, Джонс, ты хотел, чтобы кто-то примирил тебя с фактом, что ты впервые полюбил, но неудачно. Так вот, я на роль утешителя больше не гожусь. Несправедливо, что ты ко мне обращаешься. Понял? А теперь мне пора. У меня встреча.

В день открытия Дейзи проснулась в час, когда обычно спят, и лежала в кровати, глядя, как рассвет просачивается сквозь льняные шторы ручной работы. В семь она встала, прошла в ванную и проплакала почти десять минут, стараясь не разбудить малышку, а потому всхлипывая в египетское хлопковое полотенце. Потом она ополоснула лицо холодной водой, набросила халат, взяла в руки детский монитор и прошлепала в соседнюю комнату, к Даниелю.

В комнате было тихо и темно. Он спал, укрывшись одеялом.

— Дан! — позвала она шепотом. — Даниель!

Он, вздрогнув, проснулся, повернулся к ней лицом и чуть приоткрыл глаза. Потом рывком приподнялся и, наверное по старой привычке, откинул край одеяла, приглашая ее к себе. От этого бессознательного жеста у Дейзи стиснуло горло.

— Нам нужно поговорить, — сказала она.

Он протер глаза:

— Прямо сейчас?

— Другого времени не будет. Я должна сегодня собрать вещи. Мы должны собрать вещи.

Он с минуту ошалело смотрел в пустоту.

— Могу я для начала выпить кофе? — сонным голосом спросил он.

Она кивнула и, почти смущаясь, отвела взгляд, пока он выбирался из кровати и надевал боксеры. Все движения, запахи были настолько знакомы, что вызывали у нее странное ощущение, будто она смотрит на собственное тело под другим углом.

Он и ей приготовил кофе, протянув чашку, когда она устроилась на диване. Волосы у него торчали во все стороны, как у маленького мальчика. Дейзи смотрела на него, а внутри у нее все переворачивалось, и слова превратились в желчь на языке.

Наконец он уселся.

Посмотрел на нее.

— Ничего не получится, Дан, — сказала она.

Потом, в какой-то момент, как ей запомнилось, он обнял ее за плечи, и она еще подумала, какая нелепость, что он утешает ее, когда она признается, что больше его не любит. Он и в макушку ее чмокнул, и это ощущение, как назло, тоже утешало.

— Прости, — сказала она, уткнувшись ему в грудь.

— Это все из-за того, что я поцеловал ту девушку?

— Нет.

— А я думаю, да. Я знал, что не следовало тебе говорить. Нужно было просто забыть об этом. Но я старался быть честным.

— Дело не в девушке. Правда.

— Я по-прежнему тебя люблю, Дейз.

Она подняла на него глаза:

— Знаю. Я тоже тебя люблю. Но я больше не влюблена.

— Не принимай поспешного решения.

— Но оно не поспешное, Дан. Я поняла это еще до того, как ты вернулся. Послушай, я пыталась убедить тебя, что отношусь к тебе по-прежнему, что стоит спасти те чувства... ради Элли. Но все не так. Ничего не осталось.

Тогда он отпустил ее руки и отстранился, услышав в ее голосе незнакомые твердые нотки, что-то необратимое.

— Мы так долго были вместе. У нас общий ребенок. Нельзя же взять и все выбросить. — В его голосе звучала почти мольба.

Дейзи покачала головой:

— Я и не собиралась. Но мы не можем вернуться к прошлому. Я изменилась. Я теперь другой человек...

— Но я люблю тебя такой, какой ты стала.

— А мне это больше не нужно, Даниель. — Голос Дейзи теперь окреп. — Я не хочу возвращаться к тому, что у нас было, к тому, какой я была. Я сделала то, на что никогда прежде не была способна. Я стала сильнее. И мне нужен кто-то...

— Сильнее?

— Кто-то, на кого я могу рассчитывать. И буду знать, что он не исчезнет при первых трудностях. Если мне вообще кто-то нужен.

Даниель схватился руками за голову:

— Дейзи, я ведь уже попросил прощения. Это была ошибка. Одна-единственная. И я прилагаю все усилия, чтобы ее исправить.

— Я знаю. Но ничего не могу с собой поделать. Если мы останемся вместе, я буду смотреть на тебя все время, попытаюсь предугадать, что еще ты выкинешь, бросишь нас опять или нет.

— Ты несправедлива.

— Но именно это я чувствую. Послушай... Не будь Элли, все равно это случилось бы. Мы стали бы тогда другими. Не знаю. Просто мне кажется, что пора нам отпустить друг друга.

Последовала долгая пауза. К дому подъехала машина, захлопали дверцы, внизу раздались торопливые шаги, возвещая, что рабочий день начался. Из детского монитора прозвучал тихий стон — акустическое предупреждение о том, что Элли просыпается.

— Я больше ее не оставлю. — Даниель посмотрел на Дейзи чуть ли не с вызовом.

— Я и не ждала этого.

— Мне нужно с ней видеться. Я останусь ее папой.

Перспектива передавать с рук на руки драгоценную малышку по выходным уже давно преследовала Дейзи, как в страшном сне. Одной этой мысли было достаточно, чтобы довести ее до слез. Именно это чуть не спасло Даниеля от состоявшегося разговора.

— Знаю, Дан. Мы что-нибудь придумаем.

Утро было душное, застывший воздух, словно тая угрозу, приглушал шумы, что раздавались в кухне, где началась подготовка к приему, и в комнатах первого этажа, где натерли полы и пылесосили. Дейзи сновала взад и вперед под жужжащими вентиляторами: там поправит стулья, тут проследит за натиркой кранов и ручек. Ее мягкие рубашка и шорты предвещали жару, которая станет еще невыносимее в разгар дня. Она продолжала методично выполнять все дела, оставленные на последнюю минуту,

стараясь сосредоточиться исключительно на работе, стараясь ни о чем другом не думать.

Прибыли фургоны, вывалили свое содержимое на подъездную дорожку и снова исчезли под скрежет коробок скоростей и гравия. Композиции из срезанных цветов, продукты, алкоголь таскали в дом и на террасу под слепящим солнцем, а Кэрол, чье вечернее платье висело наготове в одном из номеров, руководила операцией — этакий диктатор в дизайнерской одежде. Ее низкий голос громыхал по всей территории, умащивая, благословляя и распоряджаясь.

Пришла Лотти, забрала Элли. На прием она не собиралась («Терпеть их не могу»), поэтому предложила унести ребенка к себе домой.

— Но Камилла придет, вместе с Хэлом и Кейти. И мистером Бернардом, — сказала Дейзи. — С Элли все будет хорошо, если вы останетесь с ней здесь. Прошу вас, вы ведь столько сделали.

Лотти упрямо покачала головой. Она выглядела бледной, не язвила, как обычно, — видимо, у нее в душе происходила какая-то борьба.

— Удачи тебе, Дейзи, — сказала она и посмотрела прямо ей в глаза, словно расставались они не на несколько часов.

— Вам будут все равно рады... Если передумаете, — выкрикнула вслед удалявшейся фигуре Дейзи. Но Лотти продолжала идти вперед, решительно толкая перед собой коляску, и не обернулась.

Дейзи смотрела, пока обе не исчезли, прикрывая рукой глаза от солнца и пытаясь себя убедить, что, учитывая противоречивую реакцию Лотти на фреску и ее колкие замечания всем подряд, наверное, даже к лучшему, что она не придет.

Даниель поднялся наверх, скрываясь от беспощадного шума и деятельности, среди которой он еще больше чувствовал себя не у дел, и зашел в комнату, где лежали его вещи. Он решил не оставаться на прием, даже если бы появилась возможность находиться рядом с Дейзи. Слишком сложно и даже унижительно было бы объяснять свое присутствие здесь людям, которых он когда-то считал своими знакомыми. Он хотел побыть один — погоревать, подумать о том, что случилось, и о том, что ему делать дальше. И, предположительно, как только он доберется до дому, сильно-сильно напиться.

Идя по коридору, он набрал номер брата на мобильном и оставил сообщение на автоответчике, чтобы тот ждал его к вечеру. И замер в дверях, не договорив предложения. В центре комнаты на стремянке стоял Эйдан и поправлял вентилятор над головой.

— Привет, — сказал он, опустив руку, чтобы достать отвертку, заткнутую за пояс.

Даниель кивнул. Он привык жить в доме, где полным ходом идут работы, но именно в данную минуту присутствие Эйдана показалось ему особенно неуместным. Взяв сумку, он начал собирать в нее вещи — складывать и засовывать в глубину.

— Не окажешь услугу, приятель? Щелкни выключателем. Пока не надо — когда скажу. — Эйдан пошатывался на стремянке, вставляя арматуру на место. — Давай.

Даниель, скрежеща зубами, пересек комнату, щелкнул выключателем на стене, и вентилятор тихо заурчал, охлаждая комнату.

— Твоя женщина сказала, что он шумит. А мне кажется, нормально.

— Она не моя женщина.

Вещей он привез немного. Собираться долго не пришлось.

— Вы что, повздорили?

— Нет, — ответил Даниель спокойно, хотя готов был сорваться. — Мы разбежались. Я уезжаю.

Эйдан вытер руки и спустился на одну ступеньку.

— Ой, как жаль, ты все-таки отец ребенка. — (Даниель дернул плечом.) — Вы ведь только недавно сошлись?

Даниель уже сожалел о сказанном. Нагнувшись, проверил под кроватью, не затерялись ли носки.

— Тем не менее, — раздался сверху голос Эйдана, — я тебя не виню.

— Что, простите? — Он плохо расслышал из-под покрывала.

— Кому понравится, если в доме ночует другой мужчина? Пусть даже он босс, все равно. Нет, ты правильно поступаешь.

Даниель замер на четвереньках, прижимая ухо к полу. Поморгав несколько раз, он поднялся.

— Простите, — угрожающе-вежливо произнес он. — Не могли бы вы повторить, что сказали?

Эйдан слез со стремянки, взглянул на Даниеля и отвел взгляд:

— Босс. Ночевал здесь как-то у Дейзи. Я думал, ты... поэтому вы и... Вот черт! Забудь, что я сказал.

— Джонс? Джонс ночевал у Дейзи? Здесь?

— Я, наверное, что-то не так понял.

Даниель взглянул на смутившегося Эйдана и понимающе улыбнулся.

— Несомненно, — сказал он, сунул работяге свою сумку и направился к двери. — Прошу меня простить.

Каким бы торжественным ни был повод, Камилла обычно собиралась за несколько минут. Открывает шкаф, проведет по платьям рукой, сразу понимая на ощупь, какая ткань, а следовательно, и платье, достанет выбранную вещь, быстро расчешет волосы, коснется губ помадой — и все, она готова. Просто неприлично, всегда говорила Кей, что специалист вроде нее тратит так мало времени на себя. Это бросало тень на всю профессию.

Сегодня, однако, сборы шли почти сорок минут, и Хэл нервно вышагивал по спальне, так как они опаздывали.

— Позволь мне помочь, — периодически предлагал он.

— Нет, — каждый раз резко отвечала Камилла.

И тогда он, тяжело вздохнув, совсем как Ролло, вновь принимался мерить комнату шагами.

Отчасти виной тому была Кейти, которая, настояв на том, что поможет маме выбрать наряд, завалила двуспальную кровать таким количеством одежды, что Камилла, в чьих шкафах был наведен военный порядок, уже не могла отличить одну вещь от другой. Отчасти виноваты были волосы, которые почему-то решили встать дыбом. Но главная причина плохо скрытой тревоги заключалась в том, что на прием, скорее всего, придет ее мать, а Камилла сама не знала, хочет ли с ней встречаться, а потому раздражалась и была не способна принять даже самое простое решение.

— Хочешь, достану все твои туфли, мамочка? — предложила Кейти, и Камилла услышала, как все ее обувные коробки, аккуратно помеченные Брайлем, полетели в беспорядочную кучу.

— Нет, милая. Сначала я должна решить, что надену.

— Ну давай же, любимая. Позволь мне помочь.

— Нет, папа, мамочка хотела, чтобы я помогла.

— Да не хотела я никого! — не выдержала Камилла. — Я вообще не хочу идти на это глупое мероприятие.

Тогда Хэл присел рядом, притянул к себе жену. И сознание того, что муж по-прежнему способен понять ее и простить, даже после такого, принесло Камилле крошечное облегчение.

Они вышли из дому вскоре после двух. Камилла подозревала, что Кейти расфуфырила ее сверх всякой меры, но верила, что Хэл не позволил бы ей показаться на людях в невыносимом виде. Они решили дойти до «Аркадии» пешком, вняв доводам Хэла, что подъездная аллея будет забита машинами гостей и что следует насладиться таким днем, пусть даже жарким. Камилла не была в этом так уверена. В одной руке она держала потную ручку Кейти, а вторую запустила в ошейник Ролло, чтобы он помог ей маневрировать в любой толпе.

— Я забыла намазать Кейти кремом от солнца, — произнесла она.

— Я не забыл, — отозвался Хэл.

— Не помню, заперла ли я заднюю дверь, — сказала она чуть позже.

— Кейти заперла.

Дойдя до середины парка, Камилла остановилась:

— Хэл, я не уверена, что вынесу все это. Там соберется тьма гостей, все будут вести светскую беседу, а у меня голова заболит от жары. Да и бедняга Ролло просто сварится заживо.

Хэл обнял жену за плечи и заговорил тихо, чтобы не услышала Кейти.

— Скорее всего, она даже не придет, — сказал он. — Твой отец говорил мне, что она не хочет там появляться. Ты же знаешь, какая она. Идем. К тому же Дейзи, видимо,

усдет сразу после приема, а ты ведь хочешь с ней попрощаться.

— Если бы ты слышал, Хэл, что она говорила про папу... — Голос Камиллы дрожал. — Я подозревала, что их брак не был заключен на небесах, но как она могла сказать, что никогда его не любила? Как она могла так с ним поступить?

Хэл взял ее руку, пожал, и были в этом жесте утешение и какая-то безысходность. Они пошли дальше, по направлению к вилле. Кейти скакала вприпрыжку впереди.

Дейзи стояла в центре компании пожилых мужчин и женщин и улыбалась уже четвертому фотографу, выстраивавшему их для съемок, а сама незаметно шептала то одному, то другому старику, выясняя, все ли у них в порядке, не нужно ли им воды, не принести ли стулья. Вокруг носились одетые в белое помощники повара, звенели посудой и металлическими сковородками, раскладывая на огромных блюдах закуски. Джулия поймала ее взгляд через толпу и помахала, а Дейзи улыбнулась ей в ответ, сожалея, что для этого приходится делать усилие. Все шло как по маслу. Журналистка из «Интерьеров» пообещала поместить материал о доме на четырехстраничном развороте, отдав должное его дизайнеру; несколько человек уже попросили у нее номер, и она пожалела, что не обзавелась заранее визитками. Просто дел накануне навалилось столько, что у нее едва хватило времени подумать о Даниеле, если не считать мимолетной благодарности за то, что он решил не оставаться на прием. Периодически ей на глаза попадался Джонс — всякий раз в переполненных комнатах, всякий раз он с кем-то говорил, всякий раз в окружении людей. Хозяин дома, который он почти не знал.

На душе у Дейзи кошки скребли. Этот момент в ее работе всегда был самый сложный. Видеть то, что столько

времени пыталась создать, ради чего не спала ночами, работала в пыли и краске. Наконец все закончено, стены покрашены, шторы повешены. И теперь, когда все идеально, нужно оставить проект. Только на этот раз ей было сложнее его отпустить. На этот раз речь шла о доме Дейзи, ее убежище в первые месяцы жизни дочери. Она успела породниться с этими людьми, которых, вероятно, больше никогда не увидит, несмотря на все обещания.

И куда ей теперь податься? В Уэйбридж.

С другого конца террасы ей улыбалась Джулия — гордая, доброжелательная, не понимающая, какой теперь стала Дейзи. Мне казалось, что я все сумела, подумала Дейзи. На самом деле у меня ничего нет. Когда она только приехала в Мерхем, у нее были дом, работа, дочь. Теперь же она потеряла все — пусть даже частично, если речь шла о дочери.

— Веселей, дорогая. — Рядом появилась Кэрол с бутылкой шампанского в руке. Она всем подливала, позировала для фотографов, то и дело восклицала, что все превосходно, и обсмеивала протестующих селян, выстроившихся на подъездной аллее. Она успела выслать туда поднос с напитками, предварительно устроив так, чтобы это было сделано на глазах у прессы. — Почему бы тебе не наведаться в дамскую комнату? Прихорошись чуть-чуть. А я пока присмотрю за всем здесь. — Улыбка добрая, но тон не терпящий возражений.

Дейзи кивнула и начала пробираться сквозь толпы болтающих людей к туалетам. Она протиснулась мимо Джонса, который с кем-то разговаривал, и на нее пахло ментоловыми таблетками. Голову она низко наклонила, поэтому не могла быть уверена, но ей показалось, что он ее даже не заметил.

Хэл не ожидал, что ему здесь так понравится, но, как он неоднократно повторял Камилле, он отлично проводил время. Бесконечная вереница людей тянулась к нему, чтобы поздравить с отличной работой; среди них был пожилой Стивен Микер, попросивший зайти к нему на неделю и взглянуть на пару старинных стульев, нуждавшихся в реставрации. Джонс сообщил ему, что выпишет ему премию сверх чека. «Фреска все преобразила, — сказал он, серьезно глядя своими темными глазами. — Мы еще поговорим с вами о другой работе, которая у меня для вас найдется». Он познакомился с рядом местных бизнесменов, коварно приглашенных Кэрол. По сути, им было наплевать на фреску, зато они считали новый отель «отличным начинанием». По их словам, отель привлечет в Мерхем «нужных людей». И теперь, вспоминая комментарии Сильвии Роуан, Хэл с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться. Камилла выглядела прекрасно, и он ей об этом сказал. Он то и дело видел, как она с кем-то разговаривает, счастливая и спокойная, с блестящими на солнце волосами, и сердце его сжималось от сентиментальной и глупой радости, что они пережили кризис. Кейти тем временем выпархивала из дома вместе с другими ребятами, потом мчалась обратно — этакие яркие воробышки на живой изгороди.

— Спасибо, — сказал он, поймав Дейзи, выходящую из туалетной комнаты. — За работу. За все.

Она в ответ кивнула, не очень к нему прислушиваясь, а сама искала глазами что-то или кого-то.

Что ж, сказал он себе, поворачиваясь, для нее это великий день. В такой день было бы неучтиво обижаться. Если он что и усвоил, так это не искать смысла там, где его нет.

Он взял у официанта два бокала шампанского и вернулся на солнце с легким сердцем. Играл джазовый струн-

ный квартет, и впервые за несколько месяцев Хэл был доволен собой. Мимо с визгом пробежала Кейти, дернув его за штанину, и он зашагал дальше, чтобы найти на террасе жену.

Тут кто-то легко постучал по его плечу, заставив остановиться.

— Хэл.

Он обернулся и увидел тещу, которая стояла не шевелясь за детской коляской. На ней была серая шелковая блуза «на выход» — единственная уступка празднику. Она прямо впилась в него глазами, словно собираясь в чем-то обвинить.

— Лотти, — произнес он бесстрастно, чувствуя, как солнечное настроение испаряется.

— Я ненадолго. — (Он ждал.) — Я только зашла извиниться.

Она была на себя не похожа. Как будто лишилась обычной брони.

— Мне не следовало так на тебя наседать. И нужно было сразу рассказать тебе о деньгах.

— Забудьте, — сказал он. — Это неважно.

— Нет, важно. Я ошибалась. Я хотела как лучше, но поступила неправильно. Хочу, чтобы ты это знал. — Голос звучал напряженно. — Ты и Камилла.

Хэл, который никогда — особенно в последнее время — не питал теплых чувств к теще, неожиданно захотел услышать от нее какую-то колкость, какое-нибудь саркастическое замечание, лишь бы нарушить молчание. Но она ничего не сказала, лишь продолжала пытливо вглядываться в него, ожидая ответа.

— Идемте. — Он шагнул к ней и предложил руку. — Давайте найдем Камиллу.

Лотти удержала его за рукав.

— Я наговорила тебе ужасных вещей, — сказала она, сглотнув.

— Обычное дело, — кивнул он, — если болит душа.

Она взглянула на него, и они поняли друг друга. Потом она оперлась на предложенную руку, и они пошли по террасе.

Он был так занят, что даже не заметил, где она. Кэрол бросила на него хитрый, все понимающий взгляд из-под острой челки и профессионально улыбнулась толпе людей перед собой.

— Не знаю, что тебя удерживает, — пробормотала она.

Джонс с трудом отвел глаза и быстро заморгал:

— Что?

— На вас двоих жалко смотреть. Она вроде бы девочка смышленная, дай Бог ей здоровья. Так в чем проблема?

Джонс тяжело вздохнул, уставившись в пустой бокал:

— Не хочу разбивать семью.

— А разве она есть, эта семья?

Бармен пытался привлечь его внимание, не зная, следует ли начать подливать шампанское для его речи. Джонс потер лоб, кивнул бармену и снова повернулся к женщине, стоящей рядом:

— Я этого не сделаю, Кэрол. Я всегда шел напролом. Предоставляя другим собирать осколки. Но на этот раз я так не поступлю.

— Растерял решимость?

— Приобрел совесть.

— Джонс — рыцарь в сияющих доспехах. Теперь я знаю, что твоя песенка спета.

Джонс снял с подноса бокал, поставил на его место пустой.

— Да. Видимо, так и есть. — Он повернулся к гостям, дав знак оркестру прерваться ненадолго. И пробормотал так тихо, что даже Кэрол с трудом его расслышала: — Во всяком случае, очень похоже.

Даниель сидел на ступеньках позади кухни, наполовину скрытый горой ящиков. Пустой бокал он поставил рядом, в тенистую траву, присоединив к другим. Солнце начало свой медленный мирный спуск к западному горизонту, а кухня за его спиной продолжала гудеть и грохотать, заглушая музыку. Временами до него доносились ругательства и громкие распоряжения, что свидетельствовало о бурной активности. Он понимал, что выглядит странно, сидя там целый день в одиночестве, но ни одному из работников не хватило смелости сказать ему что-то в лицо. Впрочем, плевал он на них всех.

Он просто сидел и смотрел на террасу, иногда в поле его зрения попадал Джонс, который проходил мимо ворот, здоровался за руку с гостями и кивал с глупой фальшивой улыбкой, приклеенной к лицу. Он ждал, когда официант появится с очередным бокалом, и думал о прошлом.

Джо стоял с Камиллой и Кейти перед домом, его голову прикрывала широкополая шляпа. Он уже успел сообщить Джонсу, Дейзи, Камилле и еще нескольким гостям, что «прием очень славный» и что старый дом никогда прежде не выглядел таким красивым. Казалось, его мнение об «Аркадии» изменилось в лучшую сторону теперь, когда он понимал, что ее влияние на его семью заканчивается.

— Ты скажи об этом компании Сильвии Роуан, — предложила Камилла, которую все еще волновали крики по другую сторону стены.

— Некоторые просто не понимают, что прошлое лучше оставить в прошлом. Да, дорогая? — сказал Джо, и Камилле, чрезвычайно чутко воспринимавшей тончайшие нюансы человеческих интонаций, что-то в этом почувствовалось. Она поняла, что права, когда вернулся Хэл, взял ее за локоть и мягко сообщил, что пришла ее мать.

— Ты меня не предупреждал, — обвинила она отца.

— Твоя мать рассказала, как поступила с деньгами, — ответил Джо. — Мы с ней оба пришли к выводу, что это была ошибка. Но ты должна понять, она хотела как лучше.

— Если бы только это, пап... — Но Камилла не хотела говорить ему об остальном.

— Прошу тебя, Камилла, дорогая. Я уже извинилась перед Хэлом, теперь хочу извиниться перед тобой. — (Камилла слышала боль в голосе матери и пожалела, как в детстве, что нельзя вернуться в ту минуту, когда она этого еще не слышала.) — Хотя бы поговори со мной.

— Дорогая, — ласково, но настойчиво обратился к ней муж. — Лотти искренне раскаивается. Во всем.

— Да брось ты, Камилла, — сказал отец тем тоном, который запомнился ей с детства. — Твоей матери хватило великодушия извиниться. Самое меньшее, что ты можешь сделать, — это хотя бы ее выслушать.

Камилла заподозрила, что ее провели. В голове все перемешалось: крики протестующей группы, звон посуды, гул праздничной толпы.

— Проведите меня к дому. Мы найдем место потише. Но сначала мне нужно раздобыть для Ролло миску воды.

Лотти не взяла ее, как обычно, за локоть. Камилла почувствовала в своей руке прохладную сухую ладонь, словно мама тоже искала утешения. Огорчившись, Камилла крепко ее пожала.

Ролло шел вперед, пытаясь провести ее сквозь движущуюся толпу людей с наименьшим риском столкновения. Камилла почувствовала его тревогу и тихо позвала его по имени, стараясь успокоить. Пес, совсем как Лотти, не любил приемов. Она обхватила себя обеими руками, сознавая, что в какой-то степени сама нуждается в успокоении.

— В сторону кухни, — сказала она матери.

Камилла добралась почти до середины террасы — трудно было судить в такой огромной толпе, но тут ее остановила чья-то рука. Цветочные духи: Дейзи.

— Такая жара, что сейчас растаю. Элли пришлось отправить в дом под опеку официантов.

— Я заберу ее через минуту, — слегка обиженно вступила в разговор Лотти. — Мне лишь нужно перемолвиться словечком с Камиллой.

— Конечно-конечно, — откликнулась Дейзи, которая, казалось, вообще не слушала. — Можно вас на пять минут, Лотти? Я хочу, чтобы вы кое с кем познакомились. — Камилла почувствовала, что все они двинулись вперед. Дейзи дипломатично понизила голос, и Камилле пришлось напрягать слух, чтобы услышать. — Он говорит, что вдовец, детей нет. По-моему, ему одиноко. Во всяком случае, точно не весело.

— Почему ты думаешь, что я сумею его развлечь? — Камилла знала, что мать хочет побыть с ней вдвоем.

— У всех есть бокалы? — прогудел низкий женский голос. Камилла его не узнала. — Джонс через минуту скажет речь.

— Он один из тех, кто нарисован на фреске, — пояснила Дейзи. — Не знаю, Лотти, но, по-моему, вы должны быть с ним знакомы.

Камилла, собиравшаяся запротестовать, сославшись на Ролло, которому давно хотелось пить, почувствовала,

как мать резко остановилась и тихо, почти неслышно, охнула. Ее рука в руке Камиллы начала дрожать, сначала мелко, потом все сильнее, Камилле даже пришлось бросить поводок Ролло, чтобы обхватить ее двумя руками.

— Мам?

Ответа не последовало.

Камилла, запаниковав, крутила головой:

— Мам?.. Мам?.. Дейзи? Что происходит?

Она услышала, как Дейзи наклонилась и в тревоге зашептала, интересуясь, все ли с Лотти в порядке.

И опять ответа не последовало.

Камилла услышала звук неторопливо приближающихся шагов. Рука матери по-прежнему дрожала.

— Мам?

— Лотти? — мужской голос, немолодой.

— Гай? — изумленным шепотом произнесла Лотти.

Кейти залила апельсиновым соком все платье. Хэл, наклонившись, пытался оттереть его бумажной салфеткой, а сам уже в тысячный раз говорил ей, что пора успокоиться, не торопиться, помнить, что она в гостях, когда его внимание привлекла странная перемена атмосферы в дальнем конце террасы. И дело тут было не в крошечном сером облачке, которому удалось закрыть собой солнце на бескрайнем голубом небе, набросив на происходящее временную тень. И не в стихшем общем разговоре из-за того, что Джонс выступил вперед, готовясь произнести речь. В нескольких шагах от фрески, рядом с Камиллой, цеплявшейся за ее руку, стояла Лотти и смотрела прямо перед собой на какого-то пожилого мужчину. Они просто смотрели друг на друга, ничего не говоря, и было видно, что их переполняют эмоции. Хэл, пораженный этой немой сценой, уставился на незнакомца, потом перевел

взгляд на Камиллу, после чего, словно впервые увидел, на щетинистое лицо тестя, который, бледный и притихший, наблюдал за происходящим, стоя в дверях гостиной с двумя бокалами в руках.

И тут он все понял.

И впервые в жизни Хэл поблагодарил небеса за то, что его жена не видит. А еще он понял, что, несмотря на все консультации и руководства по выстраиванию отношений, которые помогли восстановить или спасти сотни браков, все-таки случаются в жизни моменты, когда лучше утаить что-то от второй половинки.

Она смотрела вслед двум пожилым людям, которые тихонько спускались по каменным ступеням на пляж. Едва соприкасаясь плечами, с прямыми спинами, словно ожидая удара, они осторожно ступали, делая шаг одновременно, как ветераны, встретившиеся после долгой войны. Но когда она повернулась, чтобы рассказать Камилле о том, что увидела, какие у них были лица, Хэл утащил жену в сторону, а Кэрол сунула ей в руку бокал.

— Стойте на месте, дорогая, — скомандовала она. — Джонс обязательно упомянет вас в своей речи, дай ему Бог здоровья.

И тогда Дейзи на какое-то время позабыла о них, все ее внимание сосредоточилось на нем, его обветренном лице, огромной фигуре, неизменно напоминавшей ей тех русских медведей, которых вынуждают против воли развлекать толпу. Слушая его властный голос, смягченный валлийской мелодичностью, который разносился эхом в надвигавшихся сумерках, Дейзи испытала неожиданный страх, что слишком поздно поняла, чего хочет. И больше не в силах защищаться от этого. И пусть это неприлично,

пусть не ко времени, она все равно хочет, чтобы он стал ее ошибкой, а не чьей-то другой.

Она смотрела, как он показывает на виллу, слушала вежливый смешок людей вокруг себя: они улыбались, одобряли и всячески выражали восхищение. Она устремила взгляд на дом, на здание, которое знала лучше себя самой, и на открывавшийся за ним вид под голубой небесной аркой. Тут прозвучало ее имя, и все вежливо заплодировали. А затем их взгляды наконец встретились, и в ту секунду, когда облако сдвинулось, открыв солнце и то с новой силой залило все вокруг, она попыталась передать ему все, что у нее было на душе, все, что она знала.

Речь закончилась, люди вернулись к своим напиткам и прерванным разговорам, а он спустился с каменной стены и медленно направился к ней, по-прежнему глядя ей в глаза, словно выражая признательность. И тут Даниель, выскочив из-за зеленой изгороди, без всякого предупреждения, но издав дикий боевой крик, нанес Джонсу удар в лицо.

На втором этаже играло радио, и его звуки, просочившись сквозь дверь спальни, достигали гостиной внизу, где Камилла и Хэл в третий раз за три часа спрашивали друг друга, что делать.

Он просидел там весь вечер после возвращения домой, когда на все их робкие и тихие вопросы о самочувствии, а также невысказанные замечания по поводу того, что все они видели, он поблагодарил, отвергнув предложенный чай, и заявил, что компания ему не нужна. Он пойдет наверх и будет слушать радио. Простите, если это негостеприимно, но другого не будет. Они могут остаться внизу, если хотят. И разумеется, хозяйничать самостоятельно.

Вот так и прошли три часа, в течение которых Камилла и Хэл перешептывались, отбивались от вопросов Кейти, которая, обессилев, легла перед телевизором вместе с Ролло, и пытались неоднократно и безуспешно отыскать его жену.

— Она что, оставит его, Хэл? Думаешь, именно это произойдет? Она оставит папу?

Лицо Камиллы, еще совсем недавно выражавшее покой и радость, потемнело от тревоги. И глубоко засевше-

го гнева. Хэл убрал волосы с ее разгоряченного лба, глянул наверх:

— Не знаю, любимая.

Он рассказал ей почти все, что понял, держа за обе руки, словно сообщая плохую новость. Что мужчина был очень похож на постаревшего человека с фрески, что они смотрели друг на друга так красноречиво, что все сразу стало ясно. Он с трудом подбирал слова, описывая, как старик протянул руку и дотронулся до лица Лотти, а та не уклонилась, а, наоборот, замерла, словно ожидая благословения. Камилла слушала и плакала, заставляла вновь и вновь описывать фреску, по частям расшифровывая ее символизм, медленно осознавая, что поведение ее матери не такое уж необъяснимое: им давно следовало понять, что к чему.

Хэл уже не раз отругал себя за ту роль, которую невольно сыграл в жизни Лотти, вновь сделав достоянием гласности ее прошлое.

— Не нужно было трогать ту стену, — сказал он. — Если бы я не расчистил фреску, возможно, Лотти никуда не ушла бы.

Камилла ответила сдержанно, нехотя признав, что ее мать давно ушла.

В половине девятого, когда небо стало чернильно-черным, а Кейти заснула на диване, когда они успели обзвонить всех знакомых и в семнадцатый раз попытались дозвониться на мобильник Дейзи (они все-таки решили не обращаться в полицию), Камилла повернулась к мужу и в горестном порыве попросила:

— Ступай и найди ее, Хэл. Все другое она уже с ним сделала. По крайней мере, у нее должно хватить приличия объясниться с мужем.

Дейзи ждала возле автомата, что он выплюнет сдачу, но спустя несколько минут сдалась под пристальными взглядами людей и понесла две пластиковые чашки с кофе Джонсу.

Они провели в отделении скорой помощи почти три часа. Дежурная сестра приняла их быстро, пробудив ложные надежды, что и врач посмотрит их незамедлительно, перебинтует и отпустит.

— Нет, — сказала сестра, провожая их на рентген. — Сначала нужно сделать снимок носа, а также головы, после чего мистеру Джонсу придется подождать консультанта. Обычно мы в таких случаях отпускаем домой, но вы получили сильный удар, — весело сказала она, утрамбовывая в окровавленные ноздри марлевые полоски, пропитанные соляным раствором. — Мы же не хотим, чтобы там свободно болтались кусочки хряща, правда?

— Простите. — С тех пор как они приехали в больницу, Дейзи повторила это слово уже в пятнадцатый раз. Она не знала, что еще сказать.

Они медленно шли вдвоем в другое крыло.

В первые секунды было легче: она помогла ему подняться с земли, пораженная состоянием Даниеля, который пьяно орал что-то, и попыталась в отчаянии стереть кровь, струившуюся по его рубашке. Потом она взяла дело в свои руки: схватила пачку ваты из запасов Элли, приказала кому-то передвинуть машины и убрать протестующих, чтобы она могла доставить его в больницу, отмахнулась от Сильвии Роуан, которая появилась как из-под земли и закаркала, что, мол, пьяные драки уже начались.

«Ничего у вас не выйдет, — торжествовала Сильвия. — Я добьюсь, что магистрат отзовет вашу лицензию. У меня есть свидетели».

— Пошла вон, старая карга! — выкрикнула Дейзи и усадила его в машину.

Он плохо понимал, что происходит: видимо, ударился головой, когда упал, и потому покорно следовал за Дейзи, подчиняясь ее приказам — сидеть, держать это, не спать, не спать. Но теперь, однако, он бодрствовал, чересчур взбудораженный плохим кофе и больничным запахом, темные глаза так и сверкали над марлевой повязкой, окровавленная рубашка — как напоминание, какую роль сыграла Дейзи в событиях сегодняшнего дня.

— Мне так жаль, — сказала она, протягивая ему чашку. Он выглядел даже хуже, чем когда она уходила за кофе.

— Хватит извиняться, — устало произнес он.

— Она ведь не сумеет этого добиться? Не отзовет вашу лицензию?

— Сильвия Роуан? Она меньше всего меня беспокоит. — Он поморщился, прихлебывая кофе.

Что это значит? — хотелось спросить Дейзи. Но его поведение и тот факт, что он с трудом говорил, не позволили ей выудить еще что-то.

Они сидели на пластиковых стульях под лампами дневного света, и время, казалось, остановилось, а потом вообще потеряло значение. Мужчины с травмами, вызванными алкогольным опьянением, видимо, не считались приоритетными больными. Они сидели среди других пострадавших, время от времени открывались электронные двери, впуская очередного травмированного, вызывавшего вспышку мимолетного интереса, и постепенно садовые раны и ожоги доморощенных умельцев уступили место окровавленным головам и кулакам субботнего вечера. Где-то около восьми явился работник бара с Элли. Он извинился, объяснив, что Лотти они найти не смогли, а больше присмотреть за девочкой некому. Дейзи взяла свою

сонную, хныкающую дочь, не смея взглянуть в глаза Джонсу. Потревоженная, выбитая из режима девочка плакала и боролась со сном, так что Дейзи пришлось несколько раз обойти все отделение по кругу, пока наконец Элли заснула в своей коляске.

— Ступайте домой, Дейзи, — велел Джонс, потирая шишку на голове.

— Нет, — твердо заявила она.

Уходить нельзя. Как-никак все произошло по ее вине.

В четверть двенадцатого, когда табло высветило, что очередь Джонса прошла полчаса тому назад, раскат грома возвестил приближение грозы. Шум разбудил дремавших в очереди больных, вспышка молнии заставила всех охнуть, и после короткой паузы ночное небо обрушилось на землю мощным дождем. Его шум проникал сквозь стеклянные двери, а вода нашла другой способ — на подошвах людей, отчего пол вскоре стал грязным и мокрым. Дейзи, которая чуть не заснула, почувствовала, как что-то в атмосфере переменялось; она даже засомневалась, не снится ли ей это.

Минут через двадцать вышел медбрат и сообщил Джонсу, что придется ждать неизвестно сколько, так как они получили сообщение о большой аварии на Колчестерроуд. Консультант будет занят еще какое-то время.

— Так, может, мне уйти домой? — спросил Джонс, стараясь четко выговаривать слова.

Медбрат, молодой человек изнуренного вида, давно лишенный всякого идеализма и наивности, посмотрел на Дейзи с ребенком:

— Если можете, то лучше подождать. Нос нужно вправить сегодня, тогда есть шанс, что он не останется навсегда деформированным.

— Он и так не имел формы, — буркнул Джонс, но добавил, что подождет.

— Поезжайте домой, — снова обратился он к Дейзи, когда медбрат ушел.

— Нет, — отрезала Дейзи.

— Ради бога, Дейзи, это глупо, что вы с ребенком сидите здесь всю ночь. Поезжайте, отвезите ее домой, и если вы так волнуетесь, то я позвоню вам позже. Договорились?

Джонс так и не спросил у нее, почему Даниелю захотелось его ударить. Но, видимо, он понимал, что причина в ней. Из-за нее торжественное открытие отеля превратилось в фарс. Дейзи собственными руками перезарядила арсенал нелепой и мстительной Сильвии Роуан. Столько усилий, столько месяцев работы — и все впустую из-за глупого недоразумения.

Сил у Дейзи не осталось. Она посмотрела на усталое, задумчивое лицо Джонса, на тени, отбрасываемые беспощадным светом над головой, и у нее защипало в глазах. Наклонившись, она подхватила сумку с пола и резким движением ноги сняла коляску с тормоза.

— Я думала, он уехал. — Она едва понимала, что говорит.

— Что?

— Даниель. Он сказал, что уедет.

— Куда уедет?

— Домой.

Ее голос зазвенел от досады и горя. Не желая, чтобы он стал свидетелем того, как она теряет самообладание, снова становясь той, прежней, которой она уже не хотела быть, Дейзи повернулась и повезла ребенка прочь.

Он поселился в Испании. Ушел на покой несколько лет тому назад, позволив совету директоров выкупить его долю в компании по импорту фруктов, которая некогда принадлежала отцу. Он вышел из бизнеса как раз вовремя: в этой индустрии все большую роль играли одна-две международные корпорации. Для семейных фирм, как у него, оставалось мало места. Он не жалел об оставленном деле.

Жил он в большом белом доме, наверное, даже слишком большом, но ему помогала одна милая местная женщина, которая приходила дважды в неделю и иногда по его просьбе приводила двух сыновей — поплавать в его бассейне. В Англию он, видимо, больше не вернется. Слишком привык к солнцу.

Его мать, как он рассказал, понизив голос, умерла от рака, совсем молодой. Отец так и не оправился после ее смерти и несколько лет спустя погиб в пожаре, возникшем на кухне. Глупая смерть для такого человека, как он, но отец не был приспособлен к жизни в одиночестве. Не то что Гай. Он-то привык. Иногда ему даже казалось, что ему нравится одиночество.

Определенных планов у него не было, зато было много денег. И несколько хороших друзей. Не так уж плохо для мужчины его возраста.

Лотти слушала все эти подробности, но слышала мало. Она вдруг поняла, что не может не смотреть на него, привыкнув к этому новому его обличью так быстро, что уже с трудом вспоминала, как он выглядел в молодости; отмечая непривычную меланхолию в его тоне и подозревая, нет, зная, что она созвучна ее собственной.

Ей даже в голову не пришло смущаться по поводу собственного вида, стесняться седых волос, расплывшейся

талии, полупрозрачной, пергаментной кожи на руках. Сейчас это не имело никакого значения.

Он махнул рукой в сторону дома, где уже не играла музыка и началась уборка: стулья перетаскивали по полу, включили мощные пылесосы.

— Так это, значит, твоя дочь.

Лотти на секунду замялась, прежде чем ответить:

— Да, это Камилла.

— Хороший человек Джо, — сказал он.

Лотти прикусила губу:

— Да.

— Сильвия писала. Рассказывала, что ты вышла за него.

— И от себя наверняка добавила пару слов. Насчет того, что он заслуживал лучшего.

Оба улыбнулись.

Лотти отвела взгляд:

— А ведь действительно заслуживал.

На лице Гая застыл вопрос. Она запнулась, пораженная тем, что в нем осталось от молодого Гая: он все так же вскидывал брови.

— Все эти годы я на него обижалась.

— На Джо?

— За то, что он не ты. — Голос ее слегка охрип.

— Знаю. Селия ничего не могла поделать, но она... — Он умолк, видимо, не захотел проявить неверность.

У него, как и прежде, были белые волосы. Теперь их труднее увидеть среди седых, но она увидела.

— Знаешь, а ведь она тебе писала. Несколько раз. После того как ты уехала. Но так и не отослала письма. Мне кажется, для нее это было... гораздо тяжелее, чем мы догадывались... Я, наверное, тоже не проявил понимания. —

Он повернулся к ней. — Я храню их дома. Ни одного не открыл. Могу отослать тебе, если хочешь.

Она ничего не ответила. Не знала, готова ли услышать голос Селии. И будет ли готова когда-нибудь.

— А ты так и не написал, — сказала она.

— Я решил, что не нужен тебе. Что ты передумала.

— Как тебе такое в голову пришло? — Она снова превратилась в юную девушку, покрасневшую от отчаянной несправедливости.

Он потупился. На горизонте скапливались грозовые облака.

— Ну да, позже я все понял. Я многое понял потом. — Он снова на нее посмотрел. — Но к тому времени я уже знал, что ты вышла замуж.

Мимо шли люди, освещенные заходящим солнцем, они устало размахивали загорелыми руками, наслаждаясь редким сочетанием жары и английского пляжа. Гай и Лотти сидели рядом и молча смотрели на их удлиняющиеся тени, слушая тихий плеск волн. А вдаль, на горизонте, сверкнула молния.

— Что мы наделали, Гай! Что мы наделали с нашими жизнями!

Он взял ее руку в свою. Она перестала дышать. Он заговорил, и его голос звучал уверенно:

— Никогда не поздно, Лотти.

Они смотрели на море, пока солнце окончательно не скрылось за их спинами, чувствуя наступающую вечернюю прохладу. Осталось слишком много вопросов, а ответов на них — слишком мало. С возрастом приходит понимание, что не все нужно произносить вслух. В конце концов Лотти повернулась к нему и посмотрела в лицо, каждая черточка которого рассказывала почти все, что нужно знать о любви и потере.

— Это правда, — прошептала она, — что у тебя никогда не было детей?

Позже по крайней мере один из отдыхающих, которые возвращались с пляжа небольшими компаниями, заметил, что не часто видишь, как пожилая женщина, закрыв лицо руками, бурно рыдает, словно ребенок.

Дейзи долго ехала в темноте, освещенной сначала фонарями двухрядного шоссе, а затем только фарами маленького авто, когда петляла среди сельских дорог, временами бессознательно проверяя в зеркале заднего вида, как там спит малышка. Ехала она медленно, методично, из-за дождя, но не думала, куда едет. Остановилась только один раз заправиться и выпить чашку горького кофе, но лишь обожгла язык и, вместо того чтобы взбодриться, еще больше разнервничалась.

Ей не хотелось возвращаться в «Аркадию», успевшую превратиться в чужой дом. Там наверняка уже разместились первые постояльцы, заполнив комнаты шумом, болтовней и топотом. Она не хотела возвращаться туда со спящим ребенком и объяснять кому-то про Джонса, Даниеля и собственную роль во всей этой неразберихе.

Она даже поплакала немного, в основном от усталости — все-таки тридцать шесть часов на ногах, почти без сна, но и от удручающего сознания, что праздник подошел к концу, а вместе с ним и ее пребывание там, а также от последствий шока, наступающего при любом столкновении с насилием. А еще потому, что мужчина, так много значивший для нее, снова оказался недостижимым: и разбитый нос, и огорчение, и проваленный праздник, превратившийся в фарс, — все как нарочно лишало ее последнего шанса выразить свои чувства.

Дейзи направила машину на придорожную парковку, покрытую гравием, и плавно остановилась, прислушиваясь к стуку дождя по крыше и поскрипыванию дворников по стеклу. Далеко внизу она разглядела изгиб побережья, а дальше, в море, первые проблески рассвета.

Положив руки на руль, она опустила на них отяжелевшую голову. За все часы, проведенные в больнице, они едва перебросились несколькими словами. Она сидела достаточно близко, чтобы чувствовать, как он ерзает на стуле, их руки соприкасались, и в какой-то момент она почти задремала, невольно уронив голову ему на плечо. Тем не менее они не разговаривали, только иногда он просил кофе или в очередной раз повторял, чтобы она ехала домой.

Я была совсем рядом, думала она. Могла до него дотронуться. Слышала его дыхание. Но больше этого не будет.

Дейзи на секунду замерла. Потом вскинула голову, вспомнив, что ей однажды сказала Камилла.

Она слышала его дыхание. И сразу поняла, что сердце его бьется учащенно.

Дейзи громко выдохнула, резко повернула ключ зажигания, затем бросила взгляд назад и так стремительно развернула машину, что мокрые колеса заскользили по гравию.

Перед отделением скорой помощи стояли беспорядочно припаркованные три машины, а между ними суетились люди в светящихся жилетах, которые осторожно перетаскивали подопечных на носилки, кресла-каталки и увозили, низко склонив головы, чтобы обсудить что-то. Одна из машин не выключила сирену, и та оглушительно гудела. Ей не мешал ни ливень, ни гул других машин.

Дейзи ловко маневрировала, стараясь отыскать парковочное место и поглядывая в зеркало на своего ребенка, который даже не шелохнулся. Уставшая Элли продолжала спать, не обращая внимания на шум.

И тут, окончательно растерявшись, не понимая, зачем сюда вернулась, она подняла глаза и сквозь мутное стекло увидела его: высокая, слегка сутулая фигура решительно направлялась сквозь дождь к стоянке такси. Дейзи выждала долю секунды, чтобы удостовериться, затем распахнула дверцу машины и, не обращая внимания на ливень и оглушительный вой сирены, побежала по двору, где скользя, где спотыкаясь, пока не оказалась прямо перед ним.

— Стой!

Джонс остановился. Щурясь, он явно пытался разглядеть, действительно ли это она. Его рука неосознанно поднялась к лицу, прикрывая толстую марлевую повязку.

— Ты больше мне не босс, Джонс, — прокричала она, стараясь перекрыть вой сирены и дрожа от холода в своем измятом вечернем платье, — поэтому нечего приказывать. И отсылать меня домой. — Это прозвучало злее, чем она хотела.

Он выглядел потерянным, бледным.

— Прости, — сказал он чуть хриловато. — Мне не следовало... Просто я не хотел, чтобы ты... видела меня таким. Лежащим на спине, с разбитым лицом...

— Ш-ш-ш. Помолчи минуту. Я не желаю об этом говорить. Я всю ночь провела за рулем, и мне нужно тебе что-то сказать, а если я сейчас остановлюсь, то вообще ничего не скажу. — Она едва ли не бредила от усталости, в ушах стучало, по лицу текли капли дождя, смешиваясь со слезами. — Я знаю, что тебе нравлюсь! — прокричала она. — Быть может, ты сам этого еще не понимаешь, но я понимаю. Потому что, если не считать того, что мы все

время наносим друг другу увечья, и того, что мы много спорим, и того, что я, наверное, лишила тебя лицензии, о чем действительно сожалею, мы подходим друг другу. Мы хорошая команда. — Он собрался что-то ответить, но она не позволила, подняв руку; сердце ее колотилось уже где-то в горле, и ей было не важно, как она выглядит. Утерев слезы, она пыталась собраться с мыслями. — Послушай, у меня за плечами прошлое. Я понимаю, что не совсем соответствую твоему представлению о том, кто тебе нужен. У меня ребенок и все такое прочее, но у тебя за плечами тоже свое прошлое. Бывшая жена, например, расставание с которой ты до сих пор болезненно переживаешь, и целая толпа женщин, с которыми ты переспал, а они до сих пор на тебя работают, что, по правде говоря, меня совсем не устраивает. К тому же ты женоненавистник, и мне это тоже не нравится.

Он хмурился, пытаясь понять, и прикрыл глаза одной рукой, чтобы видеть ее сквозь дождь.

— Джонс, я устала. Мне самой не нравится то, что я собираюсь сказать. Но я все продумала. Да, лебеди образуют пары на всю жизнь. Но это единственный вид, как ни крути. Верно? Да и как они могут знать, если выглядят все одинаково?

Сирена перестала выть. Или, быть может, машина уехала. И внезапно они остались только вдвоем посреди парковки, под проливным дождем. Она стояла перед ним и видела его глаза, которые смотрели прямо на нее. В них отражалась боль и, возможно (вот именно — возможно), понимание.

— Я не могу так дальше, Джонс, — сказала она срывающимся голосом. — У меня в машине спит ребенок, и я слишком устала, чтобы продолжать разговор, к тому же я не могу объяснить, что чувствую.

Боясь, что передумает, она протянула руки, зажала его лицо мокрыми ладонями и поцеловала.

Он наклонил голову, и она почувствовала его губы на своих, когда он притянул ее к себе, облегченно вздохнув. Она расслабилась, напряжение исчезло, а вместо него пришла уверенность, что так и надо. Она вдохнула запах больницы, приставший к его коже, и ей сразу захотелось защитить его, окружить коконом. Но тут резко и без всякого предупреждения он отстранил ее от себя на длину руки.

— Что? — опешила Дейзи, а сама подумала, что больше этого не перенесет. После всего, что было.

Джонс со вздохом поднял глаза к небу, потом взял ее руку в свои. Ладони у него оказались мягче, чем она ожидала.

— Прости, — прорычал он, виновато улыбаясь. — Ты даже не представляешь, как мне жаль, Дейзи. Но я не могу целоваться и дышать одновременно.

Большой белый дом был тих, как в тот день, когда Дейзи впервые сюда приехала. Основной персонал разместился в квартирах над гаражом, а его автомобили стояли на гравийной дорожке; сквозь окна виднелась тихая, начищенная до блеска кухня, где не гремели тарелками и подносами. Если не считать хруста гравия под ногами, тишину нарушали лишь пение птиц, тихий шепот ветра в соснах и далекий плеск волн где-то внизу.

Джонс отдал Дейзи ключи от черного хода, и она, несколько отупев от недосыпания, долго возилась со связкой, пока искала нужный. Джонс зорко поглядывал на спящего ребенка у себя на руках. Наконец Дейзи справилась с замком, и они вошли в спящий дом.

— К тебе, — прошептал он, и они тихо пошлепали по коридору, затем поднялись по черной лестнице, слег-

ка наталкиваясь друг на друга, словно пьяницы, вернувшиеся домой после веселой ночи.

Вещи Дейзи были аккуратно разложены по сумкам и коробкам. Только детская кроватка и несколько переменной одежды, оставшиеся после предыдущего дня, до сих пор лежали неупакованные — свидетельство того, что когда-то это был не просто номер в отеле, а нечто большее. Всего двадцать четыре часа назад вид багажа наводил на Дейзи панику, заставляя чувствовать свое одиночество. Теперь же он пробудил в ней радостное ожидание, обещание новой жизни и новых возможностей.

Она тихонько прикрыла за собой дверь и взглянула на мужчину, который шел впереди. Джонс медленно пересек комнату, бормоча что-то спящей Элли и прижимая ее к груди. Он осторожно опустил ее в кроватку, стараясь не потревожить, отнял руки, а Дейзи накрыла ребенка легким одеяльцем. Девочка даже не шелохнулась.

— Это все, что ей нужно? — прошептал он.

Дейзи кивнула. Они постояли несколько секунд, глядя на спящего ребенка, потом она взяла его за руку и потянула к кровати, оставшейся неубранной со вчерашнего утра.

Джонс сел, снял пиджак, открыв смятую, запачканную кровью рубашку, скинул туфли. Дейзи стянула вечернее платье одной рукой через голову, ничуть не стесняясь, что после родов на теле остались растяжки и лишний жир, что особенно видно при резком утреннем свете. Она надела старую футболку и забралась в кровать, прошелестев покрывалом.

Сквозь раскрытое окно проникали теплые ароматы соленого летнего утра, шторы мягко покачивались от ветра. Джонс повернулся к ней лицом, глаза его совсем почернели после бессонной ночи, скулы заросли щетиной,

и все же лоб разгладился от морщин. Он смотрел на нее не мигая, взгляд его смягчился, и он поднял руку, чтобы коснуться ее голой кожи.

— Ты выглядишь прекрасно, — раздалось из-под марлевой повязки.

— А ты нет.

Они сонно улыбнулись друг другу.

Он прижал палец к ее губам, а она, не сводя с него глаз, подняла забинтованную руку и легко коснулась его лица, позволив себе сделать то, что очень давно хотела: очень нежно, кончиком пальца тронула его забинтованный нос.

— Болит? — пробормотала она.

— Ничего не болит, — сказал Джонс. — Абсолютно ничего.

И с довольным вздохом он притянул ее к себе, обнял, спрятав лицо там, где шея переходит в плечо. Она ощутила мягкие волосы и колючий подбородок, прикосновение его губ, вдохнула слабый запах антисептика. На секунду в ней вспыхнуло желание, но почти сразу его вытеснило более приятное чувство, дарящее покой: чувство защищенности. Она прильнула к нему, ощутив, что он тяжелеет, погружаясь в дремоту, и тогда наконец, чувствуя ровный стук его сердца, Дейзи заснула.

Над Мерхемом прошел дождь, оставив на тротуарах серебристые лужицы, отливавшие в часы рассвета розоватым и голубым. Хэл размеренно шагал по воде, направляя свою подопечную к воротам.

Первым их увидел Ролло, выскочил из-под кофейного столика и с лаем бросился к двери. Камилла, вздрогнув, проснулась, неловко поднялась с дивана, на ощупь нашла свою тросточку и пошла за псом. Но Ролло оказался не

самым бдительным. Не успел Хэл дойти до ворот, как его тесть уже до середины спустился с лестницы. Потом он вышел из открытых дверей и молодой пружинистой походкой направился по тропе мимо Хэла, который отошел в сторону, прямо к своей усталой жене. Все молчали. Хэл поднялся на крыльцо и под птичье пение обнял Камиллу, радуясь возможности почувствовать, что она рядом после бесконечно долгой ночи. Она прошептала вопрос, и он кивнул в ответ, совсем рядом с ее головой, чтобы она почувствовала.

Потом Камилла отступила на шаг, сжав его руку.

— Мы, пожалуй, пойдем, па! — выкрикнула она. — Если только ты не хочешь, чтобы мы остались.

— Как хотите, дорогая, — сдержанно отозвался Джо.

Камилла собралась уйти, но Хэл удержал ее. Они так и остались стоять на пороге, в ожидании, прислушиваясь. В нескольких шагах от них Джо стоял перед женой, как старый боксер. Хэл заметил, что его руки, сложенные за спиной, подрагивали.

— Ты, наверное, хочешь выпить чая? — спросил он.

— Нет, — ответила Лотти, убирая волосы с лица. — Я только что напилась чая в кафе. С Хэлом. — Она бросила взгляд за его спину, увидела два чемодана в холле. — Что это?

Джо на секунду закрыл глаза. Выдохнул. Словно собиравшись с силами.

— Ты никогда прежде так на меня не смотрела. За все сорок лет нашего брака.

Лотти не отвела взгляда:

— Но ведь теперь смотрю.

Они постояли какое-то время, глядя друг на друга. Потом Лотти сделала два шага и взяла его за руку:

— Я подумала, что пора снова взяться за рисование. Может быть, мне даже понравится.

Джо нахмурился, глянув на нее так, словно она потеряла разум.

Лотти потупилась:

— Во время твоего глупого круиза ты ведь не заставишь меня играть в бридж? Терпеть не могу играть в бридж. Но я не против немного порисовать.

Джо смотрел на нее округлившимися глазами. Потом попробовал что-то сказать:

— Ты же знаешь, я бы никогда... — Голос его осекся, и он на минуту отвернулся от всех, втянув голову в плечи.

Лотти сникла, и Хэл, внезапно ощутив неловкость, отвел взгляд, крепче сжав руку Камиллы.

Джо быстро пришел в себя. С сомнением взглянул на жену, но потом все-таки сделал шаг и обнял ее за плечи. Она прильнула к нему, и они вместе медленно двинулись к дому.

Пора сделать его счастливым, сказала она Хэлу, когда он нашел ее у пляжных домиков, где она одна встречала рассвет. Ей было достаточно узнать, что Гай всегда любил ее, что они могли бы быть вместе.

— Не понимаю, — сказал тогда Хэл. — Он же был любовью вашей жизни. Даже я увидел это.

— Да, был. Но сейчас я могу его отпустить, — просто ответила она.

И хотя Хэл мог описать своей незрячей жене все, что угодно, он с трудом подбирал слова, рассказывая, как лицо Лотти, на котором отпечатались годы тоски и горя, вдруг разгладилось.

— Пока мы здесь сидели и разговаривали, я поняла, что попусту потратила все эти годы. Тосковала по тому, которого не было, когда следовало любить Джо. Он хороший человек, сам знаешь.

Двое ловцов омаров разгружали свои лодки, ловко перебрасывая улов через борт. Вдоль пляжа потянулись первые хозяева собак со своими подопечными, оставляя извилистые следы на песке.

— Он знал. Всегда знал. Но ни разу меня не упрекнул.

Потом она взглянула на своего зятя, поднялась и, убрав с лица седеющую прядь, робко улыбнулась, совсем как девочка:

— Думаю, пора моему Джо обзавестись женой. Как считаешь?

Эпилог

После мне пришлось какое-то время провести в больнице. Не помню, сколько недель. Разумеется, никто не называл это больницей, особенно когда меня уговаривали туда поехать. Речь шла об обычном визите домой, в Англию, чтобы повидать мамочку.

В домашней обстановке я быстрее поправляюсь, уверяли меня. У многих девушек была такая же проблема, хотя обычно об этом не говорят. О таких вещах было не принято говорить, даже тогда. Они знали, что мне никогда не нравилось жить в тропиках и, если бы не Гай, я вернулась бы домой.

Я хотела того ребенка. Очень хотела. И часто мечтала, что он внутри меня; иногда я опускала ладонь на свой живот и даже чувствовала, как он шевелится. Я часто с ним разговаривала, мысленно упрашивая его жить. Хотя я никому об этом не рассказывала. Знала, что услышу в ответ.

Мы с Гаем тоже об этом никогда не говорили. Он себя хорошо повел, как считала мама. Иногда чем меньше внимания обращаешь на какие-то вещи, тем лучше. Меньше огорчений для всех. Впрочем, мама всегда была из тех, кто закрывал на это глаза. Она тоже никогда об этом не говорила. Можно подумать, она меня стыдилась.

Когда я вышла из больницы, все притворялись, что я никогда там не была. Каждый занимался своим делом, а меня предоставили моим мечтам. Я ничего им не сказала. По их лицам было ясно, что они не верили мне даже наполовину. Да и с какой стати им верить?

Но от прошлого не убежишь. Как и от судьбы. После всего случившегося мы с Гаем уже никогда не были прежними. Мне казалось, он всегда ходил с этой мыслью, и она точила его изнутри. Он не мог взглянуть на меня, чтобы не вспомнить. Он был полон ею, а я — пуста.

В тот день, о котором я тебе рассказывала, я очистила восемнадцать яблок. Бросила восемнадцать шкурочек.

И все они показали одно и то же.

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить тех людей, которые помогли мне, каждый по-своему, в написании этой книги, а самое главное — Нелл Кросби из Женского института Саффон Уолден и ее мужа Фредерика за то, что позволили мне ознакомиться с их воспоминаниями о жизни приморского городка в 1950-х.

Также я хочу поблагодарить Нила Картера, генерального директора Мунфлит-Манор в Дорсете, за сведения по перестройке и управлению деревенского отеля. А также косметолога этого отеля Трейси Стори, которая, среди прочих вещей, объяснила мне, что такое «пупырчатость».

Сердечная благодарность Джо Франку из «AP Watt», который оказывал мне всяческую поддержку при написании книги: держал за руку, мотивировал, а иногда шелкал кнутом. А также Каролин Мэйс из «Hodder and Stoughton» и Каролин Марино из «HarperCollins US» за то, что тактично отыскивали все морщинки, а также давали мне время, чтобы их разгладить. Большое спасибо Хейзел Орми за редактуру и за то, что благодаря ей я узнала о грамматике больше, чем выучила в школе... Мысленно поднимаю бокал за Шейлу Кроули, за ее неумную энергию, а также за то, что познакомила меня с лучшими пабами и ресторанами Лондона. Спасибо Луизе Винер за то, что она служила резонатором, соучастником «преступления» и периодически напоминала мне о такой важной составляющей издательского процесса, как приемы с коктейлями.

Спасибо Эмми Лонгхерст, убедившей старую клячу, что реклама бывает интересной, а также Вики Кьюбитт, неизменно готовую выслушать тех из нас, кто работает дома. Из тех, кто живет поблизости, я должна поблагодарить Джулию Кармайкл и персонал «Harts» за их поддержку, Люси Винсент, без которой я вообще ничего бы не написала, а также Саскию и Гарри, которые иногда у нас ночевали и таким образом позволяли мне тоже уснуть. Спасибо маме и папе, как всегда. И самое главное — Чарльзу, который мирится со всем этим. И со мной. Не обязательно в таком порядке. Наступит день, и мы обсудим вечером что-нибудь другое... Обещаю...

Содержание

ПРОЛОГ.....	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	223
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	383
ЭПИЛОГ.....	538
Благодарности.....	540

Мойес Дж.

М74 Вилла «Аркадия»: роман / Джоджо Мойес ; пер. с англ. Е. Коротнян. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2015. — 544 с.

ISBN 978-5-389-07776-8

Тихий курортный городок Англии, где каждый знает свое место. В 1950-е годы на вилле «Аркадия», роскошном особняке, построенном в стиле ар-деко, поселяются молодые художники и поэты. Их образ жизни вызывает возмущение почтенных матрон, которые пытаются защитить свой сонный городок от веяний времени.

И вот теперь, почти пятьдесят лет спустя, вилла «Аркадия» возрождается к жизни. Новый владелец решает восстановить ее и сделать гостиницей. И все секреты, похороненные вместе с домом много лет назад, воскресают...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДЖО МОЙЕС
ВИЛЛА «АРКАДИЯ»

Ответственный редактор Ольга Рейнгевец
Редактор Ирина Шефановская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Наталья Бобкова

Подписано в печать 27.07.2015. Формат 84 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 26,52 . Заказ № 2132/15.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

HJJM1577903R

43b. 196 c

Джоджо Мойес родилась в Лондоне в 1969 году.
Окончила Лондонский университет.
В течение десяти лет работала в газете «Индепендент».
Джоджо Мойес смогла полностью посвятить
себя писательскому труду лишь в 2002 году,
когда в свет вышел ее первый роман.
Писательница является одной из немногих,
кому удалось дважды завоевать премию
Ассоциации писателей-романтиков
в номинации «Романтический роман года».

Даже если не светит солнце, эта книга заставит вас
почувствовать, будто день солнечный...
Мойес прекрасно передает время, а также
разлагающее очарование сонного курорта.

Good Housekeeping

Мойес... искусно справляется
со сложным сюжетом, мастерски
исследуя различные семейные перипетии;
ее вдумчивая интонация и легкий юмор
дают чудесный результат.

Publishers Weekly

